

«Кто сразится разом и с силой Света, и с силой Тьмы?»

Гленда
Ларк

Гленда Ларк

Век
Дракона

ОСКВЕР-
НЕННАЯ

ОСКВЕРНЕННАЯ

GLENDALARKE

«The Tainted»

Гленда Ларк

ОСКВЕРНЕННАЯ

ас+
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

УДК 821.111(931)-312.9

ББК 84 (8Авс)-44

Л25

Серия «Век Дракона» основана в 1996 году

Glenda Larke
THE TAINTED

Перевод с английского А.А. Александровой

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн С.В. Шумилина

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.*

Печатается с разрешения автора через Dorian Literary Agency
(Великобритания) и Агентство Александра Корженевского (Россия).

Подписано в печать 25.03.08. Формат 84х108 1/32.
Усл. печ. л. 28,56. Тираж 3000 экз. Заказ № 4824087

Ларк, Г.

Л25 Оскверненная : [фантаст. роман] / Гленда Ларк; пер. с англ.
А.А. Александровой. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — 540,
[4] с. — (Век Дракона).

ISBN 978-5-17-050403-9 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9713-8050-4 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

Мир Островов, чьи народы никогда не смешиваются между собой...

Мир крошечных королевств, бесконечно заключающих союзы и
ведущих войны...

Мир, в котором испокон веку существуют две магические школы —
Силв, верящие, что колдовство имеет право быть только светлым, и Дун,
исповедующие темную сторону магии.

До недавних дней их adeпты полагали, что худой мир лучше доброй
ссоры... Но теперь на далеком острове Гортан воцарился Великий Мастер
дун-магии Мортред, мечтающий подчинить своей власти все острова, — а
на Срединном архипелаге набирают силу силв-маги, зовущие себя
Хранителями — и тоже мечтающие о высшей власти.

Наемница Блейз, обладающая даром противостоять магии, понимает —
адепты Света так же опасны, как и адепты Тьмы.

Новая война будет губительна не только для ее участников, но и для
сотен ни в чем не повинных жителей.

А остановить ее можно будет лишь одним способом — полностью
уничтожить магию на Островах...

Но удастся ли Блейз и горстке ее сподвижников совершить это?

Читайте третью книгу увлекательной трилогии от автора «Звезды
надежды»!

УДК 821.111(931)-312.9

ББК 84 (8Авс)-44

© Glenda Larke, 2004

© Перевод. А.А. Александрова, 2008

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

Извлечение из «Описания Падения»

Иногда девушке приходится нелегко, особенно когда тебе шестнадцать и нужно вытаскивать мокрые сети на палубу, скользкую от чешуи и слизи. Еще тяжелее, если ты к тому же по рождению принадлежишь к дастелцам, бездомным скитальцам, которым позволено рыбачить только на рифах Глубоководья.

Это несправедливо, думала Бравена Уэйвскиммер. До рифов приходилось добираться несколько дней с Южного Сафана — одного из Разбросанных островов, где жило большинство рыбаков-дастелцев, а это означало, что весь улов следовало выпотрошить и засолить на борту еще до возвращения в порт. В результате, конечно, они не выручали столько, сколько платили за свежую рыбу местным рыбакам — гражданам Разбросанных островов.

«Это замкнутый круг», — шептала Бравена себе под нос. Проклятый бесконечный круг бедности. Они работали больше, чем другие, а получали меньше — и все потому, что они дастелцы, а не жители Разбросанных островов: граждане островного государства, которого больше не существовало.

— Смотри, что делаешь, — проворчал дед Бравены. — Ты чуть не упустила ту рыбину.

Бравена подцепила крюком скачущего по палубе тунца и отправила его в садок. Дед снова принялся поднимать сеть лебедкой.

«Мне вообще не следовало бы этим заниматься, — с возмущением думала Бравена. — Это мужская работа. Если бы только папа не утонул в море... Если бы у меня были братья, а не целый выводок сестер...

Да и вообще если бы Мортред не отправил Дастелы на морское дно почти сто лет назад...»

Эту историю Бравена, пока был жив ее прадед, слышала часто. Выйдя в открытое море на лов на принадлежавшей их семье лодке, он своими глазами видел, как ушли под воду далекие острова. Сначала никто этому не поверил. Рыбаки с уловом отправились в Аруту, рассчитывая, что острова в любой момент покажутся из тумана — но архипелага на месте не оказалось. Рыбаки подобрали двоих потрясенных людей — обладающих Взглядом, — которые цеплялись за доски от чьего-то дома среди качающихся на волнах обломков: плавающий мусор покрывал морскую гладь на мили во всех направлениях. И еще всюду были птицы — растерянные, мечущиеся, жалобно кричащие птицы. Птицами были — хотя прадед тогда этого и не знал — жители Дастел, все, кроме обладающих Взглядом. Многие из них неуклюже садились на его лодку, слезно моля спасти их, помочь...

Разве он их не узнает? «Посмотри на меня, я твой кузен Этеральд! А я — твоя соседка Лирабет!»

Однако прадед не понимал, что они ему говорят. Он не понимал, о чем пытаются ему рассказать птицы, облепившие мачту и снасти его лодки. Они чирикали и чирикали, но их слова оставались загадочными не только для него, но и для других птиц.

Никто не мог разобраться в случившемся еще очень долго. Теперь же не было на Райских островах секрета, который хранили бы так неукоснительно: выжившие жители Дастел знали, что их ближайшие родичи — обладающие разумом птицы. Не те, конечно, кто стал жертвой заклинания, а их потомки.

Маленькие бурые птички с алой полосой на груди, создавшие собственный птичий язык и способные понимать речь людей.

Бравена выпутала из сети последнюю рыбку, распрямила ноющую спину... и увидела нечто, чего быть не должно.

— Дедушка, что это?

Старик посмотрел в ту сторону, куда смотрела Бравена. За кормой в воде началось неожиданное бурление, возник странный водяной бугор. У них на глазах водяной вихрь рос, раскидывая щупальца по спокойной поверхности.

— Должно быть, стая каких-то рыб, — сказал старик с удовлетворением. — Поставь-ка передний парус, девонька.

Бравена перешла на нос, а ее дед поднял якорь; однако, возясь с парусом, девушка продолжала следить за странным явлением.

— Не похоже на рыбу, — сказала она. Дед развернул лодку, и парус надулся, поймав порыв ветра. — Уж не кит ли... или морской дракон?

Дед нахмурился и повернул руль, ставя лодку бортом к волне. В поведении воды было что-то странное. Она казалась кипящей... или это на поверхность из глубин пробивался какой-то чудовищный левиафан? Вода колыхалась. Стая перепуганных рыб промчалась мимо лодки, и в кои-то веки ни Бравена, ни ее дед не обратили на нее внимания.

— Думаю, нам лучше отсюда убраться, — неожиданно сказал старик. — Ставь главный парус, девонька, и поскорее. — Тревога в его голосе заставила Бравену ухватиться за фал, не тратя времени на то, чтобы поинтересоваться причиной. Конечно, одно дело — предложить убраться, и совсем другое — сделать это, когда ветра почти нет. До того как началось непонятное бурление, поверхность океана была почти гладкой, а ветерок — игривым и непостоянным: он то поднимал маленькие волны, то совершенно стихал.

Поставив парус, Бравена посмотрела за корму.

Посреди кипящего океана что-то вздымалось вверх, как гигантская костлявая рука, тянущаяся к небу. С нее текла вода, обнажая красные голые пальцы, сверкающие на солнце. Бравена еще не успела осознать то, что видит, когда поверхность воды расступилась, как если бы какой-то великан разорвал ее снизу. Куда бы она ни посмотрела, всюду из воды поднимались какие-то непонятные формы, рождая в море новые течения. Несколько дельфинов, блестя серебряными боками, удирали, в панике выпрыгивая из воды.

Налетел порыв ветра, и лодка резко накренилась. Бравена вцепилась в руль, разинув рот глядя на то, что творилось за кормой лодки. Алые стволы, черные, лишенные листьев деревья, клубки водорослей, лиловые, зеленые, золотые колонны появлялись из океана и взмывали к небу. Между ними текли пенистые водопады: вода устремлялась обратно в океан.

С морского дна продолжали подниматься утесы. Пурпурные и черные деревья — кораллы, как поняла Бравена, — оказались уже в десяти футах от края воды и продолжали свое восхождение вверх вместе с покрытыми водорослями скалами и песком. Бурление воды все больше приближалось к лодке, из-под воды появлялись все новые рифы. Показавшаяся одной из последних глыба, усеянная раковинами и морскими анемонами, выглядела странно угловатой; ее углы были слишком правильными, чтобы возникнуть естественным путем. Башни, лестницы, стены... целые улицы из покрытых кораллами зданий. Рыбы застревали в колеях давно ушедших на дно дорог, бились под жаркими солнечными лучами, беспомощные и задыхающиеся.

«Они обречены», — подумала Бравена, и печаль пронзила ее сердце, как нож. Вся эта жизнь должна была погибнуть на солнце...

Бравена вцепилась в деда.

Тот смахнул с глаз слезы и прошептал:

— Дитя, это все-таки случилось! Наконец случилось... —

Их лодку подхватили откатывающиеся от суши волны и понесли прочь по кипящему морю.

— Что случилось? — спросила Бравена; она догадывалась, что должна и сама сообразить, но была слишком поражена, чтобы думать.

— Разве ты не понимаешь, девонька? — Он обвел рукой поднявшуюся за кормой сушу. — Это же Дастелы! — Его лицо сияло радостью, несмотря на то что из глаз по морщинистым щекам текли слезы. — Когда-то здесь был город, прямо здесь — вон видишь здания? Может быть, это и есть порт Арута. Бравена, Мортред умер! Мы снова можем вернуться домой...

Послеморье, 1797

Аниара айси Терон

Запись в дневнике

23 первого месяца Двух Лун, 1794

Делая записи в своей каюте на борту «Морского ветерка», я удивляюсь: неужели это в самом деле я, Аниара айси Терон, отправляюсь на Райские острова? Веснушчатая, совсем не романтическая, ничем не выделяющаяся Аниара — и принимаю участие в приключении, о котором большинство мужчин смеет только мечтать! Да не может такого быть! И все же именно я — незамужняя женщина, преодолевшая сопротивление семьи, — смотрю, как берега Келлса быстро уходят за горизонт, а впереди расстилается безбрежный океан. Ну разве это не приключение!

Правда, рядом со мной сидит сестра Лескаль айси Бог, читает религиозные трактаты и молится за мою заблудшую душу. Мои родители согласились отпустить меня только при условии, что я отправлюсь в сопровождении старшей проповедницы ордена Эфирных монахинь, а уж сестра Лескаль наверняка может считаться старшей: ей, должно быть, около семидесяти. Пожалуй, она слишком стара для подобного путешествия, но тем не менее глаза

ее горят миссионерским рвением, когда она представляет себе, сколько языческих душ спасет.

Правда, где-то на борту пребывает Шор айсо Фаболд, которому поручено присматривать за Аниарой, «чтобы с ней не случилось ничего плохого, раз уж она настояла на этом своем сумасбродном желании». Бедный Шор... Он возненавидел меня, и мы, конечно, будем, насколько возможно, избегать друг друга. Но увы: разве возможно избегать кого-то на корабле, который меньше, чем наш городской садик в Послеморье? Мы обедаем за одним столом, поднимаемся по одним и тем же трапам, прогуливаемся по одной и той же палубе. Мы вежливо киваем друг другу и желаем доброго утра, однако в душе Шор кипит. Подумать только: было время, когда я была готова выйти за него замуж, если бы он сделал предложение, и считала бы себя счастливцей.

Это было до того, как он обнаружил мое непреклонное желание отправиться на Райские острова, до того, как узнал, что я читаю все переводы его бесед с Блейз Полукровкой и Келвином Гилфитером. (Я уговорила молодого клерка из библиотеки Национального Общества научных, антропологических и этнографических исследований не-келлских народов тайком снимать с них копии для меня в обмен на обещание обеспечить ему пост библиотекаря в загородном имении моего кузена. Мы оба выполнили условия сделки. Ну вот, я и призналась в собственной греховности. Я совершенно бессовестная девица.)

Конечно, в том, с какой антипатией ко мне теперь относится Шор, много иронии. Семена тех качеств, которые ему так не нравятся во мне, были посеяны в результате знакомства с рассказами Блейз Полукровки, — и именно он благодаря своим беседам с Блейз невольно от-

крыл мне возможность иного будущего. Блейз показала мне, что в жизни женщины могут быть не только покорность, благочестие и «прогулки по саду на свежем воздухе» ради поправления здоровья. Да, бедный Шор... Он восхищался моим интеллектом и моей независимостью, но в конце концов возненавидел проявления того и другого. Сам факт, что я добилась официального королевского разрешения отправиться в путешествие — ее превосходительство супруга Протектора поручила мне изучить положение женщин в обществе Райских островов, — для него тяжелый удар.

В результате мы настороженно обходим друг друга и притворяемся, что равнодушны к нашему общему прошлому. Неловко, конечно, но я совершенно не раскаиваюсь в том, что сделала. Мой обман был скверным поступком, признаю, но Шор не давал мне читать записи его бесед с Блейз, так что выхода у меня не было. Он раздражил мое воображение рассказами о ней, но пытался скрыть от меня ее высказывания. Действительно ли я бесстыдная шлюха, как он назвал меня при нашей последней ссоре? Может быть. Но я все равно не позволю ничему помешать мне найти эту женщину, которая родилась так далеко от меня, чья жизнь так отличалась от моего изнеженного существования — и во власти которой оказалось пробудить мою душу.

Здесь, на борту корабля, у меня с собой записи бесед с ней. Я не успела прочесть их все до отплытия. Я так еще и не узнала, сумел ли Руарт Виндрайдер, чья невозможная любовь к Флейм, Деве Замка с Цирказе, заставляла меня проливать слезы, пережить гибель дун-мага Мортреда. Мне отчаянно хочется выяснить, преодолела ли Флейм свое осквернение дун-магией, родила ли она ребенка — наследника Мортреда, который и был источником ее осквернения. Вышла ли Блейз замуж, и если да, то за кого? И мне

ужасно интересно, что это за таинственная Перемена, которую так часто упоминает Блейз. Я хочу узнать, что случилось с гхемфами: как и почему они исчезли. Шор рассказывал мне, что гхемфы наносили татуировки, говорящие о гражданстве, еще в тот год, когда на острова прибыли первые келлские исследователи, но потом неожиданно перестали. Шор ни разу не видел ребенка, родившегося после 1780 года, у которого на мочке уха была бы татуировка.

А главное, мне хочется узнать, что произошло с магией. Прав ли Шор, который считает, что она — вымысел, рожденный воображением и суевериями, что-то вроде коллективной галлюцинации?

Может быть, мне удастся найти ответ на большинство этих вопросов, если я прочту остальные имеющиеся у меня копии документов. Оттуда, где я сижу, мне видны два сундука, поставленные друг на друга под иллюминатором; из них получился комод с блестящими медными ручками. Все, что нужно сделать, — это открыть верхний ящик, и бумаги будут к моим услугам. И все же я не спешу их читать. У меня впереди месяцы путешествия, и следует распределить это богатство равномерно. Может быть, сегодня вечером я позволю себе прочесть первые страницы... хоть несколько.

Что-то Лескаль не сидится на месте. Удивительное дело: мы всего два дня в пути, а я уже знаю ее так же хорошо, как веснушки на собственном носу. Я, пожалуй, утешу ее и предложу прогуляться по палубе...

Глава 1

РАССКАЗЧИК — РУАРТ

Я вонзил когти в снасть и попытался отдышаться. Теперь я был в безопасности, что бы ни случилось, — до тех пор, пока держался за веревку.

Я сделал глубокий вдох, почувствовав, что дрожу. Причиной, конечно, был испуг, а не холод. Когда вы покрыты перьями, вы не особенно мерзнете, даже когда дует сильный ветер, заставляющий облака мчаться над мачтой «Любезного».

Дело было в том, что испытанный мной ужас был так глубок, что словно стал частью моей души. Я только что слетел с вершины утеса, вздымавшегося на пять сотен шагов над поверхностью океана, и это были человеческие — а не птичьи — шаги. К тому же я летел не над тропой. Я мчался, как ныряющая в воду олуша, каждым взмахом крыльев посылая себя все ниже и ниже. Все это время я думал: если Келвин Гилфитер именно сейчас убьет Мортреда, то все кончится тем, что мои перья будут рассеяны по океанским волнам. Нет, не перья — плоть и кровь. Я стану совершенно мертвым человеком, даже не узнав, каково это — быть человеком.

Говоря честно, чем ближе казалась смерть Мортреда, тем меньше я верил, что она не скажется на птицах-дастелцах. Тем меньше я верил в то, что мы не пострадаем, потому что уже родились заколдованными...

Однако, по-видимому, Келвин заколебался, и я прожил немного дольше. Сидя на снасти, я наконец улучил минутку, чтобы подумать: что пугает меня больше — смерть Мортреда или то, что он не умрет? Я не мог решить... В обоих случаях нас ждал кошмар. Я посмотрел вниз с того места, где сидел, и взъерошил перья, пытаясь справиться с паникой.

«Возьми себя в руки, Руарт!»

Думай.

Прямо подо мной на палубе стояли четверо людей. Ни один из них не подозревал о моем присутствии.

Среди этих четверых была Флейм. Она носила тот же наряд, что и во время гонки. Тяжелые концы расшитого бисером пояса не давали ветру поднимать ее юбку. Я мог бы найти это зеленое платье прелестным, если бы не знал, что оно подарено Флейм Мортредом, который ее изнасиловал... осквернил и попытался превратить в такое же порождение зла, как и он сам.

Флейм разговаривала с двумя женщинами, прежде обладавшими даром силв-магии, а теперь, конечно, превращенными в свою противоположность, и капитаном корабля, одноруким жителем островов Спатт, которого я знал только как Кайеда. Отсутствовавшая у него рука придавала ему сходство с Флейм, только его культия кончалась ниже локтя, а рука Флейм была ампутирована выше сустава. Я подозревал, что он и в лучшие времена постоянно извергал ругательства, а теперь, скованный дун-магией, чуть ли не пускал пузыри от праведного гнева, но сила, которая превосходила его ярость, лишала его возможности сказать то, что ему бы хотелось.

Я снова сосредоточил внимание на двух экс-силвах. Им повезло: в отличие от остальных прислужниц Мортреда они не приняли участия в гонке, потому что не умели плавать. Все

те, кто участвовал в гонке, к этому времени скорее всего были мертвы или, во всяком случае, обречены.

— Мне безразлично, что вы думаете, — говорила им Флейм. — Мы отправляемся немедленно. — Она повернулась к Кайеду: — Отчаливай.

— Мы не заплатили портовый налог, — начал капитан. Мне было его жаль: на нем играли багровые всполохи дун-магии, сковывая его по рукам и ногам. Бедняга даже не мог дать воли своему гневу — каждый раз, когда он пытался сопротивляться, опутывающие его магические цепи начинали его душить. За время нашего путешествия на захваченном корабле из Порфа на архипелаг Ксолкас попытки противиться несколько раз едва не стоили ему жизни.

— Никто нас не увидит. Не оспаривай моих приказов, или я выброшу тебя за борт, — рявкнула Флейм. Дун-магия буквально была из нее, обрушиваясь на поработленного человека всей своей мерзкой тяжестью. На этот раз капитан не медлил. Повернувшись к матросам, он приказал поднимать паруса. Я поежился, пытаясь придумать, каким чудом можно не дать кораблю покинуть Барбикан. Я взглянул вверх, на окружающие гавань скалы. Утесы нависали над водой — отвесные, смертельно опасные, в любой момент готовые обрушиться. На каждом выступе гнездились морские птицы; это были большие и сильные, вечно ссорящиеся существа. Они были так же чужды мне, как рыбы в море.

— Мы не можем отправиться без нашего монарха, — возразила старшая из женщин, пожилая колдунья по имени Габания. До того как Мортред захватил ее, она работала на сир-силва Датрика и Совет хранителей.

— Монарха? — подняла бровь Флейм, хоть и знала, конечно, что женщина имеет в виду Мортреда.

— Великого мага, монарха Дастел. Это... это титул, который он предпочитает.

Флейм фыркнула. Возможно, она поняла иронию, скрытую в словах Габании. По милости Мортреда Дастелы больше не существовали.

Вторая женщина, Страси, в волнении заломила руки.

— Он убьет нас, — прошептала она.

— Его здесь нет, Страси, — возразила Флейм и добавила язвительно: — Зато я здесь. И я убью вас, если мы немедленно не отправимся. Убью на месте.

Страси посмотрела на Габанию, ожидая от нее указаний, но та колебалась: она явно оценивала возможность сопротивления, сравнивая свою силу с силой Флейм.

— И не пытайся, — предостерегла ее Флейм. Потом она заговорила уже не угрожающе, а мягко: — Послушайте, нам же выпал замечательный шанс. Мортред не может вернуть нас просто силой воли, уверяю вас. Да он и должен погибнуть теперь уже в любой момент, так что мы можем отправляться куда захотим, делать что захотим. Все сокровища на этом корабле станут нашими... — В ее голосе я не улавливал ни следа той Флейм, которую я знал. — Подумай о той силе, которой мы обладаем, Габания. Мы — волшебницы, у нас есть корабль, матросы — наши рабы, и сколько хочешь денег. В нашем распоряжении все, чем Мортред завладел за последние годы, с тех пор как его сила вернулась.

В старой женщине проснулись остатки былой независимости, и в голосе зазвучала надежда:

— Мортред должен погибнуть?

— Да. Те люди, что пытались освободить меня на Порфе... я видела одного из них здесь. Я знаю этих людей, знаю, как они думают: они убьют его, пока все вокруг занято только гонкой.

— Станем мы... станем мы снова силвами? — спросила Страси. Она казалась озадаченной, словно сама не понимала собственного вопроса.

Флейм протянула руку и коснулась лица молодой женщины.

— Нет, милочка. Не станем. Ты же не позволишь такому случиться, правда? Ты используешь свою силу дун-мага для того, чтобы оставаться прежней. А теперь иди и позаботься о том, чтобы эти дураки-матросы выполняли мои приказания.

Подчинение Мортреду приучило Габанию и Страси покоряться, так что они отправились выполнять распоряжения Флейм, больше не споря. Флейм посмотрела им вслед, потом прислонилась к борту. Я знал, что она делает: я наблюдал это достаточно часто. Ее, как легкий туман, окружили цветные полосы. Раньше они были бы серебристо-голубыми; теперь же они обрели глубокий лиловый цвет, пронизанный и голубым, и багровым. Флейм собиралась скрыть собственное отплытие при помощи иллюзии. Это была магия, которая в последнее время давалась ей не так легко: создание иллюзий было скорее талантом силлов, а не дун-магов; Флейм постепенно теряла свою силу силва.

Сидя над ней, я почувствовал дурноту — дурноту, родившуюся скорее в уме, чем в глубине тела. Я пытался сохранить в живых свою Флейм, нежную и любящую, но и представления не имел, как ее спасти. Я все еще не знал причины ее перерождения, как не знали ее и Блейз с Келвином, когда я в последний раз с ними говорил. Происходило что-то странное. Все, что мне оставалось, — это надеяться, что как только Мортред умрет, произойдут перемены, что тогда ее собственная сущность заставит Флейм бороться и у нее появится шанс победить скверну.

К тому же высоко на утесе, в Верхнем городе, были люди, которые, возможно, сумели бы помочь. Келвин Гилфитер, врач с Небесной равнины, — может быть, после смерти Мортреда его снадобья подействовали бы. Были и другие: Блейз Полу-кровка, ставшая для Флейм более чем подругой; Том Райдер, менодианский патриарх, мечтающий найти способ избавить мир от магии; Дек Гринпиндилли, мальчик с Мекате, обладающий Взглядом, — все они стремились помочь Флейм, но я так и не знал, как помешать ей сбежать — прочь от той надежды, которую они несли.

Я уверял Флейм, что есть люди, которые ее спасут, которые позаботятся о том, чтобы она никогда больше не испытала мучений, причиненных ей Мортредом. Она, надо отдать ей справедливость, выслушивала меня. А потом — в последний раз, когда мы с ней говорили по душам, — она посадила меня на ладонь и сжала руку. Ее палец гладил мое горло жестом, в котором не было ни любви, ни нежности, ни заботы о том, не пострадают ли мои хрупкие косточки. Она подняла меня на уровень глаз; ее лицо было совсем рядом.

— Я привержена дун-магии, — сказала она, — и ничего другого не хочу.

— Флейм... — начал я.

— Лиссал, — прошипела она в ответ, возвращаясь к своему настоящему имени. — Называй меня Лиссал. — Ее палец двигался вокруг моего горла. — Я могу раздавить тебя, Руарт, с такой же легкостью, с какой дрозд справляется с раковиной улитки. — Ее рука сжалась так, что мне стало трудно дышать. — Это просто... так просто сделать.

Я оставался совершенно неподвижным, чувствуя, какой смертельной опасности подвергаюсь, по тому, как вспотели ее пальцы. Это была не Флейм. Это была незнакомка, которая хотела сломать мне шею.

Что ее удержало? Какой-то остаток женщины, все еще жившей в ней, — той Флейм, которую я знал с тех пор, как был птенцом и жил в нише стены дворца на Цирказе, а она — одинокой Девой Замка, наследницей трона, кормившей птиц на подоконнике своего окна?

В тот момент мы находились во дворце владычицы островов Ксолкас, и мне повезло: в комнату вошла служанка. Лиссал прошептала мне в ухо: «Если ты еще раз приблизишься ко мне, Руарт, я тебя убью. Берегись!» С этими словами она разжала руку, выпуская меня на свободу.

Я не посмел выяснить, сдержит ли она обещание. Я больше не приближался к ней, наблюдая издали. Я продолжал разговаривать с ней — жестами и свистом, — но она по большей части не слушала. Это было легко: достаточно отвести глаза, и смысл моих слов уже не доходил до нее. Теперь я смотрел на нее, сидя на снасти, и одиночество душило меня, как петля вокруг шеи; я не мог придумать, как мне заставить ее остаться.

Команда уже отвязывала канаты; лебедки потащили паруса вверх. Никто на причале даже и не смотрел в нашу сторону: нас скрывала иллюзия, удушающая, неестественная.

Когда-то я восхищался силой силава, которой обладала Флейм; когда-то я видел в ней ценность. Магия дала Флейм возможность избежать ужасной судьбы, которую готовили ей ее отец и властитель Брета при поддержке хранителей из Ступицы, — судьбы племенной кобылы в конюшне тирана-извращенца. Совет хранителей хотел покупать серу у властителя Брета, поэтому они давили на суверена Цирказе, чтобы тот удовлетворил желание толстого мерзавца. Это был отвратительный договор: Лиссал отводилась роль приманки для акулы. Тогда ее дар силава спас ее.

Теперь же... теперь именно обладание силв-магией делало ее уязвимой для осквернения. Возможно, думал я, Тор Рай-

дер прав. На островах будет легче жить без всякой магии. Возможно, всякая магия — зло; зло не само по себе (так не считал даже Тор), но зло из-за того, что человек слаб. Слишком многие пользовались силв-магией для мелких мошенничеств, а то и преступлений. Любая власть, однажды сказал мне Тор, должна иметь систему противовесов, чтобы не сделаться бесконтрольной, а силв-магия давала хранителям возможность творить полный произвол.

Правда, Тор мог бы добавить: если не считать могущественного злого колдуна — уж он-то здорово укрощал хранителей.

Стайка птичек летела вдоль причала в мою сторону, и каждое их чириканье было мне понятно. Они снова и снова называли свои имена; это ничего не означало — просто так мы, дастелцы, поддерживаем связь между собой, когда летим стаей. Каждый из летунов сообщает соседу: «Я тут, рядом с тобой». Они направлялись ко мне явно с намерением сообщить новости о том, что происходит в столице. Я ощутил огромное облегчение: с их помощью я смогу передать сообщение Блейз и Гилфитеру.

И в этот момент мир покачнулся.

Иначе описать случившееся я не могу. Все, что окружало меня, распалось; мой желудок устремился куда-то вверх, а сознание погрузилось в неизвестность.

Последнее, что я увидел глазами птицы, было поразительно: птицы превращались в людей и падали с неба. В тот же миг смерть Мортреда обрушилась на меня, превращая каждую частичку моего тела во что-то другое.

На мгновение я словно умер.

Меня окутала тьма, чернота настолько всеобъемлющая, что она могла быть только пустотой. Ее сопровождало безмолвие, такое пронзительное, что я слышал, как распадается, частица

за частицей, мое тело. Отсутствие всяких чувств, полное онемение, казалось, говорило, что тела у меня нет. Я подумал: так вот что значит умереть...

Я тонул в темноте, тишине, бесчувствии, я лишился всего. Когда я вынырнул, я оказался по ту сторону смерти, в жизни, которая была мне совершенно непонятна.

Все изменилось. Абсолютно все. Мои чувства переменялись так, что я подумал... нет, для такого нет слов.

Я был Руартом Виндрайдером, и я был человеком.

Глава 2

РАССКАЗЧИК — ЭЛАРН

Ну, раз ты принес записку от Келвина Гилфитера, где сказано, что мне следует с тобой поговорить, я поговорю, хотя никогда не относился к вам, чужеземцам из Келлса, с особой симпатией. Уж слишком, на мой вкус, вы любите свысока рассуждать о недостатках Райских островов. Я слышал, что среди вас есть такие, кто хочет привезти сюда своих священнослужителей, чтобы обратить нас, островитян, в вашу веру. Мне говорили чуть ли не о целом флоте, который везет миссионеров. Чем, скажите на милость, ваши верования лучше наших? Послушайте моего совета и не пытайтесь соваться сюда, на Тенкор. Мы, живущие на шести островах у начала залива Ступицы, менодиане. Всегда были и всегда останемся.

До вас, конечно, доходили слухи о том, что члены Гильдии пловцов не во всем бывают согласны с менодианской патриархией, и это верно. Мы — светская власть на Тенкоре, а они — власть духовная, и не только здесь, но и на большинстве Райских островов. Мы часто расходимся во мнениях, но вы ошибаетесь, если решите, будто сумеете нас поссорить; это вам не удастся. В случае внешней угрозы мы объединяемся, как это случилось в 1742 году, когда началась Перемена.

Дела Гильдии и патриархии всегда так тесно переплетались, что их и невозможно разделить. Известно тебе, что ус-

пехи менодиан в распространении слова Божьего достигнуты благодаря сокровищнице Гильдии? Вот именно: своим богатством менодиане обязаны пловцам и матросам баркасов, плавающим по заливу Ступицы. Так оно остается и по сей день. Без нас менодианская патриархия пропала бы. Конечно, наша поддержка добровольная: в конце концов, мы, члены Гильдии, по большей части менодиане.

Я сам? Ох, да я никогда по религиозной части особенно не усердствовал. Праздничные службы два раза в год я посещаю и присутствую на благословении Короля-Кита... ну и хватит с меня. Мой папаша всегда говорил, что родился я полным грехов, сосудом зла, и лупил меня за недостаток благочестия. Да только отсутствие религиозного рвения с моей стороны не должно было бы его удивлять: он многие годы не пускал меня в святилище, говоря, что, пока я не исправлюсь, не видать мне божественного благословения. Почему он полагал, что это поспособствует обретению благочестия, а не наоборот, я понятия не имею. Ну да он всегда был с вывертами.

Но все равно я менодианин, можешь не сомневаться. Просто не очень хороший.

Прости, я отвлекся. Ты хочешь, чтобы я начал с того дня, когда люди стали падать с неба? Ладно, с этого и начнем. Оно и уместно: для меня с того дня началась Перемена. Блейз скажет тебе, что началась она на косе Гортан, но так говорит она, а не я. Для меня Перемена началась в день Падения. Так мы его называли, надеясь, что невинное название скроет весь ужас, да только ничего не вышло. И по сей день страшно вспомнить...

День Падения был водоразделом между прежним миром и тем, который возник после Перемены. Здесь, на Тенкоре, мы все события отсчитываем от того дня. «Ах, это случилось за два года до Падения» или «Да он помер через десять лет

после Падения». Главное в том, что ужас был так велик, что никто, переживший его, никогда такого не забудет.

Я помню все так ясно, словно это произошло вчера, а не пятьдесят лет назад.

Я был на берегу, в здании Гильдии, где у всех нас, пловцов, имелись комнаты. Я бездельничал, дожидаясь, когда придет моя очередь отправиться в путь. Мне полагалось бы использовать это время для занятий — на следующей неделе мне предстояло последнее испытание по астрономии, а потом еще несколько работ по этике серфинга, аномалиям волн, особенностям приливов и расположению новых песчаных отмелей в заливе. Если бы я не справился с какой-нибудь из них, мне пришлось бы еще год дожидаться права заново сдавать экзамен, а это означало бы еще год до получения сертификата Егра и полноправного членства в Гильдии, еще один год до того, как я смог бы именоваться почетным титулом «сир-пловец». Я знал, что мне следует заниматься, но вместо этого болтал со своим лучшим другом Мартеном Лимиком в общей комнате. Мартен был длинным тощим парнем с прекрасным чувством равновесия и выносливостью, но немного слабоватым по части мозгов — из тех, кто начинает смеяться над шуткой через десять минут после того, как все уже отсмеялись. Он не был дураком, просто до него все медленно доходило и понимал он все буквально.

Ну а что я тогда собой представлял... В тот год мне исполнилось всего двадцать, и я был наивным и безответственным, как и любой юнец на островах Хранителей. Было всего две вещи, к которым я относился серьезно: одной было плавание, а другой... ну, другой была та же забота, что волнует всех в двадцать лет. Думаю, даже на Келлсе известно, что это такое.

Мы с Мартеном, если я верно помню, говорили о «Гордости хранителей». Этот корабль произвел некоторый переполох, когда за несколько месяцев до того проплыл мимо Тенкора,

направляясь в гавань Ступицы: с временными мачтами и следами пожара на палубе. За ним через день последовала «Честь хранителей» с такими же повреждениями. Мартен любопытствовал, не удалось ли мне узнать, что с ними случилось.

Я в ответ только плечами пожал.

— То, что мой папаша — глава Гильдии, не означает, что мне известно что-нибудь о делах хранителей. Ты же знаешь: Совет хранителей терпеть не может нас, жителей Тенкора, и держит от нас в секрете все, что только удастся. — Моему папаше к тому же и в голову не пришло бы добровольно делиться со мной информацией, но этого я Мартену говорить не стал.

Мартен подумал минутку, а потом неуверенно сказал:

— Они терпеть не могут менодианскую патриархию и патриархов, а не нас, гильдийцев. Совету хранителей нужны пловцы и матросы.

— Может, и так, только в любом случае сир-силв советник Датрик едва ли станет делиться с нами чем-либо, пока совсем не припрет.

— В Ступице говорят, что оба корабля пострадали, когда сражались с дун-магами на косе Гортан, а теперь их чинят в дальнем углу гавани.

— Ага, я об этом слышал. Ну и что?

Теперь пришла его очередь пожать плечами.

— Да кто его знает. Вот что я хотел бы понять — это почему к ним никого не подпускают. Можно подумать, эти два корабля нагружены всеми сокровищами хранителей, — так их охраняют. А на прошлой неделе еще два корабля вернулись в Ступицу. Никогда еще не бывало, чтобы в порту разом собралось столько их судов, верно?

Я должен был признать, что он прав.

— М-м... странно, я согласен. Интересно, что они затевают?

— Или чего боятся, — сказал Мартен. Вот так с ним всегда: скажет он что-нибудь, вроде и не думая, а оказывается, что попал в самую точку. Я никогда не мог понять, была ли такая проницательность проявлением мудрости или случайностью.

Как раз в этот момент явился мальчишка-наблюдатель с сообщением для меня.

— Там к тебе пришла дама, пловец Эларн, — сказал он, и по его усмешке я догадался, что дамой он называл посетительницу довольно иносказательно.

— Держу пари, это Цисси, — ухмыльнулся кто-то из пловцов, сидевших в общей комнате. — Эта девица никогда от тебя не отцепится, Эларн.

— Думаю, ему захочется увидаться с ней наедине, — предположил Мартен.

Как всегда, он отстал от событий. Цисси мне надоела, и я всячески старался от нее избавиться. Я вздохнул и поднялся.

— Какая погода ожидается на следующий заплыв, Денни? — спросил я мальчишку, выходя следом за ним из комнаты.

— Последний прогноз был хорошим, — ответил он. — Погода ясная, уровень воды у скал — фатом, скорость придонного течения — двадцать пунктов. При теперешнем положении обеих лун у тебя должен получиться удачный заплыв.

Я удовлетворенно кивнул. Заплыв обещал быть быстрым и закончиться в гавани Ступицы еще до сумерек. Я задумался о том, какая модель полоза лучше всего подойдет для таких условий.

— Тогда я возьму «Летучего дракона» и изогнутое весло, — сказал я. — Проверь вошение и ремни, ладно?

— Уже проверил, — ухмыльнулся он. Я улыбнулся ему в ответ. Денни был хороший парнишка, хоть и насмешник, и его скоро должны были сделать пловцом-подмастерьем. — Ох,

вот что, — добавил он, — сир-пловец Реннис прошел по заливу с прошлым отливом и говорит, что нужно остерегаться Зубчатой отмели. Туда нанесло много песка, и мель перемещается к западному берегу. Он думает, что рядом может образоваться промоина, а заметить ее будет трудно, если ты окажешься там, когда солнце будет стоять уже низко.

Я кивнул:

— Буду иметь в виду. Ну так где эта дама?

Мы дошли до главного входа в здание, и Денни показал на колонны портика. Между ними стояла женщина в красной юбке; волосы ее были немного излишне взбиты, а грудь немного излишне открыта, чтобы можно было счесть красотку вполне добропорядочной. Я подавил вздох.

— Я потом пройду в доставку и заберу приготовленные пакеты, — сказал я Денни. Я имел в виду контору Тенкорской срочной доставки, но никто из нас не трудился произносить название полностью. Контора была отделением Гильдии и, как и все главные здания, находилась в нагорной части города, куда от гавани вел крутой подъем. Забирать пакеты в мои обязанности не входило, но раз уж мне все равно предстояло провожать Цисси домой, я решил, что заодно сделаю и полезное дело. — Позаботься о том, чтобы все мое снаряжение было готово к тому времени, когда я вернусь, — добавил я.

Я подошел к Цисси.

— Что-нибудь случилось? — спросил я. — Ты же знаешь, что тебе не следует здесь околачиваться. — Я подавил желание посоветовать ей застегнуть платье и сам себе удивился: то, что раньше меня в ней так привлекало, теперь вызывало раздражение.

Она надула губы.

— Ты не навещал меня целую неделю.

— Я был занят.

— Ничего подобного. Ты все время был здесь, а в Ступицу не отправлялся уже три дня. И Альва говорит, что видела, как ты катался на волнах с Герриком и двумя его сестрами — просто так, для развлечения.

Это было правдой. Погода стояла чудесная, а ожидаемая высокая приливная волна обещала замечательное развлечение — слишком захватывающее, чтобы устоять. К тому же я обожал кататься на гребне, чувствуя воду у себя под ногами, обожал отклик каноэ на малейшее смещение веса, возможность управлять каноэ так же, как управляет тобой волна... Для меня это было совершенным единением между человеком и волной. Когда мы работали, мы не пользовались каноэ: это требовало бы слишком много сил, слишком велика была бы вероятность потерять волну. Поэтому такое времяпрепровождение было просто развлечением.

Ну, на жалобы Цисси я внимания не обратил и сказал:

— Моя очередь плыть следующая, но немного времени у меня есть. Пойдем, я провожу тебя домой.

Она повернулась и пошла рядом, все еще недовольная.

— Почему ты больше ко мне не приходишь, Эларн? Что я такого сделала?

Я решительно подавил раздражение.

— Ничего ты не сделала, Цисси. Но я же предупреждал тебя, помнишь? С самого начала я сказал тебе, что хочу просто поразвлечься. Никаких обязательств.

— Да, — с горечью согласилась она, — и для тебя это было здорово. Все считают тебя славным парнем, галантным с женщинами, а обо мне говорят как о шлюхе.

Стайка мальчишек из менодианской школы, которых отпустили обедать, прошла мимо; они были взъерошенными и грязными и пахли, как пахнут все школьники. Я подождал, пока они отойдут подальше, и ответил:

— Ты не шлюха, Цисси.

— Тогда почему я чувствую себя потаскухой? — бросила она. — Это твоя заслуга, Эларн Джейдон.

Я не знал, что ей сказать. Почему соблазнить девчонку мне всегда давалось так легко, а избавиться от нее потом — так трудно?

— Ты не шлюха, — повторил я. — Нет ничего плохого в том, чтобы немного поразвлечься. Мы никому не причинили вреда. Ты же не веришь всей этой болтовне патриархов насчет целомудрия?

— Нет, конечно, мы никому не причинили вреда, — по-прежнему горько ответила она. — Если не считать меня.

— Чепуха. Ты получала такое же удовольствие, как и я.

— Получала удовольствие? В прошедшем времени? Значит, все кончено? — Взгляд, который она бросила на меня, был полон страха.

Я был озадачен: недовольства можно было бы ожидать, даже обиды, но страха?..

— Цисси, ты же знаешь, что это не могло длиться вечно. Я предупредил тебя с самого начала.

— Значит, ты можешь просто уйти? Никакой привязанности, никаких сожалений?

— Какие тут могут быть сожаления? Мы с тобой хорошо поразвлеклись, мне было приятно твое общество. О чем же здесь жалеть? Что касается привязанности, мы можем оставаться друзьями — просто перестанем быть любовниками.

— Друзьями? Что есть во мне такого, что заслуживало бы дружеских чувств? Репутация моя погибла, а в печке сидит пирожок.

Я застыл на месте и вытаращил на нее глаза.

Она молчала.

Заикаясь, я выдавил:

— Н-но... это же невозможно! — Она склонила голову к плечу и бросила на меня взгляд, в котором читалась едва ли не ненависть. — Мы были так осторожны! — Уж я-то точно был: всегда пользовался купленным у аптекаря выделанным рыбьим пузырем. Она тоже на всякий случай предохранялась, используя какую-то женскую хитрость, — по крайней мере так она мне говорила.

— Ну да, были осторожны, верно. — Тон Цисси был полон сарказма. — Но иногда осторожности бывает мало, понимаешь?

Она стояла, глядя на меня безумными глазами, едва не плача, а я, да поможет мне бог, не мог выдать ни слова. Я чувствовал себя так, словно меня огрели по голове моим собственным веслом. Я не хотел жениться на Цисси. Я не любил ее — ни теперь, ни раньше. Она была никем — дочкой рыбака, а моя семья занимала самое высокое положение на Тенкоре. Мой отец был главой Гильдии; Гильдия заправляла всей торговлей и всеми маршрутами доставки товаров в Ступицу. Мы были богаче всех на Тенкоре и, как я тогда наивно полагал, принадлежали к первым богачам островов Хранителей. Мне было совершенно невозможно жениться на ком-то вроде Цисси Лепанто. Даже и захотеть такого было для меня совершенно невозможно. Мужчины моего круга делили ложе с подобными женщинами, но не женились на них. И ей должно было это быть известно.

На меня обрушился целый водопад мыслей: мой отец убьет меня... отец Цисси убьет меня... ее четыре брата убьют меня. Отцу придется от них откупиться. Нет, определенно он меня убьет. Цисси нужно будет на время отослать куда-нибудь подальше. Нужно будет уговорить ее отдать ребенка, чтобы никто ничего не узнал. Все это, конечно, можно организовать, но мой отец придет в ярость. Ему придется раскошелиться, а расста-

ваться с деньгами он ох как не любит. Он и так-то давал мне гроши, а теперь и вовсе ничего не даст. Мне придется жить на мои заработки пловца, еще не прошедшего последних испытаний. Проклятие, это было несправедливо! Я ведь соблюдал такую осторожность...

Цисси продолжала стоять, глядя на меня, и лицо ее теперь совсем не было смазливym. Губы ее задрожали, потом она подобрала юбки, повернулась и бросилась бежать, оставив меня стоять на месте, как придурка. Прохожие смотрели на меня с усмешками. Я чувствовал унижение, и мне трудно было сдерживать гнев. И почему это девицы так всегда переживают?

Поблизости в канаве шныряла стайка птичек: они клевали зернышки, просыпавшиеся, когда здесь сгружали пшеницу, предназначенную для мельниц Тенкора. Я хотел идти дальше, но чувствовал себя приросшим к месту: мне требовалось чудо, которое изменило бы течение времени, перенесло меня назад, в раннее утро, когда в мире еще все было в порядке.

И вот тогда-то это и случилось.

Я никогда, никогда не забуду тот звук... Мокрый шлепок, от которого кровь стыла в жилах...

Откуда-то сверху с воплем упала женщина, рухнув на камни мостовой всего в нескольких шагах от меня. Она была голая, старая, морщинистая — и мертвая. Ее кровь — красная и блестящая — забрызгала мои башмаки. В то же мгновение в канаве словно из ниоткуда возникло несколько человек. Тоже голые, но живые бледнокожие люди — мужчины, женщины, дети. Несколько секунд они стояли, потом все попадали на землю — словно не знали, как стоять. Кто-то из маленьких детей начал плакать; это был ужасный нескончаемый звук, полный такого страха, что вы чувствовали: конца ему не будет. Волосы на голове у меня зашевелились. Вой подхватили ос-

тальные люди; потом он, словно эхо, стал доноситься с соседних улиц и даже с вершин деревьев.

Я был так поражен, что был не в силах пошевелиться.

Что же случилось?

Я не имел представления. Никаких мыслей у меня не было. Я просто стоял и таращился на мертвую женщину, на струйку крови, стекавшую в канаву, слушал вопли, доносившиеся отовсюду. Я даже забыл все, что сказала мне Цисси. Наконец я неуверенно шагнул к плачущей девчущке; однако малышка только громче завопила и прижалась к стене ближайшего дома; потом ее крики превратились в икоту, сотрясавшую все ее тельце. Один из голых взрослых — мужчина — попытался обнять ее; судя по сходству, это был ее отец, но она испугалась его не меньше, чем меня. Мужчина подполз и приблизил свое лицо к ее лицу; потом он заговорил, но единственные звуки, вырвавшиеся из его рта, были невразумительным кряхтением и кваканьем. Он наклонился еще ближе, словно хотел поцеловать малышку; при этом ее вопли стали такими отчаянными, что он был вынужден отползти в сторону. Он съежился в канаве и попытался спрятать голову под руку, как будто таким образом мог заглушить ужасные звуки.

Я попятился. Меня трясло, и сделать с собой я ничего не мог. Я бросился бежать вверх по улице, к конторе Гильдии. Я хотел узнать ответ, что-то, что имело бы смысл, что сказало бы мне, что означает этот дурной сон наяву.

Немного дальше на мостовой лежал еще один голый мужчина. У него, похоже, была сломана нога. Я замедлил шаги и далеко обошел его; он не попросил меня о помощи, но посмотрел на меня глазами, полными боли и растерянности. Я не остановился. Я не знал, как ему помочь, а единственное, о чем я был в состоянии думать, — это что я должен добраться до Гильдии.

И тут я увидел Цисси.

Увидел ее юбку — яркую красную ткань на камнях, из-под которой торчали ноги... Один из башмаков свалился и скатился в канаву. Верхней части тела девушки не было видно под еще одним мертвым голым телом — на этот раз женским. Я замер. Думаю, у меня в голове не было ни единой связанной мысли; я подошел и опустился рядом с ними на колени. Я оттащил тело женщины в сторону — кто бы эта женщина ни была, она была мертва — и обхватил Цисси. Всюду была кровь, и я не мог определить, чья она. Голова Цисси запрокинулась под неестественным углом...

Я смотрел на нее и не мог поверить своим глазам. Я только что разговаривал с ней — всего минуту назад, и она была жива и сердилась на меня.

А теперь шея ее была сломана, и глаза остались навсегда открытыми. Кровь на ее губах уже начала засыхать... Не знаю, сколько времени я так ее держал; мой ум просто отказался функционировать.

Кто-то стиснул мое плечо. Какой-то человек вышел из мастерской, которые тянулись вдоль улицы; судя по одежде, это, должно быть, был столяр. Я его не знал, но ему, возможно, было известно, кто я такой. Трудно сохранять анонимность, если ты — единственный сын главы Гильдии.

— Это Циссандра Лепанто, — сказал я, как будто это все объясняло.

— Я знаю, — ответил он. — Я знаю эту девчоночку, сиропловец. Я пошлю сказать ее отцу. Занесем ее внутрь.

Вместе мы пронесли Цисси мимо тела другой женщины внутрь мастерской и положили на стол. Я непонимающе показал в сторону улицы.

— Люди падают неизвестно откуда, — прошептал я. — Они просто падают...

— Я видел. Магия, — ответил он, — не иначе как красная магия.

Я попытался понять его слова.

— Дун-магия?

— А что еще? Сир-пловец, ты бы лучше отправлялся к отцу. Нужно будет... многое сделать. — Мы посмотрели друг на друга; у каждого из нас появились мысли, делиться которыми не хотелось. Дун-магия на Тенкоре... Это было немыслимо. — Подонки, — пробормотал столяр. — Мерзкие выродки...

Я молча показал на Цисси, лицо которой он прикрыл скатертью.

— Я сделаю все, что нужно, — заверил он меня.

Я кивнул и вышел на улицу.

Дун-магия... Я стал вспоминать все, что в последнее время о ней слышал. Я готов был обдумывать что угодно, лишь бы не думать о Цисси...

Несколько месяцев назад произошло что-то вроде битвы между дун-магами, возглавляемыми могущественным колдуном, и агентами Совета хранителей. Главный маг, человек по имени Мортред, сбежал. В последнее время ходили слухи о том, что он — тот самый злой колдун, по чьей вине в 1652 году ушли под воду Дастелы. Конечно, большинство людей считали, что исчезновение островов — следствие какой-то геологической катастрофы вроде землетрясения, а вовсе не результат заклинания.

Я вырос в страхе перед колдовством, с которым до того дня никогда не сталкивался. Меня передернуло.

Взбираясь по крутой улице к верхней части города, я старался не думать о Цисси, но не мог себя остановить. За несколько мгновений до смерти она была ужасно несчастна, боялась ожидающего ее будущего. Она попала в беду из-за того, что дела-

ли мы с ней вместе... а я не предложил ей ничего — ни утешения, ни понимания, ни помощи, — даже не посочувствовал. Я просто совсем о ней не думал, я думал только о себе. Она, должно быть, умерла в отчаянии... а я еще злился на нее за то, что она поколебала основы моего уютного маленького мира.

Я раньше мечтал о чуде, которое перенесло бы меня в прежнее время, когда было не о чем тревожиться. Ну так я получил не совсем то, о чем мечтал. Смерти Цисси я не желал, я и не думал об этом как о решении проблемы. Я не радовался тому, что Цисси умерла, но все же испытывал облегчение: теперь никто не узнает, в каких сетях мы запутались.

Я не радовался ее смерти, но с моих плеч словно свалилась тяжесть: угроза неожиданно исчезла.

Я сглотнул. Бедная Цисси... все прекрасно устроилось, и наш секрет никто не узнает.

Боже, подумал я, что же я за человек, если могу смотреть на смерть Цисси как на избавление от трудностей? Значит, я не способен оплакивать женщину, с которой с радостью делил ложе? Значит, я испытываю облегчение, зная, что ее беременность не причинит мне забот?

Я неожиданно почувствовал, что не очень-то себе нравлюсь. «Эларн Джейдон, ты самый худший в мире подонок», — подумал я.

Удовольствия такая мысль мне не доставила, но облегчение я все-таки ощущал.

Когда я добрался до резиденции Гильдии, кабинет моего отца был полон народа. Похоже, весть о случившемся распространилась со скоростью прилива в месяц Темной Луны. Собрались представители всех основных административных департаментов — ведомства верховного патриарха, бюро патриарха, менодианского университета, управления коммерции,

цеха рыбаков, менодианского казначейства, тенкорской стражи. Большинство из них я знал; остальных можно было определить по знакам, вышитым на одежде, или по кокардам.

В комнате, когда я вошел, царило молчание — молчание, настолько наполненное эмоциями, что почти причиняло боль. Отец не обратил внимания на мое появление. Когда он все-таки заговорил, заговорил он тихо и размеренно, как делал всегда, когда хотел подчеркнуть значение своих слов.

— Значит, мы пришли к согласию. Вероятно, случившееся сегодня — результат смерти Мортреда Безумного: его магия умерла вместе с ним. Появившиеся повсюду нагие люди — потомки жителей Дастел, которые были превращены в птиц с помощью дун-магии. Когда заклинание перестало действовать, они упали с неба. — Отец откашлялся и хмуро посмотрел в сторону эмиссара верховного патриарха. — Меня огорчает, что преподобный Краннах до этого момента никогда не считал нужным сообщать Гильдии о существовании таких заколдованных птиц. — Напряженное молчание снова повисло в комнате, собравшиеся старались смотреть куда угодно, только не на эмиссара. Это было неслыханным делом: чтобы глава Гильдии подобным образом публично упрекал верховного патриарха.

Отец помолчал, дав присутствующим время в полной мере оценить его неудовольствие, потом перешел к более важным вещам. Он, конечно, ничего не простит и не забудет — уж таков был мой отец...

— О скольких людях мы говорим?

Эмиссар, сам патриарх, дважды прочистил горло, прежде чем заговорить.

— Птицах-дастелцах? Здесь, в городе, их, должно быть, сотни. — Его голос оборвался, но потом он взял себя в руки. — Никто никогда их не считал — для того не было причин. Они

никогда не доставляли беспокойства — до сегодняшнего дня. А теперь... Я заметил два мертвых тела на площади и еще шестерых, получивших увечья. Человек четырнадцать не пострадали — и это только те, кого я увидел по пути из одного здания в другое.

— Все они теперь люди?

— Да.

— И их еще несколько сотен?

— Я так думаю.

Отец кивнул и обратился к собравшимся:

— Я хочу, чтобы их всех разместили в университете, и живых, и мертвых. Пусть студенты помогают о них заботиться. И еще я хочу, чтобы туда отправились все врачи, целители и травники, сколько их ни есть в городе. Главы цехов, пожалуйста, мобилизуйте своих людей — выжившим первым делом понадобится одежда. Казначейство должно выделить деньги им на еду. Надеюсь, патриархия возглавит заботу об этих несчастных. — Глаза отца остановились на мне. — Пловец Эларн, я хочу, чтобы ты в следующий заплыв отвез письмо в Ступицу. Сколько у нас остается времени?

— Немногим меньше двух часов, сир-гильдиец, — ответил я. Когда папаша разговаривал со мной так официально — а это случалось почти всегда, — я отвечал ему тем же.

— Подожди здесь, пловец. А вы, остальные, беритесь за дело. — За несколько секунд комната опустела. Когда глава Гильдии отдавал приказ, медлить не рекомендовалось.

— Кто-нибудь видел, как птицы превращаются в людей? — спросил я. Я пытался вспомнить, что в точности видел я сам: вот птички клюют зернышки в канаве... и вот... Ох, Боже милосердный!

— По-видимому, видел. — Отец уже придвинул к себе лист пергамента и открыл чернильницу. — И похоже на то,

что менодианский Синод всегда знал, что они собой представляют. — Это обстоятельство явно все еще злило отца; в голосе его звучало раздражение.

— Они, похоже, не умеют говорить, — сказал я. — А детишки так испуганы...

Я рассказал ему, что видел, — не упоминая, конечно, о том, что было связано с Цисси; он продолжал писать, никак не реагируя на мои слова. Только запечатав письмо, он проговорил:

— Случившееся никому не в радость, Эларн. Сегодня погибло много людей, и вовсе не все они дастелцы. Насколько мне известно, даже в крыше святилища пробита дыра — человек упал сверху и задавил одного из помощников верховного патриарха. — Слова отца, как почти всегда, когда он обращался ко мне, звучали упреком. Ты должен проявлять больше самообладания, говорил его тон; ты — сын главы Гильдии и должен показывать пример храбрости и расторопности. В твоём голосе не должно быть дрожи, даже когда ты говоришь о смерти и страданиях.

В подобных случаях мне было трудно не испытывать к нему ненависти. Трудно было не винить его в том, что он довёл мою мать до самоубийства своими несправедливыми обвинениями в неверности; трудно было примириться с тем, что он так долго отвергал меня, отказываясь верить в то, что я — его сын. «Ты — мерзость в глазах Бога», — сказал он мне однажды и выгнал из дома; я вырос на далекой ферме в окрестностях Ступицы... Мать моя от стыда покончила с собой.

Когда мне исполнилось двенадцать, я против воли отца вернулся на Тенкор; в этой самой комнате мы смотрели друг на друга, встретившись впервые за семь лет. Тогда-то он и понял истину, глядя мне в лицо. Да и как могло быть иначе? Я был точной копией своего отца. То, что не было заметно в ма-

леньком ребенке, стало несомненным в подростке. Та же форма подбородка, те же ямочки на щеках, те же брови взлетят. Если бы я хотел узнать, как буду выглядеть взрослым, мне достаточно было посмотреть на отца.

Я, конечно, всегда знал, кто я такой. Прежде чем мать заставили расстаться со мной, она сказала мне: «Никогда не сомневайся в своем происхождении: ты сын Корлесса Джейдона. Ты пошел не в мою родню, а в отцовскую». Больше я ее никогда не видел. Через шесть месяцев она умерла. Он многого меня лишил, мой папаша.

Отец со вздохом протянул мне письмо.

— Оно адресовано главе Совета хранителей. Я хочу, чтобы ты с первым же отливом привез ответ.

Я посмотрел на письмо, потом с изумлением поднял глаза на отца. Его распоряжение означало, что у меня будет всего пара часов на отдых в Ступице и возвращаться мне придется глубокой ночью. Отец, конечно, знал, чего от меня требует: он сам был пловцом до того, как пробился к руководству Гильдий; иного способа продвинуться в Гильдии не существовало.

— Ты хочешь, чтобы я воспользовался ночным отливом? — осторожно поинтересовался я, просто чтобы удостовериться...

— Да, — рявкнул он. — Когда вернешься, сразу же явись ко мне. Ни с кем до того не разговаривай и не позволяй никому себя увидеть. Потом можешь сидеть дома, пока все не успокоится. Если уж Бог наградил меня выродком-сыном, то по крайней мере пусть его испорченность принесет нам пользу.

Я окаменел. Отец уже многие годы не говорил таких слов. Выродок... испорченность... Я думал — я надеялся, — что показал отцу, чего на самом деле стою. Наверное, тогда я и понял, что, как бы ни старался, никогда не буду ничем иным в его глазах. Я мог выглядеть нормальным человеком, вести себя

нормально и скрыть свою предполагаемую испорченность от всего мира, но все равно останусь для отца презренным уродом.

Я постарался не показать боль, которую испытывал.

— Что ж, до завтра, — сказал я.

— Держись на волне, — ответил он мне традиционным напутствием пловцу.

— По воле Короля, — тупо откликнулся я. Никакого короля, конечно, не существовало; обычный ответ на напутствие относился к Королю-Киту, олицетворяющему самую высокую приливную волну в месяц Темной Луны. В конце концов успех любого заплыва зависел от свойств каждой отдельной волны в не меньшей мере, чем от искусства пловца. А приливная волна — от кроткого Гольяна в полнолуние до могучего Кита в отсутствие лун — была знаменита своим капризным характером.

Глава 3

РАССКАЗЧИК — РУАРТ

Я знаю, что ты не веришь моим рассказам: Блейз говорила мне, что вы не верите в существование магии, не верите, что я — да и кто-либо из островитян-дастелцев — когда-то был птицей. Она говорит, что твои соплеменники верят лишь в логику и науку, а нас считают создателями мифов... или лжецами, если называть это менее вежливым словом.

По правде сказать, я нахожу такие взгляды странными: я ведь говорил со священнослужителями, которых вы привезли с собой на своих кораблях. Они хотели бы, чтобы мы поверили в то, что самые благочестивые из вас видят своего бога, видят его в нематериальной форме, которую он принимает, когда желает явиться людям. Ваши священнослужители говорят, будто он иногда разговаривает вслух с такими избранными, хоть и не имеет тела. *Это* вы почему-то не считаете магией. Как вы называете такие явления? Религиозным озарением? Чудом веры? На мой взгляд, очень похоже на магию!

Ах, не смотри на меня так оскорбленно, сир-этнограф! Я не отвергаю твоего бога, как не отвергаю любых богов. На самом деле мне легко поверить в реальность божества, потому что я знаком с реальностью магии. Не забудь: первые двадцать два года своей жизни я провел, опутанный чарами злого колдуна, и каждая косточка, каждый орган, каждая частица

моего тела несет на себе шрамы, оставшиеся после того, как заклятие Мортреда рассеялось. Нет, увидеть эти шрамы ты не можешь — они отпечатались на моей душе, на самой моей сути.

Я висел вниз головой среди парусов. Мои ноги запутались в снастях, и только это спасло меня от падения на палубу. Я был голым, конечно, — лишенным перьев в первый раз с тех пор, как вылутился из яйца в нише стены дворца суверена Цирказе.

Прошло совсем мало времени. «Любезный» медленно отходил от причала; паруса обвисли, потому что рулевой — сам капитан Кайед — застыл неподвижно, глядя на голые тела, усеявшие набережную. Некоторые из этих людей шевелились и стонали, другие были неподвижны. Одна девочка — выжившая и даже не пострадавшая — сидела среди мертвецов с выражением полной растерянности на лице.

К этому времени все на корабле были в состоянии шока.

Прямо подо мной стояла застывшая, как статуя, Флейм; иллюзия была ею забыта и уже начинала рассеиваться по краям. Флейм вцепилась в поручень так крепко, что пальцы побелели. Ее поза говорила о буре эмоций, хотя лица ее я не видел. Я хотел окликнуть ее, сообщить, что я рядом, что я жив, попросить помочь мне. Однако когда я попытался заговорить, я не сумел издать ни звука. Когда я попытался захлопать крыльями, я обнаружил, что крыльев у меня нет. Хорошо, что опутавшие мои ноги веревки удержали меня: в этот момент я от растерянности попытался взлететь.

Всепоглощающий ужас, вызванный пониманием того, что воздушный океан закрыт для меня, обрушился на меня, как удар кулака в грудь. Я висел вниз головой высоко над палубой, а крыльев у меня не было. Я попытался вцепиться в сна-

сти когтями, но, конечно, когтей у меня не было тоже. Я не мог обхватить веревку лапками...

По крайней мере я знал, что со мной случилось. Я догадывался, что должно было произойти. Но как насчет тех бедных птенчиков? Детишек?

Руки, подумал я, руки. Теперь у меня есть руки. Я могу что-то делать руками.

Подумать легко, сделать трудно... Я не мог сказать своим рукам, что нужно делать, не говоря уж о ладонях и пальцах. Они хлопали и болтались туда-сюда. Суставы птичьего крыла управляют маховыми перьями, они не сгибаются так, чтобы могли за что-то — вроде корабельной снасти — ухватиться... Я сосредоточился. Руки могут держать предметы. У меня есть руки. Схватись за веревку... сожми ее... Я наконец сумел подтянуться и перевернуться головой вверх, используя клюв... зубы, да. Я был растерян, совершенно растерян. У меня все еще сохранялись мысли и привычки птицы.

Внизу, на палубе, Флейм пришла в себя и восстановила иллюзию. Капитан Кайед, не в силах сопротивляться дун-магии, повернул штурвал, паруса наполнились ветром, и корабль двинулся из гавани в открытое море. К этому времени несколько матросов заметили меня, но сковывающее их заклинание было так сильно, что они не обратили внимания на нагого мужчину, цепляющегося за снасти. Такое отсутствие интереса к чему-либо, даже к собственным страданиям, было бы душевраздирающим зрелищем, если бы я в тот момент был в силах беспокоиться о ком-нибудь, кроме самого себя.

Кеч был небольшим кораблем, и с кормы, где находился штурвал, Кайед скоро углядел меня среди парусов. Уж он-то не проявил равнодушия: взгляд его сделался острым, лоб прорезала морщина. Он оглянулся на двоих других колдуний, но

теперь, благополучно покинув гавань, они развлекались тем, что мучили бедолагу-юнгю: тыкали в него гарпуном и смеялись над его прыжками, когда парнишка пытался увернуться.

Я внимательно присматривался к Кайеду еще по пути на Ксолкас и заметил, что он сохранил больше независимости, чем остальные поработанные моряки. Я даже одно время думал, что он может оказаться обладающим Взглядом, который скрывает свою нечувствительность к магии, но родства душ с ним я не чувствовал, так что в конце концов решил, что он просто сумел каким-то образом сохранить способность самостоятельно мыслить. Он старался особенно этого не показывать, когда рядом были дун-маги, но ему, конечно, и в голову не приходило скрывать свое отличие от незаметной птички, порхающей среди снастей.

Кайед был великаном, смуглым и широкоплечим, и свою отсутствующую руку он успешно заменял привязанным к культе зазубренным клинком с крючком на конце. Это орудие Кайед использовал в самых разнообразных целях — резал им еду и наводил страх на команду. У него была угрожающая привычка точить клинок, поглядывая искоса на того, кто имел несчастье вызвать его неудовольствие.

Сейчас, уверенный, что его никто не видит, он мотнул головой, показывая, что мне следует спуститься на палубу. Мне не нужно было объяснять почему. На мачте я был слишком заметен. Сейчас матросам нечего было делать на реях, и я висел там, как свежевыстиранное белье... и к тому же нагишом.

Спускаться мне пришлось долго. Мне все время хотелось просто отпустить веревки и взмахнуть крыльями... да и пальцами я еще не научился управлять. Когти птицы сжимаются автоматически, и чтобы выпустить схваченное, приходится напрягаться; человеческие руки, похоже, вели себя иначе. Это было поразительно. Хватать что-то пальцами ног я вообще не

мог. Тело казалось огромным. Зрение стало не таким острым, слух тоже притупился. А вот осязание сделалось необыкновенным. Веревка кололась и царапалась. Ветер был холодным. Соль, которую несли брызги, щипала кожу.

Наконец я добрался до палубы. Ноги под моим весом сразу же подломились, и мне пришлось ползти. Я хотел добратся до Флейм, сказать ей...

Не успел я двинуться вперед, как меня дернули за руку. Прежде чем я сумел возразить или воспротивиться, меня толкнули вперед, и я скатился по трапу в передний трюм. Это было делом рук Кайеда; он, должно быть, приказал кому-то другому встать к штурвалу, поскольку корабль уже миновал выход из гавани. Я хотел сказать ему, что мне нужно добратся до Флейм, но когда я открыл клюв — рот, — то издал только какие-то неразборчивые звуки. Контролировать свой голос я не умел.

— Ты с ума сошел? — прошипел Кайед. — Ты что, хочешь, чтобы тебя увидела эта женщина Виндрайдер? — Я сумел кивнуть головой. — Она — злая колдунья и ошиплет и зажарит тебя на завтрак, если узнает, что ты собой представляешь.

Я вытаращил на него глаза, пытаясь осмыслить его слова.

— Я заметил птичку, сидящую на снасти, — объяснил он, — а потом на причал стали падать все эти люди, и когда я взглянул на рею, там был ты — нагишом. А я готов поклясться морским драконом, что, когда мы отплыли, тебя на корабле не было. Если только ты не пролетел в виде птицы... Это еще одно проявление дун-магии, верно? — спросил он.

Я снова кивнул. По крайней мере управлять тем, что делала моя голова, я мог.

— Была какая-то легенда... Я помню, мне ее рассказывал мой дед, — о том, что случилось с жителями Дастел,

когда острова ушли под воду. — Он недоверчиво покачал головой. — Не может же такое быть правдой!

Я не мог винить его за недоверчивость. Многие люди знали о том, что жители Дастел были заколдованы, но почти никто не догадывался, что они остались разумными, не говоря уж об их потомках. Никто не подозревал о том, что среди нас были обладающие Взглядом и силвы. Никто не думал, что убийство злого мага вернет нам человеческий облик.

— Я родился на Спаттах, — продолжал Кайед, показывая мне на мочку уха с татуировкой — выложенным перламутром изображением ракушки, — мы там выросли на легенде о Дастелах. Никогда не поверил бы во все это, если бы не подслушал разговора этой женщины Виндрайдер с Гетелредом, фальшивым монархом Дастел. — Кайед сплюнул. — Паршивый ублюдок! Он имел наглость захватить мой корабль, да еще превратить меня в своего жалкого приспешника, неспособного сопротивляться его приказам! — Воспоминание так разъярило его, что он стал сотрясать своим привязанным к культи клинком перед моим носом. — Я вырву его черное сердце, если у меня появится хоть малейший шанс! — Однако одной мысли о бунте было достаточно, чтобы алая удавка дунмагии стянулась вокруг его горла. Глаза Кайеда полезли на лоб, он начал задыхаться. Догадавшись, что лучше не сопротивляться, он расслабился; постепенно алое свечение поблекло, и он снова смог дышать. — Выродки, — пробормотал Кайед, — их магия не позволяет мне даже подумать о том, чтобы с кем-то из них разделаться. — Он задумчиво посмотрел на меня. — Но ведь он мертв? Этот Гетелред, так называемый монарх? Иначе ты тут не появился бы. Я слышал, как он говорил Виндрайдер, что это он отправил на дно Дастелы. Могло ли так быть? Это Гетелред причинил вам такое зло столетие назад?

Я снова кивнул. Его слова были не совсем точны — пострадали мои прадеды, а не я, — но объяснить это ему я возможности не имел. Знаками я стал показывать, что хочу подняться на палубу.

— Ты свихнулся, — сказал Кайед. — Она тебя убьет. Или прикажет убить другой бешеной суке.

Я попытался говорить, но гортанные звуки, вырвавшиеся из моего рта, скорее походили на рычание зверя.

— Ты не умеешь говорить? — спросил Кайед. — Совсем не умеешь? — Я покачал головой. — Пойдем, нужно тебя спрятать. — Он потащил меня в кубрик, где размещалась команда, вынул из шкафчика какую-то одежду и кинул мне. — Надень это.

Я попытался, но беспомощно запутался. Натянуть пару матросских штанов было выше моих сил. Я покачнулся и тяжело сел на пол. Было больно. «Клянусь перьями и хвостом, — подумал я, — людям, оказывается, больно падать!»

Сначала такая мысль показалась абсурдной, а потом встревожила. Все происходило слишком быстро, чтобы я мог разобраться в событиях, чтобы мог увидеть все возможные последствия. Я старался не думать о происходящем в мире, но не мог избавиться от осознания того, что в этот день погибли очень многие мои соплеменники, среди них члены моей семьи и бесчисленные друзья. Я хотел оплакать их, но не знал, по ком скорбеть. Мне было нужно время на размышления, но такая роскошь была мне недоступна.

Наконец я натянул штаны и влез в рубашку. Они неприятно царапали мою кожу. Я начал теревить завязки: мои руки дергались во всех направлениях, и я даже умудрился запутаться в гамаке, висящем в кубрике.

Кайед раздраженно покачал головой и сам завязал тесемки.

— Знаешь, ты просто трогателен, — проворчал он, оглядывая меня с ног до головы. — Похож на головастика, а двигаешься рывками, как черепаха.

Тогда я не понял, что он хочет сказать. Только потом, увидев себя в зеркале, я догадался о том, какое впечатление должен был производить. Хоть мое тело и стало человеческим, на него оказывала влияние прежняя птичья природа. Мускулы плеч и бедер были сильно развиты, без капли жира; шея у меня была короткая и толстая, а голова лысая. Потом у меня выросли густые кудри, но сначала скальп был безволосым и блестящим. Моей кожи никогда не касались солнечные лучи, и она была непривлекательно бледной, как рыбье брюхо. Главная же проблема заключалась в слабости ног. Они не могли с легкостью выдерживать мой вес. Кайед был прав: я походил на головастика, массивного спереди и сходящего на нет сзади. И еще я не умел сохранять равновесие. Птицы почти ничего не весят, кости у них полые; когда они летят, они держатся в воздухе, как пробка на волнах. Я неожиданно превратился в тяжелое чудовище. Я не умел плавно двигать конечностями; дергающиеся руки и ноги часто выходили из-под контроля. Я ошибочно судил о том, сколько места мне нужно, а потому натыкался на предметы. Мне оказалось трудно даже пройти в дверь, не ударившись о косяк.

Действительно, черепаха, рывками добирающаяся до воды.

Впрочем, тогда думать обо всем этом мне было некогда. Мне нужно было каким-то образом объясниться с капитаном. Мне нужно было сообщить ему, что, если Флейм узнает о том, что я превратился в человека, мне, возможно, удастся пробиться сквозь скорлупу дун-магии. В конце концов, Гетелред был мертв, и это могло помочь... Я не был уверен в успехе, но должен был попробовать.

Я сделал жест, как будто пишу.

Кайед посмотрел на меня с сомнением.

— Ты умеешь писать?

Я кивнул.

— Ну, пера и бумаги у меня здесь нет — они в моей каюте, а если нас поймают, это будет стоить мне жизни. Я теперь просто раб на борту собственного корабля — ни больше ни меньше. Не имеет значения, что Гетелред мертв: заколдовали меня эти три суки. Ядовитые медузы! Чтоб им утонуть в собственной слизи! — Последние слова он выплюнул с такой яростью, как будто мог заставить их осуществиться на деле. Кайед схватил кружку и наполнил ее водой из бочонка в углу комнаты. — Вот что: пиши мокрым пальцем на полу. — Потом он спросил: — Как тебя зовут?

Я скорчился на полу и обмакнул палец в воду. Я научился писать еще птенцом, сжимая кусочек мела в когтях, когда жил во дворце на Цирказе. Теперь мне приходилось гораздо труднее. Рука не желала слушаться; я едва не пролил воду. Однако после долгих усилий мне удалось написать: «Руарт». Потом так же неуклюже я добавил: «обладающий Взглядом». Я показал на себя концом крыла... пальцем. Привыкать к новому телу мне придется долго...

Глаза Кайеда стали острыми, как иголки.

— Ты обладаешь Взглядом? — В его улыбке было слишком много злорадного ликования, чтобы она меня не смутила. — Ах, друг мой Головастик, это лучшая новость с тех пор, как весь этот кошмар начался. Может быть, нам удастся выпутаться без особых потерь.

Я огорченно покачал головой и написал: «Пойди к Лисал. Друг».

Кайед только хмыкнул.

— Забудь об этом, Головастик. Она больше не друг никому, и тебе в том числе. Она — злая колдунья. Для нее имеет

значение только она сама. Глупец, теперь мы слушаемся не Гетелреда, а ее. Ее, Лиссал. — Он задумчиво посмотрел на меня. — На корабле во время плавания с Раттиспи на Ксолкасы была птичка — темная такая, с полосой на грудке. Это был ты?

Я кивнул.

— Ах вот что... Значит, тут не все так просто. Но только не следует тебе рисковать своей шкурой, сообщив злой колдунье, кто ты такой. Она ведь не может узнать тебя, верно?

Я пожал плечами. Такая возможность казалась мне маловероятной.

Он покивал:

— Да, не думаю, что узнает. Ты выглядишь как полоумный. И почему ты все время так смешно дергаешь головой?

Даже если бы я знал ответ, сообщить ничего я не смог. По трапу спустился матрос, разыскивавший Кайеда.

— Сир-капитан, тебя желает видеть колдунья, — вяло пробормотал он. По его коже скользили мерзкие алые отблески. От него воняло. Я подумал, что он не мылся с тех пор, как оказался порабощен. Меня поразило, что теперь они ее — мою Флейм — называют колдуньей...

Кайед кивнул и повернулся ко мне.

— Сиди здесь, Головастик, — иначе погибнешь, клянусь. Если одна из этих сук явится сюда, притворись рабом. Можешь мне доверять.

Однако я ничуть ему не доверял. Впрочем, не мог я доверять и собственным инстинктам. Было очень трудно поверить в то, что Флейм убьет меня, но иногда еще труднее было доказать себе, что она этого не сделает.

Глава 4

РАССКАЗЧИК — КЕЛВИН

В последний день пребывания на Ксолкасе мы с Тором Райдером несколько разошлись во мнениях.

Помню, что я смотрел на него и размышлял: не нравится он мне потому, что мы оба влюблены в одну и ту же женщину, которая предпочитает его, или он был бы мне не симпатичен и без этого? Он был так уверен в себе, так чертовски компетентен во всем, за что бы ни взялся, что я рядом с ним чувствовал себя недотепой. Я был неуклюжим уроженцем Небесной равнины с обеими левыми ногами, рыжими волосами и веснушками; этот факт раньше меня не слишком волновал, но теперь, в присутствии этого красивого гибкого человека, источающего обаяние мужской силы и двигающегося с изяществом женщины, он сделался для меня проблемой. Я был достаточно зрелым человеком, конечно, чтобы понимать, что моя реакция детская и незрелая, но разницы это не составляло. Честно говоря, я просто к нему ревновал.

Я был на крыше дворца владычицы в Барбикане, когда Тор явился туда и снова заспорил со мной относительно лекарства от магии. Я поднялся наверх, чтобы почувствовать, как свежий морской ветер шевелит мои волосы и освобождает меня от накопившегося отчаяния. Я только что вернулся из лечебницы. Конечно, я — да и кто уютно — мало что мог

сделать. Слишком много было изувеченных и умирающих, слишком много лишившихся рассудка, особенно маленьких детей, которые не могли справиться со свалившимся на них несчастьем и даже не могли сказать, как их зовут. Я делал все что мог, чтобы воссоединить малышей с их родителями: сравнивал запахи, оставшиеся на их коже. Мне не всегда это удавалось... Горе, ужас, боль — вот что осталось в наследство от Мортреда. Вид страданий дастелцев разрывал на части мое сердце: ведь Мортреда убила моя рука, и хотя я понимал, что это было необходимо, однако жить с таким знанием было нелегко... и осталось нелегко навсегда.

Блейз помогала мне, дожидаясь, пока за ней придет корабль, на котором она собиралась последовать за Флейм. Ксестиана, владычица Ксолкаса, послала распоряжение на один из дальних островов прислать подходящее судно — для связи между островами они использовали специально обученных морских птиц. Блейз держала в узде свое нетерпение, но я все равно ясно его чувствовал — мой нос было не обмануть. Вместо того чтобы взволнованно метаться по дворцу, она предпочла помогать мне с детьми-дастелцами, что, по правде сказать, меня удивило. Я никак не думал, что ей хватит терпения возиться с самыми маленькими. Мне казалось, что младенцы только озадачат ее. Поэтому мне было странно видеть, как трогает ее их несчастье, с какой нежностью она качает и баюкает их и шепчет ласковые слова, которыми матери утешают своих больных детей. Может быть, вид страдающих малюток пробудил ее собственные далекие воспоминания, напомнил о временах, когда она сама была брошенной на кладбище крошкой, оставленной на милость чужих людей.

В конце концов это мне пришлось на какое-то время покинуть лечебницу, чтобы успокоить растрепанные чувства. Последней каплей стал вид девочки, пытавшейся пригладить

несуществующие перышки клювом, которого у нее больше не было; она смотрела с такой растерянностью, всхлипывая и пытаясь спрятать голову под мышкой, что я ощутил полную неспособность держать себя в руках. Поэтому мне и пришлось подняться на крышу, чтобы вдохнуть свежий морской воздух; там и нашел меня Райдер.

Бросив на меня единственный взгляд, он все понял.

— Выдалось трудное утро?

— Да, — коротко ответил я, гадая, чем он занимался все это время. Флиртовал с Ксетианой, наверное...

Райдер, должно быть, догадался о моих не слишком доброжелательных мыслях, потому что сказал:

— Я разговаривал с главой менодиан здесь, на Ксолкасе. Нужно организовать помощь дастелцам.

— И попутно уловить их души? — цинично поинтересовался я. Мне тут же стало стыдно: это было недостойное предположение.

Райдер, однако, не обиделся.

— Что ж, такое тоже бывает, наверное. Однако наша религия не утверждает, что только мы и открываем путь в загробный мир или к Богу. Наш путь лучший, но не единственный. Мы предлагаем руководство в жизни — и в смерти — тем, кто ищет лучший путь. — Райдер улыбнулся. — Мы, знаешь ли, никогда активно не старались обратить местных жителей в свою веру. У них есть их бог ветра, и он хорошо им подходит. — Словно в подтверждение этих слов ветер задул с новой силой, и из Храма Ветра на Когте донеслись мелодичные звуки. — Должно быть, он меня услышал, Келвин. Я разговаривал с капитаном Скарри: шхуна готова к выходу в море.

— Почему ты так уверен, что я отправлюсь с тобой?

— Тебе нет смысла плыть вместе с Блейз. Ты сам говорил, что к тому времени, когда вы найдете Флейм, будет

слишком поздно избавлять ее от ребенка без опасности для ее жизни.

Мне пришлось прогнать мысль о том, что он просто хочет держать меня подальше от Блейз: таким мелочным он никогда не был. Вместо этого я подтвердил справедливость сказанного им:

— Да. Малыш, наверное, к этому времени уже начал шевелиться. — Ребенок дун-мага, оскверняющий Флейм изнутри... наследство Мортреда.

— Тогда единственная надежда для Флейм — это что мы найдем какой-то способ разрушить дун-магию.

— Почему, во имя Сотворения, ты думаешь, что я могу тут чего-то добиться?

— Ты врач, и мы теперь знаем, что дун-магия передается так же, как некоторые болезни — от матери к ребенку... и от ребенка к матери. Может быть, тебе удастся понять, как это происходит, и найти лекарство. Ты можешь оказаться тем человеком, который найдет способ помочь Флейм.

— Не говори глупостей!

— Но ведь ты же веришь, что это болезнь, верно?

Я заколебался. Так я когда-то думал, но тогда я еще не видел, что может сотворить магия. С тех пор я наблюдал, как люди воспринимают иллюзии как реальность. Я видел, как дун-магия убивает на расстоянии. Я присутствовал, когда самого Райдера излечили от смертельных ран. Я видел, как птицы превращаются в людей.

— Не уверен. В любом случае это только часть проблемы. Даже если считать, что магия — болезнь, что заставляет тебя думать, будто я смогу тут помочь? Если бы излечить любую болезнь было так легко, мы, врачи с Небесной равнины, уже избавили бы Райские острова от всех известных недугов. Почему ты решил, что мне удастся выяснить, что представляет

собой дун-магия, не говоря уже о том, чтобы найти лекарство от нее?

— Если такое кому и удастся, так только тебе.

— Ты хочешь большего, чем просто излечение оскверненных, — продолжал я. — Ты хочешь избавить мир от магии вообще. Предположим, я и в самом деле найду лекарство. Можешь ты представить себе, как мы будем размахивать кружкой со снадобьем перед силами с островов Хранителей и говорить: «Вот выпей — лекарство избавит тебя от силы силва»? Им это, несомненно, очень придется по вкусу! Дело в том, Райдер, что силам нравится быть силами. А дун-маги наслаждаются своей нечестивой властью. Никто не хочет найти лекарство от магии — за исключением тебя.

Он посмотрел мне в глаза и долго не отводил взгляда. Я ощутил всю силу его личности.

— И тебя, — мягко сказал он. — Тебя, Келвин Гилфитер.

Как ему удавалось так точно разбираться во мне? Это было унижительно. Ветер хлестал нас, и мне приходилось бороться со своим тагардом, чтобы не дать ему развернуться и улететь за край утеса. Я догадывался, что мои волосы напоминают лесной пожар. Райдер стоял, глядя на меня; его черная мантия патриарха только слегка колыхалась, а волосы, зачесанные назад и завязанные в хвост, выглядели аккуратными. Будь он проклят... Откуда он знает, какие демоны преследуют меня? Мне ведь приходилось заглядывать в ад: сначала Джинна, девочка из Амкабрейга, которую изнасиловали дун-маги и которую осквернял зачатый ею ребенок; Флейм, прекрасная и нежная, разлагающаяся изнутри; дастелцы, падающие с неба... безумные глаза человеческих детей, которые родились птицами.

Я не выдержал взгляда Райдера. Да, я хотел избавить мир от магии. Я хотел уничтожить ее на всех островах, так, чтобы даже памяти не осталось. Однако подобное желание для лю-

бого врача содержало мрачную иронию: силвы ведь обладали способностью исцелять, возвращать людей с порога смерти. Они могли делать то, о чем врачу с Небесной равнины оставалось только мечтать.

— Поедем со мной, Келвин, — сказал Райдер. — Я уже обо всем договорился с капитаном Скарри. Мы побываем в Амкабрейге, чтобы забрать сундук с лекарствами, который должен прислать туда твой дядя Гэрровин. Может быть, ты даже сможешь послать оттуда ему письмо: хорошо бы, если бы он согласился прибыть на Тенкор и помочь, особенно если прихватит с собой некоторые медицинские записи с Небесной равнины. Это может облегчить нашу задачу. Давай избавим мир даже от самой возможности появления нового Мортреда. Ты же знаешь, что хочешь этого тоже.

— Что из того, что хочу? — сказал я. — Этого все равно не случится... по крайней мере при моей жизни... или твоей.

— Случится, — уверенно возразил он.

Я нахмурился.

— До сих пор ты не производил на меня впечатления мечтателя с маслом вместо мозгов, Тор Райдер. То, что ты говоришь, — глупо.

— Есть кое-что, чего ты не принял во внимание, — сказал он.

— И что же это?

Он помолчал, потом покачал головой.

— Поверь мне: есть нечто, чего ты не знаешь. Я... я не могу тебе этого сейчас объяснить, по крайней мере так, чтобы для тебя мои слова имели смысл. Позволь мне просто сказать тебе, что лекарство существует. Я знаю это точно, так же точно, как то, что найдешь лекарство ты.

Я растерянно вытаращил на него глаза. Я понятия не имел, на чем основывается его уверенность.

— Не говори мне, — начал я и сам заметил, как раздраженно звучит мой голос, — что ты откопал древний документ, содержащий утраченное пророчество наших келлских предков...

Тор рассмеялся. Подобные фантастические рассказы были больше по части Дека Гринпиндилли.

— Нет, — ответил Тор, — ничего такого в стиле Дека.

Я собрался спросить, почему в таком случае он не может объяснить мне, что имеет в виду, но нас прервали. Это была Блейз, которая увидела нас с дорожки по крышам, соединявшей лечебницу с дворцом владычицы. Она подошла к нам, и я ощутил запах ее предвкушения, как аромат только что открытой бочки с вином.

— Я только что получила весточку от Ксетианы, — сообщила Блейз. — Корабль для меня прибывает сегодня вечером и будет готов к отплытию завтра утром.

— А я как раз говорил Келвину, что мы можем отправиться в путь в любой момент, — сказал Райдер. — Прямо сейчас, если только он наконец решится.

Блейз, склонив голову к плечу, посмотрела на меня.

— Сам-то ты этого хочешь, Кел?

Я вздохнул и пожал плечами, в душе мечтая, чтобы она попросила меня сопровождать ее.

— Это решение не хуже любого другого. Вернуться домой я никогда не смогу, а работу найти нужно. Как я понимаю, менодиане платят регулярно...

Райдер улыбнулся. Вопрос вознаграждения мы с ним не обсуждали.

— Конечно. Значит, решено? Отправляемся сегодня же вечером?

— Завтрашнее утро — это тоже достаточно быстро, — ответил я; я все еще испытывал странное нежелание отправляться в путь. Может быть, дело заключалось в том, что мне

не хотелось расставаться с Блейз. Я не знал, встретимся ли мы еще когда-нибудь, и мысль об этом причиняла мучительную боль. Я посмотрел на Блейз и удивился сам себе: подумать только, тридцатилетний мужчина, а влюбился так отчаянно...

Райдер кивнул:

— Как пожелаешь. Пойду предупрежу капитана Скарри.

Когда он повернулся и направился к спуску в порт, мы с Блейз двинулись ко входу с крыши во внутренние помещения дворца. Стражники вытянулись при нашем приближении и отдали честь. Я почувствовал запах любопытства, которое воины пытались скрыть. Мы с Блейз оба теперь для жителей Ксолкаса были героями: Блейз из-за своей схватки с дун-магом и чудесного спасения, когда удар Мортреда обрушил в море один из островов, а я — из-за того, что убил Мортреда. Я не понимал, почему это убийство вызывает такое восхищение: его магия на меня не действовала, первый удар я нанес ему сзади, а потом вообще чуть не упустил. В конце концов он умер, когда я рассек ему горло и нанес удар по ране. В моих действиях не было ничего героического...

Мы с Блейз молча спустились по лестнице. Было так много всего, что я хотел ей сказать, но я не мог выдавить из себя ни слова. Наконец я пробормотал:

— Пожалуй, действительно нет смысла в том, чтобы мне плыть с тобой. К тому времени, когда мы догнали бы Флейм...

— Ты считаешь, что мне не удастся ее спасти. — Это было утверждение, а не вопрос, и за ним скрывался тяжелый груз, лежащий на душе Блейз: она когда-то пообещала Флейм убить ее, если спасение и исцеление окажутся невозможны.

Я покачал головой. Я ведь видел, что осквернение дун-магией сделало с Джинной.

— Она сильная, — с яростью сказала Блейз, когда мы дошли до ее комнаты. — Кел, нам нужно кое-что обсудить.

Зайди ко мне. — Она потянула меня в комнату, усадила в кресло, потом отошла к столу, чтобы налить нам обоим вина. — Мне нужен совет.

— Мой совет? Да помогут нам небеса, Блейз, я мало что могу сказать тебе, чего бы ты уже не знала.

— Нет, много. О беременности, о родах, о снадобьях — тех, которые вызывают выкидыш, и о снотворных. Что бы ни случилось, ребенка я обязательно должна убить, я это знаю. А Флейм я убивать не хочу, если будет хоть какой-то шанс этого избежать. Только не могу же я явиться к ней и велеть отправиться со мной на Тенкор, где ее могут излечить. Она не захочет излечиться. К тому времени, когда я до нее доберусь, она уже будет злой колдуньей. Вот я и думаю, планирую, прикидываю: как бы мне подобраться к ней достаточно близко... как доставить ее через все Средние острова без ее согласия. Не смотри на меня так изумленно, ты, травоядный приятель селверов. Я не всегда бегая, размахивая мечом, а думать начинаю только потом. Я хочу тщательно спланировать свои действия.

Мне удалось улыбнуться.

— Я никогда не недооценивал твой интеллект, Блейз.

— Врунишка!

Я рассмеялся.

— Ну, скажем так: не очень часто... и уж в последнее время определенно нет. Так что ты планируешь?

— Для начала мне нужно найти силва, который согласился бы мне сопутствовать.

— Кто это может быть?

— Кто-нибудь, кого соблазнят деньги, которые я ему предложу. К счастью, Ксетиана проявила щедрость.

— Разве возможно найти силва, который нуждался бы в деньгах? Большинство из них богаты: они пользуются своей

магией, чтобы получить преимущество в любых делах. К тому же, как я понимаю, на Ксолкасе немного силвов, так же как и обладающих Взглядом.

— Я и не думала о жителях Ксолкаса. Я знаю место, где можно найти силвов, пострадавших от пренебрежения и угнетения и к тому же жаждущих мести. Оно мне более или менее по дороге. — Блейз села со мной рядом и рассказала, что придумала.

Когда она закончила, сердце у меня болезненно колотилось.

— И это, — сказал я в пустоту, — она называет разумным планированием! Блейз, на тебя напала морская лихорадка и ты бредишь!

— Может быть.

— Ты принимаешь как данность, что Флейм отправилась на Брет и что ты сумеешь найти покладистого силва, который согласится помочь тебе, рискуя собственной жизнью.

— Да, — безмятежно подтвердила Блейз. — Так можешь ты дать мне какие-нибудь полезные советы?

Я вздохнул, понимая, что отговорить ее мне не удастся. Лучшее, что я мог для нее сделать — да и единственное к тому же, — это было дать ей как можно больше информации.

— Ладно, — сказал я, — слушай, и слушай хорошенько.

Мы не спали почти всю ночь, и все это время я думал о том, что скорее всего никакие мои советы не помогут. Блейз отправлялась на верную смерть, и даже если ей удастся уцелеть, шанса, что Флейм станет прежней, почти не существовало. Если бы я мог любым способом заставить Блейз отказаться от задуманного, я бы сделал это.

Наконец на рассвете я поднялся, чтобы уйти, и помедлил у двери.

— Я могу передумать и присоединиться к тебе, — сказал я Блейз и сглотнул. — Я хотел бы быть с тобой. — Именно это я и хотел сказать ей давно.

— Соблазнительное предложение, — признала она. — Твой нос был бы очень полезен...

— Приятно, когда тебя ценят, — фыркнул я.

Однако отвлечь Блейз мне не удалось.

— ...Только если я доставлю Флейм на Тенкор, а Тор еще не найдет способа ей помочь, тогда окажется, что я трудилась напрасно. Тору ты тоже нужен — больше, чем мне.

Боль пронзила мое сердце, но я кивнул, принимая ее решение, принимая обязанность, которую, как я думал, мне едва ли удастся выполнить успешно.

— Вот еще что, — добавила Блейз. — Мне нужно снотворное снадобье и яд — на всякий случай.

— Как правило, своих пациентов я не траваю.

— Я об этом знаю.

Я подавил отвращение и стал обдумывать ее просьбу.

— Ладно, я кое-что тебе дам. Это растительный экстракт, раствор которого я использую для очищения медицинских инструментов. Если его неразведенным принять внутрь, смерть будет безболезненной... и быстрой.

Запах ее отчаяния едва не задушил меня. Я не мог выдать из себя больше ни слова, сколько бы ни старался. Я потянулся к Блейз и обнял ее.

— Мне так жаль, — прошептал я, чувствуя, как ее мощной волной обрушивается на меня. — Мне ужасно, ужасно жаль. Хотел бы я оказаться мудрее... если бы я заметил ее беременность...

— Мы оба делали ошибки, — прошептала Блейз. — Иногда так случается.

Я почувствовал, что глаза у меня увлажнились. Она однажды сказала мне, что Флейм — единственная подруга, какая у нее только когда-либо была. В этом было что-то невероятно

грустное: чтобы женщина ее возраста так долго была такой одинокой.

— Будь осторожна, ладно? — прошептал я. — Конечно, это глупая просьба, я понимаю. Ты всю жизнь сама о себе заботилась, но... но на этот раз задеты твои чувства. Постарайся не позволить эмоциям затуманить твой взгляд, девонька.

Дрожь в голосе выдала меня. Блейз немного отстранилась и посмотрела мне в лицо. Потом она протянула руку и коснулась слезы у меня на щеке.

— Мало найдется людей, которые плакали бы по мне, — тихо сказала она. — Чертовски мало, говоря по правде. Ты славный парень, Келвин Гилфитер. Не тревожься, здоровенный мой недотепа.

Она здорово передразнила мой выговор, и я не мог не рассмеяться. Так мы и расстались — смеясь.

Лучше бы она пригласила меня к себе в постель...

Дек был в отведенной нам с ним комнате. Ксетиана подарила ему меч в благодарность за участие в освобождении Ксол-каса от дун-магов; когда я вошел, он полировал клинок, хотя на том давно уже не было ни пятнышка. Дек был горд, как подросток у нас на Небесной равнине, заработавший своего первого селвера.

— Блейз говорит, что завтра утром мы отправляемся. — Дек едва не подпрыгивал от возбуждения.

— Да, — ответил я, — она мне только что об этом сказала. Мы с Райдером тоже отплываем с капитаном Скарри.

Дек вздохнул.

— И почему ты не можешь ехать с нами? В конце концов, ты же любишь ее, верно?

— Флейм? — изумленно переспросил я.

— Нет, конечно. Блейз.

Я смотрел на него, разинув рот. Неужели мои чувства так очевидны? Потом я закрыл рот и стиснул зубы. «Ну и простак ты, пастух, — думал я, — носишь сердце нараспашку, так что всем все ясно с первого взгляда».

— Надеюсь, ты не проболтался об этом Блейз, — прорычал я.

— Нет, ясное дело. Я же не тупой. — Он слегка подчеркнул слово «я». — К тому же ее это не интересует. Она все посматривает на сир-Райдера. — Дек вздохнул. — Совсем как в историях, которые рассказывала мне мама — о героях и безотв... безответственной любви.

— Ах, ради всех медуз на свете, заткнись, Дек. И любовь бывает безответной, а не безответственной.

Дек надулся и замолчал, а я стал складывать вещи в мешок.

Через несколько минут я понял, что не могу больше выдержать. Возмущение Дека имело слишком уж сильный и острый запах.

— Хочу попросить тебя об одном, — наконец сказал я. — Это важная услуга...

— Присматривать за Блейз? — предположил Дек. Горячность, с которой он отнесся к этой идее, была как раз тем, чего я боялся.

— Э-э... нет, не совсем. Скорее наоборот. Блейз вполне способна рискнуть ради тебя собственной безопасностью. Она чувствует ответственность за тебя.

— Ах, ты хочешь сказать — для нее это дело чести?

Я подавил вздох.

— Да, если угодно, для нее это дело чести. Дек, я знаю, твоя мать учила тебя, что мужчины должны заботиться о женщинах и проявлять благородство...

Глаза Дека стали круглыми.

— Откуда ты об этом узнал?

— Я же знаком с сыном, которого она воспитала, — серьезно ответил я. — Юношей, полным отваги и чувства чести. Но я говорю тебе о другом: ты не должен подвергать Блейз опасности, потому что в случае чего она должна будет прийти тебе на помощь. Ты меня понял?

Дек обдумал мои слова.

— Понял, наверное. Я должен делать то, что она скажет, даже если она скажет не делать ничего. Если я ввяжусь в схватку и все такое, я проиграю. Лучший способ проявить благородство — позаботиться о том, чтобы Блейз не приходилось рисковать, выручая меня.

— Именно. Делай то, что делал на Порфе, сражайся, только когда окажешься вынужден, когда не будет другого выхода, и тогда все будет в порядке.

Дек кивнул:

— Можешь положиться на меня, сир-врач. Клянусь.

Оставалось только надеяться, что он сдержит слово.

Прощание на следующее утро было таким тяжелым, как я и ожидал. Даже, пожалуй, еще хуже, потому что моментом воспользовался Райдер, а не я. Он подошел к Блейз на причале и протянул свой калментский меч в ножнах. Блейз лишилась своего клинка и портупен, когда обрушилась скала, на которой она стояла.

— Хочу, чтобы у тебя был этот меч, — сказал Райдер.

Мгновение Блейз молчала и не шевелилась. Он застал ее врасплох, и запах, который я уловил, говорил о смеси разных чувств: любви, печали, изумления. Потом она отвела глаза от клинка и посмотрела ему в лицо.

— Он был подарен тебе.

— Я патриарх, — ответил Райдер, — мне не пристало носить оружие. Моя дорога... моя дорога ведет теперь в дру-

гом направлении. Мне будет приятно знать, что меч — в твоих руках. Мне нужно знать, что ты в безопасности — в силах защищаться, насколько это возможно. Мы оба знаем, что калментский меч дает владельцу дополнительное преимущество в схватке благодаря своей длине и легкости.

Блейз кивнула и взяла клинок. Надев португепю, она подошла к нему и поцеловала в губы.

— Спасибо тебе, — сказала она и добавила: — Какое бы зло мы ни причинили тебе, ты сумеешь его преодолеть, Тор. — Блейз говорила, конечно, о нашем решении просить экс-силлов исцелить его раны и об осквернении его дун-магией, возникшем вследствие этого.

— По милости Бога, — ответил Райдер. — Я прошу простить меня за некоторые вещи, которые я говорил и тебе, и Келвину. В том, что случилось, вашей вины нет. Я уже сумел примириться с прошлым.

По какой-то причине слова Райдера не приободрили Блейз. Она кивнула, потом повернулась на каблуке и двинулась вверх по сходням. Оказавшись на палубе, она подошла к поручням, где уже переминался Дек, и посмотрела на нас.

Я стоял рядом с Райдером, но со мной она не попрощалась.

Я все еще мало смыслил в кораблях, но даже я видел: бриг, на котором отплывает Блейз, особенный. Ксетиане этикет не позволил явиться в порт, чтобы попрощаться с Блейз, но она отдала ей лучшее, что имела: самый быстрый корабль, умелую команду и припасы. К тому же Блейз получила от нее увесистый кошелек — плату, как сказала Ксетиана, за то, что Ксолкасу в будущем не будут угрожать соседи — дун-маги.

Райдер поднял руку, прощаясь, и двинулся к нашей шхуне, привязанной у соседнего причала. По размеру она вдвое уступала бригу.

Я остался стоять там, где стоял. Мне нужна была еще одна возможность — как ради нее, так и ради себя — попытаться отговорить Блейз рисковать собой в погоне за недостижимым.

— Блейз, — сказал я, когда Райдер уже не мог меня слышать, — ты должна еще раз обдумать то, что собираешься делать. Если ты привезешь Флейм на Тенкор, это ничего не изменит, — у нас едва ли будет для нее лекарство. Я не верю, что нам удастся найти средство от магии. — Я знал, что предлагаю ей совершить двойное убийство, и запах моего стыда был настолько силен, что я почти задохнулся.

В ответ ветерок донес до меня запах ее боли.

— Тор совершенно уверен в том, что вы преуспеете. А раз так, я намерена привезти ее на Тенкор для излечения.

Идея принудить сопротивляющуюся злую колдунью пересечь все Средние острова была самоубийственной. Я почувствовал сухость во рту. Все это мы с Блейз уже обсуждали, и говорить больше было не о чем, но все же я сказал:

— А если она не захочет?

— В прошлом я привозила в Ступицу нарушителей закона, за головы которых хранители назначали награду, не забывай. Это можно сделать. Хотела бы я знать, почему Тор так уверен в том, что лекарство может быть найдено...

Ответа на этот вопрос я не знал.

— Он не хочет мне говорить. Думаю, он полагает, что я не поверю в его доводы, когда их услышу. Блейз, я знаю, что ты любишь Флейм, но есть вещи, которые просто невозможно сделать.

Она кивнула, но я чувствовал, что от надежды она не отказалась. Мне хотелось сказать Блейз: «Я люблю тебя. Пожалуйста, не делай этого». Вместо этого я просто стоял на месте, как неуклюжий пастух — каковым я и был.

— До свидания, Кел, — сказала Блейз.

Я кивнул, не доверяя своей способности говорить, потом улыбнулся Деку и ушел.

На шхуне Райдер уже отдавал приказания поднимать паруса. Я подумал о том, что, должно быть, менодиане изрядно раскошелились, чтобы оплатить это путешествие: уж очень услужлив был капитан Скарри.

Когда я поднялся по сходням, Райдер улыбнулся мне:

— Ты напрасно так тревожишься, Гилфитер.

— Прошу прощения?

— Ты думаешь, что Блейз попытается привезти Флейм на Тенкор.

Я вытаращил на него глаза. Он что, читает мысли или умеет читать по губам? Или как патриарх он знаком с мыслями слышном многих грешников, чтобы не догадываться о том, что бывает у людей на уме?

— Этого не случится, — продолжал он. — Блейз никогда не нарушает своего слова, Гилфитер. А она обещала Флейм, что не оставит ее в живых, если та станет злой колдуньей.

— Она не сможет такого сделать, — возразил я с равной уверенностью. — Она собирается привезти Флейм к нам в надежде на то, что мы совершим чудо и исцелим ее. Это совершенно нереалистичные ожидания, и породил их ты, а не я.

— Я пытался убедить Блейз положиться на Бога и сделать именно это, если удастся, — сказал Райдер, — но не думаю, что она так и поступит. Она собирается убить Флейм и ее ребенка. — Я по запаху чувствовал, что он сожалеет, но уверен в своих словах.

— Не сделает она этого, — упрямо повторил я, — вот увидишь.

Мы обменялись взглядами. Мы вели какую-то дурацкую игру: каждый хотел показать, что знает Блейз лучше соперни-

ка. Думаю, нам обоим хватало совести стыдиться своего глупого поведения.

Пока мы в сопровождении крикливых морских птиц выбирались из лабиринта внешних островов, я размышлял об иронии судьбы: я, врач и пацифист, надеялся, что женщина, которую я люблю, убьет свою лучшую подругу, убьет Флейм, которой я восхищался.

Я проделал долгий путь с того дня, когда впервые встретил Блейз и Флейм, с того дня, когда я убил свою жену, чтобы избавить ее от мучительной смерти — побивания камнями. Тот день обрек меня на вечное изгнание — из родного дома, от близких. Путь, на который я тогда вступил, изменил всех нас, и не всеми переменами мы могли гордиться. Я иногда гадаю: не стала бы жизнь Эларна Джейдона совсем иной, если бы наши дорожки не пересеклись, когда мы прибыли на Тенкор...

Аниара айси Терон

Запись в дневнике

44 первого месяца Двух Лун, 1794

Завтра мы в первый раз сходим на берег: в порту Масцеразия на острове Меринон, колонии Королевских Штатов. В иллюминатор я уже вижу пляж... и пальмы! Самые первые пальмы в моей жизни! Какие же они грациозные и прекрасные!

Я написала множество писем в Послеморье, которые захватит какой-нибудь корабль, хотя какие новости могу я сообщить после трех недель на борту? Так что я просто сообщила своим родным и друзьям, что сестра Лескаль доводит меня до безумия своими молитвами и проповедями; что я с нетерпением жду возможности завтра ступить на твердую землю и страстно мечтаю о свежей пище; что я никогда не думала, что солонина и пикули могут так надоесть.

Ах, Боже, прошло всего три недели, а я уже жалуюсь! Шор злорадно воскликнул бы: «Я же говорил!», если бы прочел то, что я только что написала. Мы завершили всего десятую часть своего путешествия, нам предстоит зайти еще в четыре порта, прежде чем мы отправимся через Неизвестное море к Райским островам.

Мы с Шором продолжаем избегать друг друга. Иногда я думаю, что он ведет себя чересчур по-детски. Сегодня,

впрочем, он подошел и заговорил со мной, когда я вышла на палубу. Я подумала было, что он решил, так сказать, похоронить недоброжелательство, но нет: он хотел, чтобы я призналась в том, что тоскую по дому и должна поэтому сесть на корабль, отправляющийся с Меринона в Послеморье!

К счастью, в Натане я нашла доброго друга. Он обучает меня языку Райских островов, чтобы я смогла общаться с местными жителями без помощи переводчика: это сделает его безработным, как он со смехом говорит. Он показал мне свои рисунки, сделанные на Райских островах; он не особенно хороший рисовальщик, но обладает острым глазом и подмечает детали, и мне было чрезвычайно интересно ознакомиться с его впечатлениями от этих людей, их земель, их обычаев, таких отличных от всего, что я знаю. Если бы не его наброски баркасов и пловцов, не думаю, что мне удалось бы представить себе то, что описывает Эларн Джейдон. Теперь же, увидев рисунки Натана, я стала понимать, о чем речь: о приливных волнах, несущихся вверх по заливу, о «полозьях», которые используют пловцы. Если бы не рисунки, я подумала бы, что они плавают на чем-то вроде каноэ, но на самом деле их полозья совсем другое, хоть и снабжены веслами. Полозья гораздо длиннее и уже каноэ и к тому же более мелкие. Натан рассказал мне, что их делают из очень легкого и плавучего дерева, а потом покрывают воском для водонепроницаемости. На рисунках полозья выглядят так элегантно, что мне не терпится увидеть их воочию. Интересно, смогла бы я прокатиться на таком? Натан говорит, что заплывы на приливной волне от Тенкора до Ступицы продолжаются по сей день.

Даже если Шор прав и магии не существует, для меня все это — настоящее волшебство.

Глава 5

РАССКАЗЧИК — ЭЛАРН

Я сидел на своем полозе и ждал, свесив ноги по обе стороны для равновесия. Мне то и дело приходилось пользоваться веслом: хоть течение при отливе и было еле заметным, иначе не удалось бы оставаться на месте. Низ моего полоза от песчаного дна отделяла вода на ширину ладони. Несколько морских луковниц, прозрачных как стекло, поспешно зарылись в песок, когда на них легла тень полоза. Часы на здании Гильдии показывали, что мне остается ждать еще минут десять — если приливная волна явится как положено. У меня было вполне достаточно времени на то, чтобы обдумать случившееся за день.

Я оглянулся назад и влево, в сторону верфей. На одном конце, перед зданием Гильдии, виднелась единственная фигура; человек наблюдал за мной. На другом конце, где теснились рыбацьи лодки, каботажные пакетботы и торговые суда, как обычно, суетились грузчики и портовые рабочие. Именно здесь происходило перемещение нетерпеливых пассажиров и товаров с больших океанских судов на плоскодонные тенкорские баркасы. Толкотня могла бы быть и еще большей, если бы не то обстоятельство, что в этот день приливная волна была спокойным Гольяном — слишком низкой, чтобы нести по заливу баркасы Гильдии. В тот день баркасы уже отправились на рассвете — с более сильным приливом-Дельфином. В ре-

зультате в Ступицу сейчас отбывал только я с пакетами писем, которые было необходимо доставить. Мне были поручены не только письма отца и обычная коммерческая переписка, но и пакет от верховного патриарха главе Совета хранителей.

Я помахал стоящему у здания Гильдии парнишке — это был Денни. Обычно каждый раз, когда я отправлялся в заплыв, на причале собиралась целая толпа женщин и детей. Как и большинство пловцов, я имел собственных обожателей — по правде говоря, в большем числе, чем другие. Женщины бывали разборчивы и изучали расписание заплывов, чтобы проводить или встретить своих любимых пловцов. Многие давали понять, что не прочь оказать и другие услуги — бесплатно. Подобное обожание озадачивало меня, но я был, как и любой парень, восприимчив к их прелестям; все знали, что я не откажусь от предлагаемых милостей, если только в этот момент не имею постоянной подружки. Поведение мальчишек было легче понять: все они мечтали в один прекрасный день сами стать пловцами и пользовались любой возможностью поучиться у своих героев. Я и сам в детстве вел себя точно так же.

В тот день, однако, никто не пришел на причал, кроме Денни. Я не был уверен, что он вспомнит о своих обязанностях после всего, что случилось этим утром, но он не подвел меня — и Гильдию тоже. Он ждал меня в полной готовности: уложив запас еды в углубление позади сиденья и закрепив бурдюк с водой в креплении.

— Сандвичи с говядиной, — сообщил он мне, когда я спустился на причал.

— Ты знаешь, что случилось? — спросил я, разуваясь. Я влез на полоз, опираясь на руки, чтобы сохранить равновесие, и уселся верхом. Это требует определенного искусства: полоз — не лодка и не каноэ; он, конечно, имеет сиденье и опоры для

ног, но все же сидите вы поверх своего суденышка. Если войти в него, как вы входите в лодку, оно тотчас перевернется.

Денни кивнул:

— Говорят, те голые люди все были птицами. Это правда?

— По-видимому. — Я повернулся, чтобы положить письмо поверх своего завтрака, потом плотно закрыл крышку.

— Тут поработала дун-магия?

— Так мне сказали в Гильдии. — Я не стал рассказывать ему больше; он и так скоро услышит все сплетни, а уж их-то будет в избытке.

Я ожидал, что Денни убежит, как только я оттолкнусь от причала, но он остался, дожидаясь, когда я отправлюсь в путь. Я, вернувшись, обязательно отмечу это: наверняка ему нелегко было, не обращая внимания на то, что творилось в городе, спокойно заниматься своим делом.

Я снова бросил взгляд на часы на башне Гильдии. Еще пять минут... Я застегнул ремень на щиколотке и проверил, крепко ли привязан другой его конец к полозу; петлю, прикрепленную к веслу, я еще раньше надел на запястье. Всякий, кому случалось терять контакт с полозом или с веслом на поддороги — а мне пришлось раньше испытать и то и другое, — проявляет особую заботу о том, чтобы такое с ним больше не случилось. Те происшествия мне и вспоминать не хотелось.

Мне не сиделось спокойно. Я позволил своему взгляду скользнуть от гавани вверх, к строениям на холме. С набережной ту часть города соединяли ленты крутых улиц, вдоль которых выстроились дома; однако величественный вид Хейвену придавали общественные здания — устремленное вверх, как волна, святилище с венчающими его шпилями, здание Синода, где находилась резиденция верховного патриарха и его ведомство, бюро матриарха с похожими на луковицы куполами,

университет с башнями на каждом углу, ни одна из которых не была похожа на соседнюю, библиотека со спиральными колоннами, менодианская сокровищница со своими лоджиями, обсерватория с плоской крышей, телескопами, разукрашенными флюгерами и анемометром, здание Гильдии, где находился кабинет моего отца. Мы, молодые пловцы, притворялись равнодушными ко всему этому, но я, рожденный на Тенкоре, не мог не испытывать гордости, глядя на элегантные каменные строения на вершине холма.

Для того чтобы восхищаться всем, связанным с менодианской патриархией, имелись еще более веские основания. Многие патриархи были не местными уроженцами — они происходили с самых разных островов, — но все они гордились Тенкором. Они часто повторяли, что в Хейвене находится административное сердце менодианства, его святая душа, средоточие политической проницательности, энциклопедического ума, материального богатства. По легендам, Тенкор принадлежал менодианам с момента возникновения этой религии. Действительно, составляющие его острова вскормили нашу веру, здесь она достигла зрелости, и здесь отцы-основатели воздвигли первые святилища, где проповедовали святые, мужчины и женщины. На Тенкорских островах мы, менодиане, всегда чувствовали себя в безопасности.

Поэтому особенно тяжело было примириться с тем, что в тот день так много людей здесь погибло; тяжело примириться с тем, что дун-магия каким-то образом проникла в самое сердце Тенкора. Казалось, зло нанесло удар в самое чувствительное место и разрушило наше убежище.

«Были ли дастелцы-птицы разумны? — гадал я. — Какво было им жить скованными цепями мерзкого заклинания? Знали ли те, кто выжил после исчезновения Даistel, что с ними случилось?»

Мои мысли помимо моей воли вернулись к Цисси. В один момент — живой, и тут же... просто исчезнувшей. Эти пустые глаза, смотревшие на меня все еще с укором... Я старался не думать о другой жизни, которую она унесла с собой... сейчас это было не важно. Моей вины в том не было. Ни в чем тут не было моей вины.

Почему же тогда я чувствую себя таким виноватым? Виноватым не потому, что так случилось, а потому, что не испытывал особой печали. Давай будем честны, Эларн: никакой печали я не испытывал.

Я снова взглянул на часы: еще две минуты, если Гольян явится вовремя; впрочем, приливные волны не отличались пунктуальностью. На прилив могло воздействовать множество факторов. Я посмотрел на юг. Тенкор составляли шесть островов, которые обычно считали одним, возможно, потому, что при низкой воде все они соединялись песчаными косами. Еще пять вытянулись вдоль западного берега залива Ступицы, кончаясь самым крупным — Внешним Тенкором у самого выхода в океан, в добрых двадцати пяти милях от Хейвена. Остров, который называют просто Тенкорским Холмом, где и находится Хейвен, единственный из всех густо заселен. По остальным разбросаны маленькие рыбачьи деревушки и мелкие фермы, но зато множество святилищ.

Глядя на юг, я видел стоячую волну — длинную белую линию далеко у берегов Нижнего Тенкора, где последние воды отлива боролись за выход в океан с наступающим приливом; на краткий момент прилив и отлив достигли равновесия. Ну, теперь уже скоро... Я посмотрел вперед, на север, куда мне и предстояло плыть. Залив Ступицы тянулся вдаль, длинный водяной палец, указывающий на самое сердце островов Хранителей; его ограничивали с обеих сторон полосы суши —

Девятая и Десятая Спицы. У основания пальца располагался занимающий стратегически важное положение Внешний Тенкор, как камень в невидимом кольце, надетом на палец. На кончике же пальца находилась Ступица, столица архипелага. К вечеру я буду там.

Часто говорят, что пловцы укрощают волны самым фактом того, что мчатся на них; что, если бы не было полозьев или серфингистов, седлающих прилив, напор воды в Ступице был бы так силен, что опрокинул бы все суда, стоящие в гавани, смыл бы с набережной все склады и потопил элегантные дома, выстроенные на самом берегу. Споры об этом идут до сих пор, даже после тех событий...

Я — один из немногих еще остающихся в живых людей, кто знает все о случившемся в тот день, когда пловцы побоялись оседлать прилив.

Однако я опять отвлекся.

Уж ты прости меня: я старый человек и не так хорошо соображаю, как раньше.

Ты всегда слышишь прилив до того, как увидишь: рев воды заполняет уши звуком невероятной мощи. Даже Гольян громогласен. А уж если услышишь издали прилив месяца Темной Луны, тот, который мы называем Королем-Китом, то тебе покажется, что гора сорвалась со своего основания и рушится в океан.

Это самый волнующий звук, который только может слышать человек. Я дрожу, когда он раздается, даже теперь; в его власти все еще наполнить меня жаждой ощутить под собой полоз; он разжигает во мне желание еще раз промчаться по заливу Ступицы, почувствовать, как прилив поднимает полоз и ты взлетаешь на гребень волны и мчишься вместе с ветром...

В Ступицу я добрался перед закатом. Как всегда, я чувствовал усталость. Плечи болели, бедра болели, болело все. В этом не было ничего нового. Во время заплыва часто приходилось сильными ударами весла направлять полоз, чтобы не потерять волну, которая неожиданно начинает ускользать от тебя, или чтобы не угодить в тихую заводь, или чтобы не напороться на камень или плавник, принесенный отливом. Нужно было постоянно оставаться настороже, быть готовым своевременным гребком улучшить свое положение на волне. Приходилось оставаться в напряжении, готовым ко всему на протяжении нескольких часов. Это сказывалось. Всегда.

Я позволил полозу соскользнуть с волны и направил его в глубь гавани, защищенной от ярости океана волноломом. Голыан вспенивал воды реки, катился между уходящими в глубину стенами дамбы и постепенно терял силу выше по течению. После того как волна миновала дамбу, ворота в ней закрывались, задерживая в русле реки воды прилива; потом, когда требовалось во время отлива создать волну для путешествия вниз по течению, ворота открывались.

Я подгреб к пирсу, принадлежавшему нашей Гильдии, и ко мне подошел дежурный гильдиец. Больше никого поблизости не было: ни восторженных поклонников, ни зевак. Даже у пирса Совета хранителей, где были пришвартованы «Честь хранителей», «Гордость хранителей» и еще несколько судов, царило безлюдье.

— Привет, Марис, — устало сказал я, без особой радости думая о том, что мне скоро снова предстоит пуститься в путь, — можно предположить, судя по тишине в гавани, что у вас тоже утром с неба падали люди.

Он кивнул с мрачным видом, беря у меня весло и помогая вытащить полоз из воды.

— Это не предмет для шуток, — сказал он мне.

— Я совсем не нахожу это смешным, поверь. Что тут произошло?

— Говорят, птицы превратились в людей, и те, кто в это время летел, упали. Разные ходят слухи. Все нервничают, то и дело оглядываются через плечо, опасаясь, что вокрут шныряют дун-маги. Совет хранителей выпустил обращение, но кто в Гильдии верит Совету? А что происходило на Тенкоре?

— Примерно то же самое. Мне нужно быстро помыться и переодеться, а потом побывать у главы Совета. У меня для него два письма.

Марис пошел со мной вместе к зданию Гильдии.

— Ах, это будет не так легко, как ты думаешь. В Совете царит переполох: сегодня утром умер Эммерлинд Бартбарик.

Я вытаращил на него глаза. Глава Совета был стар, но все же совпадение казалось странным.

— Только не говори мне, что его убила упавшая птица, — выпалил я.

— Нет. Впрочем, твоя догадка не так уж далека от истины. В то время он гулял в своем саду, и там прыгало несколько птичек. Когда они превратились в людей, у Бартбарика случился сердечный приступ. Через час он умер. Из-за этого в городе началась еще большая неразбериха. Сын Эммерлинда Фотерли пытается добиться, чтобы его выбрали новым главой Совета, а сир-силв Датрик потребовал прибытия всех членов Совета для выборов. Похоже на то, что во время происшествия с птицами Фотерли растерялся, а Датрик, наоборот, сразу все объяснил: сказал, что это связано с каким-то дун-магом с Дастел. Я сам не читал выпущенного Советом обращения, но благодаря Датрику в нем появилось объяснение случившегося как раз тогда, когда в нем была наибольшая нужда. Когда дело дойдет до выборов, думаю, Датрик выиграет, несмотря на свое

фиаско на косе Гортан и предательство его агента. Как, кстати, ее зовут?

— Блейз Полукровка. — Я знал ее в лицо: она достаточно часто бывала пассажиркой на наших кораблях. Говорили, будто она недавно поставила Датрика в глупое положение, спрятав от него какую-то женщину, или что-то в этом роде.

— Политически тут некоторое время будет путаница, — сказал Марис. — Ты ведь знаешь, что менодианская патриархия, хоть этого во всеуслышание и не объявляет, смотрит на силв-магию как на дело нечестивое, немногим лучше черного греха дун-магии...

Я остановился в вестибюле, чтобы взять ключ от своей комнаты.

— Ну, хоть и не объявляет во всеуслышание... — Я расписался в книге. — Некоторые патриархи в других островных государствах в своих святилищах открыто обличают всякую магию, как я слышал.

— Правда? Ну, здесь такое не пройдет: слишком много силвов среди прихожан местных менодианских храмов. — Он был прав. Как ни парадоксально это могло бы показаться, менодианская вера была крепче на островах Хранителей, чем где-либо еще, а в Ступице было больше святилищ, чем в любом другом городе. Существовала даже группа хранителей, именовавших себя «этичными силвами», пытавшихся сочетать силу силвов с менодианской моралью. — Впрочем, — продолжал Марис, — после того, что случилось сегодня утром, многие стали говорить, что запретить следует любую магию. Патриархи на эту тему пока не высказывались — они слишком заняты, оказывая помощь пострадавшим, — но я подозреваю, что они поддержат такие настроения.

Направляясь в свою комнату, я поморщился. Марис был прав. Путаница, несомненно, возникнет. Правители из Сове-

та хранителей могли ненавидеть менодианскую патриархию, но не рисковали наступать ей на ноги. Получив власть по воле народа, советники, не угодившие избирателям, могли ее и лишиться. Тем не менее сейчас, как мне казалось, было вполне возможно, что Совет и патриархия схлестнутся в открытую.

Умываясь и переодеваясь, я думал о смерти главы Совета. Мы, жители Тенкора, и менодианская патриархия внимательно следили за тем, что происходило на главном из островов Хранителей; часто говорили даже, что Тенкор узнает, что происходит в Ступице, раньше, чем это становится известно в самой столице. Мой отец, как было мне известно, поддерживал Датрика, главным образом потому, что на дух не переносил Фотерли, называя его мелким интриганом, хоть и был не таким человеком, чтобы в открытую критиковать членов Совета. Я соглашался с его мнением, только сомневался, что Датрик окажется лучше: просто он был хитрее и, возможно, безжалостнее. Я несколько раз встречался с ним и даже бывал у него дома. Мне не нравился ни сам Датрик, ни его высокомерная жена, ни зазнайка-дочь. Мысль о том, что он может стать правителем островов Хранителей, была неприятной.

И мы тут были бессильны.

Тенкор являлся, конечно, частью государства хранителей, но наша Гильдия правила только на нем и должна была следовать политике Совета. Все граждане островов Хранителей участвовали в выборах, но главу Совета, в руках которого сосредоточивалась власть, выбирали сами советники.

Для предстоящей встречи с сир-силвом советником Датриком я оделся очень тщательно, выбрав самые изысканные предметы туалета из тех, что хранились в моей комнате. Потом я направился к зданию Совета, намереваясь вести себя самым осмотрительным образом. Я мог быть неосторожным, даже безрассудным в частной жизни, но я оставался челове-

ком Гильдии, воспитанным в убеждении, что только верность Гильдии делает мужчину мужчиной.

Кроме того, житель Тенкора должен был в столице вести себя сдержанно.

Отношения между Советом хранителей (в который входили исключительно силвы), менодианским Синодом (члены которого, как правило, обладали Взглядом) и Гильдией (состоящей по преимуществу из не обладающих никаким даром менодиан) были сложными и напряженными. На взгляд Совета, верность патриархии островам Хранителей была сомнительной, поскольку очень многие патриархи и матриархи имели другое гражданство. Силвы к тому же испытывали естественную антипатию к обладающим Взглядом, поскольку тех не обманывали созданные силвами иллюзии, а никому из длинноносых не хотелось, чтобы магия, делающая их красавчиками, оказывалась для кого-то очевидной.

Даже будь этого мало, приходилось учитывать тот факт, что люди часто больше всего ненавидят тех, на кого им приходится полагаться, а вся торговля Ступицы зависела от помощи пловцов. Без нас Ступица была бы заштатной деревушкой, лишенной связи с другими Райскими островами. В результате на улицах Ступицы пловцов встречали с почтением и любезностью, но никто из нас не сомневался, что за вежливым фасадом кроется изрядная доля неприязни.

К моему удивлению, в здании Совета Датрика не оказалось. Мне сообщили, что он отправился домой, чтобы переодеться перед заседанием Совета, которое должно было состояться вечером. Чем дожидаться его возвращения, я решил посетить его дома. Дойти туда было нетрудно: как советник Датрик имел дворец на набережной у подножия холма, на котором высилось здание Совета.

Так и случилось, что через несколько минут я звонил в колокольчик у двери резиденции Датрика. Как раз в этот момент мимо проходил фонарщик, зажигая уличные фонари, заливавшие мощные улицы золотым светом. На Тенкоре такой роскоши нет; у нас уличное освещение зависит от щедрости домовладельцев, которые зажигают (или не зажигают) фонари у своих дверей.

Дворецкий, обученный разбираться в нюансах одежды и статуса посетителей, оглядел меня с ног до головы и попросил мою визитную карточку. Когда я ответил, что таковой у меня нет, он вежливо поинтересовался моим именем и тем, кого я желаю видеть. Я назвал, дворецкий извинился за то, что сразу меня не узнал, и проводил в библиотеку. Через несколько минут ко мне вышел Датрик. В то время советнику было немного за сорок; это был высокий красивый мужчина с седыми висками; его внешность, как мне говорили, не была улучшена силв-магией. Точнее всего было бы описать его, на мой взгляд, как аристократичного и изысканного.

Увидев меня, он улыбнулся и подошел, чтобы пожать мне руку.

— Эларн, что-то мы давно не видели тебя в своем доме. Добро пожаловать! Как же ты вырос! Не следует ли мне теперь называть тебя сир-пловец?

Я обнаружил, что невольно улыбаюсь в ответ. Этот человек умел быть очаровательным, когда хотел.

— Пока нет, сир-силв. Мне нужно пройти еще несколько испытаний.

— Уверен, что это не составит для тебя труда. Как мне сказали, ты только что прибыл с Тенкора?

— Да, с последним приливом.

— Не ошибусь ли я, предположив, что Тенкор тоже пострадал от магического феномена сегодня утром? Люди без одеж-

ды и без татуировки, появляющиеся ниоткуда? — Ну конечно, он не мог не подчеркнуть отсутствие татуировки: хранители из Ступицы буквально помешались на свидетельствах гражданства. Они были совершенно уверены в том, что жители всех прочих островов только и мечтают жить в созданном хранителями раю.

— Да, сир-силв. В результате несколько сот человек погибли, насколько мне известно. Э-э... я привез письма для главы Совета, но мне сообщили, что благородный Бартбарик умер. Я решил, что передать их следует тебе. — Я протянул ему письма.

— Действительно... — Датрик взглянул на письма и с легкой улыбкой склонил голову. Мы оба понимали, что мой поступок означает поддержку Гильдией его кандидатуры, и это дает ему преимущество над Фотерли — Фотом Фатом. Может быть, мне и не хотелось бы, чтобы Датрик стал главой Совета, но я точно знал, чего ожидает от меня отец.

— Сир-силв, — сказал я, — я отправляюсь обратно со следующим отливом. Если ты пожелаешь послать ответ...

Он немного подумал, потом кивнул:

— Да, пожалуй, следует это сделать. Эларн, присаживайся и подожди. Я напишу ответ в своем кабинете и пришлю дочь, чтобы она позаботилась о тебе, пока ты ждешь.

Идея не слишком меня привлекала, но отказаться я не мог. Я пробормотал благодарность и сел. Я не виделся с единственной дочерью Датрика, Джесендой, с тех пор, как нам обоим было лет по четырнадцать. Она тогда была прыщавой коренастой коротышкой — совсем не из тех девиц, которые могли бы привлечь парня, к услугам которого было сколько угодно обожателей. Более того, ее внешность нисколько ее не волновала; она была слишком уверена в себе, слишком явно по-

тешалась над деревенщиной с Тенкора. Так по крайней мере мне тогда казалось.

Решив, что не стану показывать, будто нуждаюсь в ее обществе, я поднялся и стал бродить по комнате. Вид из окон второго этажа был потрясающий. Дворец Датрика располагался на берегу, вдали, конечно, от грязи и шума порта, и из окна я мог видеть всю гавань, уходящий вдаль залив и Девятую Спиду. Солнце село, но по воде все еще пробегали отблески — воспоминания о закате. Окружавший дом сад заканчивался пляжем с коротким пирсом и лодочным сараем, которые в сумерках казались черными силуэтами.

Когда стало совсем темно и уже ничего не было видно, я отошел от окна, подошел к книжным полкам и взял первый же заинтересовавший меня том. Это был трактат о приливах на Райских островах, и я уже углубился в него, когда дверь открылась.

Я не торопился поднять взгляд; с книгой в руке я принял небрежную, равнодушную позу — и тут встретился глазами с самой прелестной женщиной, каких только когда-либо видел. Нет, беру свои слова обратно. Она не была прелестна. Она была чувственна — не в обычном смысле пухлых губок, соблазнительных округлостей и призывного взгляда; скорее это было сочетание прекрасной внешности и уверенности в себе. Одного взгляда на нее мне хватило, чтобы понять: в ее присутствии мне будет трудно связать два слова. Потребуется огромное усилие, чтобы думать о чем-либо, кроме возможности оказаться с ней в постели.

Она была примерно одного роста со мной, с густыми каштановыми волосами, падавшими на плечи и казавшимися восхитительно взлохмаченными, словно она только что поспешно запустила в них руку. Глаза у нее были синими, как и у всех уроженок островов Хранителей, и говорили об остром уме. Ее

кожа, более светлая, чем моя, загоревшая на солнце, была безупречна; ее золотистый оттенок наводил на мысли о теплом вечернем солнце. Одета она была с простотой, недавно вошедшей в моду в Ступице: в муслиновое платье без рукавов с юбкой, падавшей складками от талии. Эта мода предлагала поразительное сочетание целомудрия с соблазном; это в полной мере касалось стоящей передо мной женщины. Ее фигура говорила о подвижном образе жизни и одновременно намекала на мягкость всюду, где полагалось. Когда она шла, юбка обрисовывала ее ноги. Взгляд ее был вызывающим. Она не была хорошенькой, но прямой взгляд и пышные волосы в дополнение к этой фигуре и этой коже делали ее потрясающей. Даже то, как она с откровенным интересом оглядела меня с ног до головы, интриговало.

Она улыбнулась; эта широкая улыбка полных губ слишком большого рта была безыскусной и не содержала кокетства, она говорила об искреннем веселье — скорее всего, за мой счет.

С этого момента я пропал.

Глава 6

РАССКАЗЧИК — ЭЛАРН

Я наконец вспомнил, как пользоваться языком, и пересек комнату, чтобы приветствовать чудное видение. Только протянув ей руку, я понял, что передо мной действительно Джесенда, и стряхнул наваждение. По крайней мере попытался. Одна часть моего сознания все еще жаждала наслаждаться видением, в то время как другая говорила: «Она же силв, глупый ты деревенщина, и умеет создавать иллюзии. Без их помощи она, возможно, столь же хороша собой, как морской окунь анфас».

— Джесенда, — сказал я, целуя кончики ее пальцев, как было принято в Ступице, — до чего приятно снова тебя увидеть! Я узнал бы тебя где угодно!

Как отчаянная попытка восстановить защиту это было не так уж плохо, но она тотчас же раскусила меня. Эта девушка была мне не по зубам.

— Не говори ерунды, Эларн. Ты совсем не узнал меня, когда я вошла. А как только ты понял, кто перед тобой, ты решил, что я, пожалуй, мало отличаюсь от той прыщавой девчонки, на которую ты не обращал внимания при прошлой нашей встрече. Ты полагаешь, что я прячу свое уродство за иллюзией, созданной с помощью силв-магии.

Что было совершенно справедливо. Я пожал плечами, чтобы вернуть себе власть над собой.

— Я никогда не позволил бы себе негалантного предположения, будто твоя... э-э... привлекательная внешность является следствием чего-либо иного, кроме дара природы. И ты никогда не была уродиной... даже в том неблагоприятном возрасте. В отличие от меня.

Она фыркнула.

— Тебя называют дамским угодником, и я теперь вижу почему. Ты определенно с успехом преодолел неуклюжесть «того неблагоприятного возраста». — Она еще раз вызываяще оглядела меня. Я внезапно почувствовал, что шнуровка воротника душит меня, и с трудом удержался от того, чтобы распустить ее. Джесенда дернула за шнур звонка, жестом предложив мне сесть в кожаное кресло. — Прошу тебя, садись. Какой чай ты предпочитаешь — горный со Спаттов или равнинный с Сафана?

Ну вот, она еще и выбор предлагает...

— Подойдет любой, спасибо. — У себя дома мы пили самый обычный чай, покупая коробки, на которых просто было написано «Чай с Южных островов». Я положил книгу на низкий столик и сел там, где она предложила. Джесенда села напротив меня.

— Думаю, тебе следует узнать обо мне одну вещь, — сказала она. — Даже несколько вещей.

— Вот как? — Это был единственный ответ, который пришел мне в голову. Я давно уже так не смущался в присутствии молодой женщины. Мне не нравилось быть таким растерянным, но ничего поделать я не мог.

— Я не использую иллюзии, чтобы улучшить свою внешность. Впрочем, признаюсь, что прибегала к иллюзиям при нашей прошлой встрече, хотя и не с целью стать красивее. — Она лукаво улыбнулась — скорее своим воспоминаниям, чем мне. — Как ты верно сказал, то был неблагоприятный воз-

раст. Я считала, что люди должны ценить мой ум и характер, а не смазливое личико.

У меня глаза полезли на лоб. Уж не хотела ли она сказать, что в четырнадцать лет намеренно делала себя непривлекательной? В то, что девчонка такого возраста обладала достаточной уверенностью в себе и апломбом, чтобы пожелать выглядеть прыщавой толстушкой, было трудно поверить. Еще неприятнее была мысль о том, что я тогда был достаточно предсказуем и попался на ее удочку. Я почувствовал, что краснею, и попытался спасти остатки своего самоуважения.

— Ты слишком многого ожидала от четырнадцатилетнего парнишки. Боюсь, что это испытание я самым позорным образом провалил.

— Так и было, — согласилась она.

Я был избавлен от поиска ответа, поскольку вошел слуга, и Джесенда велела ему принести чай. Когда он вышел, она заговорила на другую тему, серьезно спросив:

— По словам отца, на Тенкоре птицы-дастелцы тоже превратились в людей?

Я кивнул:

— Я видел, как это случилось. — Образы внезапно нахлынули на меня, и я ощутил отвращение. Я понял, что не хочу вспоминать все, что видел, и особенно не хочу вспоминать Цисси. — Не возражаешь, если мы не станем говорить об этом? — Впервые с того момента, как она вошла в комнату, я говорил, не взвешивая слова, не заботясь о том, какое впечатление они произведут.

Джесенда с любопытством посмотрела на меня, но, как и положено любезной хозяйке, заговорила о другом. Она показала на книгу, которая лежала на столике, и спросила:

— Ты интересуешься приливами?

— Я же пловец. Для меня приливы не просто интересны, от них зависит моя жизнь.

— Я знаю, что на приливы влияют луны, но не знаю, как это происходит. Ты мне не объяснишь?

Я подумал было, что она просто вежливо поддерживает разговор, но она с таким вниманием ждала моего ответа, что это говорило не просто о случайном интересе.

— Это сложный предмет... — начал я.

— Я сумею разобраться.

«Ах ты, саркастическая сучка», — подумал я, но не смог удержаться и не попытаться произвести впечатление.

— Ну, во-первых, никто на самом деле не знает, как это происходит. Единственное, что нам известно, — это что луны притягивают к себе океанские воды, когда стоят над головой. Некоторые менодиане считают, что такова воля Бога, что на воду действует божественная сила. Другие говорят, что, божественная это сила или нет, ее можно измерить, определить силу притяжения лун. Таким же притяжением, хотя и в меньшей степени, обладает солнце. Все, что нам известно достоверно, — это что приливы существуют, и когда Серебряная луна оказывается позади Голубой в месяц Темной Луны и они действуют совместно, приливы делаются очень высокими. — Я показал на диаграмму в книге, которая иллюстрировала то, о чем я говорил. — Представь себе, что солнце — магнит, который притягивает к себе все в мире, но океан единственный может откликнуться на его призыв. В результате вода скапливается на той стороне, которая обращена к солнцу... а когда еще в ту же сторону ее тянут две луны, тогда выпуклость оказывается огромной, а прилив самым высоким — Королем-Китом. Однако это означает, что в других местах остается совсем мало воды. — Я показал на другую диаграмму.

Джесенда сразу все поняла.

— Так вот почему отлив бывает таким сильным сразу же после самого высокого прилива.

— Совершенно верно. В другие месяцы все бывает еще более запутанным. Луны находятся на разном расстоянии от нашего мира, они движутся с разной скоростью, так что бывает, что воду они тянут в разные стороны... — Я забыл о том, что хотел произвести на Джесенду впечатление и принялся объяснять более сложные вопросы — как влияют на приливы разные сочетания положения лун, — просто потому, что, как и большинство людей, любил говорить о том, что меня интересует. Я схватил несколько безделушек с комода и расставил их на низком столике, демонстрируя расположение солнца, лун и нашего мира. К тому времени, когда слуга вернулся с чаем и подносом, полным всяких вкусностей, я уже создал импровизированную карту ведущего к Ступице залива и рассуждал о разнообразии скоростей приливной волны. Слуге пришлось поставить угощение на библиотечный стол.

— Таким образом, когда вода прилива устремляется в узкую часть залива у его начала, — продолжал я после ухода слуги — в отличие от Джесенды он ради приличия оставил дверь открытой, — там, где она встречается с течением впадающей в море реки, образуется стоячая волна — гора воды, которая становится все выше и выше до тех пор, пока прилив не пересилит встречное течение. Тогда она обрушивается, и по заливу идет приливная волна...

— А насколько она большая, зависит от фаз лун — то есть, во-первых, от того, каково положение лун относительно солнца и, во-вторых, от их взаимного расположения, — сказала Джесенда.

— Да, точно так. Ну, может быть, не совсем точно, потому что в действительности все сложнее. Играть роль и погода, и конфигурация залива — он где уже, где шире, — расположе-

ние песчаных отмелей, направление ветра, форма дна, количество воды, которую несет река... Поэтому-то у нас в Гильдии целый департамент занимается предсказанием силы прилива. Наши жизни могут зависеть от знаний о том, с чем мы встретимся во время очередного заплыва. Ну, кроме всего прочего, существуют изменения, которые внесли мы, гильдийцы.

— Ты имеешь в виду то, что вы оседлываете волны?

— Э-э... нет. Теория о том, будто мы уменьшаем мощь волны, потому что седлаем ее, скорее всего чепуха. Спроси любого, кто мчится на волне и чувствует силу воды. Нет, я имею в виду дамбу. Понимаешь, размер приливной волны определяется еще и тем, сколько воды течет навстречу и в какое время. До того как была построена дамба, вода, устремлявшаяся вниз по заливу, редко создавала волну. Это, в свою очередь, делало прилив менее предсказуемым. Теперь же мы контролируем встречный поток. Мы называем это отливной волной, но на самом деле такой не существует. Это вода, которую мы выпускаем, когда нам удобно, и от лун она не зависит. Время открытия ворот и масса воды тщательно рассчитываются, чтобы приносить максимальную пользу нам, пловцам, и тем самым коммерции Ступицы.

Мы оба склонились над той импровизированной картой, которую я выложил. Волосы Джесенды упали ей через плечо и коснулись моей руки; они благоухали жасмином. Джесенда неожиданно выпрямилась, как будто ощутила волну моего желания.

— Пойдем, — сказала она, — выпей чаю, прежде чем отец вернется с письмами и тебе придется отправляться. — Она подвела меня к библиотечному столу, разлила чай и наполнила мою тарелку угощением. И переменила тему: — Скажи, почему женщины не бывают членами вашей Гильдии?

— Женщины недостаточно сильны, — ответил я, откусывая горячий пирожок с приправленной специями дичью. Неожиданное напряжение, которое я почувствовал в Джесенде, сказало мне, что я сказал что-то не то. Так и не откусив больше от пирожка, я положил его на тарелку.

— Объясни свои слова, пожалуйста, — любезно попросила Джесенда, но глаза ее сверкали.

Я уже собрался дать уклончивый ответ вроде той отговорки, которую предложил бы Цисси, но передумал и сказал правду, хоть и догадывался, что она Джесенде не понравится.

— Путешествие по заливу длится пять часов, и на каждой пяди пути пловца поджидает потенциальная опасность. Бревно, погрузившееся в воду, переместившаяся отмель, раздувшаяся туша коровы, принесенная водой из верховий. В каждое мгновение что-то может случиться. Волна может неожиданно умереть под тобой, хотя справа и слева мчится с прежней скоростью. Если ты не начинаешь грести изо всех сил, ты отстаешь от волны. Норовистая волна может ударить тебя о скалу или выбросить на берег. Водоворот на гребне может оказаться таким бурным, что ты оказываешься под водопадом. Тебя может неожиданно догнать вторая волна, и тогда это похоже на то, как если бы на тебя сзади напало чудовище. Чтобы час за часом справляться со всем этим, нужна сила мужчины, мускулы мужчины, выносливость мужчины. О, женщина может справляться с хорошей волной в благоприятных условиях, не сомневаюсь, но сражаться эти пять часов с водой... — Я встал, снял куртку и закатал рукав рубашки. — Какая женщина захочет иметь такие мышцы? — Неожиданно мой поступок показался мне ребяческим; я мог бы так покрасоваться перед Цисси. Я вспыхнул и поспешно привел одежду в порядок. — Прошу прощения.

— За что? — спросила Джесенда; глаза ее были полны лукавства. Она смеялась надо мной, над моим детским хвастовством, наслаждалась моим смущением. — Я ничего не имею против того, чтобы посмотреть на атлетически сложенного мужчину.

Я покраснел еще сильнее и заторопился с продолжением рассказа.

— На Тенкоре есть женщины, которые катаются на приливной волне при благоприятных условиях — просто для развлечения. Некоторые из них предпочитают каноэ. Но ни одна женщина никогда и не попытается вступить в Гильдию. Они знают, что это превосходит их силы.

— Я хочу научиться кататься на волне, — сказала Джесенда. — С отливом легче справиться, чем с приливной волной, верно? Смогла бы я этому научиться?

— Плавать ты умеешь? — поинтересовался я. Большинство жительниц Тенкора осваивали это умение еще детьми и продолжали плавать в теплую погоду и взрослыми, но, как мне было известно, в Ступице люди придерживались более консервативных взглядов.

— Конечно, умею! Я не настолько глупа, чтобы заговорить об этом, не умея плавать!

— Э-э... ну конечно. Прости. — Джесенда заставляла меня чувствовать себя идиотом. Да я таковым и был...

— Я плаваю все время, прямо здесь, перед домом.

— Тогда нет причины, почему ты не могла бы научиться кататься на волне, — сказал я. Образ Джесенды в купальном костюме взволновал меня, и я заерзал в кресле. — А начать с отливной волны — хорошая идея, — поспешно сказал я. — Она более ровная, более контролируемая.

— Мне нужно то, на чем кататься.

— Что ты предпочла бы — каноэ?

— Да.

— Я закажу его для тебя на Тенкоре... — Мне не было нужды интересоваться ее весом или ростом — в моем уме они уже ясно отпечатались.

— Ты научишь меня им пользоваться? — спросила Джесенда.

Не знаю, почему этот вопрос оказался для меня неожиданным — она явно подводила к этому, — но я растерялся. Мысль о том, чтобы снова с ней увидеться, проводить вместе время, была потрясающей.

Прежде чем я успел выдохнуть «Да, конечно», Джесенда добавила:

— Впрочем, есть одна вещь, которую ты должен запомнить. — Я задержал дыхание, догадываясь, что мне не понравится то, что я услышу. — Я все о тебе знаю, Эларн Джейдон. У тебя есть подружки и здесь, и на Тенкоре. Ты с ними спишь, а потом бросаешь. Ну так вот: я не желаю оказаться одной из них. Я хочу научиться кататься на волне — и все. Если ты попробуешь со мной свои штучки, ты пожалеешь о том, что родился на свет. Я ясно выражаюсь?

Она была спокойна и чертовски самоуверенна, словно в ее власти было выполнить свою угрозу немедленно. Я никогда еще не встречал своей ровесницы, которая была бы способна обсуждать что угодно, какой бы скользкой ни была тема. Я собрался было ответить насмешливо — вроде того, что не факт, что она окажется в моем вкусе, — но вовремя одумался. Вместо этого я рассмеялся и ответил:

— Абсолютно ясно, — гадая, есть ли на свете еще один такой дурак, как я.

— А теперь, — сказала Джесенда, — расскажи мне, как ты собираешься вернуться на Тенкор сегодня ночью, в темноте.

Я искоса взглянул на нее, прикидывая, как ответить, не солгав.

Пока я молчал, Джесенда продолжала:

— Баркас в двадцать раз больше полоза, в двадцать раз крепче, и все равно ночное плавание считается опасным. Я знаю достаточно о том, что матросы по ночам плавают только с фонарями — а фонарь слишком велик, чтобы его можно было установить на полозе. — Она говорила о фонарях, сделанных из морских луковиц: их прозрачные панцири полируют и накладывают один на другой, так что свет фитиля усиливается. — Мой отец, возможно, не понимает, насколько невозможно то, что ты собираешься сделать, но мне-то это известно. Так что расскажи мне, Эларн Джейдон, как ты собираешься добратся сегодня до Тенкора.

— Я вернусь на баркасе.

— Ни один баркас не поплывет к Тенкору до утра. — Джесенда склонила голову к плечу, ее синие глаза были жесткими и пронизательными. — Я сегодня говорила со смотрителем дамбы, — объяснила она свою осведомленность.

Не знаю, что я ответил бы ей, но нас прервали. В библиотеку вошел Датрик с письмами в руках.

Думаю, я побледнел. Сейчас Джесенда расскажет ему о своих подозрениях... Великая Бездна, как же мне объяснить свое намерение плыть ночью, не выдав секрета, сохранить который мне стоило столько трудов?

— Надеюсь, Джесенда хорошо позаботилась о тебе, Эларн, — сказал Датрик.

— Прекрасно, благодарю тебя, сир-советник.

— Здесь письма для верховного патриарха и для твоего отца. Надеюсь, ты сумеешь доставить их на Тенкор к утру.

Я взял письма, стараясь не встречаться глазами с Джесендой. Пока мы прощались с ее отцом, она подошла и встала с

ним рядом. Я все ждал, что она заговорит, но она промолчала. Попрощавшись с ними обоими, я в сопровождении слуги вышел из библиотеки.

Через час я сидел на полозе у пирса Гильдии. Марис сунулся рядом, как водяная курочка, усаживающаяся на яйца.

— Эларн, я не исполнил бы своего долга, если бы не сказал тебе, что твоя затея — безумие. Невозможно ночью оседлать волну на полозе. В лучшем случае ты сделаешь ошибку и потеряешь волну. Мне не нужно говорить тебе, чем кончится дело в худшем случае.

— Я же только что сказал тебе: таково распоряжение моего отца. Сегодня полнолуние, Марис. Я справлюсь.

— Но луна-то светит только одна! Не могу поверить, что твой отец может ожидать от тебя такого. Не захочет же он, чтобы его единственный сын так безрассудно рисковал жизнью!

Я ничего не ответил. Истина заключалась в том, что моего отца нисколько не заботило, останусь ли я жив и здоров. Вот потеря писем Датрика, думаю, его огорчила бы.

— Ну-ка подай мне весло. — В этот момент на пирсе появились еще какие-то люди. Видеть их я не мог, но доски причала задрожали под чьими-то ногами. Марис посмотрел в ту сторону.

— Ты лучше подожди, — пробормотал он. — Идет кто-то в ливрее Датрика. — Через мгновение он добавил: — Да. Слуга. И женщина.

Джесенда... Морской дьявол, что она делает ночью на причале, даже если ее сопровождает слуга?

Она повелительно взмахнула рукой, и слуга и Марис растаяли в темноте. Джесенда уселась на краю пирса, свесив ноги вниз. Моя голова оказалась на уровне ее колен.

— Я знаю твой секрет, — сказала она.

Сначала я не понял, что она имеет в виду, а потом не поверил своим ушам. Как могла она узнать?

— И что же это за секрет? — осторожно спросил я.

— Я знаю, как ты собираешься осветить себе дорогу. Я знаю, почему ты, единственный из пловцов, способен спуститься ночью по заливу на полозе. — Джесенда улыбнулась мне, и улыбка ее была скорее дружеской, чем насмешливой. — Ты силв.

Я выгарадил на нее глаза; сердце у меня отчаянно колотилось. А потом я успокоился: на самом деле не имело значения, что ей это известно. На меня нахлынули воспоминания.

— Ах, — сказал я, — я вспомнил. Ты тоже, судя по всему? Она кивнула.

Нам обоим было тогда три или четыре года, Датрик еще не стал советником, и моя мать была жива. Мы приехали в Ступицу, чтобы навестить тетку матери, которая прихварывала; Датрик тоже оказался у нее со своей семьей, потому что тетка была кузиной его отца. Взрослые оставили нас с Джесендой играть, а сами ушли.

Мы сразу же ошетинились друг на друга, как морские ежи. Джесенда создала иллюзорного котенка — неуклюжего и кривоватого, как и положено детской иллюзии, — а я, хотя мне было строго-настрого запрещено пользоваться силв-магией, тут же натравил на него иллюзорную собаку. Джесенда, конечно, сразу создала новую иллюзию и напустилась на меня, назвав невоспитанным тенкорским щенком — должно быть, она когда-то слышала, что так говорят взрослые. Наша ссора приобрела эпический размах; неуправляемые иллюзии расползлись по всему дому. Это, понятно, привлекло внимание взрослых, которые положили конец сражению и довольно несправедливо наказали Джесенду, предположив, что вся силв-магия — ее рук дело. Сын Корлесса Джейдона не должен был обла-

дать магической силой. Джесенда, как и следовало ожидать, громогласно заявляла о своей частичной невиновности, но никто ей не поверил... за исключением моих родителей, которые точно знали, что я собой представляю, но промолчали.

Джесенда, взрослая Джесенда, теперь сказала:

— Ты должен передо мной извиниться. Половина иллюзий тогда была твоя.

Я усмехнулся.

— Лучше поздно, чем никогда? Сир-силв Джесенда, позволь мне просить прощения за неучтивое поведение в четырехлетнем возрасте. — Я дерзко взял ее за ногу и поцеловал в щиколотку — как раз над туфелькой. — Я и не подозревал, что ты помнишь.

Она фыркнула.

— О, я хорошо запомнила тот случай из-за несправедливости наказания и из-за того, что никто мне не верил. Хотя, если говорить совершенно честно, я только теперь сообразила, кем был противный мальчишка. Однако я так и не понимаю... Почему твои родители не признались в том, что ты — силв?

Прежде чем ответить, я помолчал. И надо же ей задавать такие неуместные вопросы... В конце концов я сказал ей правду:

— Мой отец — ортодокс-менодианин, один из тех, кто считает любую магию грехом. Он думает, что сила силва почти то же самое, что и дун-магия, что иллюзии — это обман, ничем не отличающийся от мошенничества.

Я ожидал, что Джесенда начнет горячо защищать силв-магию, но она просто сказала:

— А как насчет магического исцеления?

— Это нарушение божьей воли. Хотя почему магическое исцеление греховно, а использование целебных трав — нет, я никогда не мог понять.

— А что думаешь ты сам, Эларн Джейдон?

Я заколебался.

— Сомневаюсь, что магия обязательно греховна. Однако я — менодианин. Мне не нравятся иллюзии, и иногда я думаю, что мир был бы лучше без всякой магии вообще.

— И тем не менее ты собираешься воспользоваться волшебным огнем, чтобы добраться до дома.

Я кивнул. Я не стал говорить Джесенде, что это будет моей первой попыткой прибегнуть к магии с тех пор, как мне сравнялось двенадцать.

— Да. И к лечению силлов я тоже прибегнул бы, если понадобится. Без всяких угрызений совести.

— Ты лицемер, не так ли?

— Ужасный.

— Ты обладаешь очень большой магической силой. Я теперь много знаю о детях и их способности создавать иллюзии, и хотя мои воспоминания не очень отчетливы, то, что ты сделал в четырехлетнем возрасте, говорит о большом таланте.

— Силв-магия пока не приносила мне ничего, кроме неприятностей. Я буду тебе обязан, если ты не станешь рассказывать о том, что я силв.

— Ты это скрываешь?

— А как ты думаешь? Ведь мой отец даже не пожелал, чтобы я воспитывался в его доме до тех пор, пока я не научился скрывать свой талант и он не смог быть уверен, что никто ничего не узнает. — Для этого была и другая причина — его ошибочная уверенность в том, что я — незаконнорожденный, но о ней я говорить не стал. — Джесенда, мне нужно отправляться, иначе я пропущу волну. Я сообщу тебе, когда каноэ будет готово.

— Тебе понадобятся деньги, чтобы заказать его? Я захватила кошелек...

Я покачал головой и оттолкнул полоз от пирса.

— Это подарок, — сказал я. — Компенсация за того твоего котенка. — Это был глупый жест: мне предстояло затянуть пояс, расплачиваясь за каное.

Джесенда засмеялась и поднялась на ноги.

— Лови!

Однако то, что она кинула мне, не было кошельком; это был волшебный огонек, зажженный силой ее магии. Он был прекрасен: как будто она скатала в шарик лунный свет. Я, не задумываясь о том, что делаю, поймал его усилием ума и осторожно поместил на место — в нескольких футах впереди полоза, чтобы он освещал мне дорогу.

Я оглянулся на стоящую на пирсе Джесенду, и понимание того, что она только что совершила, обрушилось на меня, как водопад. Невозможно! Она сделала невозможное: она заставила другого человека — человека, не обладающего Взглядом, — увидеть ее магию, не иллюзию, а именно магию. Такого не мог сделать никто!

И тут над водой до меня долетел ее шепот:

— Я знала! Знала, что ты ее увидишь! — Неожиданный порыв ветра взметнул ее волосы и облепил платьем бедра. Тот же ветер — или это было желание? — заставил меня поежиться. В свете фонарей на пирсе Джесенда была прекрасна и соблазнительна, и, думаю, именно в этот момент я начал испытывать к ней любовь, а не просто вожделение.

Я понимал, какая это глупость.

Джесенда только что показала мне, что, должно быть, является величайшей волшебницей, какие только рождались. Я все время помнил, что она — дочь Датрика. Все это вместе делало ее могущественной наследницей человека, обладающего бесконечными амбициями и лишенного совести.

Она не могла не быть опасной.

Глава 7

РАССКАЗЧИК — РУАРТ

Я в ужасе смотрел на капитана Кайеда.

Я думал, что уже достиг предела своих страданий, но то, что он только что сказал мне, было не солью на рану — это было новой раной, и раной кровоточащей.

— В чем дело? — спросил он озадаченно. — Ты выглядишь ужасно. Но мы же все время шли на Брет, в его столицу — ты же наверняка это знал. Так почему ты теперь так поражен, услышав от меня, куда мы направляемся?

Я не мог ему этого объяснить: мне не хватало слов. Да, когда мы отчалили с Порфа, нашей окончательной целью был Брет — так распорядился Мортред. Это я знал. Я присутствовал, когда злой колдун сказал Флейм о том, что он намерен выдать ее замуж за властителя Брета — Роласса Тригана. Я слышал, как он сообщил ей о своем дьявольском плане: родив наследника престола, она должна была убить мужа и сделаться регентшей, а потом выйти замуж за него, Мортреда. «В один прекрасный день мы будем править всеми Средними островами, — говорил негодяй. — Ты и я, получив в свое распоряжение пушки, зажмем острова Хранителей между Бретом и Цирказе, как креветку в клешнях краба».

Такая идея была Флейм отвратительна. Она каждый раз содрогалась, когда Мортред упоминал имя властителя Брета.

Мортред заставил ее подчиняться, но тогда она не хотела... Перья и хвост, она же убежала с Цирказе, чтобы уклониться именно от этого брака!

И вот теперь Кайед сообщил мне, что она направляется на Брет по собственной воле!

Осквернение... С каждым днем осквернение все больше меняло ее личность, извращая и растлевая. А я ничего не мог сделать. Ничего. Я повесил голову и уставился себе под ноги. Смотреть себе под ноги — скверная птичья привычка: так они поступают, когда не знают, что делать.

Иногда я вспоминаю то путешествие на Брет как непрерывную боль, и таким я и стараюсь его помнить. Особенно тяжело бывает, когда мне представляются подробности, некоторые отпечатавшиеся в моем сердце сцены. Я так любил Флейм! всю мою сознательную жизнь мы были рядом, Флейм была моим окном в мир человека, моей надеждой на то, что я в него войду, она учила меня человеческим чувствам. Она была моей половинкой — человеческой половинкой. А теперь было почти невозможно увидеть в ней женщину, которую я любил. Тело оставалось прежним, а душа — нет.

Я обнаружил, что думаю об этом полном дун-магии создании как о Лиссал, словно, употребляя данное ей при рождении имя, я мог каким-то образом отделить ее от Флейм, как будто так я мог сохранить мою Флейм чистой, — просто при помощи умственного словесного ухищрения.

Иногда я гадал, не теряю ли я рассудок.

В первые дни на борту «Любезного» я большую часть времени чувствовал себя больным, то ли из-за морской болезни, то ли в результате обретения человеческого тела. Ирония ситуации заключалась в том, что Лиссал, которая так страдала от морской болезни во время путешествия между Лекенбрейгом и Амкабрейгом, теперь переносила качку как ни в чем не

бывало. Дун-магия, похоже, неожиданно оказалась лекарством от морской болезни.

Кайед собирался тайком держать меня в матросском кубрике, пока я не окрепну достаточно, чтобы справиться со злыми колдуньями и убить их — включая Лиссал. На его взгляд, это был простой план, и выполнить его мог только я, потому что я была единственным человеком на борту, невосприимчивым к дун-магии.

— Все будет просто, — сказал он мне как-то во время ужина в кают-компани. — Виндрайдер с оружием не управится, а Габания стара. Ты можешь разделаться с ними по очереди. — Багровая удавка у него на шее затянулась, и он поспешно переменял тему: — Но тебе нужно набраться сил. Ходи по кубрику туда-сюда, упражняй мышцы... Бездонная Бездна, ты когда-нибудь прекратишь это делать?

Я удивленно посмотрел на него. Я пил из кружки и полагал, что вполне успешно с этим справляюсь: не уронил кружку, не пролил воду.

— Ты только посмотри на себя! Сделаешь глоток — и задираешь нос кверху, чтобы вода текла по горлу! Ты теперь не какая-то птичка, ты, безмозглый болван! — Он фыркнул с отвращением. — И ты должен учиться разговаривать, Головастик. Из-за тебя я только и делаю, что пью, и совсем не воду.

На словах я соглашался с его планом. Если Габания и Страси умрут, мне будет грозить меньшая опасность, когда я обращусь к Флейм. Я твердо намеревался открыть ей, кто я такой. Мне нужно было стать сильным. Мне нужно было научиться говорить. Если я не смогу разговаривать с Флейм, как сумею я помочь ей бороться с осквернением дун-магией?

Каждый свободный момент я тратил на то, чтобы учиться быть человеком. Я старался понять, как пользоваться человеческими чувствами, привыкнуть слышать как человек, видеть

как человек, осязая как человек. Учиться ходить, не врезаясь в косяки дверей. Есть, пользуясь приборами, пить, не причмокивая. Переводить взгляд, если мне нужно было что-то разглядеть, а не поворачивать голову, умываться, а не чистить перышки клювом. Пользоваться гальюном. Брать вещи руками, а не ногами...

Однако существовали проблемы, осложнявшие осуществление и моих намерений, и планов Кайеда, и все они были не мелкими. Во-первых, я не был уверен, что смогу хладнокровно убить двух женщин, которые, в конце концов, не были виноваты в том, что с ними случилось. Единственный случай, когда я причинил кому-то вред, произошел, когда я до крови расклевал руку Келвина Гилфитера на Мекате, — едва ли это можно было назвать серьезным увечьем. Даже планировать убийство было трудно, не говоря уже о том, чтобы его осуществить. Я неожиданно почувствовал симпатию к Гилфитеру: раньше меня раздражали его сомнения по поводу расправы с Мортредом на Ксолкасе, теперь же я обнаружил, что одно дело — соглашаться на убийство, когда убивает кто-то другой, и совсем другое — когда оружие держишь ты сам. Это был полезный урок, и я его вполне заслуживал.

Мои успехи в овладении человеческой речью оказались не такими быстрыми, как я надеялся. Первые попытки были неудачными: у меня не получалось ничего похожего на те звуки, которые я хотел издать. В конце концов я решил, что должен учиться говорить так же, как это делает младенец. Я начал со случайных слов, а потом сосредоточился на том, чтобы произносить их по собственному желанию. Сначала это казалось таким странным... Птичье чириканье рождается глубоко в груди и совсем не зависит от движений языка и клюва. Теперь мне приходилось учиться управлять языком, губами и издавать звуки горлом.

Как ни странно, я обнаружил, что мне легче свистеть, чем говорить. Я мог подражать голосам птиц-дастелцев гораздо успешнее, чем внятно произносить слова. В отчаянии я уже начинал сомневаться в том, что стану когда-нибудь настоящим человеком...

Я все еще овладевал основами речи, все еще укреплял мышцы нижних конечностей, когда Страси разрушила все наши планы.

Во время путешествия с Порфа на Ксолкас на «Любезном» царил настоящий ад. Мортред и двое его дун-магов наслаждались, мучая команду при полной поддержке целой толпы экс-силвов. Не было ни одной гнусности, ни одного извращения, которое показалось бы им чрезмерным. Единственным ограничением, останавливавшим их, была необходимость сохранять достаточно здоровых матросов, чтобы управлять кораблем. Того, что злые колдуны делали с Флейм, того, что они заставляли делать ее, я не забуду до смерти. Но теперь они были мертвы, кроме Страси и Габании, которые по сравнению с остальными казались дилетантками. Лиссал держалась на расстоянии от них, хотя Кайед клялся, что боится ее больше, чем двух других.

— Может, она и не жаждет нас пытать, — бормотал он, — но она умная и бессердечная сука. Если она подумает, что кто-то ей угрожает, она просто выбросит его за борт без всяких сомнений. Ей даже не нужно делать это самой — достаточно приказать кому-нибудь из команды: матросы послушаются, словно это самая естественная вещь на свете. — Кайед сплюнул и провел пальцем по лезвию ножа, привязанного к его культи.

Бывали плохие дни, когда я думал: уж не прав ли он...

Но случилось так, что Страси обнаружила меня. Это была трусоватая женщина, хитрая и злобная. Думаю, она была та-

кой и в те времена, когда работала на Совет хранителей, просто тогда старалась казаться более праведной и благочестивой. Эта Страси была удивительно подлой и сластолюбивой; ей нравилось выбирать для своих гнусных развлечений самых красивых членов команды — гадости, которые она им делала, были мелкими, но жестокими.

Будучи силвом, она при помощи иллюзий улучшала свою внешность; став злой колдуньей, она продолжала делать это с помощью дун-магии. Однако превращение из птицы в человека повлияло на мой Взгляд: теперь, когда Страси оказывалась поблизости от матросского кубрика, багровая мерзость дун-магии становилась для меня гуще и ощутимей, чем когда я был птицей. Такое же действие на меня оказывали Габания и Лиссал: когда я на них смотрел, я видел их сквозь окрашенный дун-магией туман. Так не должно было быть: обычно Взгляд обострял зрение, а не наоборот. Впрочем, я утратил острое зрение птицы и способность тонко различать цвета и детали далеких предметов; то, что я получил взамен, став человеком, не шло ни в какое сравнение.

На четвертый день после отплытия с Ксолкаса Страси заглянула в кубрик в поисках какого-нибудь бедолаги, которого она могла бы мучить, и обнаружила меня. Я лежал в своем гамаке и, как младенец в люльке, бормотал: «Ба-ба-ба, ма-ма-ма, та-та-та...»

— Ну-ка, ну-ка, что это тут у нас? — заинтересованно протянула она. — Не помню, чтобы видела тебя раньше.

Я вылез из гамака и молча встал перед ней, потупив глаза.

— И почему же я не видела тебя раньше?

Я выдавил из себя несколько придушенных звуков, с ужасом вспоминая, что лишен способности расправить крылья и улететь...

Страси улыбнулась, явно решив, что я слишком перепуган, чтобы говорить. Она сделала шаг вперед и коснулась моего подбородка, вонзив в него ногти.

— Ах, хорошенькая мордашка, можешь меня не бояться. Не поразвлекешься ли нам, а? — Потом ее взгляд скользнул вниз, и она насмешливо добавила: — Кажется, не получится. Ты немного не дорос снизу, не так ли? Есть ли вообще у тебя что-то под штанами, тощий красавчик? Не снять ли их тебе вообще, чтобы я могла посмотреть?

Я чувал принуждение... чувал ее вожделение, любопытство, аппетит. И я знал, что должен делать то, что она говорит, иначе она поймет, что ее магия на меня не действует. Я развязал завязки штанов и спустил их. Ее издевательство не просто смутило меня, оно было глубоко унизительно.

— Сир-госпожа, он у нас дурачок. — Никогда еще я не был так рад слышать голос капитана. Я рискнул бросить взгляд в сторону и увидел его силуэт в дверях. Я предположил, что он заметил Страси, когда она направилась вниз, и пошел следом. — Боюсь, он ни на что не годится. — Небрежным тоном он добавил: — Недоразвит не только в одном смысле.

Взгляд Страси скользнул по моему проявившему полное равнодушие телу.

— Да, я вижу.

— Я нанял этого никчемного парня юнгой, только от него не оказалось никакого проку. Кожа у него легко обгорает, он никак не может загореть, так что мы поручили ему работу в трюме или уборку палубы по ночам. Говорить он не умеет, хотя команды понимает. Мы зовем его Головастиком.

Страси засмеялась, и в ее смехе проскользнуло злорадство.

— Да, я понимаю почему. — Она на мгновение задумалась, потом сказала: — Госпоже Лиссал нужен личный слуга.

Она жаловалась... — Страси захлопала в ладоши. — А этот... почему бы и нет? Головастик, ты станешь горничной Девы Замка с Цирказе. Пойдем со мной! — Я подтянул штаны, и она потащила меня за собой. Через минуту мы были в каюте, которая когда-то принадлежала капитану и где теперь располагалась Лиссал; я в первый раз, с тех пор как стал человеком, столкнулся с ней лицом к лицу.

— Посмотри! — воскликнула Страси. — Я кое-кого для тебя нашла! Разве он не забавный? Из него получится замечательный слуга.

Лиссал стояла у створчатого окна на корме и обернулась не сразу. На меня она посмотрела мельком. Я не мог разглядеть ее лица из-за тумана дун-магии.

— Он больше похож на замечательного шута. Кажется, не слишком сообразительный парень, — заметила она. — Но не важно, он подойдет. Оставь нас, Страси.

Отсутствие энтузиазма со стороны Лиссал явно разочаровало Страси. Она надула губы.

— Он немой, — сказала она, выходя из каюты. — Но не глухой.

— Хорошо. — Лиссал подошла ко мне.

Я поднял ногу и попытался почесать шею — была раньше у меня такая нервная привычка. Сразу же потеряв равновесие, я опомнился и опустил ногу. Я почувствовал, что Лиссал пристально смотрит на меня, но из-за дымки дун-магии не смог заглянуть ей в глаза. «Она узнает меня, — подумал я. — Конечно, она узнает меня. Как может быть иначе? Мы же любим друг друга!»

Однако она заговорила таким же тоном, каким говорила со Страси.

— Ты будешь делать все, что я велю, не задавая вопросов, — сказала Лиссал. Я почуял магическое принуждение.

Это причинило мне более сильную боль, чем я считал возможным. Флейм не узнала меня... а Лиссал пыталась превратить в раба, сделать еще одной марионеткой на веревочке, танцующей под ее дудку. Так она по крайней мере думала.

— Ты ничем не причинишь мне вреда и всегда первым делом будешь думать о моих удобствах. Это понятно?

Я кивнул. Я оставался неподвижным, мучаясь нерешительностью. Мортред был мертв. Может быть, Флейм уже начала разрушать ту темницу, которую он для нее создал. Может быть, я мог открыться ей и мы стали бы бороться вместе. Я мог схватить клочок пергамента и написать все... сообщить ей, кто я такой.

И все же я не замечал ничего, что говорило бы о том, что она избавляется от заклятия. Выражение ее лица — насколько я мог разглядеть — было замкнутым, голос безразличным. «Глупец ты, — говорил я себе, пытаясь сделать боль переносимой, — это не Флейм. Перед тобой злая колдунья. Если ты об этом забудешь, то погибнешь. Будь терпелив, Руарт, будь терпелив».

Лиссал описала мне все, что я должен буду делать; большую часть этого я уже знал: я знал, какой чай она любит по утрам и какой должна быть ее ванна, знал ее любимые блюда. В былые времена было очень мало такого, чего я не знал бы о Флейм Виндрайдер.

И так я начал жизнь раба Лиссал.

Я знал, что во всей этой ситуации с самого начала было что-то, чего я не понимал. По мере того как дни проходили и смерть Мортреда все дальше отодвигалась во времени, Габания и Страси делались все более растерянными. Они не перестали быть злыми колдуньями, но стали казаться менее опасными и апатичными. Я ожидал, что то же самое будет происходить и с Лиссал, но ничего подобного не случилось. На ней оскверне-

ние должно было сказываться меньше, чем на Габании и Стра-си: она подвергалась ему не так долго, как они. И тем не менее скверна дун-магии делалась в ней сильнее, а не слабее. Голубовато-серебряный блеск силв-магии угасал, а багровое сияние разгоралось все ярче. Мне пришлось признать, что смерть Мортреда не оказала того воздействия, на которое мы надеялись. Единственным, что немного ободряло меня, оставалось то обстоятельство, что Лиссал не была такой бездушно жестокой, как другие экс-силвы. Она никому на корабле не причиняла физического вреда. Она добивалась покорности и послушания, но и только. Когда она отдавала мне приказания, это не сопровождалось угрозами; правда, и когда я выполнял ее распоряжения, она меня не хвалила. Если результат моих действий оказывался ниже ее стандартов, ее критика бывала саркастической и едкой, но никогда не выходила за эти пределы.

И все же когда я искал мою Флейм, нежную и любящую женщину, которую я знал, я не мог ее найти; Лиссал была жесткой, холодной, отстраненной.

Первой умерла Страси.

Когда я говорю об этом, все кажется простым. В определенном смысле так и было.

Однажды ночью меня разбудил Кайед.

— Страси на палубе, Головастик, — прошипел он мне в ухо. — Одна, и стоит у поручней. — Он не рискнул сказать больше, но его взгляд был красноречив.

Все обстояло именно так, как он сказал: она опиралась на поручни на корме, глядя на оставляемый кораблем след. Я бо-сиком подошел к ней сзади и сбросил ее за борт, прежде чем она даже успела заметить мое приближение. Она упала, не издав ни звука, ушла под воду и исчезла. Плавать она не уме-

ла, об этом я знал. В испуге она то ли не подумала, то ли не успела ударить по кораблю дун-магией.

Кайед подошел ко мне, ухмыльнулся и хлопнул меня по плечу. Он отвлекал внимание рулевого, чтобы тот не заметил, что происходит у него за спиной.

— Одна за бортом, две на очереди, — прошептал Кайед.

Я стянул его руку и ушел вниз, обратно в свой гамак в кубрике. Уснуть я не мог.

Я только что убил женщину. Легкость, с которой наступила смерть, сама по себе была ударом; конец жизни ни для кого не должен был бы наступать в такой небрежной манере. Мне бесполезно было убеждать себя в том, что ей было лучше умереть, чем жить, что ее глубинная суть предпочла бы смерть тому, во что она превратилась. Я совершил нечто, о чем и помыслить не мог бы всего несколько дней назад, когда я был еще птицей. Я убил человеческое существо.

Что-то внутри меняется, когда вы совершаете подобное. В вашей душе появляется тайное место, куда вы не смеее заглянуть. Оно сохраняется там навсегда, и что-то говорит вам, что когда вы умрете сами, вам придется держать ответ за ту смерть. Вы прячете от себя это знание, не думаете о нем, если вам это удастся, или рационализироваете, если не удастся. Я не мог с легкостью найти себе оправдание; да и как это было бы возможно, раз я планировал спасти Флейм от такой же судьбы и не убить ее? Чтобы искренне поверить в веский повод убить Страси, я должен был бы планировать убийство и Флейм тоже. А этого я не хотел.

Знаете ли вы, в чем кроется самый невыносимый ужас? Первое убийство делает второе более легким, потому что свою невинность вы уже утратили.

Габания умерла двумя неделями позже. После того как исчезла Страси, она вела себя осторожно и никогда не подхо-

дила к поручням. Она заставила одного из матросов всегда сопровождать ее, когда она выходила на палубу; он получил приказ защищать ее, несмотря ни на что.

И все-таки шанс мне подвернулся, и я им воспользовался. Когда мы приблизились к юго-западному побережью Брета, известному яростью океана, разразился шторм. Габания и ее страж были оба на палубе, когда налетевшая волна сбила их с ног и швырнула к шпигату. Притворяясь, что хочу помочь ей, я подобрался к Габании. Она в ужасе вцепилась в меня, когда на палубу накатилась другая водяная гора. Я обеими руками ухватился за поручень и ударил Габанию коленом в живот как раз в тот момент, когда на нас обрушился гребень волны. Она охнула и соскользнула под поручнем в океан. Я до сих пор помню выражение изумления у нее на лице. Все на корабле были слишком озабочены своим спасением, чтобы заметить исчезновение Габании, — на самом деле я сам с трудом остался в живых. Только сила рук, которыми я держался за поручень, не дала мне последовать за Габанией. А я даже не знал, смогу плыть или нет.

Во время того шторма Лиссал единственный раз страдала от морской болезни. На следующий день она снова была на ногах, как ни в чем не бывало, хотя качка оставалась еще такой сильной, что я чувствовал себя плохо. Смерть двух экс-сильвов, похоже, совершенно не встревожила Лиссал. Еще более странным было то, что она не обнаруживала особенного интереса к тому, каким образом они погибли. Ей явно не приходило в голову, что следующей может оказаться она.

Я не знал, что и думать. Последствия ее осквернения были совершенно непредсказуемы.

После того как исчезли две злые колдуньи, заклятие, державшее моряков в подчинении, поддерживала она сама. Каждый день она обсуждала маршрут и местонахождение корабля

с Кайедом. Ее чары не вынуждали его отдавать конкретные приказания матросам; она просто заставляла его принимать все меры, чтобы ускорить наше продвижение.

У нее, конечно, были причины желать скорейшего прибытия на Брет, о которых я ничего не знал. Выводы, к которым пришли Блейз и Гилфитер по поводу того, кто осквернял Флейм, были мне неизвестны, и я не догадывался, что она имеет веские основания стремиться как можно скорее оказаться в постели властителя Брета. Я не понимал того, что с ней происходило; единственное, в чем я был уверен, — это что не хочу убивать ее ради освобождения от скверны дун-магии. Блейз спасла ее один раз; должен был существовать какой-то способ излечить Флейм снова. Гилфитер найдет лекарство... или мы принудим хранителей исцелить ее силв-магией. Что-то обязательно должно было найтись. Я не собирался сдаваться.

Дня за три до того, как мы должны были прибыть в Бретбастион, поздно ночью ко мне в кубрике подошел капитан Кайед.

— Я буду ждать тебя в кают-компании, — прошептал он мне в ухо. — Это срочно...

Я вылез из своего гамака и последовал за ним.

— Она что-то затевает, — выпалил Кайед, когда я уселся за стол напротив него. — Она не хочет, чтобы мы вошли в гавань Бретбастиона с местным лоцманом на борту... Эй, налить тебе рома? — Я отказался от выпивки и стал обдумывать то, что услышал. Кайед сунул мне в руку кусок мела и показал на доски стола. — Сообщи, что знаешь, — рявкнул он.

— Корабль пропитан дун-магией, — написал я в ответ. — Он весь ею сияет. — Я постоянно чувствовал, как скверна клубится вокруг; она была настолько вездесущей, что затуманивала мой Взгляд. Впрочем, говорить об этом Кайеду я не стал.

Он сразу понял, что я имел в виду.

— Ты хочешь сказать, что обладающие Взглядом обнаружат дун-магию за милую и предупредят стражу. В порту Бретбастиона наверняка есть чиновники, обладающие Взглядом. — Я кивнул. — Я так и думал, что причина может быть в этом. Она так долго воздействовала на нас своими чарами, что мы все кажемся тебе багровыми, верно?

— Ффа... Д-да.

Кайед небрежно усмехнулся, слыша, как я коверкаю слова, и продолжал:

— Она спрашивала меня о том, сможет ли она высадиться где-нибудь незаметно. Боюсь, что она собирается покинуть корабль, а потом разнести нас в клочья своей дун-магией, прежде чем мы успеем отплыть подальше, — чтобы мы не могли рассказать, что с нами случилось.

Я покачал головой:

— Нет. Так не сделает.

— Как ты можешь быть в этом уверен?

Я написал: «Я ее знаю. Она не такая, как другие. Ты сам это видишь».

— Она злая колдунья, — сказал он с отвращением. — Ничего другого я не вижу. Головастик, уж не заколдовала ли она тебя? Она не может просто уйти и оставить нас всех в живых. Действие дун-магии выветрится, и среди нас нет ни одного, кто не сообщил бы первому же хранителю или чиновнику с Брета, что мы вытерпели на борту этого корабля. — Он наклонился через стол, зацепил концом своего клинка мой воротник и притянул к себе, так что мы с ним оказались нос к носу. — Ты должен ее убить. Завтра же. Иначе все мы погибнем. — Дун-магия вокруг него вспыхнула ярче и обвила горло, грозя задушить. Он начал задыхаться и схватился за невидимую удавку, но пальцы его ощутили пустоту. Огром-

ным усилием воли Кайед взял себя в руки, и постепенно багровое сияние угасло.

Я покачал головой:

— Нет.

Он прижал острое своего клинка к моей шее.

— Ты что, оглох? Она может приказать мне плыть на край света, и именно там мы и окажемся к тому времени, когда освободимся от заклятия. Без пищи и воды посреди океана. И ты, лягушачье отродье, клянусь Великой Бездной, единственный, кто может помешать ей убить нас, как она пожелает. Ты меня понял?

Я отклонился в сторону:

— Д-да.

— Тогда делай!

Я снова взялся за мел: «Обещаю, что не позволю тебе, твоему кораблю или твоей команде пострадать».

— Синие прилипалы, ты в самом деле свихнулся! Как может такой недотепа, как ты, обещать подобные вещи? Единственный способ, которым ты можешь остановить ее... — Он вовремя одумался и недоговорил: багровое сияние снова усилилось. Вместо этого он спросил: — Что ты собираешься делать? Договориться со злой колдуньей? Дружески поболтать с ней и между делом предложить нас отпустить? Проклятие, Головастик, может, она и не в состоянии убить тебя своей магией, но она может принудить к этому любого из нас как нечего делать! А именно так она и поступит, как только поймет, что на корабле есть обладающий Взглядом. — Кайед мечтал убить Лиссал собственными руками, я это ясно видел. Он и меня хотел бы прикончить, изрезать на куски свои клинком. Однако я был единственной его надеждой. Если Кайед прав в том, насколько бесчеловечной стала Лиссал, я был единственной надеждой для них всех.

Я не отвел глаз, и в конце концов Кайед потупился первым.

— Прошу тебя... — выговорил он. Капитан был не из тех, кто умоляет, но он проглотил свою гордость, что придавало особый вес его словам. — Прошу тебя, Руарт. Я не знаю, что было с тобой раньше, но вижу достаточно: ты любил ту женщину, которой когда-то была эта сука. Но она теперь не та, и если ты думаешь иначе, все мы погибнем.

Я снова взял мел и написал: «Сначала мне нужно кое-что выяснить. Как тебе удастся сохранить свободу мыслей, как можешь ты побуждать меня убить ее, когда остальная команда на такое не способна?»

— Я Кайед, — рявкнул он. — Никто не может взять над мной верх! Никто! — Я продолжал смотреть на него. Кайед сделал глубокий вдох. — Нужно только сохранить часть себя, которой никто не может коснуться, и держать ее вот здесь. — Он похлопал себя по груди.

Мне требовалось лучшее объяснение, и в конце концов Кайед сказал:

— Когда я еще был в полной силе, давным-давно, я плавал с негодяем-капитаном, который обожал телесные наказания. Как-то я сделал что-то, что его ужасно разозлило, и он приказал дать мне тридцать плетей. Вот тогда-то старый боцман и дал мне совет. «Найди в себе место, которого никто не может коснуться, — сказал он. — Внутри, куда плети не доберутся. Пусть никто, кроме тебя самого, туда не сможет проникнуть». С тех пор у меня такое место есть. Никто не может его коснуться, даже эта сука — злая колдунья.

Я подумал: так делает и Флейм. Она держит часть себя в месте, куда не может проникнуть дун-магия. Но как долго ей это еще будет удаваться?

— Руарт, если надо, я готов встать на колени перед тобой. Это мой корабль и моя команда. Как могу я позволить им пой-

ти на смерть покорно, как креветкам, которые плывут на огонек фонаря рыбака?

Я написал: «У тебя нет выбора, кроме как довериться мне, положиться на то, насколько хорошо я ее знаю. Я высажусь на берег с ней вместе, а вы отплывете с Брета. Ни один из вас никогда не сможет заговорить о том, что вы пережили, — такова будет цена вашей свободы».

— Как сможет она быть уверена в том, что мы выполним это условие? И как я могу рассчитывать на то, что она выполнит обещание?

«У тебя никаких гарантий нет, — написал я. — На вас будет лежать заклятие, заставляющее молчать, но, как и любое заклятие, примерно через неделю оно потеряет силу, и не во власти Лиссал будет помешать вам ее разоблачить. Однако она наложит на всех вас проклятие: каждый, кто заговорит с кем-то, кроме других членов команды, вскоре умрет».

Кайед, хмурясь, посмотрел на меня.

— Ей это по силам?

Я кивнул.

«По силам. Она владеет дун-магией».

Все это, конечно, было ложью. Когда заклятие теряет силу, оно теряет ее навсегда, а проклятий не существует вообще.

Кайед, сгорбившись, молча сидел некоторое время, сострегивая с крышки стола стружки своим клинком. Когда он снова поднял глаза, в них были горечь и ярость.

«У тебя нет выбора», — снова написал я.

— Нет, — мрачно подтвердил он. — Никакого.

Мимо пролетала мошка. Я поймал ее в воздухе и проглотил.

Аниара айси Терон

Запись в дневнике

53 первого месяца Двух Лун, 1794

Еще один бесконечный день... только и слышно, как молится сестра Лескаль. Она постоянно твердит мне, что я должна больше времени проводить на коленях.

Неужели она никогда не остановится?

Хорошо, признаю: морское путешествие — вещь чрезвычайно скучная. Я знаю всех на корабле. Я знаю их имена, их жизнеописания, их хвори... обо всем этом снова и снова бубнят их нудные голоса. Какая же я неблагодарная тварь — жалею, когда получила именно то, о чем мечтала...

По милости Бога я могу ускользнуть на Райские острова, когда только пожелаю. Я могу слушать далекие голоса людей, большую часть своих жизней проживших давно и в другой стране, я могу шептаться с ними, посылать им свои наилучшие пожелания и сообщать, что еду к ним.

В настоящий момент мое воображение захвачено Девой Замка. Флейм Виндрайдер — сколько романтики в одном этом имени, в том, что говорят о ней другие, ведь со мной она разговаривает только их голосами. Может быть, это значит, что она мертва?

Я могла бы спросить Шора, конечно, но не буду. Наверное, Натан рассказал бы мне о ней, если бы я попросила...

но тоже не стану, я лучше буду читать дальше и все узнаю сама.

Милосердный боже, как же я за нее переживаю! Я дрожу при одной мысли о том, в каком ужасном положении она оказалась. Иногда даже я удивляюсь себе: было чистым безумием покинуть безопасный Келлс ради такой варварской и загадочной страны, как Райские острова... Бедняжка Флейм! Я буду молиться за нее сегодня, и пусть сестра Лескаль сочтет меня благочестивой.

Глава 8

РАССКАЗЧИК — РУАРТ

Я на всякий случай взял на кухне нож и отправился в каюту Лиссал.

Стучать я не стал; я просто открыл дверь и вошел. Она чувствовала себя в полной безопасности: об этом говорило то, что она не заперла дверь изнутри.

Уже давно началась полуночная вахта, но Лиссал еще не ложилась. Она стояла у кормового окна и смотрела на белую пену, которую оставлял в темном море позади себя корабль. В каюте горела лампа, чувствовался легкий запах горящего масла. Лиссал стояла ко мне спиной, но, услышав, как открылась дверь, повернулась. Она явно уже некоторое время не пользовалась магией: багровый туман вокруг нее был еле заметным, так что я мог разглядеть ее лицо. Ночная рубашка, позаимствованная из добычи Мортреда, была очень изящна: на плечах ее поддерживали тонкие ленточки, складки шелка и кружев падали до полу. Стоя в мягком свете лампы, Лиссал была потрясающе красива.

Впервые в жизни я ощутил пробуждение человеческого мужского желания. Мне хотелось позволить себе обдумать это новое чувство, хотелось, чтобы мое тело привыкло к нему. Я сделал движение, пытаясь обхватить ее крыльями, коснуться ее груди. Только с большим усилием мне удалось изменить

направление движения и сосредоточиться на более важной цели.

Должно быть, Лиссал удивилась, увидев меня: обычно Головастик никогда не входил без разрешения, — но на ее гладком лбу не появилось ни морщинки.

— Что тебе? — спросила она. Думаю, она еще не вполне поверила в то, что я позволил себе подобную дерзость.

Я закрыл за собой дверь и молча стоял — немножко слишком долго.

Лиссал слегка нахмурилась.

— Что-нибудь случилось?

Я знал, что должен заговорить, знал, что другого шанса у меня не будет. Я заставил свой язык приготовиться и выдавил:

— Флейм... — Для меня самого мой голос прозвучал неожиданно глубоко и звучно, как и полагается голосу мужчины.

В тот же момент все переменялось. Холодный взгляд, самообладание, жестокость безразличия растаяли, словно их и не было. Она была просто Флейм, моя Флейм. И она узнала меня.

— Руарт? — раздался недоверчивый шепот. — Ты Руарт?

Я кивнул.

То, что я потом увидел, перевернуло мне душу. Мгновенная вспышка чистой радости... попытка багровой скверны захватить власть... борьба с ней Флейм — и победа! Однако за отчаянием и любовью в ее глазах таилась жестокость ее будущего, готовая снова овладеть Лиссал.

Я хотел заговорить, но у меня еще не было нужных слов. Поэтому я засвистел. Это получалось у меня легче и естественнее, чем косноязычная речь. Я высвистывал слова на языке птиц-дастелцев, добавив к ним жесты языка знаков. Я не беспокоился о том, что выгляжу смешно. Ничего не имело значения, кроме одного: я говорил с Флейм.

«Ты можешь побороть скверну. Мортред не имеет больше над тобой власти, этот негодяй мертв. Ты теперь сама себе хозяйка. Ты можешь выиграть».

Она, казалось, поняла. Я сделал шаг к ней; мне так хотелось коснуться ее, ласкать ее волосы и кожу... прижаться кловом к ее щеке...

— Я думала, что ты погиб, — заикаясь, выдавила она. — Я видела, как дастелцы падали на причал. Я думала, что ты оказался одним из них. — По ее щекам текли слезы. Я сделал еще шаг к ней, желая обнять, как это делают люди, но она подняла руку, останавливая меня. — Нет. Этому не суждено быть.

Я видел, как она борется. Флейм тяжело дышала, пытаясь сдержать дун-магию, отразить ее наступление. Флейм прошептала, словно надеялась, что так ее слов не услышит ее оскверненная часть:

— Руарт, ты должен меня убить. Видит Бог, я пыталась сделать это сама, но он мне не позволяет...

«Он мертв, Флейм. Он ничего больше не может тебе сделать!»

Флейм покачала головой с такой мучительной печалью, что это заставило меня умолкнуть. Тогда я понял, что есть еще что-то, что-то более ужасное, чем то, что было мне известно, и что мне предстоит научиться жить с этим новым знанием. На мгновение мне показалось, что я задохнусь от ужаса еще до того, как она сказала:

— Не Мортред. Теперь уже не он. Его сын. Руарт, ты должен убить меня. Я уже не надеялась, что кто-нибудь мне поможет. Сделать это самой он мне не позволяет... Я пыталась, я много раз пыталась. Но ты можешь! Во имя любви, которую ты ко мне питаешь, ты должен меня убить.

Я ничего не понимал. Я сделал еще шаг к Флейм, но она поспешно отступила.

— Не смей! Иначе я не смогу сдерживать его. Если только ты меня коснешься... Проклятие, Руарт, ты должен положить этому конец! Если ты когда-нибудь любил меня хоть немножко, ты должен положить этому конец немедленно! Неужели ты можешь смотреть, как я превращаюсь в злую колдунью? — Даже тогда сквозь ее страдание прорывалась ненависть, которую ко мне питала Лиссал.

«Они все трудятся, чтобы спасти тебя, Флейм. Блейз, Тор, Гилфитер... ты не должна терять надежды».

В ответ она прошептала так тихо, что я едва расслышал ее слова за шумом ветра и волн и скрипом досок обшивки:

— Я не сумею выжить так долго... он с каждым днем становится все сильнее.

Я не задумался тогда о ее словах. Я так боялся, что снова ее потеряю, что Флейм, которую я знал, снова окажется во власти дун-магин... к тому же мне нужно было сказать ей то, ради чего я пришел.

«Послушай, я буду сопровождать тебя, когда ты высадишься на берег. Ты можешь быть уверена... твоя оскверненная часть может быть уверена, что с моей стороны тебе ничего не грозит. Взамен ты отпустишь Кайеда и его команду».

Я запинаясь: не мог помогать себе движениями хвоста, руки мои двигались неуклюже, а ноты, которые я высвистывал, так отличались от птичьих трелей, что даже для моих собственных ушей казались чужестранным языком. Я не был уверен, что Флейм понимает меня.

«Скажи ему, что проклятие дун-магин убьет их всех, если они расскажут о тебе, когда принуждение потеряет силу. Благодаря этому они будут молчать: моряки — народ суеверный».

— Руарт, прошу тебя...

И тут, ослабев и не выдержав напора дун-магин, Флейм исчезла — как будто кто-то задул горящую у нее внутри лам-

пу. Теперь на меня смотрела Лиссал, злая колдунья. Она задумалась, надув губы. Я видел, как она взвешивает: возможен ли такой обман и стоит ли к нему прибегать, принесет ли ей такая сделка выгоду.

— Хорошо, мы заключим соглашение, — наконец сказала она. — Мне нет дела до того, что с ними случится, если они не помешают моим планам. Что касается тебя... будет так замечательно смотреть, как ты мучаешься. Руарт. Головастик. Кто бы мог подумать? — Она рассмеялась и подошла ко мне. Ее пальцы скользнули по моему лицу в пародии на ласку возлюбленной. — Да, оставайся со мной, охраняй меня. Ты хоть представляешь себе, каким смешным выглядишь? Тощие ножки! Кожа, как рыбье брюхо! Как ты мог подумать, будто такая женщина, как я, полюбит подобного мужчину? — Ее насмешка была едкой и унижительной. Она пробудила все мои прежние страхи. — Жду не дождусь дня, когда в моей постели снова окажется настоящий мужчина, — добавила она. — Каково будет тебе в следующий раз? Будешь ли ты страдать от ревности, зная, что на его месте мог бы быть ты — но никогда не будешь?

Я чувствовал, как тает моя уверенность в себе, как съезживается мое самоуважение. Головастик. Тощие ножки. Нищий дастелец. А она — Дева Замка...

Я прогнал такие мысли. Это говорила дун-магия — иначе и быть не могло.

— Убирайся! — бросила Лиссал.

Я вышел из каюты, и вслед мне летел ее издевательский смех.

Я попытался уснуть, но не смог. Я поднялся, написал записку Кайеду на клочке пергамента, который я украл из каюты Лиссал, и вышел на палубу. Кайед тоже не мог уснуть, а

потому вышел на корму и встал за штурвал. Я вручил ему записку. Он прочел ее при свете фонаря, висевшего над компасом. «Все решено, — гласили мои каракули. — Вы все уплывете, но будете молчать о ней под угрозой смерти».

Кайед посмотрел на меня, потом разжал руку. Ветер подхватил пергамент и унес за корму.

— Так ты доверишь ей?

Я не ответил.

Я подошел к поручням на корме и оперся на них. Прямо подо мной находилась каюта Лиссал. За «Любезным» тянулся пенный след, освещенный фонарем на корме. Может быть, и она смотрела на него из своего створчатого окна...

Мне нужно было обдумать то, что сказала Флейм, но мой ум шарахался прочь. «Не Мортред. Его сын». Так ее подчинил себе сын Мортреда? В этом не было смысла. С того момента, как мы покинули Цирказе, и до самого прибытия на Ксолкас не было ни минуты, когда я не был бы рядом с Флейм. Если бы была предпринята еще одна попытка заразить ее дунмагией, я знал бы об этом. Если бы у Мортреда был сын и он попробовал приблизиться к Флейм, я увидел бы его.

Я заставил себя сосредоточиться. Я стал день за днем перебирать все, что случилось во время нашего путешествия, вспоминать всех людей, которых мы встречали, но мне ничего не приходило на ум. Мортред никого не называл своим сыном. Не было ни одного человека, который...

Однако сыном Мортреда мог быть не обязательно взрослый человек. Может быть, ребенок? Я стал думать о детях, встречавшихся на нашем пути. Дек? Нет, известно, кто был его отцом, и к тому же Дек обладает Взглядом. Тогда кто?

И тут на меня обрушилось понимание.

«О нет, Боже милосердный, только не это!»

Однако мысль никуда не делась, и я окаменел. Мое сердце перестало биться, моя жизнь прервалась — я обдумывал немыслимое.

Она могла предотвратить зачатие — все силвы могли.

Но Мортред был сильнее ее...

Да заберет Великая Бездна всех богов Райских островов! Как же мы были глупы... Как дьявольски высокомерны и самоуверены...

Флейм носит в чреве дитя дун-мага. Как он когда-то сказал Блейз? «Мое наследие овладеет всем архипелагом». Вот это наследие и вынашивает Флейм, и ребенок отравляет ее изнутри. Оскверняет. И каждый новый день все усиливает скверну — ведь младенец растет.

Я упал на колени на палубу; ноги неожиданно отказались меня держать. Я съезжился, прижался лицом к поручням и заплакал. Это было для меня совершенно ново: сначала я даже не понял, почему мои глаза затуманились, почему щеки стали мокрыми.

«Ох, Флейм, мне так жаль... Так ужасно, ужасно жаль...»

Она была права. Мне придется ее убить. Надежды не оставалось. Дун-магия в ней будет набирать силу вместе с растущим ребенком. Она превратит Флейм в чудовище, способное на любое зло и наслаждающееся им. Рано или поздно она меня убьет — теперь я это знал. Может быть, не сразу — в ней оставалось достаточно от моей Флейм, — но со временем.

Чтобы спасти свою жизнь, мне следовало бежать прочь. Чтобы спасти ее истинную сущность, мне следовало ее убить. Чтобы спасти мир, мне следовало убить ее ребенка.

Я плакал, а корабль плыл все дальше.

Через три недели после того как мы покинули Ксолкас, Кайед высадил нас — вместе с десятью огромными сундука-

ми награбленных Мортредом сокровищ — на пляже недалеко от Бретбастиона. Лиссал покинула корабль, в последний раз прибегнув к чарам и пригрозив проклятием всем на борту. Матросы должны были запастись продовольствием и водой в ближайшей рыбацкой деревушке и отплыть, не причаливая нигде до тех пор, пока не вернутся на Порф.

Если говорить совсем честно, до того как «Любезный» отошел от берега, я не был уверен, сдержит ли Лиссал свое обещание: в конце концов, поступки злой колдуньи никогда не диктовались состраданием. Я рассчитывал на то, что в ней все же сохранилось достаточно прежней Флейм, сдерживающей худшие проявления дун-магии. Неродившийся ребенок едва ли мог указывать ей, что именно следует делать; он просто укреплял узы дун-магии. Так я по крайней мере предполагал.

И Лиссал, несомненно, в определенной мере подавила в себе зло — достижение, которое, на мой взгляд, до нее не удавалось ни одному экс-силву. Возможно, дело было в том, что источник ее осквернения все еще был зародышем, однако мне хотелось думать, что это проявление ее сути — доброй и нежной, полной сострадания. Дун-магия могла требовать от нее другого, но Флейм сохраняла ядро своей личности нетронутым. Я гордился ею. Я все еще ее любил. Я был глуп, как всегда, веря в нечто столь же эфемерное, как соленый вкус морского ветра.

Мы провели на пляже неделю, найдя пристанище в лачуге, выстроенной из плавника, которую рыбаки использовали только в сезон ловли мидий — об этом свидетельствовали груды раковин на берегу. Каждый день я отправлялся покупать еду на ближайшей ферме. Я расплачивался серебром — денег у нас было в избытке. В сундуках оказались не только монеты; там хранились драгоценности, украшения, золотые и серебряные слитки.

В остальном я большую часть времени тратил на то, чтобы выкопать яму: нужно было спрятать сокровища. Лиссал заставила меня сгрести все раковины позади лачуги, вырыть там яму, в которой поместились все сундуки, кроме одного, а потом вернуть раковины на прежнее место, чтобы скрыть следы.

Даже когда я закончил эту работу, немедленно в Бретбастон мы не отправились. Лиссал все еще светилась багровым после щедрого использования дун-магии. Она окрашивала ее кожу, блестела в глазах, капала с кончиков пальцев и вплеталась в волосы. По этому алому цвету любой обладающий Взглядом сразу же признал бы в ней злую колдунью, а Лиссал знала: если она хочет, чтобы властитель Брета женился на ней, она не может явиться к нему, откровенно оскверненная дун-магией.

Это была странная остановка в пути. Лиссал все время разными способами изводила меня. Она наслаждалась, придумывая мне прозвища, подчеркивавшие недостатки моей внешности; Головастик и Тощие Ножки были еще самыми безобидными из них. Она высмеивала мою преданность ей, называя меня комнатной собачкой, подлизой, прилипалой и другими, еще менее лестными именами. Она дразнила меня своим телом, раздеваясь передо мной, купаясь обнаженной в прибое, задевая, когда проходила мимо.

— Разве ты не хочешь меня, Головастик? — спрашивала она и облизывала губы кончиком языка.

Я отвечал ей всегда одинаково: улыбался и отводил глаза.

— Почему бы тебе не поцеловать меня? — спросила она однажды, выйдя из моря — обнаженная, как всегда, все еще покрытая каплями воды. Я сделал шаг назад и протянул ей полотенце. — Мне было бы так легко убить тебя, знаешь ли. Как-нибудь ночью, когда ты будешь спать... — Я кивнул. Ее глаза сверкнули. — Почему ты так уверен, что я этого не сделаю, птичка? — Она подошла вплотную и провела ладонью

по моей щеке. Я решительно отвел ее руку, удерживая ее на расстоянии. — Как тебе понравится, когда я заберусь в постель властителя Брета, Руарт? Как тебе понравится, когда он меня... — Я выпустил ее руку и ушел.

Я вел опасную игру и понимал это; однако другого способа вести себя с ней я не знал.

На следующее утро, когда я проснулся, она снова заговорила со мной. На этот раз в голосе ее звучала неуверенность, выдававшая ее сомнения, и вопрос, который она мне задала, оказался неожиданным: я удивился, почему она не задала его раньше. Я до сих пор отчетливо помню ту сцену: солнечный свет проникал в лачугу сквозь щели в стенах, Лиссал раскинулась на постели, которую по ее приказанию перенесли из капитанской каюты «Любезного», я свернулся на подстилке на полу. Это не причиняло мне неудобств: в конце концов, я никогда не спал в кровати. Гораздо больше я страдал от солнечных ожогов и укусов песчаных блох, которые преследовали меня днем и ночью. Я завидовал Лиссал: остатки дун-магии держали насекомых от нее на расстоянии.

Я уже некоторое время не спал — просто лежал и пытался найти выход из ситуации, которая представлялась безвыходной, — когда услышал, как она шевелится. Она повернулась на бок и посмотрела на меня.

— Ты убил Габанию и Страси? — спросила она.

Это был первый случай, когда она проявила интерес к их исчезновению. То, что она спросила об этом сейчас, могло означать, что она поразмыслила, но это были размышления извращенного ума, а не разума, возвращающегося к здравым основам.

Я попытался солгать в ответ... и не смог. Ее я обманывать был не в силах. Да и если она обдумала случившееся, все было очевидно. Я был единственным человеком на борту «Любез-

ного», не лишенным дун-магией всякой способности причинить вред злым колдуньям, а прыгнуть в море по собственной воле они едва ли могли.

Так что я просто лежал, глядя на Лиссал.

— Руарт, Руарт, что мне с тобой делать? — мягко спросила она. — Если ты мог убить их, ты можешь убить и меня. — Я покачал головой и жестами подтвердил свое отрицание, чтобы сделать его более убедительным. — Может быть, и нет, — продолжала она. — Но ты-то можешь разговаривать с людьми в Бретбастионе. Ты можешь разрушить мои планы, сообщив, что я осквернена.

«Я не могу говорить, — знаками показал я ей. На самом деле теперь это было уже не так. Я трудолюбиво упражнялся каждый день, когда удавалось найти момент, когда меня никто не слышал, — и на борту корабля, и здесь, на берегу. Я разговаривал с крестьянами, у которых покупал еду, и они уже понимали почти все, что я говорил. Я просто не хотел, чтобы об этом знала Лиссал. — Если я сообщу кому-нибудь в Бретбастионе, тебя убьют. Я этого не допущу», — показал я ей знаками.

— Ты можешь написать, — сказала Лиссал. — Ты мог бы послать письмо менодианам на Брете или на Тенкоре. Ты мог бы написать хранителям. Или Блейз. Как же я могу взять тебя с собой? Ты меня выдашь. А наложить на тебя заклятие я не могу: ты обладаешь Взглядом.

Я молчал. Конечно, она была права. Было бы безумием с ее стороны позволить мне сопровождать ее, оставить меня в живых. Единственная причина того, что я до сих пор был жив, заключалась в присутствии где-то в глубине ее существа Флейм, которая не давала ей следовать логическим курсом, не давала убить меня ночью во сне или заклятием принудить кого-то другого убить меня. Это было лишь вопросом времени...

Мы смотрели друг на друга, соединенные нашим прошлым, нашей любовью и нашими сожалениями, но разъединенные дун-магией.

«Ты не можешь этого сделать», — показал я ей знаками.

— Это только вопрос времени, — тихо ответила она, вслух высказывая мою собственную мысль, и я услышал в ее голосе печаль, но и злорадное предвкушение тоже. — Он растет. Он каждый день вливает в меня все больше дун-магии.

«Он всего лишь зародыш, — знаками ответил я. — Он не может думать. Он пока еще ничего не знает. Только ты можешь действовать, но ты можешь и сопротивляться».

— А когда он родится, ты его убьешь... потому что только в случае его смерти твоя хнычущая Флейм получит шанс. По крайней мере ты так думаешь. Как же я могу позволить тебе добиться своего?

Все было так, все, что она говорила, было верно, и я замолчал.

— Ах, Руарт, ты должен будешь умереть прежде, чем он родится. То, чем я становлюсь, скоро пересилит то, чем я была... и ты об этом узнаешь первым. — Это было предостережением. Я услышал невысказанные слова, выговорить которые Флейм не могла: «Беги, Руарт, беги, пока еще можешь. Найди безопасное убежище».

Мое присутствие было дилеммой, которую ни один из нас не мог разрешить. Я мог выдать ее любым из тех способов, которые она назвала, но я не хотел причинять ей вред. Если ее захватят хранители, я сомневался, что они сумеют ее исцелить. Возможно, они ее просто убьют, как убивали собственных оскверненных силвов. Может быть, они и не очень будут хотеть этого, потому что Лиссал — Дева Замка, наследница престола и потенциальная супруга властителя Брета, но в случае необходимости они не поколеблются.

А если я сообщу менодианам, какой от этого будет прок? Я знал, что Райдер мечтал о лекарстве от магии, но это пока только мечтой и оставалось. Менодиане могут решить, что лучше Флейм убить, освободить ее душу, пока она против ее воли не погублена.

Я встал, чтобы мои знаки были более понятными.

«Я никогда не выдам тебя менодианам или хранителям. И вообще никому, кто захочет причинить тебе вред».

Лиссал нахмурилась и села на постели.

— Я чего-то не понимаю. Что ты хочешь сказать?

Было так трудно найти слова, которые можно было бы передать человеческими жестами и свистом, но я должен был попробовать. От успеха могла зависеть моя жизнь.

«Мы, дастелцы, были так беззащитны перед всякими опасностями, пока оставались птицами. Даже какая-то паршивая сорока могла угрожать нашим жизням. Единственное, что у нас было, — это наша верность. Верность нашим семьям, нашим друзьям, нашей стае — всему нашему народу. Больше мы ничего не имели, и верность для нас означает честь. Без верности друг другу мы бы не выжили. И ты, Флейм, была мне верна, хоть я и был всего лишь птицей-дастелцем. Ты никогда не колебалась, хоть и не имела гарантии того, что я когда-нибудь стану человеком. Так как же я могу бросить тебя, хоть ты можешь никогда больше и не стать силвом? Я буду с тобой, пока один из нас не умрет. И я никогда не причиню тебе вреда и другим не позволю. — Я пожал плечами. — Если ты меня убьешь, так тому и быть».

— А как же мой сын, Руарт? Как я вижу, о нем ты ничего не говоришь. — Она поднялась и подошла ко мне; ее волосы были спутаны, глаза опухли со сна. — Я верю тебе. Но я также верю твоему молчанию — тому, о чем ты не говоришь. Ты убьешь моего сына при первой же возможности.

Я помотал головой, но Лиссал прошла к двери и встала там, глядя в океанскую даль; глаза у нее были отсутствующие. Багровые отсветы дун-магии, лишь изредка пронизанные, как далекими звездами, проблесками голубизны, все еще играли на ее коже. Они стали менее яркими и теперь не мешали мне видеть ее лицо, не мешали замечать малейшие оттенки выражения.

— В день, когда родится мой сын, ты умрешь, Руарт, обещаю тебе это. До того я намерена наслаждаться твоими мучениями.

Я не мог сообразить, что на это ответить.

Все еще глядя вдаль, она тихо проговорила:

— Ты думаешь, что Блейз догонит нас, верно? — Я промолчал. — Ей это не удастся, знаешь ли. Ей ведь неизвестно, куда мы отправились. Она ни за что не поверит, что я могу по доброй воле выйти замуж за властителя Брета. Ох, со временем она, конечно, узнает, но тогда будет уже слишком поздно. — Лиссал оглянулась на меня и улыбнулась. — Понимаешь, Мортред открыл мне, как превращать силлов в дун-магов. К тому времени, когда сюда доберется Блейз, а хранители узнают, что происходит на Брете, все они опоздают. Я буду обладать властью, перед которой успехи Мортреда в Криде покажутся детской забавой.

«Что заставляет тебя думать, что ты его превзойдешь?» — знаками спросил я.

Ее улыбка стала шире.

— Дело в том, что я буду пользоваться уже существующей властью, Руарт, светской властью властителя. О, на это потребуется немного больше времени, чем я вначале рассчитывала, из-за твоего вмешательства. С помощью Габании и Страси, имея целую команду рабов, я легче добилась бы своего. Мы могли бы нанести... э-э... неприкрытый удар дун-ма-

гией. Однако тебе вздумалось убить тех двух сук, а в одиночку мне трудно контролировать так много людей разом. Так что план пришлось изменить... впрочем, это мелочь. Может быть, бóльшая тонкость даже и принесет лучшие результаты. — И Лиссал принялась описывать мне, как собирается подчинить себе правящую династию Брета и ее администрацию.

Я мог только молча слушать. Я не знал, ужасаться ли тому, что она может преуспеть, или бояться, что в случае неудачи она погубит множество невинных.

Глава 9

РАССКАЗЧИК — ЭЛАРН

Немного выше по течению реки смотритель дамбы привел в действие механизм, открывающий ворота. Стена воды ринулась по руслу к заливу. Я услышал ее приближение задолго до того, как увидел возникший из темноты у меня за спиной пенящийся белый гребень. Инженер с Тенкора по имени Гормас Джейдон — по словам моего отца, наш предок по прямой линии — придумал дамбу, которая перекрывала течение реки Ступицы и позволяла воде скопиться за ней. Потом, в момент наибольшего отлива, ворота быстро открывались, и возникала волна, устремляющаяся по заливу в океан. Это заложило основу процветания и Ступицы, и Тенкора. Статуя Гормаса висела на главной площади Ступицы: дородный человек в смешном наряде с оборочками по моде двухсотлетней давности. Табличка на памятнике не упоминала о том, что Гормас происходил с Тенкора... Но я опять отвлекся.

Я ждал, прислушиваясь к журчанию воды, превращающемуся в шипение, а потом в рев; возбуждение нарастало. Ради него я и жил. Это был наркотик, такой же сильный, как вытяжка из морских звезд, которую курят на острове Китал, чтобы вызвать видения, или яд актинии, благодаря которому жители Южных островов погружаются в галлюцинации. Он давал острое ощущение полноты жизни, он был самой жизнью.

Я удерживал зажженный Джесендой огонек впереди полоза, а сам зажег второй, освещавший волну позади меня. Меня поразило, как легко оказалось снова использовать силв-магию после всех этих лет, когда я сопротивлялся искушению. Магическая сила послушно откликнулась на мысленный приказ, нетерпеливо трепетала на кончиках пальцев, как если бы я постоянно питал ее, а не сопротивлялся ее призыву. Я чувствовал, что поступаю правильно.

Волна показалась из-за поворота реки, и рев удвоился. Он всегда пугал: нарастание звука говорило скорее о стихийном бедствии, а не просто об отливе. Стена кипящей белой пеной воды — теперь пронизанной голубыми отсветами силв-магии — неслась на меня, как неминуемая смерть. На мгновение мое сердце перестало биться, как бывало всегда, но потом рефлексы тренированного пловца взяли верх, и я начал грести. И наконец наступил волшебный момент, когда волна скользнула под полоз и подняла его, как упавший в воду лепесток...

Каждый раз это чудо — волшебство природы, не имеющее ничего общего ни с силв-, ни с дун-магией, — зачаровывало меня. Могучая сила волны заставляла меня чувствовать себя оседлавшим живое существо, зверя, который растерзает меня, стоит сделать хоть одно неверное движение. Устрашающий рев стих, как если бы его угроза не распространялась на меня, ставшего частью волны; полоз слился со мной, стал просто еще одной частью тела пловца — я был кентавром, человеком-волной, мчащимся по заливу домой.

Все это я знал, знал заранее. Впрочем, в этот раз были и отличия. Я никогда раньше не отправлялся в путь ночью. Никогда еще волшебный огонек не бросал свои мягкие отсветы на воду и отмели, мешаясь с лунным светом. Никогда еще я так остро не чувствовал мир вокруг меня. Никогда еще я не ощущал такой полноты жизни. Что было тому причиной?

Непривычное действие магии? Великолепие волшебного огонька, окружающего меня озером света в эту ночь одной луны? Тот факт, что утром я избег смерти, когда другие люди вокруг меня умирали? Или взгляд, брошенный на Джесенду Датрик, лишивший меня высокомерия никогда не любившего сердца?

Может быть, все это разом.

Во время того путешествия был момент, когда мне показалось, что не я один мчусь на волне. Что-то заставило меня посмотреть направо. Над водой виднелось лицо и плечи пловца, передвигавшегося без помощи полоза. Я был так поражен, что едва не потерял волну. На краткий миг наши взгляды встретились, и мы разделили магию окружающей нас ночи. После первоначального шока страха я не испытывал. В моем спутнике-пловце не было ничего пугающего. Я подумал, не повстречали ли одно из тех мифических существ, о которых с благоговением рассказывали моряки, — морскую нимфу, которые, как говорили, иногда выносили на берег потерпевших кораблекрушение. Матросы баркасов и пловцы, бывало, говорили о них — водяных духах, которые, расшалившись, могли опрокинуть полоз или лодку и сбросить пловца в воду залива.

Примерно через пять минут существо исчезло так же загадочно, как и появилось, скрывшись под водой, — еще одно воспоминание о том путешествии вниз по заливу, еще одна часть того целого, которое я до сих пор отчетливо помню, как будто это случилось вчера: каждый оттенок, каждая подробность, каждый отблеск волшебного огонька на отмелях залива.

Хотя та ночь отпечаталась в моей душе как радость, в сердцеvine ее таилась тьма. Я понимал, что должен сгорать от стыда, но совершенно его не испытывал. Я знал, что мне следует терзаться угрызениями совести: брошенная мной любовница умерла вместе с моим ребенком, а я чувствовал только

облегчение. Хуже того: я питал к ним так мало чувств, что с легкостью увлекся другой.

Джесенда... Ее имя шептал мне ветерок. Джесенда, Джесенда...

Там, где залив тянулся прямо, дно было ровным и волна вела себя спокойно, я позволял себе задумываться о том, что меня тревожило: Джесенда позволила мне увидеть ее колдовской огонек; Датрик плел интриги, чтобы сделаться главой Совета; мой отец был так заинтересован происходящим в Ступице, что велел мне возвращаться в темноте, хорошо зная, чем это может кончиться. И как может мужчина завоевать сердце женщины, если она презирает его за прошлое?

«Джесенда, — думал я, — я тебя завоюю. Ты будешь моей. Я должен этого добиться».

Я сделал, как велел отец: добирался до дома из гавани задворками, чтобы никто из обладающих Взглядом в том маловероятном случае, если бы они оказались на улицах в этот час, не мог вспомнить — даже если бы когда-либо знал, — что сын главы Гильдии — силв. Я отнес письма в спальню отца перед рассветом и сообщил заодно о смерти Бартбарика. Я был измучен и чувствовал себя как мачта судна, гонимого бурей, готовая вот-вот сломаться от слишком большой нагрузки за слишком короткое время.

Ни сочувствия, ни заботы мой отец не обнаружил. Если он и был доволен тем, что я проявил инициативу и отправился к Датрику вместо того, чтобы передать письма какому-нибудь безымянному клерку, он своего удовольствия ничем не показал. Вместо этого он приказал мне оставаться дома до тех пор, пока аура силв-магии не поблекнет.

Мне, наверное, следовало этим удовольствоваться, но я, должно быть, слишком устал. Я достиг точки, когда не мог

больше беспрекословно выполнять его распоряжения, не получая ни благодарности, ни признания своих заслуг.

— И как же мне определить, когда сияние силв-магии погаснет и будет безопасно выходить, если нельзя спросить об этом обладающего Взглядом? — поинтересовался я.

— И думать не смей подойти близко к кому-нибудь, обладающему Взглядом! — в панике рявкнул он.

— Едва ли меня можно винить за то, каким я родился, — бросил я в ответ. — Почему мне следует стыдиться полученного по наследству дара силва? — На эту тему мы, конечно, говорили и раньше, и глупо было с моей стороны снова начинать спор.

— Это мерзость!

— А разве не Божья воля? Я, в конце концов, таким родился.

— Это гадкий способ обманывать других людей, скрывать от них истину.

— Я никогда не пользовался силв-магией с такой целью. — Не говоря уже о том, что вообще до сих пор ею не пользовался...

— Ты делал бы это, если бы я тебе позволил! Как можешь ты думать, будто Бог станет поощрять рождение таких уродов, как оскверненные магией! — Между нами повисли невысказанные слова. Даже мой отец не мог заставить себя назвать меня порождением морского дьявола, но я знал, что он так считает.

Я смотрел на него и старался подавить боль.

— С тех пор как я стал жить на Тенкоре, решение не пользоваться магией было принято мной, а не тобой, — спокойно сказал я отцу. Год или два назад я начал бы кричать на него, но теперь я стал немного умнее. — Закон вовсе не запрещает пользоваться силв-магией на островах Хранителей и

на Тенкоре. И не тебе бы говорить! Это ты велел мне вернуться с новостями сегодня же ночью, и ты не мог не знать, что единственный способ сделать это — воспользоваться волшебным огнем. Если это грех, то он ложится на тебя.

Я повернулся и вышел из комнаты, чувствуя не гнев, а горе: я горевал о том, что никогда не знал отцовской любви.

На краткий момент я снова вспомнил Цисси. Было бы так хорошо на рассвете уснуть в ее объятиях. Но Цисси была мертва, и я больше не был уверен в том, что найду утешение в женских объятиях. Были вещи, с которыми я должен был научиться справляться собственными силами. К тому же единственной женщиной, о которой я мог думать, была теперь Джесенда.

Я сидел дома целую неделю, говоря себе, что делаю это ради себя самого. Мне ни к чему были дополнительные осложнения, которые неизбежно возникли бы, если бы все узнали, что Эларн Джейдон, единственный сын главы Гильдии, — силв. Сейчас это было ни к чему. Подобная новость оживила бы старые споры среди тенкорских священнослужителей. Грешили ли менодиане-силвы уже одним тем, что были силвами? Или грешили они только в том случае, если пользовались своей магией? А может быть, в этом вообще не было греха, если они не мошенничали и не обманывали? И как следствие: был Эларн грешником или нет? Уж выяснения этого мне никак не требовалось.

Так что я сидел дома, послав в Гильдию сказать, что болен. Я попросил одного из слуг отца сходить к мастеру и заказать новое каноэ, а на обратном пути отнести родным Цисси письмо с соболезнованиями. Я готовился к экзаменам и искал в библиотеке главы Гильдии — а она была обширной — все, что касалось менее известных сторон силв-магии.

Сначала я находил только то, что уже знал: магию мог видеть только тот, кто создавал заклинание, и обладающие Взглядом. Ее воздействие — такое, как иллюзии, исцеление силами или язвы, вызванные дун-магией, и так далее — были, конечно, очевидны для всех, но только не магия как таковая. А волшебный огонек был клубочком чистой магии, только и всего. С его помощью ничего нельзя было сделать. Он просто существовал. Следовательно, огонек, созданный Джесендой, и свет, который он давал, должны были бы быть видны только ей или кому-то, кто обладал Взглядом. Я не должен был бы ни видеть его, ни управлять им и уж, конечно, — а именно это я под конец и сделал — ни погасить.

После пяти дней старательных поисков я все-таки нашел указание на нечто подобное: рассказ о силах-близнецах, которые могли видеть магию друг друга. К концу недели я сумел только узнать, что иногда в магии случаются отклонения. Было, конечно, любопытным фактом то, что Джесенда, основываясь на детских воспоминаниях, решила, что я сумею увидеть зажженный ею волшебный огонек. Любопытным, но не потрясающим основы.

На самом деле то, что творилось на той неделе в политике хранителей, было гораздо интереснее. Совет хранителей собрался, но ни Фотерли, ни Датрик не смогли одержать победы. Случилось так, что в это время умер один из советников, число членов Совета стало четным и голоса разделились в точности поровну. Начались тайные переговоры, и нескольких человек удалось переманить на другую сторону, но и при новом голосовании за каждого кандидата отдало голоса одинаковое число советников. Когда такое случилось в третий раз, было принято решение, предусмотренное конституцией островов Хранителей: временным главой Совета на шесть месяцев провозглашался старший из кандидатов — в данном случае

Датрик, — а через полгода должны были состояться новые выборы. Другими словами, у Датрика было ровно шесть месяцев, чтобы показать на практике, чего он стоит.

Я явился в Гильдию в день испытаний и вытерпел множество насмешек: мои приятели решили, будто я притворился больным, чтобы иметь возможность заниматься без помех.

Когда каноэ было готово, я отправил его Джесенде со следующим же баркасом. После этого каждый раз, когда я отправлялся в Ступицу, мы с ней встречались и я учил ее плавать на каноэ. Я полагал, что это даст мне замечательную возможность лучше ее узнать; я оказался прав лишь отчасти.

Я звонил в колокольчик у садовой калитки дворца Датрика — того же самого дворца, потому что семейство не переселилось в резиденцию главы Совета, и слуга провожал меня к лодочному сараю. Там я ждал прихода Джесенды. Она всегда бывала точна: да и нельзя было иначе, если катаешься на волне отлива. Джесенда являлась безупречно одетой, словно отправлялась, держа над собой зонтик, на прогулку по саду, однако, как я скоро узнал, ее платье было иллюзией: она уже была в купальном костюме, и ни в чем больше. Конечно, в Ступице купальные костюмы были весьма консервативны и закрывали купальщиц от шеи до щиколоток, однако Джесенда носила такой обтягивающий, что я наслаждался, глядя на нее. Будучи здоровым молодым человеком, я мог целыми днями тайком бросать взгляды на соблазнительные округлости...

Препятствие заключалось в том, что на каждый период отдыха, который я проводил в Ступице, приходилась всего одна дневная отливная волна, а Джесенда иногда бывала занята в это время. Случались еще и другие неприятности: если, например, она упускала волну, то урок на этом заканчивался. Когда волна уходила по заливу, урок заканчивался тоже. Джесенда

милу благодарила меня, мы возвращались в лодочный сарай, и она исчезала. Это меня огорчало. Единственное время, которое мы проводили вместе, бывало, когда я отвозил ее подальше от берега и обратно — для этого я использовал свой полоз — или когда мы ждали открытия ворот и прихода волны.

Джесенда никогда не приглашала меня к себе. Мне приходилось переодеваться в ее лодочном сарае, и к тому времени, когда я натягивал городскую одежду, она уже исчезала в доме. Когда мы все же разговаривали, Джесенда желала узнавать о тонкостях катания на волне и способах улучшения собственной техники. Она была одной из самых целеустремленных женщин, каких я только встречал.

К счастью, она находила время и на то, чтобы учить меня более эффективно пользоваться силв-магией. До того мое образование по этой части было в лучшем случае обрывочным. Когда я был совсем маленьким, отцу пришлось нанять силва, чтобы тот обучил меня основам, — главной целью этих уроков, конечно, было научить меня скрывать свой дар. Когда меня отправили прочь с Тенкора, я подружился с семейством силвов, жившим неподалеку. Дети помогли мне не просто научиться управлять магией, но и развивать свою силу; потом, когда мне исполнилось двенадцать, я решил совсем отказаться от своего наследия силва и вернулся в дом отца на Тенкоре. Теперь же Джесенда с радостью занялась моим образованием.

— Просто преступление знать так мало, — ворчала она. — Оставить такого сильного мага без обучения...

Я не знал, почему она считает меня сильным магом. В конце концов, это именно она обладала необычной магической силой, а не я. Мне очень хотелось многому у нее научиться, но я боялся возвращаться на Тенкор, благоухая силв-магией. Кто-

нибудь обязательно скажет об этом отцу. Моя нерешительность, конечно, раздражала Джесенду.

— Ох, боже мой, Эларн, — однажды недовольно сказала она мне, — ты должен решить, хочешь быть силвом или нет! Ты не можешь тыкаться туда-сюда, как лодка без руля.

В этот момент мы возвращались в лодочный сарай, и мне гораздо больше хотелось поболтать с Джесендой о том, не пой-ти ли нам выпить по чашке шоколада или о чем-то еще столь же приятном и необременительном. Вместо этого мы говорили о моем нерешительном характере... Джесенда была, конечно, права. Я должен был принять решение. Когда я бывал с ней, я не сомневался в своем желании стать силвом; на Тенкоре ситуация не казалась такой ясной.

Несомненным было одно: я впервые в жизни по уши влюбился. Теперь, когда с тех пор прошло так много лет, могу признаться: любовь любовью, но я также сгорал от желания — тем более сильного, что его объект казался недостижимым.

Я был тогда ужасно молод...

Результаты окончательных испытаний были вывешены на доске в здании Гильдии. Я сдал все экзамены без каких-либо блестящих отметок, но набрал достаточно баллов, чтобы стать сир-пловцом и полноправным членом Гильдии. О ночи после выпуска я мало что помню. Друзья таскали меня по тавернам в городе, а потом по менее благопристойным пивнушкам в порту; ближе к утру мы оказались в борделе. Я действительно мало что помню и совершенно уверен: что бы ни случилось в борделе, я никакого участия в этом не принимал, потому что к тому времени уже ни на что не был способен.

На следующее утро я проснулся в своей постели в здании Гильдии, не представляя себе, как я там очутился, и страдая от самой ужасной головной боли в жизни. После этого загула моя

жизнь потекла как обычно. Я всячески избегал своего отца и вызывался добровольцем во все поездки в Ступицу, какие только удавались. Несколько недель прошли вполне приятно — а потом в гавань вошла шхуна. Она несла флаг Мекате и имела разноцветные плетеные паруса, каких я никогда раньше не видел. Я в этот момент оказался на набережной и, поскольку был свободен от заплывов, решил посмотреть на нее поближе. Я был не единственным зевакой; на причале собралась толпа. Видеть такое судно вблизи островов Хранителей было странно: шхуна больше походила на торговый корабль, совершающий каботажные плавания, и от нее несло воню, как будто она перевозила навоз. Вместе с тем по ее высокой осадке было видно, что в трюмах у нее нет ничего, кроме балласта, да и его немного.

Когда лоцман подвел шхуну к причалу, я увидел, что один из стоящих у поручней пассажиров — человек в мантии патриарха, с медальоном из черного коралла на груди. Я знал его в лицо: однажды мне показал на него отец. «Зовут Райдером, — буркнул он тогда. — Гражданин Разбросанных островов. Будь с ним осторожен, Эларн, история у него странная, и я не доверяю людям, которые то и дело исчезают, как этот Райдер. По слухам, он хорошо владеет и мечом, и луком. А еще говорят, что верховный патриарх готовит его себе в преемники. — Отец фыркнул. — Почему менодианам понадобился воин в качестве вождя, понятия не имею».

Недавно стало известно, что Райдер теперь стал полноправным членом Высшего совета патриархии, несмотря на сопротивление некоторых консервативных членов Синода. Он явно не был ортодоксом и не любил околачиваться в патриархии, не подлизывался к власти имущим. Мне это очень нравилось.

Райдер был красивым мужчиной лет под сорок, высоким и широкоплечим, но не его я стал разглядывать, пока шхуна швар-

товалась к причалу. Рядом с ним стоял гораздо более интересный человек, я никогда никого похожего на него не видел. Он был примерно того же возраста, что и Райдер, но не такой высокий и широкоплечий, как тот, с лохматыми рыжими волосами и такой же бородой. Одежда его была очень странной: рубашка из прекрасного шелка без воротника, застегнутая на запястьях, удобные темно-зеленые штаны; и то и другое было почти не видно из-под необыкновенного грубошерстного одеяния в зелено-красную клетку. При взгляде на этого человека хотелось назвать его варваром. Волосы и борода у него торчали в разные стороны: может быть, этим утром он просто забыл их расчесать... а его накидка была самым неопрятным предметом, какой я только видел: она казалась не сотканной, а грубо сплетенной и потом просто небрежно накинута, а не надета. Я совершенно не представлял себе, откуда мог взяться такой дикарь.

Пока я глазел на него, притворяясь, будто вовсе им не интересуюсь, кто-то сзади дернул меня за куртку. Я оглянулся и увидел одного из дастелцев. Сердце у меня оборвалось. Даже вид одного из них всегда напоминал мне о дне Падения, о вещах, вспоминать которые мне не хотелось. Этот человек был одет как и двое детей, цеплявшихся за него, но все они выглядели так, словно в одежде им неудобно. Их рубашки были незашнурованы, штаны надеты наизнанку и неподпоясаны, ноги босые. В те дни только немногие из дастелцев, которые раньше были птицами, носили обувь.

— Чего ты хочешь? — спросил я достаточно вежливо.

Он молча начал делать знаки, которые мне ничего не говорили, показал на корабль, а потом в открытое море. Он явно еще не научился переводить глаза с предмета на предмет, поэтому, когда хотел посмотреть на что-то, поворачивал голову. Это производило странное впечатление, но для дастелцев было обычным.

Человек пробормотал что-то невнятное, показал на своих детей, размахивая руками, сгибая пальцы и кивая головой. Я ничего не понял. Его вид вызывал жалость. Он был — как и многие недавно ставшие людьми дастелцы — невысоким и широкоплечим, с тонкими ножками; обгоревшая на солнце и шелушащаяся кожа делала его похожим на ящерицу, меняющую шкурку. На голове, которая еще недавно была совсем лысой, пробивалась черная поросль, но выглядел дастелец все еще непривлекательным.

И тут человек на борту — тот самый, бородатый — обратился к дастелцу:

— Эй, приятель, я, кажется, тебя понимаю. Только этот корабль через день или два отправится на Мекате, а не на Дастелы.

Дастелец, задрал голову, посмотрел на него, а потом снова начал жестикулировать и насвистывать приятную переливчатую мелодию.

Рыжеволосый кивнул:

— Посмотрим, что мне удастся сделать. Ты где живешь? Еще несколько жестов и свист.

Рыжеволосый опять все понял.

— Я через несколько дней зайду к тебе. Как тебя зовут?

Дастелец снова засвистел. На этот раз ему пришлось несколько раз повторить мелодию, прежде чем человек на борту понял. Я смотрел на них, разинув рот: мне не верилось, что кто-то может понять всю эту тарабарщину.

Дастелец благодарно кивнул и повернулся, чтобы уйти. Я порывлся в карманах, достал пару пряников и сунул их детишкам. Их отец улыбнулся мне и поплелся прочь. Эта трогательная фигура с его двумя безмолвными малышами почему-то заставила меня почувствовать себя виноватым за то, что я здоров и все у меня хорошо.

Я снова начал смотреть на корабль и его странного рыжеволосого пассажира. Я старался не выглядеть особенно любопытным, но все же привлек к себе внимание патриарха.

— Эй, сир-пловец, — окликнул он меня, опознав по дорожной форме Гильдии, в которую я был одет, — у нас с собой багаж, который нужно переправить в Синод. Не мог бы ты найти несколько сильных ребят с тележкой для тяжелого груза?

Будь это кто-то другой, я мог бы возмутиться — я был гильдийцем, а не портовым грузчиком, — но Райдер являлся членом Совета патриархии, а на Тенкоре такое значило много. Я выполнил его просьбу. К тому времени, когда я вернулся с тремя носильщиками и тележкой, начальник порта уже познакомился с прибывшими и убедился, что все они имеют гражданство; их багаж был выгружен на причал. Самым громоздким предметом, привезенным двумя путешественниками, был огромный деревянный сундук, тяжелый и объемистый. Нам всем пришлось помогать погрузить его на тележку, но ни у кого не нашлось достаточно длинной веревки, чтобы надежно его привязать. Тележка с трудом могла выдержать такой груз; трое носильщиков покатали ее вверх по улице — двое тянули за оглобли, третий толкал сзади. Я предложил помочь донести остальной груз, главным образом потому, что мне хотелось узнать, кто такой странный рыжебородый человек. Мое предложение было принято, и мы двинулись по улице следом за тележкой. Рыжий человек назвал мне свое имя — Келвин Гилфитер — и сообщил, что он с Мекате; это показалось мне странным: я раньше видел людей оттуда, и все они были смуглыми, гладко выбритыми южанами. И они не заворачивались в клетчатые одеяла... Я хотел расспросить его насчет дастелцев и все еще думал, как задать вопрос, когда он начал разговор сам:

— Тот парень, который заговорил с тобой, просто спрашивал, не идет ли корабль на Дастелы. Ему хочется добраться до дома и отвезти туда своих ребяток.

— Ребяток?

— Детишек.

— Как тебе удалось понять, что он сказал?

— Ну, скажем так: я немного понимал их язык, когда они были птицами. Теперь, правда, и жесты, и звуки несколько другие. О многом приходится догадываться, но, думаю, он просто пытался узнать, как ему добраться до родины своих предков. — У рыжего был очень странный выговор, с раскатистым «р» и напевными интонациями.

Я обдумал то, что он сказал.

— Кто все-таки ты такой?

— Просто человек, который когда-то называл птицу-дастелца своим другом. Он, должно быть, погиб в тот день, когда они... когда они изменились.

— Ох... Значит, они были разумны, даже когда еще не превратились в людей?

— Ага, точно.

— А можно спросить: где ты был в тот день?

— На Ксолкасе. Как, ты говорил, тебя зовут, сир-пловец?

— Эларн. Мой отец Корлесс Джейдон, глава Гильдии на Тенкоре. — Пока мы поднимались на холм, теперь уже изрядно отставая от тележки, я продолжал: — Говорят, Падеение случилось потому, что умер дун-маг, человек по имени Мортред. Ты тоже так считаешь?

Ответил мне патриарх:

— Да. Да, это правда. Именно так и случилось. Человека, который почти сто лет назад заколдовал Дастелы, убили.

Что-то в том, как он это сказал, заставило меня насторожиться.

— На Ксолкасе?

Он кивнул.

— И вы в это время там были?

Он снова кивнул.

Я хотел задать еще много вопросов, но понял, что лучше промолчать. В патриархе была заметна почти пугающая суровость; он вел себя так, что поневоле приходилось держаться на расстоянии. Он был вежлив и не смотрел свысока на тех, кого превосходил рангом, не возмущался тем, что я задавал слишком много вопросов, — и все равно мне хотелось отойти от него подальше.

И тут случилась беда.

Мы поднимались по крутому и узкому участку улицы, ведущей к Синоду; с обеих сторон тянулись дома с резервуарами для сбора дождевой воды, которые делали улицу еще уже. Шагах в двадцати впереди нас носильщики старались протолкнуть тележку по неровностям булыжной мостовой. Дело осложнилось еще и тем, что навстречу шла группа женщин с тяжелыми корзинами, возвращающихся с рынка.

Один из носильщиков попытался откатить тележку в сторону, но тут с громким треском сломалась оглобля. Он упал, все еще сжимая в руках обломок. Тележка вильнула и прижала второго носильщика к стене дома. Он завопил и выпустил оглоблю со своей стороны. Женщины с визгом стали разбегаться. Тот парень, что толкал тележку сзади, растянулся на мостовой, и тележка, проехав над ним, покатила назад и врезалась в стену дома на противоположной стороне улицы. Отскочив от нее, она выехала на середину улицы и, подпрыгивая, покатила вниз, набирая скорость. Огромный сундук на ней подскакивал и крепился, но каким-то чудом не сваливался на землю.

У меня пересохло во рту. Если бы мы прижались к стенам домов, нам могло повезти и мы не пострадали бы — если бы

не оказались раздавлены сундуком или тележкой. Можно было попытаться убежать от тележки, только она уже не ехала, а летела... Если бы по дороге не попалось открытой двери, нам пришлось бы бежать до самого подножия холма — и я не сомневался, что нам не успеть.

Тележка подпрыгнула на выбоине и взлетела в воздух, но тут же тяжело рухнула обратно. У нас оставалась доля секунды на то, чтобы принять решение, которое могло спасти нам жизнь — или обречь на смерть.

Райдер и Гилфитер метнулись к противоположным сторонам улицы, но, к несчастью, при этом каждый схватил меня за руку и дернул к себе. Разрываемый на части, я застыл прямо посередине улицы — великолепная мишень для мчащейся тележки.

Я не задумался над тем, что делать, хотя, будь у меня время на размышления, я, возможно, поступил бы так же. Я воспользовался своей силой.

Я воздвиг два колеблющихся столба сияющей защиты на каждой стороне улицы впереди себя и связал их между собой серебряной сетью сил-магии. Я никогда еще не творил заклинания с такой быстротой. Тележка еще раз подпрыгнула на неровности и затормозила так резко, что сундук слетел с нее и устремился, как снаряд катапульты, прямо в меня.

Собравшаяся толпа издала вопль, как один человек.

От шока я чуть не утратил самообладания — даже зная, что сеть меня защитит, смотреть на летящий сундук было страшно. Райдер выпустил мою руку, а Гилфитер еще раз дернул к себе, пытаясь спасти от удара, который, как он думал, был неизбежен. Защиту видеть он не мог. В тот же момент сундук всей тяжестью налетел на сияющую сеть сил-магии. Она немного подалась, но удержала сундук, и он повис в воздухе, как муха, запутавшаяся в паутине. Тележка опрокину-

лась набок и заскользила вниз, пока ее тоже не остановили серебряные нити магии.

Я сглотнул, облизал губы и благословил Джесенду за то, что она научила меня устанавливать защиту достаточно прочную, чтобы удержать даже такой тяжелый сундук. Я осторожно наклонил столбы-опоры и позволил серебряной сети мягко опустить сундук на землю. Для зрителей, даже не обладающих Взглядом, это не могло выглядеть ничем, кроме магии: хоть они и не были способны видеть голубое сияние, все видели сундук, чудесным образом застывший в воздухе и плавно опустившийся на землю.

Я выдохнул воздух, с безнадежностью думая о том, что никак не смогу скрыть того, что воспользовался силв-магией. Все на улице таращили на меня глаза: женщины и дети, носильщики, Райдер и Келвин Гилфитер.

Я только начал гадать, не удастся ли мне приписать это чудо Гилфитеру, когда он, широко улыбаясь, повернулся ко мне.

— О небеса, сир-силв, — громко, так что все его услышали, сказал он, — быстро же ты сообразил! Ты определенно спас мой медицинский сундук от того, чтобы превратиться в мешанину снадобий и кучу растопки! Я вечно буду тебе за это благодарен.

— Не за что, — пробормотал я сквозь стиснутые зубы.

Глава 10

РАССКАЗЧИК — ЭЛАРН

Организацию дальнейшего взял на себя патриарх.

Распорядительный человек, ничего не скажешь. Двоих носильщиков он отправил за другой тележкой, а третьему, который получил несколько синяков, но особенно не пострадал, велел стеречь сундук, пока не удастся доставить его в Синод. Собравшейся толпе он предложил убрать с улицы обломки, и все послушались его, не задавая вопросов. Его манера вести себя вызывала уважение. Что же касается меня, то одна из женщин, кланявшаяся патриарху, проходя мимо меня, наоборот, плюнула на землю.

— Убийца дастелцев, — проворчала она.

Обвинение было несправедливым. Я мог только растерянно вытаращить на нее глаза. Райдер вернулся, взял меня за локоть и вместе со мной прошел мимо женщины.

— Пойдем в Синод, — сказал он мне. Я попытался извиниться и уйти. Мне не хотелось появляться в Синоде, сияя, как серебряный бакен, и тем самым заявляя о своей природе силва патриархам, большинство которых обладали Взглядом. Однако Райдер отменил мои возражения. — Мне нужно с тобой поговорить.

Я почувствовал дурноту. Этот человек, несомненно, фанатик, противник силв-магии. Бог знает, какую проповедь мне

предстоит выслушать. Я было подумал о том, чтобы все же отказаться идти с ним, но это могло только ухудшить дело, так что я уныло потащился вверх по улице следом за Райдером и Гилфитером.

Гилфитер тревожился за содержимое своего сундука.

— Лекарства, — сказал он мне. — Целебные травы, настойки, отвары и прочие снадобья. Они все хорошо упакованы, но все же кое-что могло разбиться. Некоторые из них невозможно снова добыть. — Он вздохнул. — Мой дядя выдерет мне бороду, если я не верну ему сундук в полном порядке. Уж не знаю, как и благодарить тебя, паренек.

Я с сомнением посмотрел на него.

— Если ты думаешь начать здесь практику, то число пациентов может тебя разочаровать. Все говорят, будто не одобряют силв-магию, что она не угодна Богу, греховна и все такое прочее, но если у них есть деньги, то первый, к кому они бегут в случае болезни, — это целитель-силв.

Он поднял брови.

— В самом деле? Это малость лицемерно, не так ли? — Он был искренне изумлен, что, в свою очередь, удивило меня. Неужели он настолько наивен? Однако его следующие слова показали, что удивило его не лицемерие, а мысль о том, что силв-магия — зло. — Я скорее подумал бы, — продолжал он, — что дар целительства должен рассматриваться как дарованный Богом. Это же такая... э-э... замечательная вещь!

Я предпочел ничего ему не отвечать и только взглянул на Райдера, шагавшего рядом с нами. Выражение его лица было мрачным.

— У патриархии проблемы не с целительством силвов, — сказал он. — Дело в других проявлениях магии. Если я заболею, я буду только счастлив, если силв меня вылечит. Однако если мне предложат выбор между отсутствием всякой магии и

той магией, которую мы имеем сейчас, я предпочту первое. Отсутствие всякой магии. — Он бросил на меня вопросительный взгляд. — Та женщина... что она имела в виду, говоря об «убийце дастелцев»?

Я вздохнул.

— Тут начались гонения на магию с тех пор, как дастелцы упали с неба. — До меня дошло, что эти двое, должно быть, большую часть времени после Падения провели на корабле. Они могут не подозревать о том отвращении к магии, которое распространилось среди островитян, хотя, насколько я слышал, такая реакция была повсеместной.

— Объясни поподробнее, — велел Райдер.

— Ну... это было таким... наглядным, случилось на глазах у нас всех. Люди гибли, становились калеками. Дети, раскиданные по земле... части тел, падающие с крыш... Мужчины и женщины, распятые на столбах, с вывалившимися внутренностями... просто переломанные. Кровь, стоны... Люди по большей части никогда не сталкивались с подобными смертями. Это было ужасно и так... так реально. Все случилось, как раз когда дети возвращались домой из школы... от этого стало еще хуже. Некоторые из них тоже погибли. Теперь очень многие страдают бессонницей или видят во сне кошмары... просыпаются с криками. И не только дети. — Я с трудом находил слова. — Зрелище было душераздирающее. Если вы видели, что случилось тогда, вы поймете, что я хочу сказать. Людям нелегко с таким справиться... они просто не могут.

Райдер кивнул:

— И ищут виноватых.

— Думаю, так. Мы все знали, конечно, что тут виновата дун-магия. А потом люди узнали обо всем: о том, как жители Дастел были заколдованы, как им пришлось на протяжении поколений вести жизнь птиц. Всем хотелось помочь... — Я

покачал головой. — Может быть, если бы было возможно помочь... да только на самом деле что тут сделаешь? Столько погибших, столько изувеченных... И даже те, кто не пострадал... Многие сошли с ума, не в силах справиться с жизнью в человеческом обличье. Некоторые покончили с собой. Другие все еще пытаются летать или не едят ничего, кроме птичьего корма. Есть такие, кто отказывается носить одежду и умирает от пневмонии. У многих дела пошли плохо, как если бы... превращение из птиц в людей произошло не так, как должно было быть. Есть полностью или частично ослепшие, есть оглохшие. Кое-кто лишился частей тела — гениталий, языка, ушей, пальцев... такие увечья силвы излечить не могут. Менодиане пытались позаботиться о них, конечно. Их кормили, лечили, одевали... и у некоторых все наладилось. Они учатся говорить, ходить и прочее. Но другие... — Я покачал головой. — Вот жители Тенкора и взбудоражены. Да и кто на их месте не сокрушался бы? Ведь все, что случилось, случилось у нас на глазах, под самым носом. У всех на глазах, и все кинулись помогать. Некоторые пришли в такую ярость, что стали винить магию — любую магию. Теперь существует общество «Долой магию».

Гилфитер беспомощно посмотрел на меня.

— Они винят силвов?

— Силв-магия, дун-магия... Они не делают различий. Забавно: как я слышал, общество «Долой магию» даже более популярно в Ступице, чем здесь. Похоже на то, что чем больше силвов живет по соседству, тем большую неприязнь они вызывают у тех, кто этим даром не обладает.

Райдер слегка улыбнулся, словно мои слова его порадовали. Гилфитер просто казался озадаченным.

К этому времени мы добрались до Синода. Младший патриарх, дежуривший у входа, склонил голову, как только увидел члена Совета, и распахнул перед нами дверь. Райдер немедлен-

но направился в свои апартаменты. К моему удивлению, оказалось, что они находятся рядом с покоями верховного патриарха. Это было нешуточным отличием, хотя сами комнаты оказались обставлены аскетически.

Войдя, он указал мне на стул, а сам позвал слуг и послал кого приготовить комнату для Гилфитера, кого — уведомить верховного патриарха о своем прибытии, кого — распаковать багаж, отправить белье в стирку и приготовить им с Гилфитером ванны. Я чувствовал себя все более не в своей тарелке.

Гилфитер, должно быть, заметил мое смущение, потому что сказал Райдеру:

— Что тебе нужно от этого парня, Райдер? Он и так всю дорогу опасался какой-нибудь неприятности от тебя, а теперь ты больше интересуешься ванной, чем разговором. Отпусти ты его и не мучай, бога ради.

Райдер повернулся ко мне:

— Ты сказал, что ты сын Джейдона — главы Гильдии? — Я кивнул. — Он знает, что ты силв?

— Конечно.

— Однако он не желает, чтобы слухи об этом разошлись.

Я смущенно пожал плечами:

— Он никогда не одобрял использования силв-магии. На самом деле я ею и не пользуюсь — по крайней мере часто. Мне просто показалось... ну, что сейчас это было оправданно.

— Еще как оправданно, — согласился Гилфитер. — И я от всего сердца тебе благодарен. Паренек правду говорит, Райдер, — небрежно добавил он, словно мог точно судить об этом. Потом он отошел к окну и стал смотреть на город и гавань, сделав вид, будто не интересуется разговором. Вид оттуда открывался чудесный — можно было увидеть даже начало залива, — только я усомнился, что Гилфитер так уж любит зрелищем: он прислушивался к каждому слову, сказанному нами.

— Твой отец наверняка услышит о том, что случилось, — проговорил Райдер.

Я повесил голову. Мысли о предстоящем разговоре с папашей были по меньшей мере нерадостными.

— Он будет недоволен, — ответил я. — Обо мне всегда ходили странные слухи, но от них по большей части отмахивались как от сплетен недоброжелателей, которые хотели бы дискредитировать отца. В течение часа о происшествии будет знать весь Тенкор.

— Да, — согласился Райдер. — Я слышал, как он обличал магию и призывал патриархию принять более жесткие меры против ее употребления. Однако едва ли можно ставить тебе в вину то, что ты родился силвом.

— Скажи это Корлессу Джейдону.

— Он тебя упрекает?

Часть моего сознания все еще желала встать на защиту отца, но неожиданно я почувствовал, что устал постоянно лгать.

— Изо всех сил. Если не меня, то мою покойную мать.

— Я напишу ему записку и объясню, как все случилось.

Я сомневался, что это поможет, но все равно поблагодарил его. Гилфитер сочувственно улыбнулся: казалось, он совершенно точно знает, что я чувствую.

— Сколько тебе лет? — спросил Райдер, садясь к столу и открывая чернильницу.

— Двадцать.

— И ты, как видно, работаешь на Гильдию. Пловец или матрос? — Он раздраженно фыркнул, обнаружив, что чернильница пуста, и снова позвонил в колокольчик, вызывая слугу.

— Я могу быть и тем, и другим, но предпочитаю пользоваться полозом.

— А свой дар силава ты ненавидишь.

Я помолчал, не зная, куда он клонит.

— Я ненавижу упрёки в том, за что не несу ответственности: за то, что родился силвом, — поправил я его.

Райдер молча вручил вошедшему слуге пустую чернильницу. Он подождал, пока слуга выйдет, потом снова начал меня расспрашивать:

— Если бы ты мог избавиться от магического дара, ты бы это сделал?

Я обдумал такую возможность. Ещё несколько недель назад я не колеблясь ответил бы «да». Однако с тех пор кое-что переменялось: я влюбился в девушку-силва и только что прибежал к силв-магии, чтобы спастись от серьезного увечья — а то и смерти. Теперь я не был уверен в ответе.

Гилфитер снова вмешался:

— Отвечай с осторожностью, паренек. Он хочет тебя использовать, этот бродячий жрец.

Говоря это, Гилфитер подмигнул, но Райдер все равно нахмурился. Я видел, что он недоволен.

— Гилфитер, нам нужен силв, — сказал он. — Ты же сам так говорил. И кто подойдет нам лучше, чем человек, который не хочет быть силвом? Этот молодой человек нам словно с неба свалился. Разве ты не видишь тут знамения?

— Уж не хочешь ли ты сказать, что несчастный случай был послан нам Богом?

— Почему бы и нет? Бог изобретателен в своих действиях. Нет смысла в молитвах, Гилфитер, если молящийся не готов принять неизбежное следствие: на молитву последует ответ.

Я поежился. Мне не особенно нравилось, куда все это может меня завести.

— Я не говорил, что не хочу быть силвом.

Райдер начал точить одно из перьев на столе.

— Нет, не говорил, верно. Но раз уж мы занялись предостережениями, позволь предупредить тебя насчет Гилфитера:

для него любая ложь воняет. Никогда не пытайся передернуть факты в его присутствии, если не хочешь выглядеть дураком.

Теперь я уже в самом деле разозлился. Они пытались использовать меня, чтобы выиграть в какой-то глупой игре, которую вели между собой, как если бы я был безмозглым идиотом.

— Если не возражаете, я теперь отправлюсь восвояси. — Я поднялся, но прежде чем успел откланяться, вернулся слуга с чернильницей.

— Еще минутку, — попросил Райдер и начал писать записку моему отцу.

Гилфитер улыбнулся мне:

— Ты уж прости, паренек. Мы разучились вести себя прилично. Слишком долго мы теснились на корабле, который меньше, чем мой родной дом: и податься-то друг от друга было некуда. Тут уж поневоле станешь сварливым. А Райдер прав: нам в самом деле нужен силв, который согласился бы с нами работать. Только сейчас, я думаю, неподходящий момент, чтобы это обсуждать.

— А что за работа? — спросил я.

— Исследования, — ответил он, — природы силв-магии. Что делает ее отличной от дун-магии. И почему на обладающих Взглядом никакая магия не действует совсем. Чем определяется дар силва: личностью человека? Или это у него в крови? Увлекательнейшие вопросы, верно?

Я вытаращил на него глаза, гадая, всерьез ли он говорит, и все же решил, что всерьез. Тут же я начал удивляться тому, почему никогда не задавал таких вопросов себе.

«Потому что, — подумал я, — ты, Эларн, был слишком занят тем, что вопрошал: «А почему я?» Вечно все переводил на себя, Эларн Джейдон. Не «бедняжка Цисси», а «благодарение Богу, она умерла и мне не придется объясняться насчет ребенка».

Райдер отвлек меня от этих мыслей.

— Вот тебе записка, — сказал он, вручая ее мне. — Надеюсь, она сделает твоего отца немного менее сердитым. А ты жди: мы с тобой свяжемся и кое-что предложим. Примешь ты наше предложение или нет, решать, конечно, тебе.

— Спасибо, — сказал я и взял записку. Поколебавшись, я спросил: — Можно, я задам вопрос?

— Конечно.

— Как сам ты думаешь: быть силвом и быть менодианином — вещи несовместные?

— Ни в коей мере. Не более чем быть физически сильным и верить в Бога. Впрочем, я думаю, что пользоваться силой мышц для того, чтобы подчинить себе другого человека, — грех. Точно так же использовать иллюзию, чтобы обмануть, — грех. Эларн, существует множество замечательных людей — мужчин и женщин, — которые родились и силвами, и менодианами. Ты же слышал об этичных силвах? Силвы есть даже среди патриархов и матриархов. Значение имеет то, что человек делает или чего не делает, а не то, каким он родился.

Прочтя мне это священническое наставление, он проводил меня до двери. Он закрыл ее за мной, но неплотно. Стоя в коридоре и пытаясь собраться с мыслями, я услышал, как он спросил:

— Ну?

Гилфитер тихо рассмеялся.

— Что ты рассчитываешь от меня услышать? Парнишка в растерянности. Он только что едва избег несчастья — быть раздавленным моим медицинским сундуком, — надеюсь, ты оценил иронию ситуации! Добавь к этому обычные для такого молодого человека опасения оскандалиться, продолжающийся конфликт с отцом, кучу подавленных сексуальных желаний, капельку заинтригованности тайной, хорошенько перемешай все

это — и ты в девяти случаях из десяти получишь именно такой запах, не очень отличный от того, какой я или ты издавали лет десять назад. Может, он и не захочет работать с нами.

— Так ты продолжаешь не верить в изобретательность Бога, Гилфитер? Нам нужен силв — и пожалуйста, он падает нам в руки, не успели мы высадиться на Тенкоре.

Гилфитер издал звук, подозрительно похожий на фырканье, потом сказал:

— Ты притягиваешь факты за уши. Я еще на борту говорил тебе, что паренек пахнет силв-магией. Вот ты и вытаращился на него на причале, увидел голубые отсветы и решил, что он именно тот, кто нам нужен. Где тут божественное вмешательство? Во-вторых, ты сам говорил, что здесь, на островах Хранителей, силвов полно. Так что же удивительного в том, что мы достаточно быстро наткнулись на одного из них? Нос говорит мне, что нам, пока мы поднимались на холм, попались еще по крайней мере двое. Куда подевалась твоя логика, друг мой?

Тут сквозняк захлопнул дверь; мне оставалось только гадать, о чем, во имя всех рыб в море, они толковали... и что между ними происходит. Напряжение чувствовалось так явно, что походило на натянутую струну, на которой можно сыграть мелодию.

Записку, прежде чем передать отцу, я прочел сам. Она начиналась с приветствия члена менодианского Совета высокопоставленному гильдийцу, которые были друг с другом знакомы. Затем шло выражение глубокой благодарности за ту помощь, которую я — Эларн — оказал ему и его спутнику своей силв-магией, тем самым предотвратив несчастье, которое могло кончиться увечьем или смертью одного из них или их обоих. Заканчивалась записка уверением, что глава Гиль-

дии имеет все основания гордиться таким умелым и благовоспитанным сыном, способным принимать быстрые решения, даже рискуя подвергнуться осуждению тех, кто отвергает силу магии. Подпись Райдера сопровождалась указанием на его ранг и была заверена печатью члена Синода.

Я, чувствуя себя виноватым, снова сложил записку и отправился искать отца.

Он был в своем кабинете в здании Гильдии; конечно, какие-то городские сплетники позаботились о том, чтобы он узнал о моем вероломстве еще до моего прихода. Отец был в ярости; меня он встретил ледяным взглядом, полным безоговорочного осуждения. Он велел мне войти и закрыть за собой дверь, однако сесть я поостерегся. Прежде чем он успел начать свою тираду, я вручил ему записку.

— Что это? — спросил он.

— Записка от сир-патриарха Райдера.

Отец прочел ее и положил на стол.

— И ты, по-видимому, считаешь, что благодаря этому инцидент будет забыт.

— Напротив, я совершенно уверен в обратном. Не сомневаюсь, что ты был бы гораздо счастливее, организовав мои похороны, — ах, какая трагедия, такой замечательный молодой человек раздавлен свалившимся багажом.

Ответить на это ему было нечего, поэтому отец просто откинулся в кресле, оперся локтями о мягкие подлокотники и сцепил пальцы домиком.

— Думаю, будет лучше, если ты на некоторое время уедешь. — Ни слова облегчения по поводу того, что я не пострадал. Ни слова сочувствия моим неприятностям. Ничего. — В Ступицу, — продолжал он. — Сможешь пожить у своей двоюродной бабки. — Он имел в виду собственную тетку Бертильду, благочестивую менодианку, которая вела тихую

жизнь бездетной вдовы. Весьма подходящая компания для молодого человека, одержимого страстью к катанию на волнах...

— А моя работа?..

— Ты освобождаешься от обязанностей пловца до дальнейшего уведомления.

— Вот так просто?

— Думаю, это лучший выход. — Отец был главой Гильдии. Его решение было окончательным. Единственное, чего он не мог сделать, — это без общего собрания Гильдии и голосования лишить меня членства в Гильдии.

Я постарался скрыть свои чувства. Нельзя было показывать ему мою уязвимость.

— А как мне зарабатывать на жизнь, если я не буду работать?

Отец наклонился и достал из ящика своего стола небольшой кошелек с монетами.

— На первое время хватит. Потом я распоряжусь, чтобы ты мог пользоваться моим счетом в казначействе Гильдии в Ступице — в пределах твоего теперешнего жалованья.

Мне хотелось кинуть и деньги, и предложение ему в лицо, но я не мог позволить себе такой глупой гордости. Я взял кошелек и кивнул.

— Я отправлюсь с завтрашним приливом, — сказал я, — если, конечно, ты не хочешь, чтобы я воспользовался сегодняшней ночной волной. — И снова зажег колдовской огонек.

— Именно этого я и хочу, — спокойно ответил отец. — Ты можешь вечером сесть на баркас.

Я вытаращил глаза; только теперь до меня начало доходить, как я наказан. Он хотел, чтобы я отправился без своего полоза. Конечно, он был в своем праве. Формально я не владел полозом: он был собственностью Гильдии. На практике каждый пловец-гильдиец имел в своем личном распоряжении

три полоза, соответствующих разным приливным условиям, и никто никогда не пользовался чужим полозом. По-видимому, моим теперь предстояло храниться без употребления на полках лодочного сарая.

Отец ожидал, что я потеряю самообладание, и тогда он сможет со всей своей холодной жестокостью разодрать меня на части сарказмом. Я глубоко втянул воздух и склонил голову.

— Я потеряю сноровку, — заметил я. Во мне бурлил гнев, но будь я проклят, если доставлю ему удовольствие и позволю отчитать себя за детскую несдержанность.

Он просто посмотрел на меня без всякого выражения. Тут я и понял, что он не имеет намерения позволить мне вернуться на работу в Гильдию. Во всяком случае, при его жизни. Он продолжал смотреть на меня, но в его взгляде не было и намека на родительскую заботу.

Я снова склонил голову.

— Как пожелаешь. Я уеду сегодняшним рейсом, если на баркасе окажется место для еще одного пассажира.

— Я уже справлялся. Для тебя — и для одного сундука — место заказано. Остальные вещи можно переслать потом.

Мне потребовалось мгновение, чтобы подавить гнев. Отец уже принял решение отослать меня, еще даже не выслушав и не узнав о случившемся от меня. Сделав над собой усилие, я спокойно сказал:

— В таком случае, с твоего разрешения, я отправляюсь домой, чтобы уложить вещи. — На самом деле в моей комнате в отцовском доме мало что хранилось. Я уже давно переправил большую часть своих личных вещей в здание Гильдии на набережной, где и предпочитал жить. Хотя там моя каморка была маленькой и мне приходилось делить прочие помещения со всеми остальными пловцами, это все равно было предпочтительнее холодной роскоши дома главы Гильдии. Впрочем, я

положил себе за правило раз в неделю обедать с отцом и ночевать под его крышей.

— В этом нет нужды, — ответил отец. — Я позабочусь о том, чтобы все было упаковано и отослано.

Я пожал плечами:

— Как угодно. В таком случае я пошел. — Я поднялся и, повернувшись на каблуке, вышел не оглядываясь и не прощаясь. В этот момент мне не хотелось еще когда-нибудь его видеть.

Впрочем, прямо на набережную я не отправился. Я побродил по городу — забрал у портного заказанный костюм, купил несколько мелочей, которые трудно было бы найти в Ступице. Когда я все-таки добрался до здания Гильдии, по дороге от главного входа до моей комнаты мне дюжину раз пришлось отвечать на вопрос о том, правда ли то, что люди только что слышали: будто я расстаюсь с Гильдией. Я уклонялся от ответа как мог, но когда меня позвал в свой кабинет гильдиец, ответственный за движение баркасов, я послушался без всяких сомнений. Это был пожилой человек по имени Вендро, и он уже не один год проявлял ко мне расположение, закрывая глаза на большинство моих мальчишеских проделок.

— Я только что получил послание от твоего отца, — сказал Вендро. — Он пишет, что ты отправляешься с сегодняшним вечерним баркасом. — Вендро подошел к своему столу и взял лист пергамента. Я кивнул. — Он распорядился, чтобы ты взял с собой всего один сундук, а остальное будет прислано потом. — Вендро громко откашлялся, и я понял, что он глубоко смущен и не знает, как продолжать.

— А что?.. — начал я.

— Ну, там есть кое-что еще... довольно странное. — Я молча ждал. Вендро нашел на столе свои очки, водрузил их на нос и стал смотреть на письмо. — Он пишет, что, по его мне-

нию, отныне и впредь баркасы не должны перевозить каное. Что они слишком длинные и громоздкие, занимают слишком много места и мешают доставке других более важных грузов. — Вендро снял очки и принялся их протирать. — Странное распоряжение, учитывая, что мы перевозим не так уж много каное. Я подумал, что тебе следует об этом узнать.

Я молча кивнул. Меня поразила мелочность отца. У меня было каное, и я собирался увезти его с собой. Я сделал глубокий вдох и сумел выдать:

— Спасибо, сир-гильдиец, что предупредил.

Выйдя из кабинета Вендро, я был вынужден постоять минуту или две, чтобы взять себя в руки. Из всего, что когда-либо делал мой отец — включая отказ признать меня своей плотью и кровью, — думаю, это его письмо причинило мне самую сильную боль своей невероятной подлостью.

Я заставил себя выпрямиться и отправился искать Денни. Мальчишку я послал за Мартеном, а сам стал укладывать в сундук самые нужные вещи. Я уже почти закончил, когда в комнату ввалился Мартен, благоухая пивом. Денни увязался за ним, так что мне пришлось отправить его на поиски некоторого моего имущества.

— У Бекина мой лучший жилет, а Толлик одолжил у меня особый воск для смазки. Тимвит взял мои чертежи нового изогнутого весла. Попробуй забрать это все обратно, ладно? Скажи, что я уезжаю с Тенкора и мои вещи мне нужны. — И Денни, и Мартен ошарашенно вытаращили на меня глаза. — Отправляйся, — поторопил я Денни, и он выскочил из комнаты, все еще тараща глаза и чуть не лопаясь от невысказанных вопросов.

Мартен нахмурился.

— Мне тут говорили, ты оказался силвом, — решительно начал он. — И я всем отвечал, что это полная чепуха, потому

что я знал бы, если бы это было так. А теперь, похоже, ты собираешься сказать мне, что это все-таки правда.

— Боюсь, что так.

— Ах ты подонок! Самый настоящий проклятый подонок!

— Ну да, согласен.

Он повернулся на каблуке и двинулся к двери.

— Мартен, пожалуйста, не уходи!

Он остановился и оглянулся на меня.

— Почему, во имя Бездны, ты мне не сказал? Считается, что я твой чертов лучший друг, а ты, как выясняется, не доверяешь мне и не общаешься, что ты чертов силв. Уж не думал ли ты, что мне есть до этого дело?

— Ничего такого я не думал!

— Тогда почему, во имя Бездны, ты мне не сказал?

— Мне просто казалось, что это не имеет значения. — Не совсем правда, но сойдет. — Я никогда силв-магией не пользовался и никогда не хотел этого делать.

— Ну а теперь ты воспользовался. И весьма красочно, если то, что я слышал, правда.

— Ага. Выбор был или прибегнуть к магии, или быть размазанным по всей улице. Мартен, отец изгоняет меня в Ступицу, и я сомневаюсь, что он когда-нибудь позволит мне снова работать на Гильдию. И он запретил мне брать с собой полоз и даже мое собственное каноэ.

Гнев Мартена испарился так же быстро, как и появился. Он изумленно вытаращил на меня глаза. Сам будучи пловцом, он знал, что это для меня значит. Он забыл о своем намерении уйти и сел на мою постель.

— Проклятие! Что же ты собираешься делать? На полоз тебе никогда не наскрести денег. Даже весло стоит кучу монет!

— Придется обойтись каноэ — оно по крайней мере мое собственное. Но отец еще и запретил баркасам перевозить ка-

ноз как груз. А переслать его по суше обойдется дороже, чем я могу себе позволить.

Мартен лишился дара речи. Наконец он сумел спросить:

— Он сделал это, чтобы просто лишить тебя удовольствия кататься на волнах?

Я кивнул.

— Великая Бездна, Эларн, что, ради всех медуз, ты ему такое сделал?

— Родился силовом. Этого ему достаточно, Мартен. Я хочу, чтобы ты мне помог.

— Что угодно сделаю, — пообещал он, потом заколебался и добавил: — Если только меня за это не выгонят из Гильдии.

Я рассказал, чего от него хочу.

Он разинул рот.

— Тухлые кальмары! Эларн, ты совсем свихнулся!

Анна-айси Терон

Запись в дневнике

5 первого месяца Темной Луны, 1794

Мы только что покинули порт Эмаг в нашей колонии на берегу Западного Сазана. Никогда еще я не видела подобной нищеты — а уж мухи! Боже милосердный, было невозможно дышать, не вдыхая их. Я благодарна Натану, который посоветовал мне прикрепить к шляпе вуаль, и признаюсь, что не поднимала ее и смотрела на город сквозь дымку газа. (Шор и не подумал предупредить меня, хотя мы еще до прибытия в порт несколько раз говорили о высадке на берег. Не знаю, действовал ли он намеренно: может быть, он все еще надеется, что я сочту путешествие столь отвратительным, что поверну назад. О боже, опять я проявляю отсутствие снисходительности...)

Хуже всего было смотреть на детские лица, покрытые шевелящейся коркой черных мух. Многие дети страдают заболеваниями глаз, и на улицах поразительно много взрослых слепцов. Нет ли между этими фактами связи? Я потом спросила доктора Хенсона, но он посмотрел на меня так, словно я шучу, и посоветовал не забивать свою хорошенькую головку подобными вещами. Должно быть, я в ответ нахмурилась (мама говорит, что в таких случаях она представляет себе кошку, которая вот-вот ее оцара-

пает), потому что он попятился и поспешно переменял тему разговора.

Некоторые обстоятельства вызывают у меня недоумение.

Я слушала рассказы капитана Джортена и ученых, которые плывут на корабле, об их путешествиях в другие страны, в наши заморские колонии. Теперь я видела остров Меринон, колонию Королевских Штатов, где мы пополняли запасы продовольствия, и Эмамаг. Вот я и удивляюсь: почему Келлский Протекторат не колонизовал Райские острова?

Когда я спросила Шора, не в том ли дело, что Райские острова обладают пушками и могут защищаться, он только пренебрежительно сообщил, что пушками там распоряжаются менодиане, и добавил — не скрывая презрения, — что мы, келлцы, в любом случае не боимся островитян.

Тут какое-то противоречие, поскольку в тех сообщениях, которые я до сих пор читала, говорится о том, что пушки есть у хранителей-силвов, но я не посмела сказать об этом, опасаясь, что Шор догадается: я читаю документы, касающиеся Райских островов.

Поэтому я задала вопрос о колонизации в кают-компании за обедом. Ответы оказались и содержательными, и загадочными. Общее мнение сводилось к тому, что единство островов столь крепко, что бесполезно на них нападать: если вы пытаетесь завоевать одно островное государство, остальные кидаются на помощь. Да и зачем стараться, когда с островитянами, людьми доброжелательными, сообразительными и услужливыми, легко торговать? Конечно, это не так выгодно, как эксплуатировать колонию (эксплуатация — словечко Натана, против которого бурно возражали другие, полагающие, по-видимому, что колонии больше

получают от нашего благосклонного правления, чем дают нам), но по крайней мере не требует особых усилий. Райские острова далеко, и посылать туда войска накладно, а удерживать власть над разбросанными островами было бы просто кошмаром для любого... как это говорят моряки? Логистика.

Все эти рассуждения казались бы вполне разумными, если бы не одно... Как могли они так уверенно говорить о единстве островов, когда все, что я до сих пор прочла, свидетельствует о другом: острова отличаются друг от друга так же, как раковины, случайно подобранные на пляже, и яростно отстаивают свою независимость друг от друга с помощью суровых законов о гражданстве.

Здесь кроется тайна, и я твердо намерена проникнуть в нее до конца своего путешествия на Райские острова.

Глава 11

РАССКАЗЧИК — ЭЛАРН

В тот день случилось очень много такого, что изменило меня. Эларн Джейдон, проснувшийся утром, был совсем не тем человеком, который сел в баркас вечером; он уже никогда не станет тем же... Горечь и гнев боролись во мне с болью и... решимостью, пожалуй. То, как со мной обошелся отец, разъярило меня и превратило в более сильную личность, а не ослабило. К несчастью, в результате вырос и еще один слой кожи, отделявший меня от мира.

Баркас — в тот вечер отправлялся всего один — отошел от причала в темноте; единственная луна пряталась за облаком. Кроме меня и еще одного пассажира, на борту были впередсмотрящий, фонарщик и шестеро гребцов, ну и, конечно, обычные грузы. Успех всего заплыва зависел от впередсмотрящего; он направлял судно длинным веслом и выкрикивал указания гребцам, непонятные любому человеку, кроме члена Гильдии, но для нас означающие все: «баста», «копай слева», «веселись»... «гребень!». Это была тяжелая и ответственная работа.

С другой стороны, чтобы сидеть на веслах, человеку требовались только сила и способность быстро выполнять команды. Еще, наверное, требовалось терпение: при благополучном заплыве бульшую часть времени гребец держал весло на коле-

нях, всегда начеку, но редко действуя, — баркас, направляемый искусным впередсмотрящим, двигала волна, а не гребцы. Поскольку впередсмотрящий обеими руками орудовал рулем, требовался еще и фонарщик, в обязанности которого входило направлять луч фонаря, сделанного из панцирей морских лукович, на русло впереди баркаса. Хороший фонарщик никогда не отрывал взгляд от воды. Безопасность судна, груза и людей на борту зависела от него не меньше, чем от впередсмотрящего.

Каждый гребец мечтает о том, чтобы стать впередсмотрящим, однако для этого нужно полных пять лет просидеть на веслах, а потом еще несколько лет проработать фонарщиком, прежде чем можно будет рассчитывать на повышение. Это и было одной из причин того, что я предпочел полоз. Этот способ передвижения был гораздо увлекательнее и требовал ничуть не меньших умений. Многим так и не удавалось получить сертификат.

Я снова бросил взгляд на причал. У меня было такое чувство, что отец пошлет кого-то удостовериться, что я отбыл и что свое каноэ с собой не взял, но в темноте я никого не мог разглядеть, кроме небольшой группы доброжелателей, пришедших проводить баркас. Я уже собрался прекратить поиски, когда мне пришла неожиданная мысль: раз уж все теперь знают, что я силв, зачем стараться это скрывать? Если на причале есть обладающие Взглядом, что ж поделаешь...

Я зажег волшебный огонек и послал его на берег как раз в тот момент, когда гребцы опустили весла на воду. Да, в тени зданий с каждой стороны причала обнаружили наблюдатели. Один из них был закутан в плащ, скрывавший его лицо, но по телосложению — высокой узкоплечей фигуре — я узнал отцовского секретаря Виллиуса. Другим оказался сир-советник Тор Райдер. Он, конечно, мог видеть мой огонек.

Райдер слегка улыбнулся, когда огонек скользнул над ним, и поднял руку. Я не мог решить, был ли этот жест благословением или просто подтверждением того, что Райдер знает: я его видел.

Я поежился. В этом человеке было что-то темное и трагическое...

Выведя баркас на середину пролива, гребцы подняли весла. Фонарщик зажег масляный фонарь и направил луч света так, чтобы он освещал воду впереди. Я оглянулся на подсвеченный циферблат часов на башне Гильдии. До ожидаемой приливной волны еще двадцать минут... Той ночью прилив был муреной, названным так по его силе. Не самая легкая из волн даже в идеальных обстоятельствах, а ночные заплывы всегда были особенно трудными.

Я снял куртку и разулся.

— Сир-впередсмотрящий, — сказал я Ламасу, который в тот день вел баркас, — боюсь, мне придется с вами расстаться. Держись на волне! — Прежде чем он успел возразить, я выпрыгнул за борт. Холодная вода доходила мне до пояса.

— Эларн! Что ты затеял, молодой дурень?

— Увидишь, — ответил я ему. С этим загадочным обещанием я поплыл в темноту.

Только для меня-то темно не было. Я зажег волшебный огонек высоко над собой, и он освещал все вокруг, как маяк.

«Боже, — сказал я себе, — подумать только! Все эти годы я имел такую возможность и никогда ею не пользовался! Как может что-то столь безвредное идти против желаний Бога?»

Я легко разглядел то, что искал. Рядом с отмелью, разделявшей два фарватера в заливе, на своем полозе сидел Мартен. Он удерживал свой полоз на месте, воткнув в песок конец весла. И рядом с ним было мое каноэ со всеми принадлежностями.

Он не мог меня видеть, и когда я встал на песчаное дно рядом с ним, он подпрыгнул так высоко, что чуть не свалился с полоза.

— Черт тебя возьми, Элларн, — прошипел он, — из-за тебя я чуть не раскусил свое сердце пополам!

— Прости. И спасибо за то, что явился, — я этого не забуду.

— Ну, я сделал, как ты просил, но поверь: это самая безумная из твоих затей. — Он запустил руку в углубление для багажа и вытащил два предмета. — Вот твой мех для воды и костюм.

Пока я стаскивал с себя мокрую одежду и натягивал промасленные рубашку и штаны пловца, он продолжал меня отчитывать.

— Ты что, не понимаешь, безмозглый идиот, что никто — абсолютно никто — никогда не проплывал весь пролив до Ступицы на каноэ? Тебе неизвестно, что рекордное расстояние для такого заплыва составляет какие-то пять миль? Что никто никогда не проделывал такой заплыв ночью на полозе, не говоря уже о каноэ? Что...

— А вот и нет, — прервал я его. Я взял у него мех с водой и надел ремешок на руку. — Я совершил такой заплыв всего несколько недель назад — используя волшебный огонек, как сделаю и сейчас. Мартен, перестань дергаться. Если я потеряю волну, мне нужно будет только дождаться следующей. Если мне потребуется несколько дней, чтобы добраться до Ступицы, — ничего страшного.

— А если ты наткнешься на бревно или еще что-нибудь? — мрачно спросил Мартен. — Днем и то было бы трудно. Затевать такое ночью — чистое самоубийство.

— Да не беспокойся ты. — Я сунул ему мою мокрую одежду и потянулся к каноэ. — Ты лучше быстренько греб

к причалу, а то тебе придется бороться с приливом. Ну, отправляйся!

Он колебался еще секунду.

— Я зайду повидаться, когда окажусь в Ступице.

Я улыбнулся ему, хоть и сомневался, что он это увидит.

— Конечно. Спасибо, Мартен, за все.

— Держись на волне, ты, одаренная магией ставрида!

Мгновение я смотрел, как он гребет в сторону огней набережной. Там его должен был ждать Денни, чтобы помочь вытащить из воды и убраться на место полоз так, чтобы никто не увидел; по крайней мере я на это надеялся. Я направился туда, где имел лучший шанс поймать приливную волну. Ждать мне пришлось недолго: в ту ночь волна пришла на несколько минут раньше. Она ревела, словно обозленный морской дракон, хотя и не так яростно, как будет реветь дальше по заливу, где он сужался.

Из темноты надо мной вырос гребень волны; она пожирала отмели, оставленные отливом, как и полагалось мурене. Я встал на колено и принялся грести, словно стараясь спастись от опасности — набирал скорость, чтобы сравняться с настигающим меня чудовищем. И тут оно оказалось подо мной, могучее, готовое бросить меня вверх и вперед; я пригнулся, готовый вместе с волной перелетать через мели — стриж в порыве ветра, пловец на своем каноэ, укротивший силу волны. Лучшего ощущения в мире не существует.

Сначала я наслаждался одиночеством своего заплыва. Я выбрал западный фарватер, где волна обычно давала лучшие возможности полозу; примерно в миле к востоку я видел фонарь на носу баркаса, плившего по более глубокому центральному фарватеру. Наши пути не должны были пересечься еще часа два. Пока же я мчался на волне совершенно один, и это рождало во мне замечательное чувство — словно я оставил

позади не Тенкор, а все мои беды и отца в придачу, словно впереди меня ждало не неопределенное будущее, а надежда.

Когда я рискнул оглянуться назад, я увидел несколько больших волн, догоняющих мою: стаю косаток, преследующих добычу; это была буйная компания, сплошные пенящиеся гребни и бурлящая вода. Было гораздо спокойнее смотреть вперед, на залив, залитый серебряным светом моего огонька.

Первый час пути доставил мне удовольствие. Это был самый долгий заплыв на каноэ, который я когда-либо совершал. Час такого наслаждения обычно заканчивался тем, что приходилось долго с трудом грести, преодолевая прилив, обратно на Тенкор, так что мы делали такое нечасто. Когда все же делали, то на каноэ было очень легко потерять волну. Стоило отвлечься, стоило ошибочно переместить вес или прозевать неожиданный каприз волны — и пловца тут же глотало то самое чудовище, которое он оседлал. Наступал момент паники, когда мир казался перевернувшимся вверх ногами; потом чудовище выплевывало неудачника и без него уходило дальше.

Однако на этот раз мне никому ничего не нужно было доказывать. Я не должен был все время стоять на колене; когда условия позволяли, я мог сесть или лечь, и никто не называл бы меня слабаком. Главное же, я мог пользоваться силв-магией, и это составляло огромную разницу. Иллюзии, конечно, ничего не дали бы, но защита была вполне реальной вещью. Я все хорошо обдумал и нашел способ прочесывать воду перед каноэ, используя филигранную сеть защиты, чтобы убирать с дороги плавник. Самую же большую пользу давало мне вот что: если я чувствовал, что теряю равновесие и рискую упустить волну, можно было толчком магической силы улучшить положение каноэ на гребне; это требовало мгновенной реакции, но я справлялся.

Второй час оказался мучительным. Мышцы болели. Необходимость постоянно быть на чеку истощала силы, а я еще и половины пути не проделал. Я порадовался, когда в месте, называемом Бендерби, где залив сузился, а волна стала выше и быстрее, я оказался рядом с баркасом. Сидевшие в нем все еще не могли меня видеть — фонарь бросал луч света вперед, а не вбок, — поэтому я развернул каноэ так, чтобы двигаться рядом с судном. Первым меня заметил один из гребцов и от изумления едва не выронил весло.

— Боже, да ты совсем рехнулся! — закричал Ламас, когда увидел то, что привлекло внимание гребцов. — Эларн, тебе не удастся таким образом добраться до Ступицы!

— Ну, досюда же я добрался! — крикнул я в ответ. Однако усталость начинала и в самом деле сказываться. Спина и руки у меня болели, а ноги замерзли настолько, что я боялся: если они совсем онемеют, я не смогу чувствовать перемен в движении каноэ.

В конце концов именно мои товарищи по Гильдии, сидевшие в баркасе, сделали для меня возможным завершение заплыва. Может быть, они все как один и были менодианами, но я оставался гильдийцем, и это оказалось для них важнее, чем то, что, проявив свой дар силва, я вступил в противоречие с предписаниями религии. Идея, что член Гильдии сможет проделать весь путь до Ступицы на каноэ — и к тому же ночью, — воспламенила их воображение, а первоначальное изумление превратилось в поддержку. Без них я никогда бы не справился.

Они разговаривали со мной в течение следующих трех часов, подбадривали, когда у меня начинались судороги, давали советы, предупреждали об изменении в поведении волны, когда мое внимание отвлекалось, шутили, когда я уже готов был сдаться. И когда мы все соскользнули с гребня волны в гавани

Ступицы, они завопили так радостно, что, должно быть, перебрались всех жителей домов на набережной.

Насколько мне известно, даже теперь на Тенкоре говорят о том заплыве. Его так никогда и не удалось успешно повторить, может быть, потому, что больше не нашлось пловца-силва. О чем теперь не рассказывают — так это о том, что ноги у меня свело настолько, что из каное меня пришлось вынимать и на руках нести в здание Гильдии.

Ту ночь я там и провел, но утром ушел: мой папаша ясно дал мне понять, что собственность Гильдии теперь не для меня, хотя гильдийцем я и оставался. Впрочем, я теперь был героем, а не просто непокорным сыном-силвом отца-менодианина. Как оказалось, желающих помочь мне нашлось множество. Еще до того как я проснулся, моя двоюродная бабка была уведомена о том, что должна меня ожидать. Как только я продрал глаза, мне подали щедрый завтрак и несколько кружек пива за счет Гильдии, а потом ко мне явился гильдиец-массажист. Немного позже, после еще нескольких кружек пива, был подан экипаж, чтобы доставить меня и мой сундук в дом бабки — опять же за счет Гильдии. Когда я уходил, гильдийцы устроили мне овацию. Было от чего закружиться голове такого молодого и неопытного парня, каким я тогда был.

Я до сих пор ценю то, как мужественно эти люди пошли на риск. Они знали, что их действия вызовут гнев моего отца, и все же показали, как высоко ценят мой поступок. Думаю, тогда я и понял: что бы ни случилось, мое будущее будет связано с Гильдией и я буду бороться за это свое будущее.

Тетушка Бертильда не особенно радостно встретила меня, и нельзя сказать, чтобы я ее за это винил. Какая шестидесятилетняя женщина захочет, чтобы ей навязали двадцатилетнего парня, особенно так явно не угодившего своему отцу? Тем не

менее она приняла меня к себе и отвела мне свободную комнату с мебелью, обитой тяжелой розовой парчой и с бесчисленными вязаными салфеточками, число которых, казалось, таинственным образом увеличивается каждый раз, как я выхожу из комнаты. Для себя тетушка готовила, но сразу дала понять, что готовить на меня не собирается. Единственной, кроме нас, обитательницей дома была служанка Агтелина, еще более престарелая, чем тетушка Бертильда; она выполняла всю остальную работу по дому. Появление еще одного жильца ее не обрадовало, и свои чувства она высказала вполне откровенно. Для меня она была всего лишь служанкой, которой платят за работу, и ее жалобы меня не касались. Мне и в голову не пришло вести себя иначе, чем в доме отца или даже в своей комнате в Гильдии: я оставлял свою грязную одежду на полу и ожидал, что получу ее выстиранной и выглаженной. Я не убирал свою постель и рассчитывал, что, вернувшись, найду комнату аккуратно прибранной. Мое присутствие в доме, должно быть, для обеих женщин было как заноза в ноге: помеха, от которой они мечтали избавиться, но не знали, как это сделать. Я, конечно, чувствовал напряжение, но совершенно не представлял, как улучшить ситуацию. Я был вежлив, даже почтителен по отношению к тетушке и высокомерен со служанкой, как только может быть высокомерен молодой талантливый вертопрах. Нельзя сказать, что в доме царила счастливая атмосфера.

Моей основной заботой были финансы. Денег, которые дал мне отец, хватило ненадолго. Было очень мило с его стороны назначить мне содержание, равное моему заработку в Гильдии, но в Ступице я был лишен привилегий гильдийца. Я не мог бесплатно столоваться и получать пиво в здании Гильдии, а еда в столице стоила вдвое дороже, чем на Тенкоре. Я неожиданно обнаружил, что должен платить за многое, что рань-

ше получал бесплатно, — от чистки сапог и стрижки волос до свечей в комнате и воска для смазки каное. На Тенкоре мы всюду добирались пешком; Ступица была столицей, а не маленьким городком, и одна только набережная тянулась на шесть миль. Большинство горожан нанимали для передвижения запряженные двумя пони экипажи. Они представляли собой двухколесные тележки с навесом, рассчитанные на двух пассажиров; возницы все сплошь казались карликами. Пони на островах Хранителей — лохматые коротконогие животные, вдвое меньшие, чем ваши келлские лошади (которых, конечно, нам еще только предстояло увидеть). Наем экипажа стоил денег. Сначала я решил, что буду всюду ходить пешком, но скоро обнаружил, что это не всегда удобно. В Ступице часто шли дожди, и прогулка в три мили под дождем бывала не лучшим началом вечерних развлечений; та же самая трехмильная прогулка домой в темноте могла закончиться нападением грабителей.

Мои финансовые затруднения стали очевидны для меня на второй же день пребывания в Ступице, когда я снова встретился с Джесендой. Я получил от нее записку с приглашением навестить ее между четырьмя и шестью часами. К счастью, в моем сундуке оказалась подходящая одежда, и хотя она была несколько мятой, а Аггелина немедленно исчезла, как только я предложил ей привести одежду в порядок, я явился в дом Датрика в приличном виде. Так я по крайней мере думал. Моя уверенность пошатнулась после того, как меня представили собравшейся золотой молодежи. То, что на Тенкоре считалось подходящим для знатного молодого человека, в доме Датрика едва ли было достаточно хорошо для слуг. Впрочем, девушек — а их оказалось несколько — не смутила моя простая одежда. По-видимому, слухи о моем подвиге уже ходили в высшем обществе Ступицы, и я оказался главной новостью в городе. Все хотели со мной познакомиться. Мужчины стреми-

лись помериться со мной силами и принизить меня в глазах женщин, если удастся; женщины просто хотели пофлиртовать.

Еще несколько месяцев назад я наслаждался бы общим вниманием. Теперь же я видел только Джесенду. Она встретила меня и должным образом представила своей дуэнье — толстой даме лет сорока, посмотревшей на меня с подозрением, — и друзьям. После этого она еле замечала меня. Меня это раздражало, тем более что я не мог решить: делает она это, просто чтобы подразнить меня, или в самом деле я ей безразличен. Она выглядела такой светской, такой уверенной в себе... Ее вниманием явно пользовался один из молодых людей — красивый парень с милой мальчишеской улыбкой (если это не была просто иллюзия...) по имени сир-силв Вендон Локсби. Другие гости сразу же сообщили мне о тесной дружбе между ними. Сам Локсби держался со мной дружелюбно, словно старался проявить гостеприимство, однако обратил на меня озадаченный взгляд, когда я рассказывал о своем путешествии с Тенкора, и спросил:

— Но что такого особенного в том, чтобы проплыть всю дорогу на куске дерева? Наверняка было бы разумнее воспользоваться баркасом?

Я не мог решить: то ли он глуп, то ли дьявольски умен.

Я заставил себя усмехнуться.

— По крайней мере так поступил бы разумный человек, не стремящийся поставить подобный подвиг на должное место в анналах глупостей, совершаемых молодежью. Твое здоровье, Локсби! — Я поднял бокал, и все рассмеялись.

Немного позже мне удалось обменяться с Джесендой несколькими словами наедине — впервые за тот вечер, — когда она стала угощать меня гордостью их повара — тортом из мороженого, посыпанного тонкой голубой пудрой. Я непонимающе посмотрел на угощение.

— Что это? — спросил я, потыкав в голубую обсыпку ложкой.

— Именно то, чем кажется, — смеясь, ответила Джесенда. — Толченный сапфир.

— Сапфир? И я должен это съесть?

Она кивнула.

— Значит, это иллюзия, верно?

Джесенда оскорбленно посмотрела на меня.

— Эларн, в доме Датрика никогда не станут обманывать гостей! Это было бы... вульгарно!

Мне показалось, что есть измельченный драгоценный камень — который вовсе не улучшал вкуса блюда — как раз и было верхом вульгарности, но вслух высказывать эту мысль не стал. Вместо этого я спросил:

— Зачем? Зачем такое готовить?

— Чтобы показать, что мы ценим своих гостей достаточно, чтобы потратить на них кучу денег. Это же комплимент тебе!

Я отковырнул ложкой кусочек и съел. Пудра из сапфира была такой тонкой, что почти не чувствовалась, но я не стал налегать на угощение. Мне редко случалось пробовать блюдо, которое мне меньше нравилось бы. Я предпочел заговорить на другую тему:

— Ты все еще хочешь продолжать уроки? Теперь у меня на них больше времени.

— Да, я слышала, — ответила Джесенда. — Все теперь знают, что ты силв и что твой отец за это вышвырнул тебя из дома.

— Быстро же распространяются новости.

— Мой отец теперь временный глава Совета, не забывай. Нет ничего, что не становилось бы ему известно.

— И тебе тоже, по-видимому? Мой отец не так откровенен со своим отпрыском.

Она рассмеялась и похлопала меня по руке веером.

— Не спеши делать выводы, Элэрн. Встретимся у лодочного сарая завтра перед утренним отливом — он ожидается в десять.

Джесенда распахнула веер и поверх него посмотрела на меня. Она умела быть совершенно очаровательной, когда хотела, но даже тогда что-то говорило мне, что следует быть настороже. Джесенда вовсе не была глупенькой светской девицей, охотящейся за женихами.

Месяц, который я провел в Ступице, был странным. Иногда он казался мне сном, промежутком между двумя гранями моей жизни, однако в то же время это был период своеобразного существования: не прошлое, но еще и не будущее.

На Тенкоре я был сыном главы Гильдии и гильдийцем; оба эти обстоятельства обеспечивали мне определенное уважение, но в первую очередь я был пловцом, вечно нуждающимся в деньгах, как и остальные мои приятели. В Ступице же ко мне обращались как к сир-силву, что давало мне всеми признанный статус. Я был желанным гостем в доме Датрика — а поэтому и в других домах знатных семейств. Меня приглашали на вечеринки, пикники, игру в карты. Светские матроны присматривались ко мне как к потенциальному силву — супругу для их дочерей-невест. Со мной заигрывали женщины, не вызывавшие во мне интереса, хотя их братья выказывали мне — нищему втируше — презрение. Локсби и его приятели старались незаметно подставить мне ножку или устроить розыгрыш. Они развлекались тем, что предлагали тенкорскому деревенщине сесть на несуществующий стул или поехать в экипаже, который был уже полон, так что я оказывался на коленях у девушки, которую благодаря иллюзии не мог видеть.

Когда Джесенда и компания ее друзей пригласили меня на загородную прогулку, я согласился, однако скоро, к своему ужасу, обнаружил, что нужно было нанять экипажи, заплатить за верховую поездку, а потом за обед в пригородной гостинице. На все это раскошелились молодые люди, небрежно отклонив мое предложение внести свою часть. Им было известно, что я в любом случае мог потратить чисто символическую сумму, и они не упустили случая меня опозорить. Им это удалось, и от следующего приглашения я отказался.

Впрочем, приглашений на меня сыпалось больше, чем я мог принять, тем более что я, как скоро стало мне понятно, не обладал необходимым гардеробом даже после того, как с Тенкора прибыли все мои вещи. По этой причине я чаще всего отказывался от визитов, в результате чего приобрел репутацию отшельника; только от этого моего общества искали больше, а не меньше. Ситуация была бредовой: я стал желанной добычей для светских дам, устраивавших музыкальный вечер или ужин в узком кругу; если я принимал приглашение, считалось, что успех мероприятию обеспечен.

— Что за чушь! — однажды сказал я Джесенде. — Я как редкий зверь в цирке, главная достопримечательность!

Она улыбнулась мне.

— Эларн, единственный настоящий дикий тенкорец! Последнее представление! Спешите видеть!

В тот вечер семейство Датрика пригласило меня в свою ложу в театре на еженедельное представление драмы с использованием иллюзий. Я впервые увидел подобный спектакль. На несколько часов я перенесся в другой мир; действующие лица и декорации казались более чем реальными. Разум мог сколько угодно твердить мне, что голодающий ребенок во втором действии вовсе не страдает от голода, каким бы тощим и обессиленным ни выглядел, а пожар в третьем действии ненастоя-

щий, — но чувства убедительно доказывали обратное, и к концу вечера моя вовлеченность в действие стала такой сильной, что я почувствовал себя эмоционально измочаленным. С этого началось мое увлечение театром, длившееся всю мою жизнь, даже когда актеров-силвов почти не осталось, и если я о чем и сожалею — так это о том, что после Перемены подобных представлений больше не бывает. Это наша потеря.

Шли недели, и между мной и Джесендой сложились отношения, которые одновременно были и очень приятными, и глубоко огорчительными. Мы участвовали в одних и тех же развлечениях, меня постоянно приглашали в дом Датрика. В таких случаях я вел себя примерно, демонстрируя безупречные манеры. Однако, благодарение Богу, бывали также и другие встречи: мы три или четыре раза в неделю отправлялись кататься на волнах. Тогда, оказавшись наедине с Джесендой далеко от берега, я мог позволить себе расслабиться, отбросить притворство, быть самим собой. В определенном смысле все было так, как если бы она оказалась моей сестрой. Мы экспериментировали с иллюзиями, дразнили друг друга, а иногда делились сокровенными мыслями. Я рассказал Джесенде о своем отце, о том, как умерла моя мать; Джесенда намекнула, что ее раздражает похвальба ее матери своим происхождением и беспокоит та гордость за нее, которую часто выражает отец. Я предвкушал такие моменты, но находил наши взаимные признания разочаровывающими: это были признания брата и сестры, а не любовников. Я ценил нашу дружбу, но вид Джесенды — такой же скромной, как ее купальный костюм, — завязывал мое тело узлами и вызывал бурю эмоций.

Я мог бы облегчить свое физическое состояние, посетив кого-нибудь из прежних подружек в портовом районе — было

сколько угодно девчонок, готовых услужить пловцу в обмен на приятный вечер и несколько бокалов вина, — но почему-то не мог этого сделать. После Цисси я не спал ни с одной женщиной. Мне не хотелось... Мое воздержание было следствием отчасти желания доказать Джесенде, что она была неправа, когда упрекала меня в волокитстве, но отчасти и осознания того, что подобная связь меня не удовлетворит. Я хотел не еще одну Цисси. Я хотел Джесенду.

Прошел месяц. Мной все больше и больше овладевало беспокойство. В определенной мере оно исходило не от меня: такова была атмосфера в Ступице — возбуждение, ожидание перемен, которое носилось в воздухе. Районы позади верфей, где было сосредоточено большинство производств, кипели новой активностью. Литейные цеха, судостроительные и прочие ремесленные гильдии набрали столько заказов, сколько было возможно выполнить. Оживление в делах охватило всю столицу и коснулось жизни всех горожан, принеся им процветание. Доходы ползли вверх — но эта горячка только делала меня еще более растерянным.

К концу месяца я понял, что не могу бесконечно вести ту жизнь, которую вел. У меня не было цели, и даже общества Джесенды мне было мало. Я хотел работать, создавая для себя будущее. Я хотел стать независимым от щедрости отца. Я предпочел бы снова вернуться к работе в Гильдии, но, не имея такой возможности, все же стремился к чему-то лучшему, чем то, что имел.

Такова была ситуация, когда в один и тот же день случилось две вещи; обе они изменили мою жизнь. Во-первых, у меня состоялся разговор с Джесендой. Во-вторых, старая Аггелина постучалась ко мне и сообщила, что меня хочет видеть какой-то человек. Спустившись в гостиную, я обнаружил изящно прислонившегося к камину Тора Райдера; выражение его глаз говорило о неизвестных мне темных секретах.

Глава 12

РАССКАЗЧИК — РУАРТ

Не буду утомлять тебя подробностями того, как мы с Лиссал наконец попали в приемную властителя Брета; сказать по правде, я уже и не помню многих деталей. Как мне вспоминается, мы заплатили крестьянину за то, чтобы он довез нас вместе с одним из сундуков в своей запряженной быками тележке до Бретбастиона. Мы остановились в комфортабельной гостинице «для благородных путешественников»; так по крайней мере значилось на вывеске над входом.

Лиссал написала письмо властителю, и через некоторое время оно попало в руки нужного придворного. Лиссал была назначена аудиенция. Думаю, приглашение пришло, когда мы провели в городе около двух недель. Ты еще не бывал в Бретбастионе? Тогда, пожалуй, мне нужно рассказать тебе о нем.

Эту часть побережья Брета охраняют огромные гранитные утесы — гигантские каменные стены, столь же тяжкие, как железная наковальня. Узкий негостеприимный пролив ведет в круглую гавань с крутыми берегами, называемую Адским Ушатом. В дальнем ее конце расположен каньон, прорытый рекой Скау, пробивающейся к морю. В остальном Ушат окружен отвесными черными скалами и выглядит весьма мрачно. Однако это прекрасная безопасная гавань, и моряки непочтительно именуют ее Корытом Прачки, словно другое название

может заставить забыть ее жуткую историю. Когда-то она была базой Морских Волков Брета, жестоких предков властителя, пиратствовавших между островами; только впоследствии они утомонились и сделались добропорядочными правителями островного государства.

Что же касается самой столицы... Она высечена в черной скале напротив входа в гавань. Поднимаясь из воды, Бретбастион накладывает свой отпечаток на все вокруг: мрачный, давящий, все еще дышащий трагедиями прошлых веков.

Когда-то террасы в граните дюйм за дюймом высекали толпы рабов, оплачивая продвижение страданиями и кровью. Двенадцать, если я правильно помню, уровней, или лоджий, каждый из которых носит имя тех, кто на них живет или жил. На самом верху находится лоджия властителя и располагается его дворец с широкими окнами и просторными балконами. Ниже тянется лоджия Корсаров; там теснятся казармы стражи и камеры для допросов, а также обитают дворцовые слуги. Далее следуют лоджии Царедворцев, Торговцев и прочие — каждый уровень менее элегантный, чем верхний, и так до самого низа, ряда Подонков. Выдолбленные в скале дыры за причалами служат пристанищем городской бедноты.

Улицы прорезаны между уровнями; их наружная сторона открыта свету и капризам погоды, в то время как нависающая над улицей крыша, мостовая и внутренняя стена — сплошной гранит. Через каждые несколько шагов спиральные лестницы ведут вверх или вниз к другим уровням и расположенным на них домам и лавкам. На большем расстоянии друг от друга находятся выступающие наружу площадки, нечто вроде балконов, заполненные путаницей веревок, блоков и лебедок. Эти площадки — остановочные пункты подъемных плетеных платформ, которые называются трагами. В трагах грузы — и пассажиры — перемещаются между уровнями. Конечно, за

подъем или спуск в траге нужно платить; в те дни траги тянули стражники, и денежки текли прямым в сундуки властителя.

Когда мы прибыли в Бретбастион, мы оказались на вершине утеса, и нас в траге спустили на тот уровень, где располагалась наша гостиница; я пришел к выводу, что подобный способ передвижения мне совсем не по вкусу. Более того, оказалось, что, лишившись крыльев, я боюсь высоты, поэтому спуски и подъемы в траге стали мне ненавистны. С первого же дня я старался как можно чаще пользоваться лестницами, тем более что так можно было тренировать ноги. Я терпеть не мог, когда меня называли Головастиком.

К счастью, моя кожа загорела, пока мы оставались на пляже, и больше не походила на рыбье брюхо. Лиссал настояла, чтобы я выкрасил волосы, которые уже заметно отросли, в желтый цвет: она хотела, чтобы я выглядел как житель Цирказе.

Я полагал, что для приема во дворце Лиссал оденется особенно роскошно, чтобы подчеркнуть свою царственность, ведь она была не только красивой женщиной, но и наследницей престола; вместо этого она выбрала такую одежду и так уложила волосы, чтобы выглядеть как можно более юной. Эта трогательная, несколько мальчишеская внешность сначала озадачила меня. Я предположил, что она пытается скрыть свою беременность, которая, как я решил, вспомнив ее поведение на Порфе, могла возникнуть еще на косе Гортан; значит, она должна была быть на пятом месяце. Лиссал не выглядела беременной, хотя живот ее больше не был плоским. Потом сердце у меня оборвалось: я понял, чего она пытается достичь — угодить извращенному вкусу властителя Брета. Роласс Триган предпочитал в постели мальчиков. Более того, совсем маленьких мальчиков... Лиссал старалась замаскировать и свою женственность, и свой возраст. Она только издевательски рассмеелась, когда заметила, как я, смутившись, отвожу глаза.

Я посмотрел ей в лицо.

— Флейм, — сказал я, — не делай этого.

На какое-то еле заметное мгновение я увидел в глазах Лиссал прежнюю Флейм: мучительно осознающую все, что ее ждет, полную отчаяния — но отчаяния не из-за себя, а из-за меня. Она всем сердцем жалела меня, хотя и должна была бы переживать собственную беду. И в тот момент я любил ее больше, чем когда-либо; но тут сочувствие исчезло, и осталась только насмехающаяся надо мной Лиссал.

Посмотри на меня: я старый человек, и все же мои глаза наполняются слезами, когда я думаю об этом. Да... Бывают такие острые моменты, что они глубоко врезаются в память и ты можешь чувствовать страдание, хотя с тех пор прошла целая жизнь...

Перед тем как отправиться во дворец, Лиссал села у стола в своей комнате и осторожно восстановила иллюзию цирказе-анской татуировки, говорящей о совершеннолетию, на запястье своей уцелевшей руки. Она все еще могла пользоваться силв-магией, но постаралась прибегнуть к самому малому ее количеству. Мне казалось, что тем самым она заново возводит тюрьму собственного происхождения, того самого, последствий которого так старалась избежать.

— А что, если обладающие Взглядом при дворе заметят, что это иллюзия? — спросил я. К тому времени я уже с уверенностью пользовался обретенным человеческим голосом, хотя произносил слова неотчетливо, смазывал гласные, а согласные выговаривал грубо. Однако Лиссал, похоже, меня понимала.

— Те, что встречались мне на Цирказе, ничего не замечали.

— Ну, при дворе Цирказе ты почти не бывала в обществе обладающих Взглядом.

Лиссал протянула мне руку, показывая татуировку.

— Ну? Разве ты замечаешь силв-магию?

Я кивнул. При этом мне вспомнилось другое место и другое время, когда она сделала точно такой же жест — показала мне свою поддельную татуировку. Ей было восемнадцать... Мы с ней строили такие планы...

— Да, замечаю, — ответил я. Это было правдой: даже след силв-магии теперь бросался мне в глаза.

— Что ж, придется рассчитывать на то, что не все обладающие Взглядом так наблюдательны, как ты. А если они и заметят... — Лиссал пожала плечами. — Придумаю какое-нибудь объяснение, так же как придумаю историю о трагической случайности, из-за которой я потеряла руку.

— Ты ничего не выиграла, пожертвовав рукой, — с горечью сказал я. Мы рассчитывали, что ампутация избавит Флейм от осквернения дун-магией... может быть, так оно и было до тех пор, пока ее снова не изнасиловал Мортред.

Опять на долю секунды проглянула прежняя Флейм, но тут же вернулась Лиссал, поспешившая сменить тему:

— Я хочу, чтобы ты получил татуировку, говорящую о гражданстве. Нельзя, чтобы кто-нибудь усомнился в законности моих притязаний, и слуга-цирказеанин придаст им достоверности. — Она взяла меня за ухо и наложила свои чары. — Это предосторожность на всякий случай. Держись подальше от любого, кто обладает Взглядом. И не забывай красить волосы — каждые несколько дней, если понадобится. — Она сделала шаг назад, разглядывая созданную иллюзию. — По крайней мере глаза у тебя правильного цвета, а кожа загорела и стала золотистой. К тому же мускулы на ногах увеличились, и теперь ты не кажешься таким уродцем... Прекрати, Руарт!

Она гневно на меня смотрела. Я нацелился схватить жука, который полз по столу. От некоторых привычек трудно избавиться...

Лиссал велела мне одеться ее конюшим — в тяжелую вышитую одежду, царапавшую кожу. Я и вообще-то не жаловал одежду, носить же этот костюм было пыткой: его Лиссал нашла среди награбленных Мортредом сокровищ. В предвидении приема во дворце портной на Брете перешил его по моему размеру. Еще хуже была необходимость носить обувь. В башмаках я чувствовал себя неуверенно и боялся потерять равновесие; к тому же они всегда жали. Те, что мне пришлось надеть в тот день, имели неудобные высокие каблуки и серебряные пряжки, врезавшиеся мне в ноги. Заметив мои страдания, Лиссал злорадно улыбнулась.

Во дворец властителя нас сопровождали гвардейцы. По каменной лестнице мы прошли на уровень, где располагались казармы, а потом траг поднял нас в дворцовую лоджию. Гвардейцы шли с обеих сторон, и я чувствовал себя пойманным животным, которое ведут на бойню, а вовсе не почетным гостем. Лиссал шествовала в нескольких шагах впереди меня, улыбаясь встречным беззаботной улыбкой. Головы поворачивались ей вслед: она все еще была ослепительно красива.

Пока лебедка поднимала наш траг, Лиссал мило беседовала с посланным сопровождать нас молодым офицером; тот от смущения мычал и заикался. Я просто смотрел через борт и молился, чтобы веревки выдержали. О небо, как же я мечтал о крыльях! Если бы я снова мог обрести свободу полета... Глядя вниз из трага, я видел под собой стоящие в гавани на якоре суда и ощущал ностальгию. Это был вид с птичьего полета...

Мы оказались на большой высоте: утесы здесь не уступали кручам Ксолкаса. Однако если у жителей Ксолкаса выбора не было, то у подданных властителя он имелся, и почему они оставались в этих негостеприимных местах, я понять не мог. Ушат, конечно, предоставлял кораблям прекрасную защиту от штормов, но неудобства были ужасными. Только одна вне-

шняя стена каждого жилища имела окна, так что по большей части дома были тесными, имея всего одну или две комнаты в глубину. Скалы в отличие от Ксолкаса казались прочными, и им не грозила постоянная опасность обвалов, но система трагов была неуклюжей и ненадежной: время от времени люди гибли, когда перетирались веревки или выходили из строя блоки, в результате чего платформы неожиданно резко накренились. Однако самым большим недостатком Бретбастиона представлялось его местоположение: основой процветания островного государства были провинции на юго-восточном побережье, защищенные от ярости океана, с их плодородными равнинами, серебряными и медными копиями, зарослями высоких непетовых деревьев, из которых получались прекрасные мачты, стадами тонкорунных овец. Столица же, сердце торговли и культуры, каменный лабиринт, далекий от богатств острова, смотрела на бесконечный океан, который никто никогда не мог пересечь. Может быть, это и давало преимущество во времена расцвета пиратства, когда укромное убежище было жизненно необходимым, но те дни давно прошли.

— Замечательный вид, не правда ли? — сказал мне один из гвардейцев, пока офицер развлекал разговором Лиссал. — Только на такой высоте меня всегда страх берет. Родился-то я в ряду Подонков.

— Там, внизу, море не бушует?

— Где, в Ушате? Нет. Бывает, правда, что корабли не могут пройти в гавань, когда погода портится. Тогда требуется немалое искусство, чтобы провести судно в безопасные воды. А когда ветер задувает с северо-запада, весь проклятый Ушат забивают водоросли. И вонь же тогда поднимается, скажу я тебе! Нет ничего хуже гниющих водорослей — так и выворачивает. Не очень-то хорошо живется внизу, на самом берегу.

— Я даже и здесь чувствую зловоние.

Он ухмыльнулся беззубым ртом.

— Это ваше цирказеанское дерьмо, малыш.

— Прошу прощения?

— А куда, по-твоему, оно девается? Все отправляется в Ушат. Так что каждый раз, когда идешь в уборную... и ты, и все остальные... Плюс помои, которые выплескивают из окон, — там и яичная скорлупа, и капустные кочерыжки, и дохлые кошки — да что угодно. Эта гавань наша помойка, парень. Все хорошо, когда течение и речная вода промывают Ушат, но бывает, что ветер дует не туда, а приливы лентяют... — Он выразительно зажал нос. — Вот тогда запашок такой, что от него волосы завиваются в колечки. Уж поверь: у грузчиков, подметальщиков и камнетесов, которые живут за верфями, жизнь не сахар. Поэтому-то я и подался в стражники — мы расквартированы в казармах прямо под дворцом, там и ветерок дует, и даже соль в воздухе чувствуется.

Траг рывком остановился, и служители накиннули крепления, удерживающие его у площадки в скале. Лиссал сошла с него, и сопровождающий офицер указал на двойные двери, охраняемые гвардейцами.

— Сюда, госпожа, — сказал он. — Проход ведет прямо в зал для ожидания. Властителю будет доложено о твоём прибытии, и когда он будет готов тебя принять, тебя допустят в приемную. — Лиссал кивнула и прошествовала к дверям. Стражники отдали честь и распахнули створки; я вошел следом за Лиссал. Она не разговаривала со мной, пока мы ждали, только распорядилась, чтобы я шел на шаг позади нее.

Долго ждать нам не пришлось. Через несколько минут нас пригласили в приемную, и мы по длинному красному ковру двинулись к трону, стоявшему на другом конце комнаты. Наверное, в обычные дни приемная бывала полна людей, но на этот раз в ней не было никого, кроме самого властителя и не-

многочисленных придворных и советников. Властителю Ролассу Тригану было около шестидесяти; это был неряшливый толстяк, известный своими жестокостью и пороками, презираемый и народом, которым он правил, и другими правителями островов. Я видел его раньше, конечно, всего за полгода до того, когда он явился с государственным визитом к отцу Флейм на Цирказе. Он ничуть не изменился с тех пор: такой же жирный, с отвислыми щеками, переходящими в многочисленные подбородки, с широко расставленными ногами, поддерживающими необъятный живот.

Он дождался, пока Флейм прошла половину расстояния до трона, потом поднялся на ноги. Сделал он это без посторонней помощи, что меня удивило: я предполагал, что с трона его подымут придворные... недооценил я властителя. Выпрямившись, он с явным изумлением смотрел на Лиссал. Я догадался, что он не рассчитывал, будто дама, просившая аудиенции, действительно окажется Девой Замка. Он ожидал встретить самозванку или в лучшем случае служанку с посланием с Цирказе; однако он раньше видел Флейм без покрывала и теперь узнал ее.

Властитель сделал несколько шагов навстречу Лиссал, что было высокой честью, и склонился, чтобы поцеловать ей руку.

— Сир-наследница Лиссал, видеть тебя — для меня неожиданное удовольствие.

Она улыбнулась властителю, потом с притворно застенчивой жеманной улыбкой опустила голову. Меня от этого вида затошнило.

— Ты однажды сказал мне, что хочешь жениться на женщине царственной крови, — сказала она так, будто этим все объяснялось.

Властитель вытаращил на нее глаза, пораженный таким откровенным заявлением и дерзостью Лиссал. Ответил он так

тихо, что я, должно быть, оказался единственным из присутствующих, кто услышал его слова.

— А ты ответила, что выйдешь замуж за Роласса Тригана только тогда, когда твой возраст сравняется с его весом.

Лиссал ответила столь же тихо:

— Я поспешила. С тех пор я обнаружила, что лучше быть женой государя, чем его дочерью.

Властитель помолчал, давая себе время на размышление. Должно быть, он гадал, чего она добивается, нарушив своим приездом всякий этикет и действуя с такой прямоотой. Обычно первая встреча вроде этой не предполагала ничего, кроме вежливого обмена вопросами о здоровье или других подобных банальностей. Все еще не выпуская руки Лиссал, властитель протянул:

— И что заставляет тебя думать, будто властитель все еще хочет взять тебя в жены? До нас доходили слухи о том, что ты несколько месяцев назад сбежала с Цирказе. Невеста властителя должна быть безупречной. — Тон его был даже более резким, чем слова.

Ни то, ни другое, похоже, Лиссал не задело. Она проговорила:

— Брет нуждается в наследнике престола, а как я понимаю, это может оказаться... э-э... трудным делом. Я, однако, готова сделать все, что необходимо... — Лиссал подняла голову и посмотрела в глаза властителю. — Я прекрасно понимаю проблему и вполне способна ее разрешить.

— В самом деле... — Я почти слышал его мысли: властитель гадал, чего не уловил. Лиссал выглядела юной и невинной, однако ее слова противоречили такому впечатлению. Властитель мог не отличаться особой мудростью или ученостью, но дураком он не был. — И чего же ты хочешь взамен, благород-

ная госпожа? — Суровый взгляд властителя ясно показывал, что он ждет ответа, в который мог бы поверить.

— Свободы. Ты знаешь, что собой представляет двор моего отца, где женщины не появляются без покрывала и ведут затворническую жизнь. Мне нужно большее: я хочу быть почитаемой супругой. Не важно, с кем мой супруг делит ложе, пока он оказывает мне положенное уважение. — Лиссал дала властителю время обдумать услышанное, потом добавила: — Однако подобные детали можно обсудить и позже, не так ли?

— В самом деле, — снова повторил властитель. Он склонил голову и повернулся, чтобы представить Лиссал своим ближайшим советникам.

Конечно, разразился грандиозный скандал. Женщина — наследница престола другого островного государства — таинственным образом появилась на Брете в сопровождении единственного низкорослого конюшего, едва способного выговорить два слова. Не было ни свиты, ни дуэньи, ни корабля с дарами, никаких писем и никаких приглашений.

Исчезновение Лиссал с Цирказе явно не было широко известным фактом, иначе скандал получился бы еще более громким. Властитель знал о бегстве Флейм только потому, что добивался у хранителей ответа на свое предложение, так что им в конце концов пришлось признаться: они не знают, где невеста. Гордость не позволила властителю поделиться с кем-либо этой новостью.

К счастью, никто не догадался, что я дастелец: это сделало бы Лиссал еще более загадочной. Цвет волос и татуировка на мочке уха говорили о том, что я с Цирказе, и хотя большинство жителей столицы знали о событиях в других частях Брета, в самом Бретбастионе ничего не случилось: там никогда не было птиц-дастелцев. Мы предпочитали кормиться семенами

травы, а на голых скалах вокруг города ничего не росло; поэтому никто здесь не знал, как выглядят и разговаривают недавно ставшие людьми дастелцы.

Нам отвели апартаменты во дворце. Думаю, для этого какого-то беднягу выгнали оттуда, потому что в комнатах остались следы поспешного переселения. Когда-то помещения были вырублены в скале, но камень был скрыт резными панелями и коврами. Если не считать украшений в виде золотых листьев, поразивших мой птичий взгляд, ничего привлекательного в комнатах не было. Назойливая роскошь и теснота душили; дворец казался таким же тучным и разжиревшим, как и его владелец. Наши вещи доставили из гостиницы; Лиссал принимали с почетом, положенным наследнице престола. В соседней комнате разместилась дуэнья, к Лиссал приставили горничную. Мне отвели комнату рядом с личной приемной Лиссал.

Не успела Лиссал расположиться, как к ней потянулась череда придворных и аристократов, рассчитывающих заслужить ее благосклонность и отчаянно любопытных. Засвидетельствовать свое почтение явились послы других государств, в том числе посол Цирказе. Этот царедворец был вне себя от возмущения: ему не было известно о бегстве Лиссал, однако он не сомневался, что получить разрешение своего отца на такое далекое путешествие без скрывающего лицо покрывала и подобающей свиты она не могла. Он не смел поднять на нее глаза и кончил тем, что стал умолять ее ради приличия закрыть лицо. Лиссал только рассмеялась в ответ.

Никто, в том числе и Лиссал, не обращал на меня внимания. Когда мне приходилось говорить, я ограничивался минимумом слов, так что по дворцу распространилось мнение, что я то ли немой, то ли дурак, а может быть, и то, и другое.

* * *

Дни шли, а речи о свадьбе не заходило.

— Ну и чего же ты ожидала? — спросил я Лиссал через день или два после нашего прибытия во дворец, когда мы остались вдвоем. — Он был бы полным идиотом, если бы не усомнился в движущих тобой мотивах.

Лиссал бросила на меня недовольный взгляд.

— А ты теперь лучше говоришь.

— Я тренируюсь.

Она с сарказмом рассмеялась.

— Но недостаточно, сказала бы я. У тебя голос, как у придушенной лягушки.

Я пожал плечами:

— Это верно. Большинство людей меня не понимают.

Лиссал переменила тему:

— Скоро придут корабли с Ксолкаса, и пойдут слухи о том, что Дева Замка явилась туда в компании мужчины, оказавшегося дун-магом. Кроме того, скоро станет заметна моя беременность. Мне нужно получить возможность подчинить себе Роласса Тригана. А сделать этого я не могу, — добавила она раздраженно, — пока не узнаю, кто при дворе обладает Взглядом.

— Чтобы ты могла с ними расправиться, — договорил за нее я.

— Вы, обладающие Взглядом, чувствуете друг друга, ведь правда? Ты можешь мне помочь — выявить их всех.

— Я мог бы. — Уверенности в этом у меня не было. В моих чувствах царила такая неразбериха, что они больше запутывали меня, чем помогали.

— Ну?

— Я мог бы, но не стану. Как я после такого мог бы жить? Стоит мне указать тебе на них, и они тут же погибнут, а мне

придется всю жизнь упрекать себя в том, что я их предал. Тебя я не выдам, это так, но и помогать тебе не стану.

— Не говори глупостей. Какая разница?

Она была права. Не предупредив обладающих Взглядом, я так же становился соучастником убийства, как и выдав их Лиссал.

— Ты забываешь, что я был птицей. Мы уже многие поколения не вмешиваемся в дела людей. Мы все видели с крыш и подоконников, все слышали, за всем наблюдали — и никогда не вмешивались. Нельзя за ночь изменить свою сущность. Я никого не выдам. Тебе придется самой находить обладающих Взглядом.

— Будь ты проклят, Руарт! И почему только я оставляю тебя в живых?

— Потому что без меня тебе было бы одиноко. — Это был легкомысленный ответ; истина же заключалась в том, что Флейм еще где-то существовала в глубинах души Лиссал.

Она бросила на меня пристальный взгляд и тихо и угрожающе сказала:

— Твое время истекает, Паучьи Ножки.

Она была права, но это ничего не меняло.

Я уже обнаружил, от кого ей могла бы грозить главная опасность: это был первый советник властителя, Икаан Сединский. Он, как и его господин, был любителем маленьких мальчиков; это обстоятельство я, как обладающий Взглядом, находил постыдным — было унижительно осознавать, что я имею что-то общее с такой гнусной личностью. Почему-то я всегда думал, что обладающие Взглядом более достойные люди, чем остальные. Глупо, теперь я это понимаю. В глубине сердца я надеялся, что он станет первой жертвой Лиссал.

Другого обладающего Взглядом я обнаружил через несколько часов после разговора с Лиссал; это оказалась матри-

арх, прибывшая с Тенкора как посланница патриархии. Она также выполняла обязанности духовной наставницы при дворе, главным образом потому, что прочие священнослужители, определенные на эту роль, давно были изгнаны. Она была седовласой уроженкой Брета, в глазах которой застыла печаль. Она присутствовала на пиру, данном в тот вечер в честь Лиссал. Звали эту женщину Иссантар.

Роласс Триган наслаждался, говоря ей колкости, изводил намеками и откровенно у нее на глазах ласкал своих мальчиков, обнимая или целуя в щеку — казалось бы, вполне невинно; однако такому предположению противоречили и его репутация, и страх в глазах детишек. Бедняжки изо всех сил старались скрыть ужас, но это делало ситуацию только хуже, если бы такое было возможно.

Флейм, конечно, тоже присутствовала на пиру, и, возможно, выходки властителя отчасти предназначались ей, однако она и ухом не вела. Откинувшись в мягком кресле во главе длинного стола, она развлекалась, наблюдая за происходящим. Стоя за ее креслом, я пытался демонстрировать такое же самовладение, однако давалось это мне с трудом. Когда Триган обращался к ней, она только улыбалась и отвечала что-нибудь неопределенное: «Благородному господину виднее» или «Совершенно с тобой согласна».

После того как было подано жаркое, Икаан посадил одного из своих малолетних избранников на колени и начал кормить его лакомствами. Нервничавший мальчик был еще нетронут — это обстоятельство главный советник постарался довести до сведения окружающих.

— Сегодня ночью я попробую его на десерт, — заявил он, улыбнувшись матриарху. — Не желаешь ли, чтобы я описал тебе характер моей ночной трапезы? — Он еще и пользовался своей связью с ней как с обладающей Взглядом: ей было труд-

но избавиться от чувства близости, товарищества... Это делало его слова еще более гадкими. Существовавшее между ними напряжение чувствовали все, и я больше остальных, поскольку тоже разделял чувство общности обладающих Взглядом. Правда, теперь мои ощущения были не такими острыми, как когда я был птицей, но все же неловкость я испытывал.

Иссантар резко поднялась из-за стола.

— Бог накажет тебя, — сказала она Икаану хриплым от отвращения голосом. — Нет преступления худшего, чем преступление против ребенка. — Она обвела взглядом сидящих за столом придворных и посмотрела в упор на властителя. — Неужели среди вас нет ни одного настоящего мужчины и ни одной настоящей женщины, которые бы восстали против этого извращенца и его оскверненной души?

Мальчик, сидевший на коленях Икаана, посмотрел на нее полными страха глазами.

Властитель поднял бровь:

— Ты вступаешь в опасные воды, матриарх. Поберегись. — Если бы я не боялся его раньше, то теперь начал бы. В его голосе звучали угроза и уверенность человека, которому ничего не стоит эту угрозу осуществить.

Они продолжали смотреть друг на друга; потом Иссантар опустила глаза и слегка поклонилась. Менодианская патриархия с ее властью была далеко от Брета...

— Я плохо себя чувствую, господин, — сказала она тихо. — Позволь мне удалиться.

Властитель улыбнулся, и на мгновение мне показалось, что он потребует, чтобы она осталась. Потом он взмахом руки отпустил менодианку:

— Иди, твоему кислому лицу здесь не место. Нам поучения не нужны. Мы сегодня празднуем. — И он поднял кубок, поклонившись Лиссал.

Иссантар склонила голову и вышла из зала. Я воспользовался суетой слуг, подававших новые блюда, чтобы тоже ускользнуть, и последовал за ней. Иссантар не отправилась в свои апартаменты; она спустилась на одну из улиц ниже дворца. В этот час там было безлюдно. Иссантар шла медленно, как человек, не имеющий определенной цели, хотя в ней и было заметно волнение. Через несколько минут она подошла к гранитной балюстраде, откуда открывался вид на бухту, и остановилась. Я подошел и встал рядом.

Иссантар не пошевелилась и даже не взглянула на меня. В этом не было нужды: она, должно быть, чувствовала присутствие человека, обладающего Взглядом, с того момента, как вышла из зала.

— Тебе трудно будет выжить при этом дворе, сир-конюший, — наконец сказала она.

— Да, — своим гнусавым голосом ответил я. — Трудно. Я это уже чувствую.

Только тогда она повернулась ко мне лицом.

— Ага, ты и в самом деле обладаешь Взглядом — я не была уверена. Мне показалось, что я что-то такое ощутила... но потом ощущение исчезло. В тебе есть что-то очень странное, молодой человек.

Я ничего не ответил.

— Твоя госпожа — не Дева Замка, — продолжала Иссантар. — А ты, оказывается, все-таки говоришь, хотя мне и сообщали, будто ты немой. Кто ты такой? Кто такие вы оба?

Я посмотрел на Ушат и вдохнул свежий соленый воздух, в котором чувствовался только запах горящего масла из ламп, установленных в нишах стены. Было приятно дышать полной грудью после зловония развращенности, пронизывающего двор Роласса Тригана.

Стоявшая рядом со мной Иссантар настойчиво спросила:

— Так что за историю можешь ты мне рассказать, сирконюший? Только не надо лжи. Я наслушалась достаточно выдумок в этом вертепе разврата, так что не поверила и той, что услышала недавно. Татуировка на руке этой женщины — иллюзия. И татуировка на твоем ухе — тоже.

— Лиссал в самом деле Дева Замка, — сказал я. — Я знаю ее с того времени, когда был птенчиком. Она просто не хотела, чтобы у нее на запястьях появилась татуировка, которую наносят при достижении совершеннолетия, так что она ее подделала. Ты весьма проницательна, раз это заметила: Лиссал очень старалась скрыть использование силв-магии. Надеюсь, Икаан не придет к таким же заключениям.

Иссантар фыркнула.

— Этот-то? Он думает только о своих мальчиках. — Она помолчала, а потом вежливо поинтересовалась: — Ты был... э-э... птичником?

Я вздохнул. Моя речь, похоже, все еще оставалась неотчетливой.

— Птенчиком! Прошу прощения. Я знаю, что говорю, мне просто не удастся произнести это правильно. Еще несколько недель назад у меня был клюв. Я был птицей-дастелцем.

— Ах...

— Ты мне не веришь.

— Ну, скажем так: здесь неразумно было бы принимать на веру все, что кто-то говорит.

— Кто-то? Разве в твоём распоряжении нет других обладающих Взглядом, кому ты могла бы доверять? Других менодиан?

Свет луны, мешавшийся со светом ламп, очерчивал глубокие морщины на лице Иссантар. Она выглядела такой усталой... и явно с трудом меня понимающей.

— Обладающие Взглядом, которых можно измерять? Ах, доверять... Ну, большинство из них уже давным-давно отсюда уехали. Приличные люди избегают двора властителя Брета. Теперь здесь нас только трое: Икаан, Ебенк и я.

— Ебенк?

— Секурия Ебенк. Он, правда, предпочитает женщин, но в остальном такой же мерзавец, как Икаан или Триган. Что же касается менодиан... Осталась всего горстка благочестивых верующих — в ряду Подонков. Они последние в Бретбастионе. До сих пор мне удавалось оставаться здесь просто потому, что Тригану нравится дразнить меня. Только, как ты сам видел сегодня вечером, долго такое продолжаться не будет. — Мне показалось, что я заметил слезу у нее на ресницах, и я стал гадать о том, почему расставание с Бретбастионом может вызывать у нее печаль.

— Но ведь патриархия наверняка присылает сюда священнослужителей, чтобы руководить здешней общиной, — сказал я.

— Больше в этом нет смысла: здесь осталось слишком мало верующих, которые нуждались бы в духовном руководстве. Бретбастион — не то место, где приветствуют добропорядочную религию. Зло просачивается из дворца с уровня на уровень, как гнусная отравка. — Она вздохнула. — И когда достойный мужчина или достойная женщина позволяют себе осуждение... — Иссантар заколебалась. — Они или учатся молчать, или исчезают. — Она показала на Ушат. — Скалы тут высокие. Другими словами, друг мой обладающий Взглядом, с твоей стороны было бы мудро держать рот на замке. — Она показала на татуировку на мочке моего уха. — Тебя ведь не защищает даже настоящий знак гражданства. Единственное, что обеспечивает тебе безопасность, — это покровитель-

ство твоей госпожи. И все-таки смотри, куда ступаешь, иначе и его может оказаться недостаточно.

Я кивнул:

— Что ж, в таком случае я по-прежнему буду притворяться немым.

— А? Ах, немым... Да, конечно. Я сохраню твой секрет, если это тебе поможет. — Некоторое время она молчала, потом добавила: — Если ты знаешь Лиссал с рождения, ты мог бы многое рассказать, господин конюший. Надеюсь, придет день, и ты со мной поделишься.

— Может быть. Сейчас же... Сир-матриарх, ты должна покинуть Бретбастион. Если ты этого не сделаешь, ты и недели не проживешь. Будешь убита.

Она подошла на шаг ближе ко мне, чтобы яснее видеть мое лицо в тусклом свете.

— Я правильно расслышала? Ты сказал — «убита»?

— Да, — кивнул я.

— Это угроза? — В голосе Иссантар звучало скорее недоумение, чем страх.

— Нет, конечно. По крайней мере исходит она не от меня. Это предостережение, в обоснованности которого я уверен. Я советовал бы тебе исчезнуть сегодня же ночью — покинуть не только дворец, но и Бретбастион.

— Ты говоришь — уверен? — Я снова кивнул. — Но ведь ты тут всего день или два.

— Истина иногда открывается тем, кому везет.

— Вот как? — В голосе Иссантар звучали одновременно и скепсис, и безнадежность. — А ты знаешь, почему я вообще остаюсь во дворце, сир-конюший?

— Ты хочешь сказать — помимо того, что твой долг как менодианки оказывать духовную поддержку всем благочестивым людям, еще остающимся в этой забытой Богом дыре?

— Нет такой дыры, которую забыл бы Бог, — укоризненно сказал Иссантар. — Но... да, помимо этого.

Я только покачал головой.

— Из-за мальчиков. Я их единственное утешение, единственный взрослый человек в этой... дыре, который им сочувствует.

— Убитые никого не могут утешить.

Иссантар пристально на меня посмотрела.

— Того обстоятельства, что ты обладаешь Взглядом, недостаточно, чтобы я тебе доверяла. Уж этому-то я научилась в здешнем зверинце.

— Надеюсь, что ты научилась также осмотрительности. Иссантар, двадцать два года своей жизни я был птицей, неспособной ничего сделать. Каждый день мне что только не грозило: кошки, кречеты, змеи, люди, даже сильный ветер. Поверь, все это сделало меня не по годам осмотрительным. За время, остающееся тебе, ты можешь сделать много добра. Останься здесь — и это время сведется всего к одному дню. Беги — и, возможно, это время будет измеряться годами, а людей, которым ты поможешь, будут насчитываться тысячи.

Иссантар ничего не ответила. Вместо этого она спросила:

— Как тебя зовут?

— Руарт.

— Крах... Надеюсь, Крах, что твои намерения не соответствуют твоему имени.

Пришла моя очередь вздохнуть. Мне явно еще долго предстояло улучшать свое произношение.

На следующий день во дворце только и говорили об исчезновении матриарха; это событие не вызвало бы такого переполоха, если бы она не захватила с собой шестерых самых несчастных мальчишек. Самому старшему из них было всего

десять... Властитель был в ярости и приказал тщательно все обыскать: по крайней мере половина гвардейцев были отправлены в пригороды на суше, а остальные обшаривали порт и каждый корабль, стоявший в Ушате или на реке.

Лиссал послала за мной.

— Твоих рук дело? — прошипела она.

Я пожал плечами:

— Тебе следовало бы меня поблагодарить. Одной обладающей Взглядом меньше — тебе же меньше забот.

— Ах вот как. А не собираешься ли ты сообщить мне, кто остальные?

Я ответил ей твердым взглядом. Теперь, когда она так мало пользовалась магией, я по крайней мере отчетливо видел ее лицо.

К несчастью, я не сомневался: ей не понадобится много времени, чтобы выяснить, сколько обладающих Взглядом еще остается в Бретбастионе. Так оно и оказалось. Той же ночью Икаан и секурия Ебенк исчезли из дворца. На следующий день их тела были обнаружены плавающими в Ушате. Ни на одном не было повреждений, кроме тех, которые были неизбежны, если человек прыгал из лоджии властителя в воду.

— Твоих рук дело? — цинично спросил я Лиссал.

Ответ я, конечно, знал. Утром на меня обрушилось зловоение дун-магии, а весь дворец светился багровыми всполохами. Моей первой мыслью было: «Клянусь перьями и пухом, что ты, Лиссал, наделала...»

Это мне стало известно, как только я встал. Помимо новостей о двоих обладающих Взглядом, которые, как считали, покончили с собой, прыгнув в Ушат, обнаружилась еще одна: властитель Роласс Триган и его ближайшие советники были опутаны полосами красной магии, и властитель глядел на Лиссал, словно зачарованный ею. К концу того дня он распоря-

дился, чтобы их бракосочетание было назначено на конец недели.

Еще до свадьбы Лиссал приготовила мне новое унижение.

— Сила силава почти покинула меня, — объявила она мне вечером перед очередным пиром. — Я могу пользоваться дун-магией для сохранения иллюзии собственной татуировки, но на расстоянии мне делать это трудно — дун-магия для этого не предназначена. — Я потерял мочку уха. — Вот именно. Когда меня нет рядом, татуировка у тебя на мочке исчезает. Я хочу, чтобы ты отправился к местному гхемфу и получил настоящий знак гражданства Цирказе.

Я вытаращил на нее глаза:

— Настоящий? Ни один гхемф этого не сделает — ты же знаешь!

— Настоящий, — повторила Лиссал и помахала пачкой бумаг. — Здесь все, что нужно: свидетельства о рождении и о гражданстве, заверенные послом Цирказе на Брете.

— Ты заколдовала посла?

— Вовсе нет. Я просто объяснила ему — потребовав держать все в секрете, на что он охотно согласился, — что ты был птицей-дастелцем. Не мог же он усомниться в словах наследницы престола! По закону ты, не будучи полукровкой и лишившись собственного архипелага, имеешь право на гражданство тех островов, на которых родился. Посол составил бумаги и подписал их, а дворцовый нотариус заверил их как принадлежащие тебе, моему конюшему.

Я взял у нее бумаги и пролистал их. Тут обнаружилось последнее издевательство Лиссал: мое имя значилось как Головастик Паучьиножки. Я швырнул бумаги Лиссал.

— Ты хочешь одним ударом лишить меня и наследия предков, и имени? Не выйдет! Я этого не сделаю!

— О, я тебя заставлю, — протянула она.

— Но зачем? Теперь же это не имеет значения: властитель признал тебя Девой Замка, а меня твоим конюшим...

Лиссал пожала плечами:

— Может быть, мне нужно доказательство моей власти над Руартом Виндрайдером. Я получу такое извращенное удовольствие!

Я затряс головой. Гнев лишил меня способности говорить, и я попытался встопорщить перья, которых у меня больше не было. Мне удалось добиться только того, что волосы у меня на голове встали дыбом, что весьма позабавило Лиссал. Я заставил себя успокоиться.

— Нет, — сказал я, — злая колдунья, которая живет в тебе, еще не победила. Она победит, только когда ты сумеешь заставить себя попробовать меня убить. Тогда я буду знать, что от Флейм, которую я знал, ничего не осталось. До тех пор победа не за тобой.

Лиссал пристально посмотрела на меня, но в конце концов первой отвела глаза и пожала плечами, словно мои слова ничего для нее не значили.

— Завтра же отправляйся к городскому гхемфу, Головастик. Если ты этого не сделаешь, я прикажу своей горничной выпрыгнуть из окна в Ушат. Тебе понятно? — Она собрала раскиданные бумаги и снова протянула мне.

На этот раз я их взял.

Глава 13

РАССКАЗЧИК — ЭЛАРН

День, который все для меня изменил? Да, начался он с Джесенды. Проснувшись тем утром, я не мог думать ни о чем, кроме возможности провести с ней целый день. Умение Джесенды управлять каноэ настолько улучшилось, что я предложил ей более интересную прогулку: на волне отлива удалиться от Ступицы на пару миль, выйти на берег, дожждаться дневного прилива и с его волной вернуться обратно. Я все тщательно спланировал. Я выбрал день, на который приходился прилив Мерланг, который я всегда считал самым легким для пловца, даже более легким, чем маленький Гольян, и договорился о том, что мы дождемся его в отдельном номере гостиницы на берегу залива. Джесенда отправила туда своего личного возницу со сменной одеждой для нас.

Я беспокоился о том, что она может потерять волну по пути из Ступицы — она никогда раньше так далеко не забиралась, — но тревожился я напрасно. Она даже стояла на колене в каноэ не все время, потому что использовала чары силва, чтобы придать суденышку дополнительную устойчивость. Такое достижение заставляло ее победно улыбаться, и никогда еще не казалась она мне столь желанной.

Мы оставили свои каноэ на берегу и с радостью обнаружили, что возница — мрачный человек вдвое старше меня по

имени Хатерби — уже ждет нас с плащами и башмаками. Немного приукрасив себя иллюзией, мы, входя в гостиницу, выглядели вполне респектабельно. Джесенда отправилась в нашу комнату переодеваться, а мы с Хатерби остались ждать ее в общем зале. Я угостил Хатерби кружкой пива, но это, похоже, не улучшило его настроения.

— Сир-силв, — сказал он мне, качая головой, — ты бы лучше действовал осмотрительно.

— Ты хочешь сказать, что сир-советник Датрик рассердится, если узнает о нашей затее? Он разрешил своей благородной дочери кататься на каноэ. — Правда, сам я лично с ним об этом не говорил, но я знал, что он наверняка следит за всем, что мы делаем. Кроме того, Джесенда заверила меня, что заранее предупредила его о нашей прогулке. Может быть, я и удивлялся его снисходительности, но гнева не боялся.

Хатерби посмотрел на меня с жалостью, словно удивляясь, как кто-то может быть так глуп.

Я смущенно заерзал на стуле.

— Уверяю тебя, я не стал бы действовать вопреки желаниям временного главы Совета.

— У кошки есть мягкие лапки, но есть и острые когти, — ответил он мрачно. — Я точно знаю, с чем предпочел бы иметь дело.

— Не понимаю, о чем ты.

— Ты когда-нибудь видел подсадных зябликов? — спросил он.

Я кивнул.

— Они живут на жгучих лианах, но никогда не страдают сами. — Жгучие лианы — это растения-хищники, они питаются птичками, которых подманивают к ним подсадные зяблики; ядовитые листья убивают неосторожных.

Я понятия не имел, к чему он клонит; ясно было одно — он пытается предостеречь меня против собственных хозяев. Я нахмурился: его наглость мне не нравилась.

— Ты должен знать, кому должен быть верен, Хатерби, — сказал я. — Мне кажется, ты ведешь себя не так, как подобает.

Он хмуро посмотрел на меня.

— Ну да. И ты, несомненно, позаботишься о том, чтобы меня уволили. Тем не менее я еще раз скажу тебе: будь осмотрителен. Скажу, потому что ты напоминаешь мне одного молодого человека, который когда-то явился в Ступицу и продал свое доброе имя за медяк.

— Не переходи границы, — бросил я. Я был и поражен его горячностью, и обеспокоен тем, что он сказал. Тот факт, что он так многим рисковал, только добавлял веса его словам.

Его поведение изменилось. Он дернул себя за прядь волос и буркнул:

— Прости, господин. Больше не буду. — С этими словами он забрал свою кружку и отправился пить пиво в другое место. Мне хватило сообразительности понять, что он насмеяется надо мной, несмотря на свой покаянный вид.

Когда я решил, что у Джесенды было достаточно времени на переодевание, я отправился наверх. Она сидела у окна, выходящего на залив.

— Какой прекрасный вид, — сказала она мне. — Спасибо, что привез меня сюда. И отдельное спасибо за то, что счел меня способной справиться с каноэ. Я только надеюсь, что с волной прилива все обойдется благополучно.

Я сбросил плащ.

— У тебя все получится, — сказал я. — У тебя природный талант и замечательное умение сохранять равновесие. — Я замолчал, но Джесенда не двинулась с места. — Ты пождешь внизу, пока я переоденусь?

— Мне неприлично ждать одной в общем зале, — скромно сказала она, склоняя голову к плечу и лукаво улыбаясь. — Я знатная девушка, а не одна из твоих бесстыдных шлюх, и я не расточаю улыбки в пивных.

— Тогда ты могла бы прогуляться по берегу. Прикажи Хатерби сопровождать тебя, если тебе... э-э... неприлично гулять одной.

— А еще я могу остаться здесь и смотреть на тебя.

Я вытаращил на нее глаза. Она говорила серьезно.

— Почему-то мне не кажется, что это тоже было бы вполне прилично, — заметил я. — На самом деле такое скорее похоже на поведение бесстыдной шлюхи.

— Но кто узнает?

Я почувствовал, что теряю голову, но притворился равнодушным.

— Как пожелаешь. — Я повернулся к ней спиной, снял мокрую одежду, вытерся полотенцем и оделся в сухое. Я мог бы скрыться за иллюзией, но решил, что, черт возьми, не стану. Если она желает видеть меня голым, пусть видит. — Твои родители знают, что ты здесь? — спросил я, одеваясь.

— Конечно! — небрежно ответила она, как о чем-то само собой разумеющемся.

Мне казалось, что Джесенда не спускала с меня глаз, пока я переодевался, но когда я повернулся к ней, она снова смотрела в окно, по-видимому, совершенно не интересуясь мной и наблюдая за судном Совета, двигавшимся по заливу к Ступице. Я уж и не знал, испытываю ли я разочарование или восхищение ее нахальством. Уж такая она была: я никогда не знал, чего ожидать. Она постоянно сбивала меня с толку, не давая разобраться в собственных чувствах. Однако меня неожиданно встревожила мысль о том, что Датрик спокойно смотрит на то, что его дочь проводит так много времени в моем обществе,

часто наедине. Я мало что знал о светском обществе, но постепенно набирался опыта, и снисходительность Датрика казалась мне все более и более необычной.

— Почему твой отец предоставляет тебе такую свободу? — спросил я, садясь напротив Джесенды.

Она самодовольно пожала плечами.

— Мой отец знает, что не следует ограничивать меня без нужды. К тому же он в последнее время... озабочен.

— Этого следует ожидать, раз он стал временным главой Совета.

— Да. И Фотерли из кожи вон лезет, чтобы его опрокинуть. Нет ничего, что Бартбарик Варвар, иначе Фот Фат, не сделал бы, чтобы уничтожить шанс моего отца на избрание. У этого типа такие же понятия о морали, как у илистого прыгуна. А то и хуже. К тому же последние новости насчет Блейз Полукровки ничуть не помогли отцу.

— А что за новости? — заинтересованно спросил я. Блейз Полукровка была женщиной, которая не может не интриговать: дерзкая и всегда кажущаяся больше, чем в натуральную величину. Если половина того, что я слышал о ней в последние годы, была правдой, она действительно являлась серьезной противницей.

— Проклятие, Эларн, разве ты не читаешь скандальных сообщений? Похоже, это она прикончила Мортреда и спасла Ксолкас от полного уничтожения. А бедный папа как раз последние пять или шесть месяцев — с тех пор как вернулся с косы Гортан — только и говорит всем, что Блейз ему больше не служит и он полностью отрекается от нее и от всего, что она сделала! Он даже издал распоряжение схватить ее и доставить в цепях на острова Хранителей за то, что она на него напала. А теперь она на всех Райских островах считается героиней! Благодаря ей дастелцы вернули себе человеческий облик и погиб

самый ужасный из всех злых колдунов. Ксолкасы были спасены от порабощения дун-магией, а мой отец выглядит полным дураком.

— Но все эти дастелцы погибли...

— Это едва ли можно ставить ей в вину. Люди винят Мортреда, а не Блейз. Поверь, когда все узнают о случившемся, о Блейз будут песни петь. Отец в ярости. Ей лучше ему не попадаться, а то он вырвет у нее из груди сердце. — Я не был уверен, что Джесенда шутит.

— Правда? Она действительно убила Мортреда? — спросил я. — Может быть, это просто слухи?

— Кто знает? Какая-то доля истины тут должна быть, хотя один из отцовских шпионов доносит, что само убийство совершил ее приятель, житель Мекате. У отца, знаешь ли, всюду есть шпионы: например, почти на каждом корабле, который только выходит в море. Он хорошо им платит. А эта новость пришла из надежного источника. Только, похоже, это еще не самое худшее...

В этот момент раздался стук в дверь, и в комнату вошел хозяин гостиницы в сопровождении слуг, которые принесли наш обед: жареное мясо с овощами, что было обычным на островах Хранителей, тоник для Джесенды, пиво для меня, свежееиспеченный хлеб и всякие приправы. Еды было гораздо больше, чем мы способны были съесть, и мое сердце оборвалось при мысли о том, какую дыру такой обед проделает в моих финансах.

— Так что же самое худшее? — спросил я Джесенду, когда мы немного утолили голод.

— Кое-что, о чем отец узнал только вчера. Новости с Брета. Похоже, Дева Замка прибыла туда месяц назад, чтобы выйти замуж за властителя.

— Но... разве не этого хочет Совет хранителей? Кажется, я слышал что-то такое... давным-давно.

— Да, так и было. Только мы собирались поспособствовать их браку, устроить его и в благодарность получить от властителя привилегии. Вместо этого мы заработали враждебность Девы Замка из-за того, что отец провалил все дело. Теперь властитель ничем нам не обязан, потому что это не мы доставили к нему Деву Замка. Она явилась сама. — Я вытаращил глаза, уловив в словах Джесенды горечь и гнев. — Теперь они поженятся без нашей помощи, да, наверное, уже и поженились; мы не можем ждать от них ничего, кроме неприязни или безразличия. А покупать на Брете то, что нам нужно, по приемлемой цене мы не сможем.

— Тогда, наверное, нужно покупать это в других местах, — легкомысленно заметил я. — Что на Брете может быть такого, чего мы не производили бы сами или не могли получить от других торговцев?

— Поверь, есть один товар, который нам отчаянно нужен и который есть только на Брете. Совет хранителей ужасно разгневан на отца. Его винят в том, что он подверг опасности наши интересы. Если бы голосование состоялось завтра, Фотерли выиграл бы, как нечего делать. — Джесенда отодвинула тарелку и стала барабанить пальцами по крышке стола. Я никогда еще не видел ее такой рассерженной.

Когда она заметила изумленное выражение моего лица, барабанить она перестала и сказала раздраженно:

— Ты так ничего и не понял! Ты такой же, как и все остальные — Локсби и прочие. Так горды своими сексуальными подвигами, что не замечаете того, что действительно важно!

— Джесенда, ты несправедлива. Я все знаю о политике Теннора, но в Ступице я живу всего месяц, а дом моей тетушки едва ли можно назвать центром политической жизни сто-

лицы. Дай мне время. И, как я подозреваю, тебе известно, что в последнее время я не интересуюсь юбками.

Она посмотрела на меня и махнула рукой, словно извиняясь.

— Закажи мне пиво, хорошо? Меня уже тошнит от тоника. Хочется чего-нибудь покрепче.

Ну, в этом-то я разобрался: незамужним женщинам в Ступице не полагалось пить ничего крепче тоника из ратафии, хотя замужним иногда подавали шерри.

Должно быть, Джесенда заметила мои колебания, потому что сказала:

— Уж не собираешься ли ты запретить мне пить пиво?

— Нет, конечно. Я же с Тенкора, ты не забыла? У нас нет высшего общества с его глупыми правилами. — Я подошел к двери и велел ожидающему слуге принести мне еще две кружки пива. — Успокойся, — сказал я Джесенде, закрыв дверь, — и объясни мне все еще раз. Тогда я, может быть, и скажу что-нибудь более умное.

— Прости, что я так на тебя накинута, Эларн. — Джесенда виновато улыбнулась. — Иногда я бываю настоящим зверем. Дело просто в том, что мне не с кем поговорить. Мама не думает ни о чем, кроме... кроме своего положения в обществе, кроме того, что люди о ней думают. А папа считает, что раз я женщина, нечего мне интересоваться политикой. Что же касается друзей... — Джесенда пренебрежительно махнула рукой. — И почему это люди не видят того, что действительно важно?

— Так расскажи мне. — Честно говоря, я был зачарован. Мне показалось, что я впервые вижу настоящую Джесенду, и мысль о том, что она откроет эту сторону своей личности мне — мне одному, — меня пьянила.

— Правду сказать, отец здорово все испортил, — заявила Джесенда, — и если ему не удастся за ближайшие месяцы

поправить дело, Фотерли победит на выборах, и мы получим главу Совета, который поведет нас от одного провала к другому: ему важнее достойно выглядеть, чем хорошо править.

Я воздержался от замечания о том, что это и так уже имеет место, по крайней мере на взгляд тенкорцев, не обладающих даром силва. Слуга принес две кружки пива, которые и поставил передо мной, и убрал со стола.

Когда он удалился, Джесенда придвинула к себе одну из кружек и возобновила рассказ:

— Эларн, многие островные государства завидуют нам, хранителям. Мы богаче и сильнее их, власть у нас более устойчива. У нас не бывает династических распрей между сыновьями, как на Калменте, Разбросанных или Дастелах. Их правители не понимают нашей щедрости по отношению к простому народу, не понимают, как это можно думать, будто каждый имеет право выбирать собственных вождей. Чтобы сохранить наш образ жизни, мы должны быть сильными, иначе они накинута на нас, как голодные акулы.

— Но мы же сильны, — сказал я. — У нас больше силвов, чем на всех остальных островах, вместе взятых...

— Силв-магия уязвима. Кроме всего прочего, она может быть подчинена дун-магией. Чтобы быть уверенными в собственной безопасности, нам нужно большее. И это большее у нас есть. Ты, конечно, слышал разговоры о том, что случилось на косе Гортан.

— О сражении между силв- и дун-магами?

— Ну, мы использовали не только силв-магию. Она ведь не может разрушать, ты же знаешь. Дун-магов уничтожили наши пушки.

Вот тогда-то Джесенда и рассказала мне об этом новшестве и о том, что нам необходимо покупать селитру на Брете и серу на Цирказе, чтобы изготовить черный порошок, об экс-

периментах ученых в Ступице, целью которых является производство более разрушительных пушек и более мощного черного порошка, о сложных способах очистки его ингредиентов, о строящихся заводах. Я сидел и слушал ее, разинув рот.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил я, когда Джесенда откинулась в кресле и стала прихлебывать пиво. Я не мог себе представить, чтобы отец стал посвящать ее в секреты Совета.

Джесенда усмехнулась, и на лице ее появилось озорное выражение. Когда я видел ее такой, сердце мое таяло.

— Ну, отчасти из слухов. Подобный секрет нельзя сохранить надолго, как ни старайся, особенно когда в порту стоят два корабля, которые чинят после сражения, а другие вооружают пушками. — Все с тем же озорным выражением Джесенда добавила: — Не все свои карманные деньги я трачу на безделушки. — Я непонимающе взглянул на нее, и она объяснила: — Я решила, что, если у отца есть осведомители, я тоже могу их завести. Хорошая информация — половина победы.

Я хотел спросить, какие же сведения можно купить на карманные деньги, но промолчал: такой вопрос был бы грубым. Другие вопросы, которые тогда следовало бы задать, даже не пришли мне в голову: о победе в какой битве она говорила и кто был ее противником?

Джесенда выпила еще пива и продолжала:

— Однако большую часть нужной мне информации я собираю сама. Мне очень хорошо удаются иллюзии, как ты знаешь.

— Это я знаю. Но что ты имеешь в виду — собираешь сама? — Что-то в ее самоуверенности вызвало у меня опасение.

— Ну, к несчастью, я не могу проникнуть на заседания Совета или в другие подобные места, — ответила Джесенда, — потому что их охраняют обладающие Взглядом, но я могу бы-

вать в кабинете отца дома и вообще всюду, где нет такой охраны. Подобные проделки стали менее рискованными с тех пор, как поблизости нет этой суки-полукровки.

Я сглотнул.

— Ты хочешь сказать, что шпионишь за собственным отцом?

— Да нет же, глупый! Это не значит шпионить: я просто узнаю то, что дает мне возможность ему помогать... помогать островам Хранителей.

Я с сомнением посмотрел на Джесенду; мне все более и более становилось не по себе.

— Эларн, мы не можем рисковать: Фотерли не должен стать главой Совета. Дело не в моем желании оказаться дочерью первого из хранителей — ты ведь это понимаешь, верно? Подобные вещи меня не интересуют! Именно за тщеславие я и презираю свою мать. Значение имеет только целостность государства хранителей. И его сила. Фотерли жаждет власти для себя, а не для островов Хранителей, и добивается ее любыми способами, включая подкуп. В его руках острова Хранителей растеряют влияние, потому что своей властью он будет пользоваться, чтобы увеличить собственное богатство, а не богатство государства. Поверь, я знаю, о чем говорю. Я слышала, как он откровенничал с этим своим дружкой, пронырой Джеллианом Местро, когда они думали, будто их никто не слышит. Я многие часы терпела излияния этого мерзкого типа, его липкие ухаживания, выслушивала его отвратительные планы. — Джесенда раздраженно хлопнула рукой по столу. — Почему никто не видит того, что вижу я? Почему ни у кого не находится мужества, чтобы действовать, чтобы предотвратить несчастье? Даже у моего отца...

— Ты шпионила за Фотерли? Подслушивала его разговоры? — Одна часть меня ужасалась, другая восхищалась. Джесенда имела цель и была готова идти на огромный риск

для ее достижения. Я похолодел, представив себе возможные последствия. Наклонившись вперед, я взял ее руки в свои. — Джесенда, если тебя за таким когда-нибудь поймают, для тебя это будет означать позор. Ты станешь отверженной в обществе Ступицы. Использование силв-магии, чтобы сделаться незаметной, чтобы шпионить, — это же нарушение закона. Тебя даже в тюрьму могут посадить!

Она презрительно посмотрела на меня.

— Я не попадусь. В отличие от большинства я в самом деле могу становиться невидимой. Никто, кроме тебя, об этом не знает. Никто. — Она улыбнулась. — Ты единственный, кому я доверяю. Единственный, кому я хоть когда-либо доверяла. Я ведь не ошибаюсь насчет тебя?

— Нет, конечно, нет! Я никогда тебя не предаю. — Я думал именно так, хотя все равно чувствовал себя потрясенным.

Джесенда улыбнулась, и в этот момент показалась мне героиней — ужасно одинокой героиней.

— Постепенно весь наш флот будет вооружен пушками. Отец отправляет в плавание «Гордость хранителей» сразу же, как будет закончен ремонт, — тихо сказала Джесенда, — а может быть, и другие корабли, если они будут готовы. Он хочет вернуть себе доверие советников. Он хотел бы сам отправиться с кораблями, конечно, но Фотерли сразу же воспользуется возможностью причинить ему вред, пока его не будет. Так рисковать он не может. Поэтому ему нужно послать вместо себя кого-то другого. К несчастью, людей, которым он мог бы доверять, так мало... Они отправятся с приказом вернуться с подписанным договором на продажу нам селитры и с Блейз Полукровкой в цепях. — Джесенда допила пиво. — Нельзя ли мне еще кружку?

Я засмеялся и покачал головой:

— Думаю, лучше не стоит, иначе ты не сможешь управлять каное. — Я почти не думал о том, что говорю; все мои мысли были заняты тем, о чем рассказала Джесенда. Я озадаченно спросил: — А разве Блейз Полукровка тоже на Брете? Мне показалось, что ты сказала, будто она на Ксолкасе.

— Там она была. Только, похоже, есть два человека, которых она любит: один — менодианский патриарх по имени Райдер, а другая — Дева Замка Лиссал. Ну, Райдер недавно объявился на Тенкоре, и мы знаем, что с ним Полукровки нет. Значит, она должна быть на Брете с Лиссал. Отец в этом уверен.

— Райдер? — Я с трудом верил собственным ушам. Райдер был с ног до головы священнослужителем, а Блейз — наемной убийцей и авантюристкой. — А почему твой отец так хочет схватить Полукровку?

— Она предала острова Хранителей. Отец не любит людей, которые делают из него дурака. Полукровке хватило наглости вырвать Деву Замка у него из-под носа, с его собственного корабля. Из-за нее он теперь выглядит как неумелый недотепа. Она приставила меч ему к горлу и угрожала смертью. Может быть, когда Полукровка окажется в наших руках, мы сможем использовать это, чтобы добиться сотрудничества Девы Замка, а то и Райдера. Ходят разговоры о том, что верховный патриарх болен, а Райдер может оказаться его преемником.

— Иногда мне кажется, что твой отец не особенно... — Я не договорил, опасаясь обидеть Джесенду, но она только рассмеялась.

— Ты прав, Эларн, отец не особенно приятный человек. Он не может позволить себе быть приятным. Однако он вождь, и у него есть цель. Отец совершал ошибки, это верно, но он стремится сделать острова Хранителей самым сильным государством на Райских островах, центром культуры и стабиль-

ности, все граждане которого будут трудиться над созданием величайшей цивилизации, какую только видел мир. Он прозревает будущее, о котором сейчас мы можем только мечтать. — Лицо Джесенды сияло тем же воодушевлением, какое я видел, когда она мчалась на волне по заливу. Боже, как она была прекрасна! Такую красоту никакая иллюзия не могла бы воспроизвести. Думаю, именно тогда я перестал считать себя просто влюбленным и окончательно отдал ей свое сердце.

Это единственное, чем я могу объяснить свою глупость, то, что без сомнений принял на веру все, что Джесенда сказала, не обращая внимания на очевидные нестыковки, то, что меня не насторожила странность ее поведения.

Глава 14

РАССКАЗЧИК — ЭЛАРН

Наше путешествие обратно прошло без происшествий. Приливная волна оказалась замечательной, как раз такой, как я надеялся, и Джесенда управляла своим каноэ как настоящий профессионал. Мы миновали корабль хранителей, который видели из окна гостиницы, и я прочел его название: «Смелость хранителей». Еще одно судно, которое оснастят пушками...

К тому времени, когда мы подгребли к лодочному сараю Датрика, Джесенда была близка к изнеможению. Ее в этом трудно было винить: подобная прогулка представляла бы трудность и для более опытного пловца. Так я ей и сказал; Джесенда, конечно, была рада это услышать, но она вполне заслужила похвалу.

Обычно после нашего урока Джесенда оставляла меня в сарае переодеваться, а сама уходила в дом, но в тот день она попросила проводить ее через сад, чтобы она могла опираться на мою руку.

— У меня ноги подкашиваются, — простионала она. — Ты не возражаешь?..

Я взял ее под руку, наслаждаясь ощущением близости ее тела.

— Эларн, — спросила Джесенда, когда мы вышли из лодочного сарая, — что ты собираешься делать?

— Насчет чего?

— Насчет себя. Или ты так и собираешься ждать неизвестно чего, живя на нищенские подачки своего отца, всю оставшуюся жизнь?

— Нет, конечно. Не думаю, что отец по доброй воле позволит мне когда-нибудь вернуться в Гильдию. Поэтому я собираюсь на ежегодном общем собрании оспорить его решение. Если большинство проголосует за мое восстановление в качестве пловца, отец ничего с этим не сможет поделать. К несчастью, до следующего общего собрания приходится ждать еще девять месяцев.

— А тем временем?..

— Тем временем... Ко мне обратился житель Тенкора, изготавливающий полозы и каноэ. Он собирается открыть лавку в Ступице и предлагает мне ею управлять и вообще постараться сделать катание на волнах популярным в столице. — Больше мне сказать ничего не удалось: Джесенда перебила меня.

— Ты же производишь из правящей семьи Тенкора! Ты не можешь стать торговцем!

— Жить на подачки отца я тоже не могу, — с сарказмом ответил я. — Я даже не имею гарантии, что он по-прежнему будет и эти-то деньги мне давать. Лучше самому зарабатывать себе на жизнь. — Говоря это, я порадовался, что лишен столичного снобизма, прозвучавшего в словах Джесенды.

— Разве у тебя нет гордости? Эларн, ты же силв!

— Ну и что? Очень многие силвы имеют собственные лавки.

— Именно. Они не работают на кого-то другого. Они сами платят тем, кто на них работает.

— И где же, по-твоему, мне взять деньги, чтобы начать собственное дело?

Джесенда посмотрела на меня как на совершенно безмозглое существо.

— Эларн, ты же силв, — повторила она. — У силвов сколько угодно возможностей раздобыть деньги. К тому же у тебя есть дополнительное преимущество: мало кто из жителей Ступицы знает о том, что ты силв — они не ожидают такого от пловца с Тенкора.

— Ради всех тварей морских, к чему ты клонишь?

— Ну, не знаю... ты можешь отправиться в один из портовых борделей, которые вы, мужчины, так любите, и украсть ночную выручку. Или выиграть в кости с помощью иллюзии в какой-нибудь гостинице с сомнительной репутацией...

— Ради бога, Джесенда! Ты что, серьезно?

— Конечно, я говорю серьезно! О, я не предлагаю тебе обокрасть порядочного человека, но ведь существует множество мошенников и злачных мест! А изменив свою внешность... — Джесенда пожала плечами. — Эларн, чтобы пробиться в жизни, ты должен сам для себя создавать возможности! Наверняка нет ничего дурного в том, чтобы обокрасть вора. А найти вора, если ты можешь сделать себя практически невидимым, труда не составит.

У меня похолодела кровь. Я вспомнил о том, что Джесенда говорила о плате своим осведомителям. Так ли велики были ее карманные деньги? А может быть, она воровала?.. О таком я даже и думать не хотел. Однако она была права: у силва, особенно у такого, про которого мало кто знает, что он силв, должно быть множество возможностей украсть и не попасться. Я подумал о том, какая ирония кроется в предложении Джесенды: она считала, что быть торговцем ниже моего достоинства, но советовала воровать, чтобы начать собственное дело!

«О Боже, — думал я, — с ее воспитанием явно было не все в порядке. Такая прелестная девушка не должна бы думать о подобных вещах».

Я поежился и плотнее запахнулся в плащ.

— Поразмысли о том, что я сказала, — прошептала Джесенда, крепче прижимаясь ко мне.

Я и поразмыслил, хотя не был уверен, что мои мысли мне нравились.

— Зайди со мной в дом, — сказала Джесенда, когда мы дошли до боковой двери. — Ты, должно быть, тоже устал. Зайди и отдохни немножко.

Я подумал, что она шутит.

— Моя одежда совсем не подходит для визита. — Мы оба использовали, кроме плащей, которые привез Хатерби, иллюзии одежды; под плащами на нас не было ничего, кроме купальных костюмов. Остальная моя одежда осталась в лодочном сарае.

Джесенда засмеялась и схватила меня за руку.

— Пойдем, мы сделаем себя невидимыми. — С этими словами она исчезла. Ее способность к силв-магии была невероятной: я чувствовал ее руку, державшую мою, но видеть не видел. Если я присматривался очень внимательно, я был в состоянии заметить какое-то сияние, легкое марево в воздухе, но и только. Я торопливо огляделся, но рядом никого не оказалось. Я был уверен: мне далеко до умений Джесенды, и любой, кто станет высматривать что-то необычное, меня обнаружит, но Джесенда уже тянула меня к дверям.

— Постарайся идти тихо, ты, кит-тенкорец! — прошептала Джесенда мне в ухо, когда мы крались через вестибюль.

Сказать по правде, я ошалел. Я тайком проник в дом главы Совета. Я мог скомпрометировать его дочь, если она действительно вела меня в свою комнату... точнее, в целую анфиладу

комнат, как скоро выяснилось. Роскошь ее апартаментов поразила меня. Одна комната была отведена только для одежды; несколько полок оказалось заполнено обувью. Джесенда имела собственную классную комнату, где когда-то ее учили многочисленные учителя — мужчины и женщины. У Джесенды была собственная гостиная. Каждая пядь в этих покоях была украшена позолотой, мозаикой, фарфором и гобеленами. Думаю, что только тогда я понял, какую власть дает силв-магия, и начал догадываться, какова истинная экономика островов, которые я считал своей родиной. На самом деле силв-маги занимались не созданием иллюзий, не установлением защиты, не целительством — их интересовало распределение богатства и той власти, которую богатство дает.

В тот момент, конечно, у меня не было времени на размышления. Не успели мы войти в спальню, как Джесенда заперла все двери. Потом она развеяла иллюзии, сбросила плащ и подошла ко мне, распуская шнуровку своего купального костюма.

— Джес, — заикаясь, выдавил я, — не думаю, что разумно...

Джесенда рассмеялась, и ее низкий хриплый смех заставил меня задрожать.

— Конечно, нет. Я вообще не верю в разумность, Эларн.

И вот уже она стояла передо мной нагая — такая же прекрасная в реальности, какой я воображал ее в мечтах, — и ничуть не смущенная.

Вспомнив Цисси, я выдавил из себя грубое замечание о том, что у меня нет с собой необходимого приспособления, приобретаемого у аптекаря. Мои слова вызвали еще один взрыв смеха.

— Я силв! — сказала Джесенда. — Я не забеременею, если сама того не захочу, и поверь, сейчас это не входит в мои планы.

* * *

Я лежал на спине на смятых простынях и удивлялся своему везению.

Я начал спать с женщинами, когда мне еще и четырнадцати не исполнилось. Я помнил чудо первого раза, но остальные — все остальные — растворились в тумане перед тем, что я только что пережил с той, которую любил. На мгновение все в мире перестало что-либо значить; остались только мы с Джесендой, и я рискнул бы чем угодно, лишь бы не потерять это мгновение.

— О Боже, — выдохнул я. — Знаешь...

Джесенда перекатилась на бок и посмотрела на меня. У нее был довольный, удовлетворенный вид, который говорил мне больше, чем могли бы сказать любые слова.

— Да?

— Кажется, у меня нет слов.

Она снова рассмеялась своим низким смехом, который обладал властью заставлять мое сердце колотиться как сумасшедшее.

— Таких разов будет еще много. Только запомни, мой тенкорец: никаких больше твоих портовых шлюх.

— Обещаю, — со всей искренностью ответил я. У меня не было ни малейшего желания делить ложе с кем-либо, кроме Джесенды, и если бы она захотела, чтобы все так и оставалось на всю жизнь, я тут же поклялся бы ей в этом.

— Тебе может прийтись нелегко, — предупредила Джесенда. — Такое не будет случаться особенно часто, знаешь ли.

— Слишком рискованно, — согласился я. Меня прошиб пот при одной мысли о том, что мне предстоит незамеченным выбираться из дома Датрика.

— Дело не только в этом. Эларн, я хочу, чтобы у нас было будущее. Настоящее будущее. — Голос Джесенды звучал серьезно.

— Ты не шутишь? — Я почувствовал, как от возбуждения кипит моя кровь.

— Проклятие, конечно! Ты и представить себе не можешь, как я отчаивалась, глядя на молодых людей Ступицы. Она такие... такие ребячливые! Такие поверхностные, такие алчные... К тому же половина из них хороши собой только потому, что делают себя красивыми при помощи иллюзий. А ты настоящий! У тебя настоящий характер и настоящее тело. У тебя настоящий дар сила. Ты так похож на меня! Эларн, мы с тобой — родственные души. Вместе мы сможем зайти далеко. Мы поведем острова Хранителей в такие дали, о каких даже мой отец не мечтал!

Все происходило для меня слишком быстро. В тот момент я не хотел думать об отдаленном будущем. Я хотел думать о нас с Джесендой. Однако прежде чем я нашел слова, Джесенда заговорила снова, увлекая меня в свою мечту о будущем.

Опираясь на локоть, она посмотрела на меня и сказала:

— Эларн, ты должен вернуться в Гильдию. Ты должен заставить отца восстановить тебя в правах. И ты должен сделать себе имя. Тогда мы сможем пожениться.

— Что? Как... как я могу вернуться? Мой отец никогда... — Сердце у меня колотилось.

— Ничего подобного. Ему придется смириться, если этого потребует глава Совета. А он это сделает.

Во мне боролись надежда и скептицизм.

— Ты можешь такого для меня добиться?

— Да. Я скажу отцу, что нашла мужчину, за которого собираюсь выйти замуж. Он будет возражать, потому что ты недостаточно богат и недостаточно влиятелен. Тогда я скажу ему, чтобы он потребовал твоего восстановления в правах. Твоему отцу придется подчиниться. А после этого мой отец

будет постоянно интересоваться твоей карьерой... а мы по-прежнему сможем иногда видаться, потому что ты станешь бывать в Ступице. Эларн, придет день, и тебя изберут главой Гильдии. И еще каким! Главой, который будет во всем сотрудничать с Советом хранителей...

— Это... это звучит потрясающе!

— Отец сделает для меня что угодно. — Потом Джесенда слегка нахмурилась. — Но ты, конечно, должен показать, чего стоишь. Преуспеть, хочу я сказать.

— На это... на это уйдет время, — сказал я, думая о том, что значит быть богатым по мнению Джесенды.

— Ну, есть способы ускорить дело. — Джесенда, должно быть, прочла на моем лице сомнения, потому что засмеялась и сказала: — Ах, не смотри на меня с таким ужасом, Эларн! Я же не требую, чтобы ты совершил что-то ужасное — вроде отцеубийства. Нет, я полагаю, что главное — информация. Успех зависит от того, как много ты знаешь. Ты будешь говорить мне о том, что происходит на Тенкоре или что ты услышал в порту, например, а я использую это для того, чтобы у отца о тебе сложилось высокое мнение.

— Ты хочешь сказать — стать шпионом?

— Нет, конечно, глупый! Просто будешь информировать меня, вот и все, — чтобы я обо всем знала заранее. Это именно то, что может дать преимущество. Да и большая часть того, что ты будешь узнавать, потребуется мне, а не отцу.

— Тебе? — тупо переспросил я.

— Да, Эларн. Я хочу быть значительной фигурой сама по себе, а не просто дочерью Датрика. Я хочу в один прекрасный день сделаться членом Совета хранителей. Это же ведь достойное желание, верно? Среди советников женщин почти нет; их должно стать больше. Я могу даже претендовать на пост

главы Совета. Ты поможешь мне? — Джесенда поцеловала меня в щеку и положила мою руку себе на грудь.

— Конечно, — ответил я, забыв обо всех сомнениях.

Выбираясь из дома Датрика, я нервничал гораздо больше, чем когда прокрадывался внутрь, потому что делал я это в одиночку; однако шаг мой стал пружинистым, не то что раньше. Я чувствовал себя так, словно только что совершил самый главный в своей жизни заплыв, — как оно в определенном смысле, пожалуй, и было.

А день еще не кончился...

Я отправился в дом тетушки, чтобы вымыться и переодеться. Я собирался пойти поискать какую-нибудь дешевую харчевню, где ужин был бы мне по карману, когда Ангелина сообщила мне, что внизу в гостиной меня ждет посетитель. Она поковыляла прочь прежде, чем я успел спросить, кто это.

Когда через несколько минут я вошел в гостиную, я обнаружил там прислонившегося к камину Тора Райдера, явно чувствовавшего себя как дома. Я вытаращил на него глаза.

— Сир-патриарх?

— Сир-пловец, — приветствовал он меня, — я пришел пригласить тебя со мной поужинать.

Я открыл рот и закрыл его снова.

— Сочту такое приглашение честью, — наконец проговорил я. «Загадкой» сказать было бы точнее, но от этого я воздержался. Правда, раньше он говорил, что даст о себе знать, но человек, занимающий такое высокое положение, скорее должен был бы послать за мной слугу, а не являться лично.

Райдер нанял экипаж и отвез меня в гостиницу на другом конце города, где я раньше никогда не бывал.

— Здесь лучшая еда во всей Ступице, на мой вкус, — сказал он в качестве объяснения.

Во время поездки мы говорили о Падении и его последствиях: о том, что дастелцы на Тенкоре стали требовать, чтобы их отправили домой, как только узнали, что их острова и в самом деле поднялись со дна морского; о том, какое множество погибших в других островных государствах (жертв на Спаттах и Разбросанных островах оказалось ужасно много); о том, что движение против магии набирает силу на всех Райских островах.

— Странно, — говорил мне Райдер, — как спонтанно это началось: времени на то, чтобы идея дошла с Тенкора до других мест, не было. Похоже, случившееся просто вызвало всеобщий гнев.

Я с трудом сдержал дрожь.

— Людей нельзя винить. Я тоже никогда не забуду всего, что в тот день видел.

— Помнишь, я спрашивал тебя: если бы ты мог избавиться от магии, сделал бы ты это? А теперь я спрашиваю тебя вот о чем: если бы решать пришлось тебе, захотел бы ты положить конец магии — любой магии, — чтобы наверняка такая вещь, как Падение, никогда больше не повторилась?

Я почувствовал, как по спине побежали мурашки: я вспомнил семью дастелцев, собирающих семена в канаве, вспомнил, как ребенок отшатнулся от собственного отца, не узнавая его в человеческом облике, вспомнил страх той девочки, такой огромный, что его и вообразить никто не мог...

Я подумал о роскоши дома Датрика, о мороженом, посыпанном толченым сапфиром, о том, что может дать дар силва.

— Не уверен... — пробормотал я, — может быть. — Я сам удивлялся своим словам; я почти видел, как недоверчиво нахмурилась бы Джесенда. — Только ведь этого наверняка нельзя сделать.

— Можно попытаться, — сказал Райдер.

Я, конечно, был охвачен горячим любопытством. Уж не проделал ли он весь путь до Ступицы, только чтобы попросить меня помочь ему в их с Гилфитером странной затее с силв-магией? Впрочем, спрашивать я не стал. Я был достаточно молод и достаточно голоден, чтобы хотеть сначала поужинать; так что когда мы уселись за стол в зале гостиницы, я предоставил выбор темы разговора патриарху. К своему удивлению, я обнаружил, что он обаятелен и обладает суховатым юмором, проскальзывавшим во многих его рассказах. Райдер говорил о том, что сначала, когда ему было лет семнадцать-восемнадцать, он стал писцом; тогда он был полон наивности и жажды приключений, что являлось довольно опасным сочетанием. Я смеялся над описаниями того, что выпало на его долю, когда дела пошли плохо, но и чувствовал некоторое смущение: казалось, иногда его слова слишком ясно намекали на мое собственное положение, хотя я и не мог определить, чем именно. Мой отец упоминал о бурном прошлом этого человека, а Джесенда говорила о его связи с авантюристкой Блейз. И я никак не мог избавиться от впечатления, что в глазах его отражается трагедия, что внутри у него царит тьма.

«Что за глупости тебе мерещатся, Эларн, — подумал я. — Это же патриарх!»

Мы завершили превосходный ужин и пили пиво, когда Райдер наконец заговорил о том, почему он решил меня разыскать.

— Я хочу, чтобы ты работал на меня, — сказал он. — Точнее, на патриархию.

— Помогал в твоём изучении силв-магии? — Он кивнул. — Что я должен буду делать?

— Пользоваться силв-магией. Создавать иллюзии, исцелять и все такое — под контролем.

— Я никогда особенно не пользовался даром силва, знаешь ли.

— Я знаю.

— Моему отцу такое может не понравиться.

— Это я тоже знаю. Если ты согласишься вернуться на Тенкор, я сделаю так, что с ним поговорит верховный патриарх.

— Почему ты хочешь изучать силв-магию?

— Потому что мы хотим избавить мир от дун-магии. Едва ли найдутся такие злые колдуны, которые захотят нам в этом помочь. Мы надеемся, что благодаря изучению силв-магии сумеем понять природу дун-магии тоже.

— Но они же противоположны друг другу!

— Так ли это? И даже если они действительно противоположны, то, изучив силв-магию, мы узнаем, чем дун-магия не является.

Дело, конечно, заключалось не только в обретении знаний — иначе и быть не могло. Если бы патриархия проникла в суть силв-магии, она стала бы лучше разбираться в действиях Совета хранителей, которому принадлежала власть на архипелаге. Может быть, отчасти этим все и объяснялось... а может быть, и еще чем-то.

«Джесенда заинтересуется их затеей», — подумал я. Только я-то хотел бы вновь вернуться в Гильдию, работать пловцом... сумеет ли она добиться для меня такой возможности? А может быть, лучше принять предложение Райдера и по крайней мере вернуться на Тенкор? В конце концов я решил высказаться откровенно.

— Я предпочел бы быть пловцом. Если ты сможешь оказать давление на моего отца, чтобы он позволил мне работать на Гильдию хотя бы часть времени, тогда я соглашусь в оставшееся время помогать тебе.

Райдер улыбнулся; эта редко появлявшаяся на его лице улыбка заставляла забыть о многих его странностях.

— Хорошо, — сказал он, — договорились.

Глава 15

РАССКАЗЧИК — РУАРТ

Я сделал так, как приказала Лиссал: отправился к гхемфам.

Я даже сам себе удивлялся: как это я не подумал о таком раньше? Гхемфы ведь могли дать мне способ связаться с Блейз. Я забыл о них, как это было в привычках людей, хотя и мог бы быть умнее после того, что произошло в Плавучей Заросли. В сложившейся ситуации крылась ирония: Лиссал, пославшая меня к гхемфам, и понятия не имела о возможностях, которые могли мне представиться. Она покинула Плавучую Заросль до того, как там появились гхемфы, и никто не рассказал ей о том, как они пришли нам на помощь или чем мы им были обязаны. Они пошли наперекор своей миролюбивой природе, чтобы спасти Блейз, Тора и Келвина; сделали они это из-за того, что когда-то Блейз подружилась с женщиной-гхемфом по имени Эйlsa.

Ждать следующего дня я не стал, а отправился в анклав гхемфов тем же вечером. Один из стражников, дежуривших у трага, объяснил мне дорогу, а потом спустил до ряда Подонков. Пройдя несколько миль вокруг бухты, я добрался до самого конца нижнего уровня — туда, где в Ушат впадала река Скау. Жилища гхемфов — их там ютилось пять семейств — были просто грубо высеченными в скальной стене дырами, расположенными всего в нескольких шагах от края воды. Гхемфы

предпочли — как всегда, подумал я — поселиться, насколько возможно, подальше от людей.

К тому времени, когда я туда добрался, некоторые из дыр-жилищ уже были погружены в темноту. Я постучался в то, где сквозь ставни на окне все еще сочился свет. Через мгновение дверь открылась, и на меня уставилась пара настороженных серых глаз. По морщинам на лице я заключил, что этот гхемф стар и, следовательно, является мужчиной.

— Сир-гхемф, — сказал я, — я пришел за татуировкой. Последовала долгая пауза.

— Сир? — переспросил он наконец, словно не веря, что я обратился к нему так почтительно.

— Сир-гхемф, — повторил я, — я отношусь к вам с глубоким уважением. Я был одним из тех, кому вы помогли на Плавучей Заросли. — Я надеялся, что ему известно, о чем я говорю; похоже, так оно и было — он шире открыл дверь и жестом пригласил меня внутрь. — Мне нужна татуировка, говорящая о гражданстве, и гражданстве Цирказе, а не Брета.

Не могу сказать, будто он поднял бровь, поскольку у не имеющих волос гхемфов брови отсутствуют, но ему удалось передать впечатление крайнего изумления.

— Я был птицей-дастелцем, — объяснил я.

— Ах...

— Вот мои бумаги. — Я протянул ему документы, полученные от Лиссал.

Гхемф взял их и перелистал, потом снова обратился на меня вопросительный взгляд:

— Головастик Паучьиножки?

— Э-э... нет, — ответил я. — Однако ты увидишь, что описание мне соответствует. Бумаги выписаны мне, тут ошибки нет, но меня зовут Руарт Виндрайдер. Тут долгая история...

Гхемф жестом предложил мне сесть к столу.

— Гхемфы, — тихо сказал он, — обожают занимательные истории и избегают наносить татуировки, которые могут оказаться противоречащими закону.

В свете свечи мы долго смотрели друг на друга; я думал о том, что, возможно, не соответствую какому-то неизвестному мне критерию гхемфов.

— Тогда я расскажу все с самого начала, — сказал я.

Гхемф поднял руку, останавливая меня.

— Подожди, — сказал он и исчез в соседнем помещении. Оттуда донеслись голоса, а я воспользовался возможностью оглядеться по сторонам.

Особенно смотреть было не на что. Гхемфы и не пытались чем-то прикрыть голый камень стен и пола; всю мебель составляли стол, стулья и несколько полок, на которых хранились принадлежности для нанесения татуировок: маленькая жаровня и тигель, фарфоровые бутылочки с красками, стеклянные плоски с кусочками перламутра, жемчужинками и полудрагоценными камнями, маленькое зеркало, чаша с золотыми и серебряными бусинками.

Через несколько минут гхемф вернулся — по крайней мере я думал, что это тот же самый, — но не один.

— Крах, все мы хотим послушать твою историю, — сказал он. — Ты не возражаешь?

Я покачал головой. Только вот над своим произношением мне все еще предстояло поработать...

Гхемф не сделал попытки представить пришедших; сам он тоже не назвался. Он сел к столу, и несколько старших гхемфов последовали его примеру. Остальные, среди которых были и дети, расселись просто на полу. Все они молчали, но постоянно двигались. Это был язык — как бывшая птица я сразу это понял. Я уже давно замечал, что гхемфы передают мысли

движениями, жестами и прикосновениями, отдавая им предпочтение даже перед собственным звуковым языком, не говоря уже о нашем.

Первый гхемф жестом предложил мне начинать, так что я рассказал им обо всем, что с нами — Блейз, Флейм, Тором, Гилфитером, Деком и мной — произошло с тех пор, как мы покинули Плавучую Заросль. По тому, как они слушали, иногда кивая, иногда обмениваясь взглядами, я предположил, что многое было им уже известно, вероятно, от их соплеменников.

Когда я закончил, молчание длилось не менее минуты, хотя гхемфы продолжали обмениваться незаметными жестами — такими легкими, что большинство людей их бы просто не заметило. Наконец первый гхемф сказал:

— Мы, конечно, сделаем тебе татуировку, говорящую о гражданстве. Ты можешь получить цирказеанский символ, верно, но также и дастелский. Мы готовы это сделать.

Я молча смотрел на свои руки. Я знал, чего хочу, но такое желание казалось мелочным. Некоторые вещи имели гораздо большее значение, чем какие-то знаки на мочке уха. Я был дастелцем, что бы ни говорила татуировка.

— Наша политика — не вмешиваться в дела людей, тебе ведь это известно, — добавил гхемф.

— И все же вы спасли моих друзей на Плавучей Заросли.

— Гхемфы из одного выводка с Эйлсой имеют обязательства перед Блейз.

— Вы же знаете, — сказал я, — что распространение дун-магии было бы бедствием для гхемфов. Злые колдуны вас не любят.

Последовало долгое молчание. Потом первый гхемф спросил:

— Чего ты от нас хочешь?

— Сообщите мне, где находится Блейз или Тор Райдер... или Келвин Гилфитер. Пошлите сообщение Блейз о том, что происходит здесь. Только и всего.

Последовало новое молчание и обмен жестами. Я чувствовал, что идет жаркий спор, хотя и не мог бы сказать, что вызывало у меня такое впечатление.

Потом наконец я услышал ответ:

— Мы этого не сделаем. Где находятся твои друзья, мы не знаем. Однако мы сообщим обо всем выводку Эйлсы.

Подразумевалось, что выводок Эйлсы передаст мое сообщение. Я мрачно улыбнулся в душе. Не только люди умели перекладывать на других опасные дела...

— Спасибо, — сказал я.

— А как насчет татуировки?

Я сделал глубокий вдох. Слова, которые я произнес, оказались ужасно трудно выговорить, как будто я отказывался от части собственной личности.

— Я выбираю цирказеанское гражданство.

Тремя днями позже я стоял у окна своей комнаты во дворце, рассеянно теребя мочку уха со знаком гражданства — аквамарином в середине татуировки, изображающей глаз, — и глядя сверху на Адский Ушат и причалы. Некоторые корабли отошли от берега и встали на якорь в глубине бухты: этой ночью можно было ожидать дебошей. Бочонки с пивом и дешевым вином, выставленные на нижних уровнях города, чтобы жители могли отпраздновать свадьбу властителя, означали, что три четверти населения скоро начнут спяну буйствовать. Предусмотрительные горожане просто разошлись по домам и заперли двери, а капитаны кораблей отвели свои суда подальше от берега. На одном из причалов уже разгорался пожар, и мне

на фоне пламени были видны силуэты людей, передававших друг другу ведра с водой, чтобы погасить огонь.

Во дворце дела шли ненамного лучше. Многие из приглашенных на свадьбу — знать, жившая на верхних уровнях столицы, — после дневного празднества разбрелись кто куда, и начались ночные оргии. Ближайшее окружение властителя дало волю своим извращенным вкусам, и из того, чему я был свидетелем, явствовало, что этой ночью новобрачная не разделит ложе со своим супругом. Властитель ел и пил за дюжину гостей, и я даже усомнился, что после такого он останется в живых.

Мне пришлось примириться с тем, что в тот день Лиссал вступила в брак с человеком, которого когда-то презирала настолько, что отказалась от своего высокого положения и прав на трон Цирказе, лишь бы от него избавиться. Когда-то она меня любила... возможно, где-то в глубинах ее души эта любовь была еще жива, но теперь мне оставалось только наблюдать. Одиночество погружало во тьму каждый момент моей жизни. И не было рядом никого, с кем я мог бы поговорить, — совсем никого.

Хуже всего оказалось начало празднества, когда Роласс Триган — тогда еще трезвый — поднялся на ноги, чтобы провозгласить тост за новобрачную, и во всеуслышание заявил о том, что она беременна.

— Признаюсь, друзья, — проревел он так, что заглушил все разговоры в зале, — ваш благородный повелитель не очень хорошо вел себя при дворе Цирказе. Он поторопил события и соблазнил прелестную Деву Замка в ее собственном доме еще до заключения брачного договора. Милая девица... впрочем, конечно, уже не девица... явилась сюда, чтобы исправить упущение. Вот сегодня мы это и делаем. Господа, выпьем же за будущего наследника трона Брета!

Я от изумления разинул рот. Триган не имел никакой возможности сделать такое на Цирказе! Даже если бы Флейм этого захотела — а она совершенно точно ничего подобного не хотела, — он не смог бы увидаться с ней наедине. При дворе Цирказе женщины из правящей семьи были затворницами. Близость с Флейм места не имела, и тем не менее властитель, по-видимому, искренне верил в свои слова. Он лукаво улыбнулся Лиссал, и отблески дун-магии ярко вспыхнули на нем. Ей каким-то образом удалось своим колдовством дать ему ложные воспоминания. Он верил в то, что сказал, верил, что дитя, которое она носит, его.

Думаю, что никогда еще я не испытывал подобного ужаса. Лиссал, как оказалось, была способна на такое тонкое использование дун-магии, о котором Мортред и не догадывался. Вместо того чтобы превращать людей в марионеток, лишенных воли и разума, она сумела вложить в свои жертвы, не разрушая их личности, но полностью подчиняя своим целям, воспоминания о событиях, никогда не происходивших в действительности.

Уловка Лиссал была необычайно изобретательной. Вместо того чтобы накладывать чары на множество людей, заставляя их поверить в то, будто наследник мог родиться так быстро после зачатия в ночь бракосочетания, она предложила им простое объяснение: Триган признался в том, что дал волю своей страсти несколько преждевременно. То, что ребенок оказывался незаконнорожденным, значения не имело; главным было другое: властитель при свидетелях признал ребенка своим, и родиться он должен был уже после свадьбы. Если это случится с некоторым опозданием... что ж, мало кто вспомнит, когда именно властитель был на Цирказе, да никто и не станет утруждать себя подсчетами.

«Ох, Флейм, — думал я, — уж слишком ты умна... нет, не Флейм, а та, сочащаяся дун-магией тварь, которой ты стала».

Я провел всю ночь у окна, глядя на Ушат и гадая, чем может быть занята Флейм. О чем она думает... как страдает. Мою душу разрывало горе.

В дни, предшествовавшие свадьбе, она по большей части не обращала на меня внимания, за исключением редких моментов, когда мы оказывались наедине. Тогда она подвергала меня жестоким насмешкам: издевалась над моей внешностью, высмеивала мою глупость и робость. Я надеялся, что делает это она, чтобы заставить меня бежать, бросить ее до того, как поглощающая ее скверна заставит ее меня убить. Так мне хотелось думать, но иногда поверить в это оказывалось трудно. Она слишком хорошо меня знала, и ей так легко было найти мои уязвимые места и ткнуть меня носом в мои слабости.

Думаю, я должен быть благодарен судьбе за то, что придворные по большей части оставляли меня в покое, считая, что Дева Замка покровительствует мне, — среди них едва ли нашелся бы хоть один, кто не был бы развращен и жесток. Единственными жителями Брета, к которым я мог чувствовать хоть какую-то симпатию, были чиновники, цеплявшиеся за свои своды законов, чтобы поддерживать нормальную жизнь государства. Впрочем, я к ним не обращался: я старался оставаться незаметным, не разговаривать и держаться, насколько возможно, в тени. Мне такое легко давалось, когда я был птицей-дас-телцем; сейчас это было ненамного труднее. Удивительно, насколько придворные привыкли не замечать слуг, а положение конюшего, в конце концов, было всего лишь приукрашенным положением слуги, и к тому же немного.

Поэтому я оставался незаметным — и одиноким.

И все-таки, по крайней мере вначале, я не отчаивался. Я продолжал надеяться, что в любой момент объявятся Блейз, Гилфитер и Тор. Тор наверняка наймет шхуну Скарри, скоро я получу помощь, и мы каким-нибудь способом спасем Флейм.

Однако дни шли, и никто из них не появлялся. Несколько раз приходили пакетботы с Ксолкаса, и я начал думать о всяких ужасах, которые могли случиться; на первом месте в этом списке значились кораблекрушения. Я помнил, в какой ужасный шторм попадал наш корабль. Я помнил сотни рассказов о коварстве океана; не было ни одного архипелага, где не вспоминали бы о сотнях погибающих каждый год в море...

После свадьбы я все глубже погружался в бездонную пучину отчаяния.

Лиссал прогнала дуэнью и перебралась в покои, смежные с апартаментами властителя. Она снова со злобным удовольствием отвела мне комнату, примыкающую к ее приемной, где она каждый день проводила часть времени, разговаривая с гостями. Лиссал постепенно стягивала сеть дун-магии, брошенную ею на Тригана и его придворных. Все они подпадали под ее чары и спешили исполнить ее капризы с раболепием, смотреть на которое было тошно. Глаза властителя не отрывались от Лиссал; он следовал за ней, как собачка, старающаяся привлечь внимание хозяина, хотя сомневаюсь, что ему удалось хоть однажды уложить ее в свою постель. Вельможи льстили и угодничили, напоминая бабочек над слишком сильно пахнущим цветком, и все как один носили багровые цвета ее магии, словно развеваемые ветром флажки.

Лиссал начала посещать встречи властителя с его чиновниками — канцлером, архивариусом, управителем дворца, новым начальником охраны. Когда потребовалось назначить нового главного советника, этот пост заняла Лиссал. Сначала

она говорила мало, но это длилось недолго. Скоро она начала задавать пронизательные вопросы, а потом и давать советы. В конце концов решения стали приниматься в присутствии властителя, но под диктовку Лиссал. Вскоре чиновники стали приносить бумаги на ее одобрение, прежде чем представить их на подпись властителю. Роласс Триган, тиранически правивший своим государством, фактически стал пустым местом: он ставил свою подпись там, где ему велели. Учитывая его прежние деяния, я не мог сказать, что действия Лиссал не приносили пользы.

Недели текли за неделями, и оргии при дворе Брета происходили все реже и реже. Дети и слуги больше не подвергались издевательствам, и крики, которые я раньше слышал каждую ночь, прекратились. Придворные выглядели вялыми и равнодушными, и все, что их, казалось, интересовало, была возможность напиваться до мертвецкого состояния. Багрянец дун-магии проникал теперь даже в самые укромные уголки дворца, затуманивая мой взгляд и придавая всему мерзкий запах и вкус; в конце концов я начал давиться пищей. Мне трудно было поверить в то, что я единственный человек, который все это замечает, что никто из зачарованных придворных не видит странностей, а горожане, имеющие с ними дело, не находят, что с ними что-то неладно.

Для меня одинокие дни складывались в недели, и каждый из них нес на себе невеселый отпечаток моей бездеятельности, однако изменить я ничего не пытался. Я наблюдал, ожидая сам не знаю чего.

Одним из первых эдиктов, изданных властителем под влиянием советов Лиссал, был приказ об увеличении армии. Теперь закон требовал, чтобы каждый житель архипелага два года своей жизни отдавал службе в отряде стражников. Муштра

была тяжелой, даже жестокой. Чтобы все это оплачивать, были увеличены налоги, которые неукоснительно собирались. Такие меры могли бы привести к волнениям, если бы дополнительно собранные средства не расходовались отчасти на улучшение жизни тех, кто мог бы больше всех протестовать. Жителей беднейших нижних уровней столицы заверили в том, что туда проведут трубы для подачи чистой воды и удаления отходов — чего никогда раньше не было, — и работы даже начались. Стражники стали наводить порядок в нижних лоджиях и на причалах. Темные закутки, где раньше промышляли проститутки, сутенеры и грабители, теперь освещались и регулярно патрулировались. Молодые люди, не имевшие никаких надежд на лучшее будущее, неожиданно оказались привлечены на государственную службу: как стражники они получали плату, еду и жилье. У портных появилась работа: они шили мундиры; кузнецы и оружейники теперь не сидели без дела; сапожники тачали сапоги для армии. Владельцы судов и капитаны охотно платили за то, чтобы пользоваться безопасными и лучше управляемыми портами. Богатые не возражали против увеличившихся налогов, потому что теперь ходить по улицам ночью можно было не опасаясь нападений, а товары с их складов не разворовывались.

Все это, конечно, случилось не за одну ночь, но некоторые улучшения стали заметны быстро, и значительная часть изначального недоверия к супруге властителя развеялась: люди стали говорить о том, что это она принесла им лучшую жизнь.

— Видишь, как все легко, Головастик? — сказала мне Лиссал через несколько недель после свадьбы, наслаждаясь собственным успехом. — К тому времени, когда я разделаюсь с Бретом, этот архипелаг будет так же беспомощен передо мной, как краб-отшельник без раковины. — Она улыбнулась

хищной улыбкой. — Они без всякой борьбы уступают свою свободу ради сомнительного вознаграждения, да еще и прославляют правительницу, которая втайне перегрызает им сухожилия.

— Ты тратишь слишком много силы, — сказал я ей. Жизнь ее, может быть, и рос, но сама Лиссал худела на глазах. Она выглядела мрачной и, как я предполагал, плохо спала. Чтобы держать в руках всех, кого она поработила, ей все время приходилось обновлять свои чары. Каждый офицер стражи, каждый чиновник, каждый староста городского района должен был являться к ней по крайней мере раз в неделю — формально для отчета, но на самом деле для того, чтобы Лиссал могла укрепить свою власть, обеспечить их безусловную покорность ее распоряжениям.

— Скоро я получу помощь, — довольно сказала Лиссал, — силлов, которых я превращу в своих слуг. Тогда управлять будет легче. Скоро ни один житель Брета не посмеет и дышать, не спросив моего разрешения.

Одним из самых больших разочарований Лиссал было то, что в Бретбастионе не оказалось силлов. Она рассчитывала, что найдет здесь множество жертв, готовых для заклятия; оказалось же, что в столице силлов давно не любят, а потому они перебрались в другие места.

— Где ты собираешься найти силлов? — спросил я. — Здесь — не лицемерные острова Хранителей. Или ты собираешься похищать любого силва, который окажется на прибывающем в Ушат торговом корабле? Тебе придется быть осторожной. Если хранители услышат об исчезновениях силлов, тут же появится их проклятый флот с нацеленными на тебя проклятыми пушками.

Она посмотрела на меня холодным взглядом, который я так ненавидел.

— Морской дьявол тебя побери, Головастик, я сама не понимаю, почему до сих пор оставляю тебя в живых.

— Да в чем дело? — поддразнил я ее. — Разве ты не любишь выслушивать правду?

— Мне не нужен ты, Головастик, и твой паршивый Взгляд. Я уже заставила Тригана принять закон, регулирующий использование магии. Так по крайней мере все думают. Не будет больше таких несчастий, как то, к которому привела дун-магия на Дастелах. Люди сейчас готовы проклясть даже силлов.

Я по-птичьи склонил голову набок, пытаясь разглядеть ее лицо.

— Что, во имя морской пучины, ты затеяла?

— Все силвы в любом месте Брета теперь должны проходить регистрацию; только тогда они смогут на законных основаниях использовать магию, даже если всего лишь желают заниматься целительством. Я отправила отряд стражников, чтобы они начали регистрацию, в Кизис на реке Скау. Некоторым из тех, кого они найдут, будет велено явиться в Бретбастион для окончательного оформления. Я ожидаю, что первые силвы явятся ко мне через неделю или около того. Тогда никто не сможет меня остановить, мой тонконогий дружок.

Я почувствовал дурноту.

— Как, дьявол тебя побери, можешь ты творить такое? — спросил я. — Ты же знаешь, в какой ад превращается жизнь оскверненных силлов! Или ты забыла, как страдала? — Я показал на ее культю. — Ты предпочла пожертвовать рукой, лишь бы не сделаться злой колдуньей...

Лиссал рассмеялась.

— Ах, дорогой мой, тогда я была другим человеком. Теперь я властительница Брета, и мысль об осквернении доставляет мне истинное наслаждение! — Она взяла меня за

подбородок. — Ах ты лишившийся перьев бедняга! Ты все никак не привыкнешь к тому, какой я стала, верно?

— Не сомневаюсь, что постепенно привыкну, — сказал я, притворяясь беззаботным. — Я просто никогда этого не прииму. Никогда, до тех пор, пока твоими глазами на меня смотрит Флейм. А она смотрит, сколько бы ты ни пыталась это скрыть.

Я лгал. На самом деле ее окутывало такое густое облако дун-магии, что я ничего не мог разглядеть в ее глазах. Я проклинал свою чувствительность: близость Лиссал или тех, кого она заколдовала, влияла на мое зрение, все становилось нечетким, смазанным. Похоже было на то, что в результате превращения из птицы в человека я заполучил аллергию ко всякой магии, и мой Взгляд стал слишком болезненно реагировать на нее.

Иногда я чувствовал себя так, словно погружен в ослепляющий, удушающий багрово-красный суп...

Аннара айси Терон

Запись в дневнике

6 первого месяца Одной Луны, 1794

Позади осталась наша последняя остановка на пути к Райским островам — Форт-Вентвар. Поселение под этим келлским названием — совершенно не келлское: убогий форпост нашей цивилизации, грязная деревушка на берегу реки — широкого неторопливого потока коричневой воды.

В самом форте расквартирован гарнизон из солдат Восточного Колониального полка, имеющий мандат на усмирение враждебного населения Южного Траманналенда. Войска необходимы здесь для того, чтобы защищать торговые суда, курсирующие вдоль побережья; здешние воды знамениты жестокостью местных пиратов. Как ни странно, в этом жалком, полном крыс селении мы встретились и с лучшими, и с худшими проявлениями келлской колониальной политики.

Мужчинам — Натану, Шору и другим ученым — комендант Этворт айсо Лагмин предложил прогулку по форту под охраной солдат. Даже и при недолгом знакомстве Этворт айсо Лагмин произвел на меня впечатление высокомерного неприятного типа, так что я не могла не согласиться с Шором: это простолюдин, получивший образование и

выбившийся в люди, презиравший тех, кому повезло меньше, — попросту говоря, грубиян и хвастун.

Лескаль и я не получили приглашения присоединиться к джентльменам; вид форта не был сочтен достаточно приличным для благородных дам. Вместо этого для нас была организована короткая поездка вверх по реке в миссию, где нас приветствовала группа монахинь. Некоторые из этих самоотверженных женщин провели здесь не одно десятилетие, противостоя всевозможным бедам — от вспышек холеры до восстаний местного населения — с неколебимой верой и преданностью долгу. (Они заставили меня почувствовать себя виноватой из-за своих прежних жалоб на тяготы плавания; в будущем мне следует проявлять больший стоицизм.) На меня большое впечатление произвело то, чего им удалось добиться в миссии по части человеколюбия; религиозные же их успехи, с другой стороны, весьма незначительны. Лишь очень немногие местные жители восприняли доктрину Бога в келлском понимании, однако монахини не позволяют этому препятствовать им в их бескорыстных трудах.

А вот что меня шокировало до глубины души, так это их рассказы о зверствах, которые местные пираты творят, если им в руки попадает кто-то из келлских поселенцев — будь то мужчина, женщина или ребенок. Средства борьбы с этим злом, к которым прибегает комендант Этворд, не менее бесчеловечны; некоторых жертв карателей я видела в госпитале и должна сказать, что сердце у меня в груди перевернулось. Солдаты Этворда устраивают рейды после каждого нападения на торговцев, воинские отряды или колонию, и им безразлично, кто оказывается наказан. Они отправляются вверх по реке, хватают первых же туземцев, которые им попадутся, пригоняют их в форт и запи-

рают в тюрьме. Некоторых из них казнят, других увечат, третьих избивают. Мальчику, которого я видела в госпитале, не могло быть больше двенадцати лет... По сути дела наши келлские жестокости ничем не лучше, чем поведение пиратов.

Потом мы с Лескаль, ужасно подавленные, присоединились к мужчинам. За ужином на корабле я рассказала обо всем, что мы видели и слышали; это вызвало горячий спор. Мнения разделились: капитан Джортен одобрял методы коменданта, а Натан и доктор Хенссон оба решительно заявляли, что Этворда следует привлечь к ответу за преступления против населения, которое он должен защищать. Шор, хоть и не одобрял наказаний и насилия, высказался в том смысле, что все это не наше дело.

Уснуть после всего увиденного мне не удалось, так что вот я и занимаюсь записями в своем дневнике. Я испытываю стыд за то, что принадлежу к келлской нации. Предполагается, что мы лучше тех, кого колонизовали, но я неожиданно обнаружила, что часто это оказывается не так. Предполагается, что мы следуем велениям Бога, но и в этом я начинаю сомневаться... Считается, что мы будем показывать пример более примитивным народам, но я пришла к заключению, что больше не знаю, кто примитивен, а кто — нет.

Ничто больше не выглядит безусловно черным или безусловно белым. Как можно сохранять благочестие, если я теперь вижу мир только как смесь разных оттенков серого? Как можно верить, если я способна мыслить?

Я думаю о Флейм Виндрайдер, дун-магии и нерожденном ребенке... Ничто больше не кажется мне ясным.

Глава 16

РАССКАЗЧИК — РУАРТ

Не знаю, по какому признаку отбирались силвы; первые прибыли в Бретбастион по реке через две недели: две пожилые женщины в сопровождении небольшого отряда стражников. В тот же день явился мужчина с дочерью в сопровождении жены, которая не была силвом. Они пришли по собственному почину, услышав о необходимости регистрации.

Впервые я услышал о них, когда Лиссал приказала мне, не объясняя причины, отправиться в казарму, расположенную в лоджии Пиратов. Это был следующий жилой уровень, отделенный от дворца всего одной улицей. Я спустился по лестнице, назвал себя стражнику, после чего меня провели в тюремную камеру.

— Госпожа Лиссал распорядилась, чтобы я показал тебе пленников, — сказал тюремщик, — и ответил на все вопросы, если они у тебя возникнут.

Он провел меня к двум лишенным окон каморкам в конце коридора. Через двери — железные решетки — в них проникал свет от висевшего в проходе фонаря. В камерах все равно было темно, и мои глаза не сразу привыкли к сумраку. В каждом помещении находилось по хорошо одетой пожилой женщине, и обе они пылали гневом. Как только они увидели меня, на меня обрушился шквал возмущения: как смеют держать их

взаперти, они не сделали ничего плохого, они просто в соответствии с приказом явились зарегистрироваться, вот и все, они — почтенные торговки тканями из Кизиса...

Я позволил потоку упреков прокатиться мимо. Кивнув тюремщику, я двинулся обратно: все, что нужно, я уже увидел. Каждая из женщин имела на правой руке багровый знак. Физические проявления осквернения дун-магией еще не стали заметны, так что женщины и не подозревали, чему подверглись, однако я уже чувствовал отвратительный запах и видел алые всполохи. Я дрожал, возвращаясь во дворец и разыскивая Лиссал.

Она была в конторе нотариуса, проверяя какие-то бумаги, и, увидев меня, знаком приказала тому удалиться. Бедняга, покорный оковам порабощения, наложенным на него, поклонился и выскользнул за дверь.

— Ну? — спросила Лиссал. — Как я понимаю, ты видел мою добычу?

— Добычу? — бросил я. — Они же люди, Лиссал.

— Они силвы, — самодовольно протянула она.

— Да.

— Они воспользуются иллюзиями для того, чтобы бежать. — Лиссал показала мне связку ключей. — Только никакие иллюзии не помогут им скрыться. Единственный ключ — у меня, и тюремщики предупреждены, что их пленницы — силвы, а потому не следует обращать внимание на то, что стражники видят... или чего не видят. Впрочем, безразлично, даже если этим женщинам и удастся сбежать: как только дун-магия укоренится в них, они вернутся ко мне, униженные и раболепные. Такова природа осквернения.

— Так же как ты в один прекрасный день будешь раболепствовать перед своим сыном? — резко напомнил я Лис-

сал. Я сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. — Но почему ты захотела, чтобы женщин увидел я?

— Хочу, чтобы ты ясно видел, пособником чего делают тебя твои молчание и бездействие. — Я почувствовал себя так, словно Лиссал сбила меня с ног. Она была права. Если я не делал ничего, чтобы ее остановить, тогда я был соучастником всего ею совершенного, и ее преступления становились моими. Каковы бы ни были мои мотивы, отмыть руки я не мог. Я обратил к ней полный муки взгляд, умоляя ее сам не знаю о чем... и она с улыбкой сказала: — Я наслаждаюсь твоим ужасом.

Я стоял на месте, беспомощный, бессильный, и ненавидел себя — и ее, ту тварь, которой она стала.

— Через неделю или две, — продолжала Лиссал, — когда они должным образом проникнутся дун-магией, я их выпущу. Тогда я смогу получить ту помощь, в которой нуждаюсь. Со временем у меня в распоряжении будет достаточно дун-магов, чтобы разослать по всему Брету. — Она позвонила в колокольчик, стоявший на столе, и приказала вошедшему слуге: — Приведи того сила и его семью.

Я почувствовал дурноту.

— Новые жертвы?

Лиссал кивнула.

— И ни слова от тебя, Головастик, иначе я убью их по одному у тебя на глазах.

Я двинулся к двери, чтобы уйти. Я не мог вынести вида того, что собиралась сделать Лиссал.

— Нет, — мягко сказала она. — Ты останешься.

Я почувствовал, что бледнею, когда снова повернулся к ней.

— Флейм, не надо...

— Надо, Головастик. Ты останешься.

Потом она повернулась к людям, которых привел слуга.

В тот момент, когда они вошли, я сразу понял, что кто-то совсем недавно пользовался — и очень много пользовался — силв-магией. Серебристо-голубое сияние и сильный благовонный запах были не менее сильными, чем миазмы дун-магин, исходившие от Лиссал. На мгновение я испытал надежду: может быть, эти люди смогут противостоять ей. Правда, дун-магия была деструктивной, в отличие от силв-магии, но обычному злому колдуну было бы нелегко преодолеть сопротивление одаренного силва.

Первыми в комнату вошли две женщины; я предположил, что это мать и дочь. По сравнению со следовавшим за ними мужчиной мы все казались карликами. Он был очень высок и буквально сиял серебристой голубизной. Я решил, что ему, должно быть, лет сорок, хотя определить его возраст было трудно: он использовал иллюзию, чтобы выглядеть моложе и привлекательнее. Я обнаружил, что не могу точно определить, что истинно, а что нет — его черты расплывались в тумане силв-магии. Длинные каштановые волосы мужчины были завязаны в хвост лентой, двигался он с непринужденной грацией. Скользнув по мне взглядом, он повернулся к Лиссал, сорвал с головы шляпу и отвесил изящный низкий поклон. Лиссал поднялась из-за стола и протянула ему руку, которую он и поцеловал. Этот мужчина был очень благовоспитан.

Я вспомнил багровые отпечатки на руках женщин в камере, но на этот раз прикосновение Лиссал, казалось, не несло в себе осквернения.

— Как тебя зовут? — спросила Лиссал.

— Сир-силв Керен Кирос, странствующий целитель с Эбета, — ответил он, назвав один из дальних островов архипелага. — Позволь представить тебе мою семью: это моя жена Тризис и дочь сир-силв Девенис.

Его дочери было, должно быть, около тринадцати лет. Лицо ее выражало недовольство, как если бы она не хотела быть

там, где оказалась. Одежда ее выглядела вычурно, с обилием бантов и оборок, давно вышедших из моды; подозреваю, что это девочке было известно. Она явно ненавидела свой наряд и раздраженно теребила банты.

Жена Керена, Тризис, оказалась очень миниатюрной, что производило забавное впечатление, учитывая рост ее мужа. Ее лицо тоже скрывала иллюзия — вероятно, работы мужа или дочери, поскольку ее саму представили без почетной приставки «сир». Мне трудно было разглядеть ее лицо сквозь туман магии, но мне показалось, что я заметил морщины и седые волосы. Значит, она была старше, чем хотела выглядеть. Как ни странно, иллюзия не делала ее красивее — всего лишь моложе и невзрачнее. Возможно, сама Тризис об этом и не подозревала: такая иллюзия могла быть мелкой местью дочери за вышедшее из моды платье.

— Пожалуйста, прости нас за то, что мы неподобающим образом одеты для аудиенции у самой супруги властителя, — продолжал Керен. — Нам сказали, что следует зарегистрироваться, если мы собираемся продолжать свою работу: я — как целитель, моя жена — как повитуха. Я и представить себе не мог, что мы будем тебе представлены, сир-властительница. — Его хриплый голос звучал тише, чем я ожидал.

— Формальности, — небрежно ответила Лиссал, — могут подождать.

Я стал беспокоиться переминаясь: что-то в словах Керена вызвало во мне непонятный отклик. Это было странное ощущение, похожее на то, которое я испытывал в присутствии обладающих Взглядом.

«Да помогут мне все птичьи боги, — подумал я, — неужели кто-то из них обладает Взглядом? Тогда это должна быть Тризис, потому что двое остальных — силвы».

Мое сердце сжала паника, но когда я сосредоточился на Тризис, никаких признаков Взгляда я не обнаружил. Я снова

стал дышать свободнее. Все мои чувства — и осязание, и зрение, и слух, и обоняние, и вкус, и Взгляд — стали теперь иными, чем когда я был птицей. Я больше не мог доверять своим ощущениям, и об этом нельзя было забывать.

Словно прочтя мои мысли, Лиссал обернулась к Тризис и сказала:

— Ты ведь не силв? И Взглядом не обладаешь?

— Нет, госпожа. Я просто помогаю своему мужу. Многие женщины не позволяют лечить их мужчине-целителю, если рядом не находится другая женщина, а мой муж как раз разбирается в женских болезнях и беременности. Ну, ты же понимаешь, как это бывает.

Лиссал склонила голову.

Мне хотелось кричать, предупредить их: им нужно было бежать отсюда сломя голову. Я ожидал, что в любой момент Лиссал возьмется за свое, окутает их дун-магией, но она продолжала любезно беседовать с посетителями.

— Куда вы направляетесь? — спросила она.

— Мы — странствующие целители, — ответил Кирос, — и путешествуем, где захотим. Я полагаю, что целительство силвов должно быть доступно всем, а не только богатым. К тому же я люблю видеть новые места. Вот поэтому мы и объезжаем архипелаг: проводим несколько месяцев в одном месте, несколько — в другом.

— В настоящий момент во дворце нет целителя, — сказала Лиссал. — Это упущение, которое мне необходимо исправить.

Керен был явно неглуп. Последовала пауза — слишком долгая, чтобы быть непреднамеренной. Потом целитель сказал:

— Прости меня, госпожа, но мы вообще не оказались бы здесь, если бы не распоряжение о том, что необходимо зарегистрироваться. Как нам известно, силвов не любят при дворе. Поправь меня, если я ошибаюсь.

«Смелости ему не занимать, — подумал я, — и подчинить его будет не так-то легко. Или он просто безрассуден?»

По крайней мере пока Лиссал, похоже, не собиралась накладывать заклятие ни на него самого, ни на его дочь. Пока...

— Так было раньше, — спокойно ответила Лиссал. — Однако те двое, кто создавал проблемы, больше не находятся при дворе — ни Икаан, главный советник властителя, ни Ебенк, секурия. Оба они обладали Взглядом, а это иногда ведет к определенным антипатиям... Понимаете, мало кому известно, что я сама — силв; я полна решимости привлечь ко двору Бре-та как можно больше обладающих этим даром.

Керен и его жена улыбнулись. Я ожидал, что чувствовавшееся в комнате напряжение разрядится, но этого не произошло. Кто-то из присутствующих был натянут, как паутина на ветру, и я не мог определить причины этого.

— Замечательная новость, — сказал Керен. — В таком случае не могу ли я предложить свои услуги в качестве придворного целителя?

Лиссал тоже улыбнулась.

— Ничто не могло бы порадовать меня больше, — сказала она, направляя на Керена и его семейство еле заметный поток дун-магии; это было не порабощение, а всего лишь легкое подталкивание, которого ни один из них не мог заметить. — Клянетесь ли вы всеми силами служить мне и не причинять мне вреда своим искусством?

— Конечно, — ответил Керен.

Тризис и Девенис тоже выразили свое согласие, и Лиссал благосклонно им кивнула. Ее улыбка заставила меня поежиться. Лиссал повернулась ко мне:

— Найди управителя, Головастик. Пусть он приготовит приказ о назначении сир-силва Керена. Позаботься также о том, чтобы целителю и его семейству были отведены подобаю-

щие покои. Подойдут, пожалуй, апартаменты бывшего секурина, поскольку новый начальник стражи поселился в комнатах Икаана. — Не обращая внимания на мое изумление, она обратилась к Керену, положив руку на живот: — Как ты видишь, я ношу наследника трона Брета. Мне понадобится помощь умелого целителя.

Я снова начал дышать свободно. Конечно, мне следовало догадаться: Лиссал хотела заполучить сила-целителя для себя, а потому готова была предложить ему лучшие комнаты во дворце. Керену и его семье опасность не грозила — по крайней мере в ближайшее время.

Керен низко поклонился:

— Это честь для нас. Позволишь ли ты нам также помогать обычным горожанам?

— Несомненно! Как властительница Брета разве могла бы я отказать в такой просьбе? Однако помни, что в первую очередь ты должен заботиться обо мне... и о властителе, конечно. А теперь мой конюший, Головастик Паучьиножки, позаботится о вас. Он почти не говорит, но все понимает. Боюсь, он несколько туповат.

Не обращая внимания на колкость, я распахнул перед семейством дверь.

Знаком показав, что им надлежит следовать за мной, я направился к кабинету управителя. По дороге Керен вежливо спросил меня:

— Позволь поинтересоваться, сир-конюший: не обладаешь ли ты Взглядом?

Я покачал головой.

— Нет, — достаточно спокойно произнес я, хотя сердце мое отчаянно заколотилось. — Что заставляет тебя думать, что дело может обстоять так?

Керен помедлил, потом пожал плечами:

— Правители — или их супруги — часто используют обладающих Взглядом как своих ближайших помощников.

— В Бретбастионе нет ни одного обладающего Взглядом.

— Ах... моя жена будет счастлива об этом узнать. Она... э-э... просит нас улучшить ее внешность, знаешь ли. Однако мы любим ее такой, какова она есть, поэтому ограничиваемся тем, чтобы избавить ее от седых волос и морщин. Только все равно она ужасно не любит встречаться с обладающими Взглядом, потому что магия их не обманывает.

«Только на меня это не распространяется», — подумал я уныло. Я-то как раз только магию и видел; по-настоящему разглядеть то, что под ней скрывалось, мне удавалось плохо.

Замечание Керена казалось вполне невинным, но все же заставило меня задуматься. Не чувствовал ли он чего-то, говорящего о наличии у меня Взгляда? А может быть, такой способностью обладала его жена? Однако если это было так, как могли они спокойно согласиться остаться при дворе, вместо того чтобы разоблачить Лиссал? Или именно это они и собирались сделать, как только представится возможность?

Я думал и думал, пока не решил, что веду себя как параноик. Ничто в поведении Керена и его семейства не говорило о страхе. Ничто не говорило о том, что, встретившись с Лиссал, они испытали шок. Так почему я чувствовал такое беспокойство? В конце концов я решил, что смущает меня поведение Керена. Любое его движение свидетельствовало о несгибаемой целеустремленности. Когда он заговаривал со мной, мне хотелось опустить голову, чтобы защитить горло. Когда он подходил близко, мне казалось, что все мои перья встают дыбом. Не тот это человек, которому безопасно противоречить, решил я.

Мы дошли до кабинета управителя, и я оставил там семейство Керена, а сам отправился, чтобы заняться его размеще-

нием. На помещения во дворце всегда был большой спрос, и кто-то уже поселился в апартаментах секурии, как только стало известно о его кончине. Мне пришлось выселять новых жильцов, и это им не понравилось; поэтому в кабинет управителя я вернулся не сразу.

Семейство ожидало меня в приемной; их дела с управителем были уже закончены. Дочь Керена, надутая и скучающая, сидела, сняв туфли и шевеля пальцами ног. Когда я улыбнулся ей, она раздраженно посмотрела на меня и поспешно сунула ноги в туфли. То, что я видел за пеленой магии, говорило о непривлекательной внешности и недовольной гримасе, которая, похоже, не сходила с ее лица.

— Как можно понять по татуировке у тебя на ухе, — сказал Керен по дороге в их новые покои, — ты с Цирказе. Давно ты тут?

Я покачал головой.

Он озадаченно посмотрел на меня, как будто что-то во мне его тревожило. На мгновение мне показалось, что он собирается высказать вслух свои сомнения или попросить у меня объяснений, но он передумал. Еще более растерянный, чем раньше, я гадал, какой мой поступок вызвал его подозрения.

Мы добрались до апартаментов бывшего секурии, и я распахнул дверь перед Кереном и его семейством. Когда мы вошли, Тризис ахнула. Роскошь убранства была поразительной даже для того, кто, как я, вырос во дворце суверена Цирказе. Прежний секурия был охотником, и пол представлял собой мозаику из различных сортов цветного дерева, изображающую охотничью сцену с людьми, собаками, загнанной дичью и пронзенными стрелами фазанами; не могу сказать, чтобы мне это так уж нравилось. Стены приемной покрывали барельефы на фарфоровых панелях, изображающие нагих женщин в соблазнительных позах.

— Ах, — обратился Керен к Тризис, — это очень поможет нам, если потребуется помощь в изучении женской анатомии.

Девенис спрятала усмешку. Тризис фыркнула:

— И по чьему вкусу тут все разукрашено? — спросила она меня, обводя рукой стены. Было ясно, что она не одобряет увиденного. — Властителя?

Я пожал плечами; я знал, что вкус властителя иной: из покоев Лиссал я видел часть его апартаментов, полных мраморных статуй обнаженных мужчин и очаровательных мальчиков.

— Эй, вы бы на это поглядели, — раздался голос Девенис из спальни. — Тут на потолке...

— Не думаю, чтобы стоило углубляться в детали, дорогая, — поспешно остановила ее Тризис. — Я могу себе представить...

Я сообщил все, что им нужно было знать о распорядке во дворце; когда я закончил, Тризис спросила:

— Ты не думал о том, чтобы обратиться к целителю по поводу затруднений в речи, сир-конюший? Если причина носит физический характер, может быть, нам удалось бы тебя вылечить. Не хочешь ли, чтобы мы тебе помогли?

Ее доброта причинила мне боль. Мое молчание могло убить этих людей: они ведь не знали, что столкнулись с дун-магией. Керен и Девенис могли подвергнуться осквернению в любой момент, когда этого пожелает Лиссал.

И все же я молчал, опустив голову.

— Если мы тебе понадобится, — сказал Керен, — тебе будет достаточно попросить.

Я кивнул, чувствуя себя червяком, ползучим ничтожеством.

Когда ночами мне не спалось, я бродил по дворцу. Стражники — а они стояли у каждой двери — меня, конечно, знали

и никогда не останавливали. Моя свобода была следствием решительного заявления Лиссал о том, что я могу ходить куда захочу; его вызвал глупый случай: я не смог выполнить одно из ее приказаний, потому что меня задержал стражник. С тех пор я мог бывать в любых помещениях, от которых у меня были ключи, а ключи Лиссал были в моем распоряжении.

Я пользовался своей свободой для того, чтобы следить за ее действиями. К концу первого месяца пребывания на Брете я тревожился; к концу второго испытывал ужас. Все больше и больше молодых людей забирали служить стражниками, и не только в столице, но и по всему Брету. Лиссал намеревалась отдать эти отряды под команду оскверненных силлов. Она распорядилась увеличить добычу селитры и велела свозить ее в портовый город Ково, где алхимики трудились над ее очисткой. Она написала своему отцу на Цирказе, объявив о желании Брета закупать серу. Она отправила партии лесорубов в леса к северу от Бретбастиона заготавливать древесный уголь и рубить деревья для постройки кораблей. Она отрядила горняков на остров Айин на разведку месторождений цинка, меди и свинца. Она собрала со всего архипелага плавильщиков, кузнецов, плотников и корабелов, соблазнив высокой платой. И самое худшее — она отправила посланцев в Ступицу с предложением заплатить немислимые деньги мастерам, которые делали для хранителей пушки и устанавливали их на кораблях, если те продадут чертежи и планы; ее, похоже, совсем не волновало, что подумает Совет хранителей, если об этом узнает.

Пораженный, я просматривал бумаги Лиссал и только теперь начинал понимать настоящий размах ее приготовлений и замыслов. Лиссал собиралась создать вооруженное до зубов государство, управляемое экс-силвами, подчинявшимися ей.

К счастью, не все давалось ей легко. Из некоторых писем я узнал, что изготовление черного порошка и пушек было не

таким простым процессом, как представляла себе Лиссал. Как очищать селитру, никто на Брете не знал. Черный порошок в неумелых руках оказывался ненадежен и взрывался, что часто приводило к жертвам. Пушки при выстреле иногда взрывались тоже. Неудивительно, что Лиссал в конце концов решила, что легче добьется своего, если купит секреты у мастеров-хранителей. Однако из того, что мне удалось узнать, следовало, что даже и это оказалось не так просто, как ожидала Лиссал: хранители были верны своему государству. Замысел властительницы Брета был устрашающим, но ее практические успехи сильно отставали от мечты о власти злых колдунов.

Бывая в конторе дворцового нотариуса, я узнал, какую основу Лиссал закладывает для того, чтобы иметь возможность расплачиваться за свои военные приготовления. Начала она с того, что конфисковала состояние главного советника Икаана и его семьи, которое включало поместья по всему архипелагу от Ибаана до Атгиса и целый флот торговых кораблей. Потом Лиссал систематически принялась под разными притяннутыми за уши предложениями грабить другие богатые семьи — семьи граждан других островов, поселившихся на Брете. Она знала, что это не вызовет особых протестов; напротив, местные купцы сразу поняли, что к чему: достаточно было донести на конкурента-иностранца, и конкуренции как не бывало. Заручившись поддержкой торговцев, Лиссал постепенно начала увеличивать налоги.

Все больше узнавая о происходящих на Брете переменах и памятуя о том, что Лиссал появилась здесь всего несколько недель назад, я чувствовал, как мои надежды тают. Лиссал в отличие от Мортреда не интересовалась пытками и издевательствами, она не наслаждалась гибелью своих жертв, но тем не менее действия ее были чудовищны. Даже если нам когда-нибудь удалось бы ее спасти, сделать ее такой, какой она была .

раньше, трудно было представить себе, что она сможет себя простить.

Однажды ночью, примерно через четыре недели после того, как в столицу привезли первых силвов, я отправился в кабинет нового секурии, желая узнать, сколько несчастных теперь содержится в камерах. У меня с собой был фонарь, который я поставил на стол, пока оглядывался и искал то, что мне было нужно. В этот момент я услышал звяканье. Я резко поднял голову. Кто-то пытался проникнуть в комнату, открывая замок отмычкой.

Я взмахнул руками, пытаюсь в панике взлететь, но не сумел оторваться от пола. Наткнувшись на стол, я постарался взять себя в руки и наконец сделал нечто разумное: задул фонарь и нырнул в единственное укрытие, где меня могли не заметить. Как во всех дворцовых помещениях, здесь имелись резные деревянные двери, выходящие на балкон. Я выскользнул наружу, прикрыл за собой створки и прижался к стене. Человек, находящийся в комнате, меня заметить не мог, но я оказывался на виду, если бы он решил выйти на балкон. Я стоял там и жалел, что лишился крыльев. Еще я обливался потом; такую человеческую особенность мне все еще трудно было считать нормальной.

Через мгновение я услышал голоса; разговаривали по крайней мере двое, но разобрать слов я не мог. Сквозь резьбу двери проникал тусклый голубоватый свет — свет колдовского огонька.

Я замер на месте.

Когда выяснилось, что никто не собирается выходить на балкон, я рискнул заглянуть в дырочку в двери. Мне это ничего не дало. Я видел силуэты двух человек, закутанных в плащи, которые просматривали свитки на столе; единственный

огонек освещал только пергамент, который они читали. Я мог быть уверен лишь в одном: один из них был высоким, другой — маленьким, и никакого права быть там, где они были, они не имели. Все их повадки говорили о том, что они стремятся остаться незамеченными: тихие голоса, приглушенный свет, скрывающие фигуры плащи.

Тот факт, что они пользовались силв-магией, конечно, указывал на Керена и Девенис, но я и представления не имел о том, что они затеяли. Наверное, я мог войти в комнату и потребовать от них объяснений, но я этого не сделал. В душе я все еще оставался птицей-дастелцем, привыкшим бояться людей с их размерами, агрессивностью, оружием.

К несчастью, истинное значение того, что они пользовались силв-магией, осталось мной совершенно не понятым.

Когда наконец они ушли, я немного подождал, а потом двинулся следом. Я не мог определить, что они искали, и я так и не выяснил, сколько же силвов заключено в камерах.

Я ведь никогда не утверждал, будто я храбр.

Дни проходили, в камерах на уровне Пиратов все прибавлялось пленников, и чувство вины во мне росло. Единственным, что меня утешало, было то обстоятельство, что из заключения не выходили толпы дун-магов. На самом деле из темницы не появлялся вообще никто. Я начал гадать: так ли сильна на самом деле Лиссал, как она думает...

Я снова побывал у гхемфов, но единственная новость, которую они мне сообщили, заключалась в том, что даже гхемфы из выводка Эйслы не знали, где находилась Блейз.

Глава 17

РАССКАЗЧИК — ЭЛАРН

Я снова начал работать пловцом, совершая шесть путешествий в Ступицу в месяц. Я так никогда и не узнал, чему был обязан своим восстановлением в Гильдии — то ли вмешательству Датрика, то ли давлению верховного патриарха, за спиной которого стоял Райдер. Так или иначе, наконец это случилось. Когда я наткнулся на отца в коридоре Синода в день своего возвращения, он с подчеркнутой неприязнью повернулся на каблуке и пошел прочь. Я попытался не обращать на это внимания. В конце концов я снова располагал своим положом, жил в здании Гильдии среди друзей и по милости Райдера зарабатывал больше денег, чем когда-либо раньше. Я каждую неделю виделся с Джесендой. Я даже умудрялся регулярно проскальзывать в ее спальню в доме на берегу; возбуждение от того, что я совершаю нечто незаконное, было почти столь же сильным, как и радость от свидания.

Кроме того, Джесенда продолжала учить меня, как пользоваться даром силва, и я скоро с некоторой растерянностью обнаружил, что приобрел изрядное искусство. Созданные мной иллюзии почти не уступали иллюзиям Джесенды, и мы начали вместе проникать в различные места в Ступице, подслушивая у дверей и шпионя за участниками собраний. Мы даже незаметно пробирались в кабинет главы Совета и читали его пере-

писку. Мне ужасно нравился риск, сознание того, что стоит сделать одно неверное движение — и нас поймают. Наши занятия вызывали у меня нервный трепет, и я обнаружил, что наслаждаюсь им. Ставки в игре были высоки: наказанием за использование силв-магии, чтобы шпионить за другими силвами, являлся полный остракизм. Многочисленные примеры жульничества силвов в отношении тех, кто этим даром не обладал, считались терпимыми и даже забавными, но тому, кто использовал магию против собрата-силва, приходилось плохо. Джесенда посмотрела на меня как на страдающего морской лихорадкой, когда я указал ей на двойные стандарты этики хранителей.

— Ради морского дьявола, Эларн, что, по-твоему, более важно: быть верным интересам других силвов-хранителей или похоронить свой талант, чтобы угодить всякому?

— Ну, нас нельзя назвать особенно верными другим силвам, — прошипел я ей на ухо. Дело происходило поздно вечером, и мы с ней прокрадывались в контору главного управляющего главы Совета.

— А вот и можно, — надменно ответила она. — Как могли бы мы работать на пользу островов Хранителей, если бы не знали, что происходит в руководстве? Как смогу я в будущем стать ответственным членом Совета, если не буду понимать, как управляются наши острова? Как ты сумеешь стать великим главой Гильдии, если не будешь видеть, какие силы движут политикой? — Она зажгла волшебный огонек. — Иди сюда, посмотрим на бумаги на столе. Я хочу знать, что предпринимается в отношении Девы Замка и той проклятой полукровки. Сразу скажи мне, если найдешь что-то насчет готовности кораблей и черного порошка для пушек...

В самом худшем случае то, что делали мы с Джесендой, можно было счесть изменой. Хотя большинство сведений, кото-

рые нам удавалось добыть, секретными не были и мы никому их не передавали, все-таки наше шпионство было незаконным. Загадка заключалась в том, что меня это совершенно не волновало. Риск действовал на меня как наркотик, и получаемое от него удовольствие еще и усиливалось тем, что мы с Джесендой занимались любовью в тех самых комнатах, куда не имели права входить. Если это было безумием, то я упивался им; хоть инициатором всегда бывала Джесенда, именно я опьянялся нашими проделками. Той ночью мы любили друг друга на столе главного управляющего, озаренном светом наших волшебных огней.

Когда на следующее утро я с волной отлива возвращался на Тенкор, я был счастлив, как никогда.

По пути мне встретились еще два корабля Совета хранителей, двигавшиеся в сторону Ступицы. Я уже и счет потерял судам, которые вооружали пушками у причалов. Это должно было бы вызвать у меня беспокойство — уж очень быстро рос военный потенциал островов Хранителей, — но я чувствовал только гордость. Пушки принадлежали моей стране, были ее силой и могуществом.

Впрочем, плавание требовало всего моего внимания, и скоро я перестал размышлять.

Джесенда, конечно, чрезвычайно интересовалась всем, чем я занимался с Райдером и Гилфитером. Она хотела знать в точности, что они пытаются узнать и как они это делают. Удовлетворять ее любопытство мне было трудно, потому что я и сам оставался в неведении.

В первый же день, когда я явился в Синод, где должен был встретиться с Райдером, мне навстречу из дверей вылетел Гилфитер с медицинской сумкой в руке.

— Ох, извини, паренек, — бросил он через плечо, — ребеночек вот-вот появится. — С этими загадочными словами он убежал; только развевалось вокруг него его странное одеяние.

— Заходи, — позвал меня Райдер. — Он отправился принимать ребенка у женщины, обладающей Взглядом.

— Ох... — Я смотрел вслед Гилфитеру, мчавшемуся вниз по лестнице. — Он что, всегда ходит обмотанным куском ткани?

Райдер рассмеялся.

— Да, похоже, он предпочитает такую одежду. Этот кусок ткани называется тагард. Ладно, садись, и я расскажу тебе, что мы хотим сделать.

Я сел и огляделся. На столах и полках теснились бутылочки и горшочки всех форм и размеров, жаровни, щипцы, ножи, весы с гирьками, воронки, ножницы, увеличительные стекла в медных трубках и всякие вещи, назначение которых определить я не мог. Одно приспособление выглядело как маслобойка, приводимая в действие ножной педалью. Содержимое бутылочек было самым разнообразным — в них хранились и жидкости, и порошки, и кристаллы, а также засоленные образцы чего-то непонятного.

— Это сепаратор, — объяснил Райдер, заметив, что я разглядываю маслобойку. — Если нажимать на педаль, чаша внутри начинает быстро вращаться. — Однако что должен разделять сепаратор, Райдер не сказал.

Думаю, что именно тогда я и начал догадываться, насколько важно затеянное ими дело. Та сумма, в которую обошлось все это оборудование, неопровержимо свидетельствовала, что Райдер и Гилфитер пользуются полной поддержкой менодианской патриархии и ее сокровищницы. Я снова перевел глаза на Райдера.

— Мы хотим, чтобы ты использовал силв-магию, а мы в это время попытаемся ее уловить. — Мой взгляд, должно быть, оказался очень скептическим, потому что Райдер добавил: — Я понимаю, что такое звучит... странно.

— Да уж... Уловить силв-магию?

— Мы иначе смотрим на магию, чем ты. Ты способен по желанию вызвать ее и знаешь, что с ее помощью можешь сделать, но обладающие Взглядом видят магию. И чувствуют. Гилфитер... ну, он тоже ее чувствует. Поэтому мы знаем, что магия может иметь разную выраженность. Она представляет собой измеримую реальность.

— Значит, вы хотите измерить магию?

— Да. И еще мы хотим... собрать ее.

Я сразу же насторожился:

— Чтобы самим тоже ею пользоваться?

Отвращение, отразившееся на его лице, было таким неожиданным и безграничным, что я понял: моя догадка очень далека от истины.

— Нет. Мы хотим понять ее природу. Узнать, что она собой представляет.

— Зачем, если вы не собираетесь ее использовать?

Райдер слегка улыбнулся:

— Ну, мы предпочли бы работать с дун-магией, но нам не удастся найти столь же покладистого, как силв Эларн Джейдон, злого колдуна, так что приходится обходиться тем, что есть. Мы думаем, что, если нам удастся понять дун-магию, мы сможем ее победить... или излечить. Думаю, ты согласишься, что это благородная цель.

Я с изумлением подумал: он же циник, он вовсе не считает себя благородным. Это было странно; я никогда не думал, что горячая вера может сочетаться с цинизмом. В глубине души я все еще был уверен, что Райдер не все мне говорит. Я почув-

ствовал укол беспокойства. Если их исследования дадут ему понимание силв-магии, не захочет ли он употребить свое знание против силвов? Я вспомнил вопрос, который он мне задавал: если бы я мог избавиться от дара силва, сделал бы я это?

Райдер, должно быть, заметил мои сомнения, потому что добавил:

— У нас есть общий друг, у Гилфитера и у меня. Она — силв, оскверненная дун-магией, превращенная в злую колдунью могущественным дун-магом. Мы хотим найти для нее лекарство.

Это все хорошо объясняло... только я почему-то не поверил ни одному слову. Тогда-то я и решил, что со временем обязательно докопаюсь до истины.

— Так чего вы хотите от меня? — спросил я.

— Для начала создай несколько простых иллюзий. А пока ты будешь этим заниматься, мы соберем образцы — твоего пота, выдыхаемого тобой воздуха, твоей слюны, твоей мочи. Пока этим дело и ограничится. Может быть, Гилфитеру понадобится и несколько капель твоей крови.

Все это казалось вполне простым, и мы взялись за работу.

Нельзя не признать: эти двое трудились не покладая рук. Кроме всего прочего, за Райдером сохранялись обязанности члена Высшего совета патриархии, а Гилфитер то и дело давал советы беременным женщинам и принимал у них роды. Сначала я думал, что этот его интерес не имел никакого отношения к магии, но скоро узнал, что дело обстоит иначе. Помогая появиться на свет младенцам матерей, обладающих Взглядом, Гилфитер собирал образцы послета для своих исследований. Я не очень хорошо представлял себе, что такое послед, пока он не принес его в свою лабораторию и все мне не объяснил. Гилфитер разглядывал что-то похожее на сырую печенку и

одновременно читал мне лекцию о питании плода. Как я обнаружил, имея дело с Гилфитером, достаточно было заинтересованного взгляда и нескольких не слишком глупых вопросов, чтобы подвинуть его на нескончаемые разговоры. По-видимому, он пытался выяснить, не передается ли дар Взгляда от матери к ребенку вместе с питательными веществами. Мне все это казалось очень таинственным.

Я, конечно, рассказывал Джесенде обо всем, что делал Гилфитер. Я сообщал ей все подробности, но она тоже не могла понять, чего Райдер с Гилфитером пытаются добиться. Мы с ней обсуждали мою новую работу, и Джесенда подбивала меня узнавать как можно больше и постараться войти в доверие к моим нанимателям. Я и так к этому стремился, вот только они не особенно шли мне навстречу.

У обоих были свои секреты, я в этом не сомневался. Райдер проводил очень много времени за молитвой — много даже для патриарха. Иногда он напоминал мне человека, лишившегося чего-то очень ценного и неспособного примириться с потерей. Иногда я замечал, как он смотрит в пространство с выражением горького раздумья на лице. В этом человеке странным образом смешивались очень разные качества. Райдер обладал суховатым остроумием, хотя это редко выражалось в чем-то, кроме лукавой улыбки. Судя по тому, что он делал для пострадавших дастелцев, он был способен на сострадание, но в других случаях оказывался нетерпимым, особенно когда сталкивался с глупостью подчиненных или других патриархов. И еще в нем сохранялась та тьма, которая вызывала во мне неловкость, как если бы я не мог дотянуться до того места, где чешется.

Разобраться в Гилфитере было еще труднее. На первый взгляд он казался наивным деревенщиной, впервые попавшим в город. Он удивленно восклицал, сталкиваясь с вещами на-

столько для меня обычными, что я их даже не замечал, — от продажи шоколада в лавках до ежедневной уборки мусора и наличия в домах канализации. В других же случаях он проявлял проницательность и сметливость, которые скорее ожидаешь встретить в портовой уличной девке. Он инстинктивно проникал в сущность человека. Я ожидал, что он окажется легкой добычей для мошенников, постоянно охотящихся на неосторожных чужестранцев, но такого никогда не случалось. Иногда у меня возникало чувство, будто он читает мои мысли, даже догадывается о моем намерении доносить обо всем, чем они занимаются. Он определенно старался не объяснять мне, как собирается использовать полученные знания.

Тем не менее, понимая, что в незнакомом месте Гилфитер должен чувствовать себя одиноким, я старался проявлять дружелюбие. Я брал его с собой на встречи с друзьями, однако в нашу компанию он не вписался. Его не интересовали ни выпивка, ни женщины, что, если не считать заплывов, больше всего занимало моих товарищей, так что, хоть он несколько раз и бывал со мной в портовых тавернах, удовольствия ему это явно не доставило. Странность заключалась в том, что Гилфитер заставил меня посмотреть на себя новым взглядом; в результате я начал сомневаться, действительно ли гулянки с Мартеном и остальными были такими увлекательными, как я раньше считал. Напиваться в стельку, лапать служанок в таверне... все это неожиданно стало казаться мне ребячеством, по крайней мере когда рядом оказывался Гилфитер. Конечно, на моих изменившихся взглядах могли отразиться и чувства, которые я питал к Джесенде...

Однажды, когда я с друзьями катался на волнах, я, выйдя на берег, обнаружил на пляже Гилфитера. Я подумал, что он дожидается меня, но он просто смотрел в морскую даль, и на лице его было отсутствующее выражение.

— Тебе нравится океан? — спросил я его, втыкая в песок свою доску, чтобы с нее стекла вода.

— Не особенно. Я вырос далеко от побережья. Нет, паренек, я просто люблю широкие открытые пространства, а море как раз такое. И еще я наслаждаюсь запахом южного ветра. Города для меня... слишком тесные. И слишком вонючие.

Я поднял полотенце и начал вытираться.

— Райдер говорил, что ты производишь с Крыши Мека-те. Он рассказывал, что это огромная травянистая равнина, где живет мало людей.

— Ага, так и есть. Только он, похоже, забыл сказать о том, что это лучшее место на всех Райских островах. — Гилфитер ухмыльнулся. — Он там не бывал, понимаешь ли.

— Если на Мекате так замечательно, почему ты покинул родные места?

Его улыбка погасла.

— Меня изгнали.

— За что?

— За убийство моей жены.

Я онемел. Если я в чем и был уверен, так как раз в том, что Келвин Гилфитер — мирный и мягкий человек. Он постоянно беспокоился о чувствах окружающих и совсем не выглядел супругом, способным поднять руку на свою половину. Наконец, собравшись с мыслями, я сказал:

— Такое заявление без объяснений, которые наверняка должны существовать, как мне кажется, — это твой способ продолжать наказывать себя за то, что на самом деле случилось?

Он слабо улыбнулся.

— Думаешь, самообвинение избавляет от вины? Может быть, ты и прав. Только хотел бы я, чтобы это помогало. Позволь опытному человеку дать тебе совет, Эларн. Постарайся избегать всего, что на всю жизнь обременит тебя чувством

вины. Можно научиться жить почти с чем угодно, но муки, которые причиняет тебе вина, откладывают отпечаток на весь твой жизненный путь.

Его искренность заставила меня поежиться.

— Райдера мучает то же самое? — спросил я.

Гилфитер покачал головой:

— Он сражается не с виной, а с осквернением дун-магией.

И в этой битве он в один прекрасный день может выйти победителем... особенно если нам удастся найти лекарство. — Заслонив глаза рукой, Гилфитер стал смотреть в океан. Это заставило его переменить тему: — Что там за корабль?

Я проследил за его взглядом.

— Еще одно судно Совета хранителей. — Солнце светило мне в глаза, и я прищурился. — Похоже на купеческий корабль.

— Что-то их корабли, похоже, теперь совсем не покидают гавань, — заметил Гилфитер. — Райдер говорит, что хранители вооружают все свои суда пушками, а для этого приходится укреплять палубы и обучать матросов, конечно.

Я, сам не зная почему, ощутил озноб.

— Ходят такие слухи, — признал я. Говорить на эту тему мне было неприятно: она заставляла меня думать о смерти.

— Интересно, — тихо проговорил Гилфитер, — кого Датрик считает своим врагом?

Прошло две недели со времени моего возвращения на Тенкор, когда случилось нечто, позволившее мне немного больше узнать о Гилфитере. Я как раз отдал ему некоторое количество крови, и он рассматривал ее через прибор, который они с Райдером называли магнископом — он увеличивал очень маленькие предметы, — когда Гилфитер неожиданно резко выпрямился. Выражение его лица было странным.

— В чем дело? — спросил Райдер, поднимая глаза от бумаг, которые читал: это были манускрипты и свитки, позаимствованные им из библиотеки Синода.

— Где-то поблизости дядюшка Гэрровин, — ответил Гилфитер. В голосе его прозвучала странная смесь облегчения, смущения и боли.

— Это хорошо, — откликнулся Райдер. — Я рад, что он решил приехать. Почему бы тебе не пойти его встречать, Кел? Возьми с собой Эларна, а то он что-то заскучал.

Я пошел следом за Гилфитером, радуясь возможности на какое-то время покинуть душное помещение. Я предположил, что Гилфитер договорился о встрече со своим дядей у ворот Синода, но он, не останавливаясь, двинулся дальше.

— Где же он, этот твой дядюшка? — спросил я.

— В порту, — непривычно резко ответил Гилфитер.

— Он и в самом деле тебе дядя?

— Ага, за мои грехи. Гэрровин Гилфитер — врач с Небесной равнины, который не выносит крови. Вот погоди, увидишь его, паренек, тогда будешь знать, что есть люди и пострашее меня.

Он напрямиком направился в порт и встал на краю одного из причалов, глядя в море.

— Где же он? — спросил я, оглядываясь. Группа купцов собралась в тени навеса торговца свечами, лениво переговариваясь между собой. Ко входу в залив Ступицы, еще далеко за стоячей волной, приближался корабль; от Тенкора его отделяло несколько миль. Я предположил, что купцы ждут начала прилива, который позволит кораблю войти в гавань.

Гилфитер продолжал смотреть вдаль.

— На борту вон того корабля, — ответил он. — Сколько времени ему потребуется, чтобы добраться до причала?

— Они не станут преодолевать стоячую волну, дождутся прилива. — Я посмотрел на расписание приливов, вывешенное на стене конторы начальника порта. — Теперь уже недолго ждать. Потом пройдет еще какое-то время, пока корабль причалит... всего побольше часа. Но откуда ты знаешь, что твой дядя на борту? Или что это тот самый корабль? Я отсюда даже и флага еще не могу разглядеть.

— Мне не нужно видеть флаг. Пойдем пока поищем местечко, где можно купить горячий шоколад — все равно ждать еще долго. Уж очень мне нравится этот напиток. У нас на Невской равнине его нет.

Мы вернулись по той же улице, по которой пришли, и свернули к ряду харчевен за верфями. Проходя мимо конторы начальника порта, я спросил кого-то из служителей, как называется приближающийся корабль.

— «Покоритель морей», — ответил он. — Пакетбот с Мекате.

Я бегом догнал Гилфитера.

— Так откуда ты все-таки знаешь? — настойчиво спросил я. — Как ты узнал, что это пакетбот с Мекате? И почему ты уверен, что твой дядя на борту?

— Есть секреты, которые мне не принадлежат, паренек. Я написал дяде письмо с приглашением приехать на Тенкор, потому что никто лучше него не разбирается в травах и всяких снадобьях. Вот мы и подумали, что он может нам помочь.

Мне хотелось продолжать спорить, доказывать, что он не мог знать ни о прибытии корабля, который еще только входил в залив, ни о том, что его дядя на борту этого корабля, но Гилфитер поднял руку, положив конец моим вопросам:

— Не надо, паренек, не спрашивай, а то мне придется сказать какую-нибудь глупость — вроде того, что дядюшка пахнет, как промокший под дождем селвер.

Я почувствовал себя уязвленным. Гилфитер мне не доверял, и это меня задело — может быть, как раз потому, что в глубине души я понимал справедливость такого отношения. Я не заслуживал доверия. Все, что он мне рассказал бы, я передал бы Джесенде. Я это осознавал, но не видел в своем поведении вероломства. К тому времени я хорошо научился находить себе оправдания: мои действия были направлены к благу островов Хранителей, к благу силвов. Да и вообще, Райдер и Гилфитер не были откровенны со мной, так почему я должен быть честным с ними?

Не забывай, мне было всего двадцать, и хоть во многих отношениях я и был сметлив, но мудрости мне не хватало.

Келвин Гилфитер оказался прав. По сравнению со своим дядюшкой он казался нормальным.

Лохматые волосы и борода Гэрровина были еще более растрепанными, тагард на нем походил на одеяло, в которое закутался потерпевший кораблекрушение моряк, а говорил он с таким акцентом, что я с трудом его понимал; кроме того, многое из сказанного им звучало поистине невероятно. Когда Келвин представил меня ему, он оглядел меня с ног до головы и протянул:

— Хм-м... Любовь к риску — опасное пристрастие, паренек. — Я почувствовал укол страха, и Гэрровин снова пристально взглянул на меня. — Я коснулся больного места, верно?

Я покраснел до корней волос, и причиной был стыд, а не смущение. Откуда он узнал? Как мог он узнать?

Впрочем, внимание Гэрровина было сосредоточено на его племяннике, а не на мне.

— Твое семейство в добром здравии, — сказал он ему, — по крайней мере насколько на такое можно рассчитывать. У Джейма и Тесс уже ребеночек на подходе, так что твоя мама

смотрит теперь вперед, а не назад. Папаша твой... ну, вроде как примирился, знаешь ли. А уж бабуля, пожалуй, справляется лучше всех. Замечательная женщина моя матушка. Она посылает тебе свою любовь и велит сказать вот что: «Те, кто говорит, что ты должен ступать след в след за теми, кто прошел раньше, не свою обувь носят». Тут, ясное дело, нужно хорошо поразмыслить, чтобы понять.

Келвин рассмеялся.

— Ах, — сказал он, — при виде тебя душа радуется, дядюшка.

— Так-то оно так, только теперь твоя очередь. Что случилось с теми двумя девоньками? И как ты оказался здесь, когда я велел тебе отправляться на Брет?

Келвин оглянулся на меня и ответил:

— Это долгая история, дядюшка. Скажу тебе пока одно: Флейм беременна, она носит ребенка Мортреда. Мы думаем, что младенец ее оскверняет. Тор Райдер — тот патриарх, о котором я тебе писал, — и я ищем лекарство от этого.

— Ах... — Гэрровин запустил пальцы в свои торчащие во все стороны волосы, — нелегкую задачу вы перед собой поставили.

— Ну да, я знаю. Нам нужна твоя помощь, дядюшка. По счастью, у меня есть хорошая новость: две менодианки, родившиеся силвами, разрешили мне принять у них роды. Обе они не одобряют силв-магии.

Они принялись обсуждать тонкости строения человеческого тела и передачу болезней, через минуту или две совершенно забыв о моем присутствии. Я поднимался следом за ними на холм, гадая о том, кто такая Флейм.

Устроившись в отведенной ему в Синоде комнате, Гэрровин Гилфитер присоединился к нам в лаборатории и немед-

ленно принялся все переворачивать вверх ногами. Он задавал пронизательные вопросы насчет того, что Райдер и Келвин делали, и по большей части не оставлял от этого камня на камне. Он не смущаясь называл патриарха «пареньком» и ворчал о том, что пора тому забыть про дун-магию у себя в животе и вспомнить о мозгах в голове, которыми соблаговолил наградить его Бог. Он отчитывал племянника за то, что тот, предполагая, будто голубизна силв-магии, которую видят обладающие Взглядом, является какого-то рода испарением, счел и силу силв-мага тоже чем-то вроде тумана. Разве не мог дар силва быть просто компонентом крови, выделяющимся в воздух, когда обладатель дара им пользуется? Дядя и племянник перебрасывались аргументами, большинство из которых были мне непонятны.

Впрочем, я начал понемногу улавливать некоторые факты, касавшиеся прошлого. Выяснилось, например, что Райдер когда-то был осквернен дун-магией; это все еще отражалось на нем, но жизни, похоже, не угрожало. Келвину Гилфитеру кто-то сказал, что дар силва переходит к ребенку из плаценты; поэтому он теперь и считал, что матери заражают магией младенцев при рождении или еще раньше. Райдеру с Гилфитером было также известно, что дун-магия передается от отца к ребенку, а мать, до этого не являвшаяся злой колдуньей, оскверняется дун-магией если не отца, то младенца. Вот поэтому они и хотели узнать, что же именно передается от матери ребенку и от ребенка матери. Они хотели выделить магию в чистом виде...

Природу Взгляда им было труднее объяснить, поскольку никто не мог его увидеть или учуять. Все, что было известно, — это что существует тенденция передачи такого дара по наследству. Гилфитер, похоже, считал, что силв-магия представляет собой умеренную форму заболевания, а дун-магия — тяжелую, в то время как Взгляд был проявлением иммунитета.

— Смотри на это вот как, — сказал мне Гилфитер в ответ на мой непонимающий взгляд. — Дети болеют корью или свинкой всего один раз, а после этого делаются к ним невосприимчивы. У них появляется иммунитет. Обладание Взглядом представляет собой иммунитет против магии. Все просто. Может быть, если нам удастся выделить то, что порождает Взгляд, мы сможем уничтожать дун-магию или по крайней мере защищать людей от осквернения.

«Или уничтожить силв-магию», — подумал я. Неужели менодиане так сильно ее ненавидят, что готовы извести начисто? Чувства Райдера были именно таковы, в этом я не сомневался.

Я поделился своими опасениями с Джесендой, когда через день или два мы с ней нежились в роскоши ее широкой кровати под балдахином, и новости встревожили Джесенду не меньше моего.

— Отец никогда не доверял менодианам, — пробормотала она, — и был, похоже, прав. Эларн, они хотят сделать нас бессильными — всех нас, и дун-магов, и силовов. Если такое случится, в Ступице будут править эти лицемерные прохвосты из патриархии! Их нужно остановить! — Она приподнялась, опираясь на локоть. — И остановить их должен ты! Ты должен помешать их попыткам. Позаботься о том, чтобы они никогда не нашли того, что ищут. Дело полностью ложится на твои плечи... — Я почувствовал, что сердце у меня проваливается куда-то вниз. — Уж не собираешься ли ты передумать? — спросила Джесенда, проводя кончиком пальца по моим губам, подбородку и груди.

— Нет, конечно, нет.

Палец двинулся ниже, и всякие сомнения покинули меня.

Через некоторое время Джесенда сказала:

— Ты некоторое время должен будешь обходиться без меня.

— Почему? — спросил я в панике. Обходиться без нее? Я не был уверен, что такое в моих силах.

— Я уезжаю на несколько недель из Ступицы. Отец отправляет в плавание три корабля, вооруженные пушками и имеющие достаточно черного порошка, — «Гордость хранителей», «Свободу хранителей» и «Правосудие хранителей». Я отправляюсь с ними. Мне поручено командование.

Я остолбенел.

— Командование?

Джесенда кивнула:

— Я тебе уже говорила раньше: отец должен послать кого-то, кому доверяет, а ни в ком, кроме меня, он не может быть уверен.

— Но... но ты даже не член Совета! Не может же он поставить тебя во главе экспедиции!

— Ну, кораблями я не командую, конечно. Однако я выполняю приказания главы Совета. И когда я буду говорить, куда плыть и что делать, мне будут подчиняться, потому что такова воля Совета. Так что в определенном смысле я во главе экспедиции.

— Куда вы направляетесь?

— На Брет. Отец получил тревожные сообщения от своего шпиона при дворе властителя. Ходят слухи, что силвов сзывают в Бретбастион, а мы давно уже знаем, что властитель, хоть никогда и не делал такой глупости, как преследовать силвов, не желает видеть их ни при своем дворе, ни в столице. Поверишь ли, нам даже пришлось отправить на Брет послом не-силва! Так что там происходит что-то странное. И еще этот непонятный брак Девы Замка с властителем... ведь раньше мы слышали, что ее видели на Ксолкасе в обществе дун-мага Гетелреда. Отец думает, что Гетелред и Мортред — один и

тот же человек. Отец также надеется, что мне удастся уговорить властителя продавать нам селитру. Еще он хочет, чтобы я проверила, не превратилась ли Дева Замка в злую колдунью. Такое, конечно, маловероятно, но есть одна странность: вековые после того как она появилась на Брете, все обладающие Взглядом там или погибли, или исчезли.

Такое количество новостей трудно было переварить разом, так что я ухватился за первое же обстоятельство, которое показалось мне подозрительным.

— Как ее зовут? — спросил я.

— Кого — Деву Замка? Лиссал.

— А ее никогда не называли Флейм?

— По крайней мере я ни о чем таком не знаю. Не может же она быть той, о ком говорили Райдер и дядя и племянник Гилфитеры? «Она носит ребенка Мортреда»... Она — это Дева Замка?

— Нет, нет, конечно. Глупая мысль. Дева Замка не могла бы оказаться силовом, верно?

— Дело в том, что так оно и есть! Эларн, отец узнал об этом, когда был на косе Гортан. Я спрошу его, не знакомо ли ему имя Флейм.

У меня перехватило горло.

— Джесенда, будь осторожна. Ты ведь возьмешь с собой обладающих Взглядом?

— Да, конечно, но только одного. Этого человека зовут Сатрик Матергон. Я с ним не знакома. Проклятие, как жаль, что нам служит так мало обладающих Взглядом! Они предпочитают становиться менодианскими патриархами или наниматься к торговцам. Как бы то ни было, Эларн, не мог же властитель жениться на злой колдунье! Обладающие Взглядом были еще живы, когда Дева Замка появилась на Брете, они предупредили бы властителя.

«Не предупредили бы, если она до этого долго не пользовалась магией», — подумал я. Только такая мысль показалась мне абсурдной, и делиться ею с Джесендой я не стал.

— Да, пожалуй, ты права. Джесенда, я буду очень по тебе скучать, — добавил я совершенно искренне. Меня так потрясло известие о том, что она будет отсутствовать недели, а то и месяцы, что я совершенно упустил из виду другие вещи, о которых мне следовало бы подумать.

Мне показалось насмешкой судьбы то доверие, которое Датрик оказывал Джесенде. Мне и в голову не пришло, что следовало бы посмотреть на ситуацию с другой стороны и усомниться в разумности собственного доверия к ней...

Глава 18

РАССКАЗЧИК — ЭЛАРН

Последний раз я видел Джесенду на следующий день на палубе «Гордости хранителей». Я воспользовался волной отлива, чтобы покинуть Ступицу, и с тем же отливом вышла в море флотилия из трех кораблей. Некоторое время — от гавани до мыса Брентон — мы плыли рядом. Я сидел на своем полозе, направляя его веслом; волна несла меня легко, как ветерок — пушинку. Корабли, напротив, двигались неуклюже, но все же смогли идти заливом — им помогали наполненные ветром паруса. Джесенда и сопровождающие ее женщины на службе Совета хранителей в дорожной одежде стояли на палубе. Я подумал о том, что такой Джесенда нравится мне больше всего: она была хороша, конечно, в муслине или батисте, но она не являлась застенчивой изнеженной девицей, которая только такую одежду и носит. Я предпочитал, чтобы ее внешность соответствовала ее характеру, как сейчас, когда на ней были штаны, туника, сапоги и треуголка. Джесенда помахала мне рукой и послала воздушный поцелуй.

Огибая мыс, «Гордость хранителей» зацепила песчаную отмель, и волна ушла вперед, унося с собой меня. Через несколько минут отстали не успевшие развернуться и два других корабля.

* * *

Вечером того же дня, войдя в рабочую комнату в Синоде, я увидел ликующего Келвина: первая из его пациенток-силлов разродилась, и ему удалось собрать кровь из плаценты. Райдер, сложив руки на груди, молча слушал, как Келвин и Гэрровин спорят о том, что делать дальше.

— Мы теперь знаем, что силв-магия содержится в крови пуповины и плаценты, — говорил Гэрровин, — это чувствуется по запаху...

— И что это нам дает? Мы же знаем, что нельзя перелить кровь от одного человека другому, — напомнил ему Келвин. — В прошлом много раз пытались такое сделать. Помнишь эксперименты Хауэла с Рана... и ту женщину с Мона? Как же ее звали... Да, верно: Верамон. Она пыталась спасти людей, потерявших много крови... и они, как правило, умирали.

— Значит, нам нужно попытаться извлечь только силв-составляющую. Мы же уже научились отделять красную часть крови: мы это делаем, когда пропускаем через сепаратор кровь селвера, чтобы получить ихор. Давай применим тот же метод и посмотрим, где содержится силв-магия — в красной части или в ихоре.

— Нужно будет исключить возможность заражения...

— Этого будет нелегко добиться...

Понимая, что разговор сейчас станет мне совершенно непонятным, я сказал:

— Три корабля хранителей вышли сегодня в море. — Я не повредил бы Джесенде, сообщив об этом: другие пловцы в любом случае скоро сообщили бы о такой новости. Мне просто хотелось увидеть, какова будет реакция Райдера и обоих Гилфитеров.

Райдер бросил на меня острый взгляд:

— Которые корабли?

— «Гордость», «Свобода» и «Правосудие».

— Держу пари: все три вооружены этими проклятыми пушками. Ты знаешь, куда они направляются?

— Я слышал, как упоминали Брет.

— Чтобы принудить властителя уступить им побольше селитры, — с уверенностью сказал Райдер.

— И не только, — сказал я. У меня не было причин держать свои знания в секрете, так что я добавил: — Хранители опасаются, что Дева Замка на Ксолкасе была подвергнута осквернению. Да, и еще Датрик охотится на предательницу, одну из его помощниц, которая, как предполагается, отправилась на Брет.

Келвин и Райдер в один голос воскликнули:

— Блейз!

Не я один изумился тому, как эти двое переглянулись. Глаза Гэрровина сузились.

— Так вот откуда ветер дует, — пробормотал он.

Сомневаюсь, чтобы Райдер и Келвин его услышали. Оба они выглядели очень огорченными.

— Как, ради бескрайнего синего неба, мог Датрик об этом узнать? — прошептал Келвин.

— Этот подонок всюду имеет шпионов, — ответил Райдер. — Блейз отправилась на корабле, принадлежащем Ксолкасу, так что многие матросы и чиновники в порту знали, куда идет корабль. — Он посмотрел на меня: — Ты ведь о Блейз говоришь?

Я кивнул.

— Датрик отправился с флотилией? — спросил Райдер.

— Нет, — ответил я. — Он не осмеливается покинуть Ступицу из-за политической ситуации. Он послал вместо себя свою дочь.

Райдер был поражен моими словами:

— Дочь? Но разве она не ребенок еще?

Я вскинулся, потом изобразил притворное равнодушие:

— Она одного возраста со мной.

Гэрровин хрипло рассмеялся.

— Блейз сжует ее на ужин, если девонька попытается ее захватить.

— Джесенда умна, — сказал я, — к тому же она силв, и с ней есть человек, обладающий Взглядом. И еще у нее три корабля, вооруженных пушками, и множество гвардейцев-силвов, выпускников академии. Я сказал бы, что она никому не уступит, разве не так?

Все несколько минут молчали.

— Не стал бы биться об заклад, — сказал наконец Келвин, — нет, не стал бы.

— Им придется иметь дело со злой колдуньей, — добавил Райдер, — которая могла сделаться очень могущественной.

— Ты имеешь в виду эту женщину — Флейм? Или Деву Замка? — спросил я.

Последовало новое молчание.

— Боже, меня от вас просто воротит! — взорвался я. — Вы хотите, чтобы я вам помогал, вы используете мой талант силва для бог весть каких целей — а потом держите меня в потемках, как морского окуня в ловушке!

— Мы тебе не доверяем, — решительно ответил Келвин.

— Что ж, спасибо и на этом! Я тоже вам не доверяю. Вы хотите разделаться не только с дун-, но и с силв-магией, верно? И для этого используете меня. Вы не слишком-то честны!

— Так ведь и ты тоже, паренек, — спокойно ответил Гэрровин. — Ты собираешь все, что узнаешь здесь, — и что? Продаешь Датрику?

Такая догадка была достаточно близка к истине, чтобы рассердить меня еще больше. Откуда Гэрривин мог знать, что я выдаю их секреты? Я возмущенно воскликнул:

— Никому я ничего не продаю! И хочу напомнить вам, что Тенкор и Ступица — части одной страны. Я хранитель. Совет правит хранителями, и мной в том числе. Глава Совета — избранный нами правитель. Советники имеют право узнавать все факты, которые могут им помочь, а Джесенда отправилась на Брет, не зная многого, что ей следовало бы знать, так что предатель — не я! Предатели — те, кто принимает защиту островов Хранителей, а потом служит другим хозяевам. — Я с гневом смотрел на троих стоящих передо мной мужчин.

Райдер оттолкнулся от стены и сделал несколько шагов в мою сторону. Он неожиданно стал казаться огромным, и темнота у него внутри сделалась очень заметной.

— Они отправились, чтобы купить адское снадобье для своих адских пушек, — сказал он. — Пушек, ядра которых разрывают на куски невинных людей на улицах, а других оставляют истекать кровью и умирать. И не говори мне, что я должен поддерживать этот ужас только потому, что я живу в стране, которая его совершает! Я видел, что делают пушки, Эларн Джейдон. На моих руках умирали жертвы, и хранителям следовало бы стыдиться флага, который развевался на мачтах кораблей, устроивших бойню. Если и есть различие между вредом, который приносят пушки и дун-магия, то он не в степени, а в способе причинения.

Он сделал глубокий вдох и заставил себя успокоиться.

— Да, ты прав, — продолжал он, — я положил бы конец силв-магии, будь это в моих силах. Никто не должен обладать такой властью над другими людьми — властью мошенничать, лгать, скрывать правду. Известно ли тебе, что выборы на островах Хранителей — просто издевательство и жульничество, Эларн? Известно ли тебе, что купцы-хранители благодаря своим иллюзиям захватили контроль над торговлей во многих островных государствах? Они держат в нищете целые общины и

еще говорят, что менодианам следует помогать их жертвам своей благотворительностью! Они создают проблему, а потом требуют, чтобы патриархия отдала все до гроша, чтобы исправить дело. Известно ли тебе, что хранители навязывают всем международные законы, соблюдать которые не обязаны только силвы-хранители? Торговые законы, законы мореплавания, финансовые законы, гражданство, магия... Я не говорю о том, что в корзине с уловом может оказаться одна тухлая рыбина, — я говорю о заговоре силвов-хранителей ради того, чтобы править миром в своих интересах.

— Ты преувеличиваешь, — с уверенностью в собственной правоте ответил я. — К тому же пушки остановят войны и сражения: ведь если мы будем много сильнее, чем кто угодно другой, кто посмеет на нас напасть? Пушки принесут мир, а не смерть.

— На нас нападали дун-маги, хоть мы и были сильнее. Так будет и с пушками. Производить такое оружие научатся другие... или найдут способы как-то иначе использовать черный порошок. Мы дорого заплатим за глупость Совета хранителей.

Я слушал его невнимательно. Мне было необходимо поговорить с Джесендой. Все, что для этого требовалось, — это выйти в море навстречу кораблям хранителей, когда они будут проходить мимо Тенкора. Только сначала мне нужно было выведать побольше.

— Если вы хотите, чтобы я помогал вам, — сказал я, — вы должны быть со мной честны. Будь я проклят, если иначе стану что-нибудь для вас делать.

— Паренек в чем-то прав, — сказал Гэрровин.

Райдер, успокоившись, пожал плечами.

— Не думаю, что теперь он сможет причинить особый вред. В конце концов, флотилия хранителей уже вышла в море. Гил-

фитер, расскажи ему все, что считаешь нужным открыть. У меня встреча с верховным патриархом. — С этими словами он повернулся на каблуке и вышел.

Гэрровин и Келвин посмотрели друг на друга.

— Ты считаешь, что он обращался ко мне? — спросил Келвин.

— Это тебя он обычно называет Гилфитером, племянник. — Гэрровин посмотрел на меня; от его острого взгляда, казалось, ничто не могло укрыться. Я постарался смотреть ему в глаза, не дрогнув, но не мог избавиться от мерзкого ощущения, будто нет ничего, чего он обо мне не знал бы. — Сомневаюсь, что в моем присутствии паренек чувствует себя свободно, Кел. Отправляйтесь-ка вы оба куда-нибудь, пока я буду возиться с этим новым образцом. Я собираюсь отделить ихор...

— Пойдем, Эларн, — сказал Келвин. — Пойдем в мою комнату. Там нам никто не помешает.

Через несколько минут, оглядывая комнату Келвина, я задумался о том, что за жизнь он ведет. Он не наложил никакого отпечатка на помещение, в котором жил. Я не видел ни украшений, ни каких-нибудь личных вещей, кроме расчески и ножниц на умывальнике. Я предположил, что одежду он хранит под кроватью, да и ее едва ли много: я никогда не видел его ни в чем, кроме белой рубашки, штанов и тагарда. Никакого оружия, за исключением дирка, который он иногда засовывал за пояс, у Келвина не было. Единственное другое личное имущество, которое я видел в его руках, был мех для воды.

— Ты путешествуешь налегке, — заметил я. — Если не считать твоего медицинского сундука, конечно.

— Ага. Так принято у жителей Небесной равнины. Мы полагаем, что не имеем права грабить землю, на которой живем. Мы берем то, что нам нужно, и не больше, а мои потребности

невелики. Даже и медицинский сундук принадлежит Гэрровину, а не мне. Не хочешь ли чашку чая? Я могу позвать слугу.

— Нет, спасибо. Разве ты не любишь... — я обвел рукой комнату, — ну, не знаю... красоту, может быть? Картина на стене, резная чаша на столе — что-нибудь для души? — Говоря это, я удивлялся сам себе. Мартен поднял бы меня на смех даже за одну мысль о чем-то подобном.

Келвин улыбнулся.

— Как раз наоборот. Я очень нуждаюсь в красоте. Мне необходимы умиротворение и обновление, которые она дарит. А когда у меня возникает такая потребность, я иду к морю и смотрю на волны или пробираюсь в сад верховного патриарха, когда он занят своими молитвами, нюхаю цветы и слушаю птиц.

Он говорил совершенно серьезно. Я почувствовал себя неловко, словно он отчитал меня за мое сумасбродство.

— Так все-таки, — спросил я, — Дева Замка Лиссал — это ваша приятельница Флейм?

— Ага. Флейм Виндрайдер — такое имя она себе выбрала.

Я так и думал, но тем не менее то, что он подтвердил мои подозрения, меня поразило.

— А теперь она — злая колдунья. Наследница трона Цирказе использует дун-магию.

— Да.

— И она сочеталась браком с властителем Брета.

— Так мы слышали.

— А еще она носит под сердцем младенца, который считается наследником престола Брета, но на самом деле зачат дун-магом?

— Так мы предполагаем.

— Но ни ты, ни Райдер не сочли нужным сообщить подобные новости Совету хранителей. Вы не думаете, что им было бы важно это знать?

Гилфитер пожал плечами:

— Не сомневаюсь, что Райдер все рассказал верховному патриарху. Сообщил ли Краннах что-нибудь Совету хранителей, я никогда не интересовался.

— Ну так он не сообщил.

— Ах...

— И это все, что ты можешь сказать? — горячо воскликнул я. С каждой минутой я злился все больше. — Вы что, не понимаете всей... всей серьезности случившегося? Владелец Брета женился на злой колдунье, которая сама со временем взойдет на трон Цирказе. И она без сомнения окружает себя оскверненными силами...

— Мы не имеем доказательств, — перебил он меня, — что она способна на то же, что и Мортред, и может осквернять силлов. Источник ее собственного осквернения — еще не родившийся младенец; одно это может многое менять.

— Хорошо, мы не знаем, может ли она осквернять других, — признал я. — Но ты ведь не можешь быть уверенным и в том, что она на такое не способна.

— Угу, тут ты прав.

— Вред, который она может причинить, невозможно измерить! Сколько человек могут умереть из-за того, что она стала злой колдуньей? А вы просто сидите тут на Тенкоре и никому ничего не говорите. На что вы рассчитываете и чего ждете? Что она явится к вам и попросит ее исцелить? Вы дожидаетесь, что она подчинит себе целую армию, каждого молодого человека на Брете — все они встанут под ее знамена, потому что будут не в силах противиться ее чарам? — Гнев вместе со страхом за Джесенду заставлял меня чувствовать себя глубоко несчастным.

С возмущительным спокойствием Гилфитер ответил:

— Ну, кое-что мы сделали. Сначала мы пытались помешать ей попасть на Брет. И мы убили Мортреда. Правда, нам не удалось спасти Флейм... Лиссал, но следом за ней отправились два человека — оба обладающие Взглядом.

— Ты имеешь в виду эту Блейз Полукровку?

— Ага. Блейз и парнишку по имени Дек.

— Всего двое! Чтобы остановить злую колдунью...

— Нет, паренек. Не «всего» двое — двое обладающих Взглядом. Эларн, не имеет значения, сколько силвов ты пошлешь против дун-мага — они все равно могут проиграть. Шанс на победу есть только у обладающих Взглядом, а лучше Блейз не найти.

— Она изменила своему государству.

— Какому государству? У нее нет гражданства — благодаря Датрику и ему подобным. — Я впервые услышал гнев в голосе Гилфитера, и такая перемена меня поразила. Я считал его просто безвредным ученым со странными идеями. Теперь я в этом усомнился. В конце концов, он был сильным человеком и носил дирк. Гилфитер продолжал, не обращая внимания на то, что я невольно попятился: — Датрик так и не ходатайствовал о предоставлении ей гражданства, хотя она верно служила ему и Совету хранителей больше пятнадцати лет. Да, под конец она напала на него, потому что он хотел продать Деву Замка мужчине, вызывающему у той отвращение, ради того чтобы острова Хранителей получили военное преимущество. Ты знаешь, что Датрик похитил Деву Замка и держал на своем корабле против ее воли? Блейз ее спасла. Так что не говори мне о предательстве, Эларн!

Я вытаращил на него глаза, гадая: то ли он намеренно лжет, то ли неверно информирован. Я не мог поверить в то, что сказанное им — правда. Датрик едва ли мог похитить наследницу престола... сама идея была смехотворна!

— И ты полагаешь, что эта Блейз может теперь ее спасти и привезти к вам для излечения — излечения, пути к которому вы даже еще не нашли!

Моя насмешка была очевидной, и к моему изумлению Гилфитер покраснел, как вареный краб.

— Да, — ответил он, — именно так.

— У тебя, похоже, морская лихорадка и ты бредишь. — Я испытывал неприязнь по отношению к нему и Райдеру. Они держали все в секрете, и в результате Джесенда и корабли выступили против властителя, которого подчинила себе злая колдунья. Опасность была ужасной, и последствия непредсказуемы. А Джесенда не знала... ей мало что было известно. — О чем еще вы случайно забыли сообщить Совету хранителей? Как насчет лекарства от магии?

— Мы все хотим остановить дун-магов, Эларн. И мы хотим найти способ исцелить оскверненных силвов. Ты знаешь, как Совет хранителей обошелся с собственными людьми на косе Гортан — с теми, кто за несколько недель до того подвергся осквернению? Их перебили — всех до одного. Мы хотим найти лекарство, чтобы такое больше не случилось. А еще лучше — найти способ сделать так, чтобы никто не мог быть заражен, как не могут быть заражены обладающие Взглядом.

— Ты думаешь, что такое возможно?

— Ну, должен признать, что вначале я сомневался. Но теперь... Благодаря знаниям и идеям Гэрровина, а также сведениям в свитках, которые он привез с собой, а главное, возможности исследовать плаценту женщин-силвов и обладающих Взглядом... Да, может быть, нам удастся.

— И вы думаете, что Совет хранителей позволит вам продолжать ваши эксперименты, если узнает, что по крайней мере Райдер, а может быть, и вся менодианская патриархия хочет положить конец силв-магии?

Гилфитер задумался, но ненадолго.

— Да. Они ведь хотят избавиться от дун-магии, как хотим того и мы. И мы не сможем «исцелить» силвов без их решения. Так что же им волноваться?

— Ну да, это верно, — согласился я. — Даже если вы узнаете, как избавить мир от силв-магии, это ничего не изменит ни для кого, кроме немногих силвов-менодиан, которые будут рады отказаться от своего дара. Ну что ж, я по-прежнему буду помогать вам. Только я думаю, что кто-то должен сообщить властителю, на ком он женился и чьего ребенка носит его супруга.

Келвин пожал плечами:

— О, я не сомневаюсь, что Блейз рано или поздно так и сделает, если уже не сделала. Вообще вполне возможно, что она уже сейчас направляется сюда вместе с Флейм. Понимаешь, у нас была веская причина ничего не сообщать Датрику. Его ненависть к Блейз иррациональна. Знай он, где она находится, он уже давно послал бы кого-нибудь ее схватить. — Гилфитер смущенно запустил руку в волосы и снова покраснел. — Мы с Райдером оба... э-э... равнодушны к Блейз. Нам ни к чему, чтобы с ней разделалась толпа жаждущих места силвов. Кроме того, мы считаем, что у нее больше шансов, чем у кого-нибудь, доставить сюда Флейм. — Он сделал шаг в мою сторону и снова стал выглядеть устрашающе, хотя тон его оставался дружелюбным. — Я хорошо понимаю, что три корабля хранителей все еще движутся по заливу, и все, что тебе нужно, — это выйти в море, чтобы сообщить дочери Датрика все, что тебе удалось узнать. Не думаю, что такое было бы в наших интересах.

Я постарался ответить ему спокойным тоном:

— Ну да, я понимаю. Ладно, как хочешь... Я ничего ей не скажу.

— И никому не скажешь.

— Никому не скажу. — Конечно, я лгал. Я твердо решил все сообщить Джесенде.

Гилфитер вздохнул, отошел от меня и дернул за шнур колокольчика.

— Никак не привыкну к подобным вещам, — сказал он. — Я имею в виду слуг. Там, где я родился, их нет. Каждый делает свою часть работы. Мы все там, на Небесной равнине, па-сем селверов.

Гилфитер переменял тему, и я не мог понять по какой причине. Я забеспокоился: что-то было не так.

Слуга постучал в дверь, и Гилфитер распахнул ее.

— Не мог бы ты передать сир-патриарху Райдеру, что он нужен здесь? И попроси его привести с собой двоих стражников, обладающих Взглядом. — Слуга поклонился и ушел.

Гилфитер закрыл дверь.

— Я не понимаю... — начал я.

Он поднял руку:

— Пожалуйста, не говори больше ничего. Ненавижу, когда люди лгут.

— Но...

Он снова перебил меня:

— Мы с Райдером оба влюблены в Блейз Полукровку. Мы оба также очень привязаны к Флейм. Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы защитить их... в том числе не дадим тебе встретиться с Джесендой и сообщить ей сведения, которые могут представлять опасность для Блейз и Флейм. Мне очень жаль, Эларн, но я собираюсь попросить Райдера запереть тебя на пару дней, пока корабли не выйдут в открытое море.

— Ты не можешь так поступить!

— Нет, конечно, но это может сделать твой отец. А он послушается верховного патриарха Краннаха, так же как Краннах послушается Райдера.

— Как ты смеешь! — Я рванулся к двери, рассчитывая проскользнуть мимо Гилфитера, но тут же оказался прижат к стене. Рука Гилфитера была достаточно сильной, чтобы я не мог двинуться с места. В другой его руке был зажат дирк, и его острие касалось моей шеи под подбородком. Я был поражен. Я-то считал Гилфитера неуклюжим и мягким, а он явно хорошо умел обращаться с кинжалом.

Гилфитер спокойно сказал:

— Пройдет некоторое время, прежде чем явится Райдер. Мы можем вести себя разумно: ты сядешь и будешь сидеть смирно, а я тем временем развлеку тебя рассказом о наших приключениях с Мортредом. Однако мы можем оставаться и в неудобном положении, как сейчас. Что ты выбираешь?

Я неловко пожал плечами:

— Хорошо, хорошо, я буду ждать спокойно.

Гилфитер внимательно посмотрел на меня и вздохнул, но все-таки выпустил меня.

Я воспользовался своим даром силва, чтобы исчезнуть. Я громко топнул, словно отходя влево, рассчитывая заставить Гилфитера отойти от двери, но он не двинулся с места и продолжал смотреть в мою сторону; впрочем, может быть, это было следствием того, что пол скрипнул.

Я попятился — не издавая ни звука — к другой стене... и его взгляд каким-то невероятным образом тоже переместился. Я присел, и Гилфитер опустил глаза. У меня на голове зашевелились волосы. То ли моя иллюзия была не такой совершенной, как я считал, то ли он меня видел...

Я сосредоточился и создал другую иллюзию, чтобы отвлечь его. Его постель вспыхнула. Гилфитер никак не прореагировал, только кончик носа у него дернулся. Он ни на мгновение не отводил от меня глаз.

«Боже, — подумал я, — он, должно быть, обладает Взглядом». И все же я был уверен, что это не так. Растерявшись, я потерял управление своей невидимостью.

— У меня есть несправедливое преимущество, — сказал Гилфитер, — которое позволяет мне ставить тебя в дурацкое положение, а я вовсе не хочу этого делать. Мы на Небесной равнине говорим так: «Если тебя ужалила оса, не трогай осинного гнезда». Другими словами, не стоит ухудшать свое положение. — Потом он неожиданно отошел от двери и взмахнул рукой, словно предлагая мне попробовать сбежать.

Я не двинулся с места. Так мы простояли несколько минут: я гадал, не удастся ли мне удрать, спрятаться где-нибудь, а потом добраться до «Гордости хранителей». В конце концов я нарушил молчание:

— Так же как ты хочешь защитить Блейз, я хочу защитить Джесенду. Ей всего двадцать лет, ее послали с опасным заданием, а она не знает и четверти того, что следовало бы. Отпусти меня, Келвин. Ее нужно предупредить.

— Мне очень жаль, — начал он, — но я не могу...

Как только он заговорил, я скрыл себя иллюзией и, насколько мог бесшумно, скользнул к двери. И Гилфитер тут же меня поймал. Я растянулся у его ног и перестал прятаться за иллюзией.

Гилфитер присел рядом со мной.

— Пожалуйста, Эларн, не надо.

— Что ты такое? — спросил я, садясь. — Ты откуда-то знаешь, когда я лгу, верно? И ты, и твой дядюшка...

Он кивнул.

Я потер ушибленный локоть.

— Я люблю ее, Келвин. А то, что делаете вы, может означать для нее смерть.

— У нее три корабля с пушками и силвами, — с горечью ответил Гилфитер. — Я только уравниваю шансы в битве. Немного...

— Мы же должны быть союзниками! Тут не должно быть поля битвы...

— Именно. Но корабли хранителей, если получат возможность, как раз битву и начнут.

Он помог мне подняться, и как раз в этот момент появился Райдер, сопровождаемый двумя стражниками.

— Надеюсь, у тебя была веская причина, Гилфитер... — начал он.

Тот поправил свой тагард.

— Мы тут поговорили с Эларном. К сожалению, он все еще считает необходимым догнать корабли хранителей, пока они в заливе. Он хочет поговорить с дочерью Датрика.

— Ах... — Райдер повернулся ко мне: — Это правда?

— Разве имеет какое-то значение, как я тебе отвечу? — спросил я.

— Нет. Мне очень жаль, Эларн, — ответил Райдер. — Мы знаем, что Гилфитер никогда не ошибается, когда дело доходит до лжи. Вспомни: я тебя предупреждал.

Действительно, предупреждал... Я просто тогда не обратил внимания.

Глава 19

РАССКАЗЧИК — РУАРТ

Просыпаясь по утрам, я часто чувствовал себя беспомощным, парализованным. Как посторонний наблюдатель, я составлял в уме отчет о событиях, но никогда не предпринимал ничего, чтобы их изменить. Конечно, такой была моя судьба, и пока я оставался птицей. Птица размером с человеческую ладонь мало что может сделать для того, чтобы изменить мир.

Теперь же я был человеком. Не очень крупным и, безусловно, не слишком красивым, но все же человеком. И я знал то, чего никто больше на Брете, за исключением Лиссал, знать не мог. Я обладал силой: силой знания. У меня было тело, которое могло действовать, был язык, чтобы сообщить кому-то то, что я знал. И все же я не предпринимал ничего. Я наблюдал за тем, как привезенных из разных мест силлов заточали в темницу и оскверняли. Я наблюдал за тем, как стражники, придворные и сам властитель под действием чар Лиссал делаются покорными или безразличными. Я держал рот на замке и ни с кем не делился своим мнением.

Лишь морской дьявол знает, чего я ждал. Быть убитым по приказу Лиссал? Это, в конце концов, был только вопрос времени. Или, может быть, рождения ребенка и шанса на то, что Флейм освободится от его проклятия? Едва ли я мог дожить до того момента, когда младенец появится на свет. Прибытия

Блейз? Даже и такого оправдания у меня больше не было: к этому времени стало очевидным, что она не явится. Что-то ей помешало. Может быть, она не выжила во время событий на Ксолкасе. Может быть, ей не пришло в голову, что Флейм способна отправиться на Брет. Может быть, Блейз искала ее в другом месте...

Когда чувство вины из-за бездействия становилось слишком трудно выносить, я думал о том, не открыться ли силву-целителю Керену. Он представлялся с виду вдумчивым, жалостливым человеком. Я видел, как он и его жена спускаются на нижние уровни города, чтобы помогать страждущим. Керен был со всеми доброжелателен и скоро стал очень популярен среди придворных: они только и говорили о том, как хорошо снова иметь силва-целителя, — один получил облегчение от подагры, другого перестал мучить артрит, третий не страдал больше от диспепсии. Керен и его жена пользовались симпатией и охранников: лекари часто бывали среди них, сообщив, что бесплатная помощь солдатам оказывается по приказанию Лиссал. Я в этом сомневался, но подобные разговоры представляли Керена и Тризис в интересном свете; еще больше заинтересовало меня то, что целители занимались и узниками. Керен, как оказалось, ловко ввернул в разговоре, что болезни, начавшиеся в камерах, могут передаваться и придворным, так что ему позволили заняться мучительным кашлем некоторых заключенных.

Когда я об этом услышал, я отправился в тюрьму сам и поговорил с охранником.

— Госпожа Лиссал желает знать, — сказал я ему, — позволил ли ты целителю осмотреть арестованных силвов.

Тюремщик посмотрел на меня как на слабоумного.

— Конечно, нет, — иначе мне не сносить бы головы. Госпожа строго приказала без ее разрешения не пускать к ним никого.

Я вернулся на верхний уровень, погруженный в задумчивость. Что-то меня тревожило, но я никак не мог понять, что именно. Я напоминал себе моряка, чувствующего приближение шторма, — всматривающегося в тучи, крепящего паруса, понимая при этом, что судьба корабля зависит не от него.

Возможно, не случись того происшествия в кабинете секुरии — я подозревал, что там побывали силвы — Керен и его дочь, — я обратился бы к Керену. Теперь же я стал думать, что Керен — шпион, возможно, агент Совета хранителей. Если он выполнял приказания, поступающие из Ступицы, он мог быть потенциальным убийцей Лиссал. Если хранители знали, что она осквернена дун-магией, если считали, что это случилось слишком давно, чтобы ее можно было исцелить, она была обречена. Имелась и еще одна причина, по которой я не хотел разговаривать с Кереном: уж очень внимательно он присматривался ко мне при каждом удобном случае. Я не мог разглядеть выражение его лица сквозь туман силв-магии, но чувствовал его подозрительность и недоверие.

Так что, как и раньше, я оставался бездеятельным. Дни шли за днями, и мое самоуважение подтачивал стыд, пятнавший мою душу.

Однажды поздно вечером в моей комнате зазвонил колокольчик. Поскольку он был соединен только со спальней Лиссал, я понял, кто меня зовет. Я накинул халат и явился на зов. Лиссал в темноте стояла посередине спальни. Темноту рассеивало только пронизывающее воздух свечение дун-магии. Дверь, ведущая в покои властителя, была закрыта.

— Руарт? — прошептала Лиссал.

То, что она назвала мое настоящее имя, насторожило меня. Во мне вспыхнула глупая надежда.

— Флейм?

— Да. — Багровый туман клубился так густо, что я едва мог ее разглядеть.

Я подошел ближе, и она вцепилась в мою правую руку. Вложив что-то в ладонь, она дернула мою руку вверх. Только в этот момент я понял, что держу кинжал, направленный ей в сердце. Пальцы Флейм стиснули мою руку.

— Это все, что мне остается, — прошептала она. — Пока у меня есть еще остатки сил... Он не позволяет мне самой вонзить кинжал. Помогите мне, Руарт, помогите в последний раз. Покончи со мной, умоляю тебя.

Мне хотелось увидеть ее лицо, но багровый туман не позволял мне что-нибудь разглядеть. Я по-птичьи склонил голову к плечу. Мой шепот — слова, наконец-то произнесенные по-человечески, как я мечтал всю жизнь, — в этих обстоятельствах прозвучал трагически:

— Я люблю тебя.

— Я знаю. А я причинила тебе столько горя.

Я покачал головой:

— Нет. Ты не виновата.

— А теперь, Руарт... Это будет величайшим доказательством твоей любви.

В этот момент — клянусь! — моя рука под ее пальцами напряглась.

Но тут дверь в покои властителя распахнулась, и он вошел в спальню Лиссал. Комната осветилась. Властитель посмотрел на нас, но на самом деле он нас словно не видел. Он не замечал ни того, как близко мы друг к другу стоим, ни слез у меня на глазах, ни кинжала, который мы сжимали.

— Лиссал, — сказал он дрожащим голосом, — объясни мне еще раз, почему тот милый маленький мальчик больше не приходит ко мне в спальню.

Момент был упущен. Лиссал оттолкнула меня.

— Вернись в постель, Роласс, — сказала она, беря властителя за руку.

Он озадаченно посмотрел на нее, но послушался.

Закрывая за собой дверь, Лиссал бросила на меня последний взгляд.

— Слишком поздно, Головастик, — сказала она. — Больше такого шанса у тебя не будет.

К этому моменту она была на девятом месяце беременности.

Времени у меня не осталось.

Я вернулся в постель, но заснуть, конечно, не мог. Я лежал — и как постоянно до этого — думал о том, что же мне делать. Повернуться к Флейм спиной и уйти? Убить ее, как я только что готов был сделать?

Через полчаса, так ничего и не решив, я поднялся и оделся, потом взял ключи Лиссал от кабинета секурии, фонарь и вышел в коридор. Ни один из часовых не обратил на меня внимания: они привыкли к моим ночным блужданиям.

В относительной безопасности кабинета секурии я зажег фонарь и взял все письма и распоряжения, датированные прошлым днем. Это было просто догадкой, но догадкой, основывающейся на моем знании Флейм. Что-то вернуло ее к реальности. Что-то слишком ужасное для нее...

Я методично перебирал бумаги и наконец нашел то, что искал. Это был подписанный властителем приказ любыми средствами изгнать из города гхемфов, а всю их собственность конфисковать в пользу властителя.

Я смотрел на бумагу, не в силах сначала понять, зачем Лиссал это понадобилось. Сердце мое болезненно колотилось. Она хотела, чтобы гхемфов истребили? После всего что они для нас сделали? Я не имел представления о том, выполнен ли уже этот приказ, но потом сообразил, что солдаты предпочи-

тают заниматься подобными делами на рассвете, когда их жертвы еще сонные. Тогда, может быть, они ничего еще не сделали... Я поспешно просмотрел другие свитки, чтобы убедиться — больше ничего важного в них нет, и просто оставил их валяться на столе. Мне было уже безразлично, оставляю ли я следы.

Я выбежал из комнаты, лихорадочно обдумывая, как быстрее всего добраться до ряда Подонков. Дворцовая стража круглосуточно держала наготове траг на случай срочной необходимости, но я не был уверен, что мое дело сойдет за таковую. Конюший госпожи Лиссал, требующий, чтобы его доставили в порт за два часа до рассвета...

Хвост и крылья, почему я больше не мог летать!

Сворачивая за угол, я наткнулся на кого-то, идущего навстречу; столкновение было таким сильным, что я задохнулся. Фонарь вылетел у меня из рук и со звоном ударился о стену, посыпалось стекло, а человек, с которым я столкнулся, выронил поднос с медными лампами. Грохот в предрассветной тишине был ужасный, и к нам кинулось несколько стражников.

В нише стены горела масляная лампа, и в ее свете я увидел, что наткнулся на слугу, заменявшего светильники, масло в которых выгорело, на полные. Поскольку в дворцовом коридоре не было окон, освещать его приходилось круглые сутки.

— Прошу прощения, — сказал я.

На шум открылась одна из дверей, и из нее выглянул Керен.

— Сир-силв, я шел к тебе, — солгал я и повернулся к стражникам: — Госпожа Лиссал чувствует себя не очень хорошо. Она послала меня за травами из лавки на нижнем уровне. Не могли бы вы приготовить траг?

Стражники отправились выполнять мою просьбу. Я предоставил слуге убирать месиво на полу, а сам подошел к Кере-

ну. Даже сквозь туман силв-магии он выглядел взъерошенным со сна, но сразу все понял:

— Теперь ты принимаешь медицинские решения, Головастик? — Из-за иллюзии его лицо все время менялось, но все же я разглядел вопросительно изогнутую бровь. Иногда, решил я, лучше не обладать Взглядом, по крайней мере я предпочел бы просто видеть иллюзию, а не эти постоянно меняющиеся в се-ребристом тумане черты.

— На самом деле с госпожой Лиссал все в порядке, — сказал я тихо, чтобы меня не услышал слуга. — Мне просто нужно быстро добраться до порта. Прости, что разбудил тебя.

Я попытался быстро пройти мимо, но Керен протянул руку и резко остановил меня — он был сильным человеком.

— Подожди. Я пойду с тобой.

— У меня нет времени, — запротестовал я.

— Не уходи, — бросил Керен.

Он вернулся в свою комнату, чтобы одеться, а я кинулся к выходу из дворца. Керен догнал меня, все еще заправляя рубашку в штаны и завязывая волосы, как раз когда я добрался до трага.

Один из стражников закрыл за нами дверь.

— Готовы? — спросил он.

У Керена был с собой плащ, но он просто небрежно перебросил его через плечо, придерживая пальцами за капюшон, и не надел на себя, даже когда мы начали спускаться. Мне это показалось странным: было довольно холодно. Резкий ветер долетал с Адского Ушата и свистел вокруг скалы. Веревки трага гудели, блоки тарахтели. Я судорожно сглотнул, когда ветер начал раскачивать траг.

Во время спуска Керен прислонился к перилам и с любопытством стал смотреть на меня.

— Итак, — сказал он, — не желаешь ли ты рассказать мне, что все-таки случилось?

— Это мое личное дело, — бросил я, не особенно прислушиваясь к его словам. Мне было ужасно неприятно находиться так высоко, не имея крыльев. — Я не просил тебя идти со мной.

— Приношу тебе свои извинения. — Тон его был сухим, как песчаная дюна под солнцем.

Мы настороженно смотрели друг на друга; в нас обоих боролись недоверие и странное ощущение родства. Чем ниже мы спускались, тем слабее становился обычно окружающий его аромат силва.

— Думаю, нам с тобой пора честно поговорить друг с другом, — наконец сказал Керен.

Я отвернулся, чтобы он не мог видеть моего лица.

— Я не могу. Мне очень жаль... Некоторые секреты мне не принадлежат.

— Я подверг бы опасности и Тризис, и Девенис, раскрыв свои секреты, — ответил он, — однако я готов пойти на такой риск.

Я пожал плечами:

— Что ж, давай.

— Без гарантии, что ты ответишь мне тем же?

— Какую гарантию ты можешь получить насчет того, что я даже и наш разговор сохраню в тайне?

— Верно... — Он надул губы, размышляя.

— Ох, да это же просто смешно! — воскликнул я. — Ни один из нас не доверяет другому. Куда этот разговор может нас привести?

Керен переменял тему:

— Куда это ты направляешься в такой спешке?

— В анклав гхемфов.

— Куда-куда?

Ах, опять мой несчастный выговор... Я произнес так отчетливо, как только мог:

— В анклав гхемфов.

— Почему?

— Потому что у меня есть основания полагать, что на них будет совершено нападение.

Он непонимающе посмотрел на меня:

— Выпадение?

Я вздохнул:

— Нападение... нападение солдат. На гхемфов. С целью избавиться от них Бретбастион.

Керен вытаращил на меня глаза, словно не мог поверить тому, что слышит.

— По приказу властителя? — наконец спросил он.

Я кивнул.

— Или его жены?

Я промолчал.

— Почему ты ее выгораживаешь? Ты же должен знать, что она собой представляет. Тебя-то она не заколдовала.

«О боги, — подумал я, — он знает, что она злая колдунья».

Я дрожал и был вынужден схватиться за поручень, чтобы скрыть свой страх. Должно быть, он хранитель. Иначе ничего не сходилось... И тут на меня обрушилась догадка. Той ночью в кабинете секурии было два человека, но горел единственный волшебный огонек. Один из них должен был уметь видеть свет, зажженный другим...

Траг добрался до платформы, где предстояло сделать пересадку, и это избавило меня от необходимости отвечать. К трагу подошел стражник, чтобы открыть калитку.

— Нам нужно спуститься до самого низа, — сказал я ему. Стражник кивнул и показал в другой конец платформы: там нас ждало новое переплетение веревок и шкивов.

Мы с Кереном молчали, пока не начался новый спуск и мы снова не остались одни.

— Ответь на мой вопрос, — сказал Керен.

— Что заставляет тебя думать, будто она занимается дун-магией? — ответил я вопросом на вопрос.

Он ничего не сказал.

Я пристально смотрел на Керена, пытаюсь разглядеть его лицо, скрытое серебристым туманом, в свете единственной масляной лампы.

— Я обладаю Взглядом, — наконец тупо выговорил я. — Тризис тоже? — Только обладающие Взглядом способны видеть огонек, зажженный силвом.

«Им, должно быть, известно, что я обладаю Взглядом».

Керен промолчал, и мы не разговаривали, пока не добрались до следующей промежуточной платформы. Я судорожно пытался сообразить, что же я упустил. Мы снова перешли в другой траг, поспорив немного со стражником о том, должны ли мы платить или нет.

— Ты прав, — наконец сказал я, когда мы снова начали спускаться, — нам нужно быть честными друг с другом. Только не сейчас и не здесь... а когда мы снова вернемся во дворец. Сейчас у меня одна задача — предупредить гхемфов, что им может грозить опасность. Я подозреваю, что если на них не напали прошлой ночью, это может случиться сегодня на рассвете.

— Расцвете? Ах, рассвете... Да, так обычно и действуют стражники. Нападение на рассвете деморализует. Как точно звучит приказ?

— Очистить от них город любыми средствами.

— Великая бездна! Но почему?

— Я могу только гадать. Возможно, все затеяно из-за денег — гхемфы используют золото, серебро и драгоценные кам-

ни для татуировок. А может быть, дело в том, что с помощью гхемфов поддерживается система гражданства, самосознание различных островных государств. Брет планирует подчинить себе все Средние острова, сделать их население единой нацией. Татуировка — напоминание о различиях, которые Брет намеревается уничтожить.

Керен снова промолчал, обдумывая мои слова.

— Нам с тобой многое нужно обсудить, Головастик. И ведь это наверняка не твое настоящее имя.

— Нет, — ответил я. — Меня зовут Руарт.

— Крах?

Я кивнул. Звучало ведь похоже...

Глава 20

РАССКАЗЧИК — РУАРТ

Выйдя из трага на нижнем уровне, я потрусил к устью реки. Я хотел добраться до гхемфов как можно скорее, но смысла в том, чтобы бежать, было мало: мы просто выдохлись бы, ведь до анклава оставалось около трех миль.

Керен оставил свой плащ у стражника, рядом с трагом, и только тогда я понял, зачем вообще он его взял с собой. Плащ скрывал меч и портупею. Как и Блейз, Керен предпочитал носить меч в ножнах за плечом. Он был хорошо тренирован и не испытывал при беге трудностей, а я порадовался тому, что недели ежедневных подъемов по лестницам позволили мне не отставать.

Все же к тому времени, когда мы добрались до места, небо на востоке посветлело — и стражники нас опередили. Обогнув угол, мы наткнулись на двоих солдат, которые должны были не пропускать никого дальше. Впереди виднелись пещерные жилища гхемфов. Мы услышали вопль и заметили серую фигуру, метнувшуюся от одного из домов и нырнувшую в реку. Стоявший рядом со мной Керен напрягся, и стражники это заметили; с подозрением глядя на меч целителя, они схватились за оружие.

Я поспешно выступил вперед.

— Я конюший госпожи Лиссал, — сказал я, — а этот человек — личный целитель властителя. Нам поручено наблюдать за... операцией и убедиться, что жертв не будет. — Слово «жертв» получилось у меня как «жернов», я попытался повторить и еще больше запутался.

— Жертв, — торопливо сказал Керен, заметив растерянные взгляды стражников. — Госпожа Лиссал желает, чтобы никто не пострадал.

Один из солдат захохотал.

— Ну, тогда вы опоздали. Нам приказали выставить гхемфов — и вовремя, если хотите знать мое мнение. Если они так глупы, что сопротивляются... — Он пожал плечами. — Тогда они получили то, чего заслуживали.

Керен бросил на меня многозначительный взгляд, проскользнул мимо стражника и побежал к пещерам. Стражник потянулся за луком, прислоненным к утесу.

— На твоём месте я не стал бы стрелять, — спокойно сказал я, удивляясь уверенности Керена в том, что я сумею остановить солдата. Этот целитель был игрок. — Госпоже Лиссал скоро рожать. Думаю, властителю не понравится, если его целитель погибнет прежде, чем примет роды.

Солдат заколебался, потом пожал плечами.

— Ты бы лучше позаботился о том, чтобы он не вмешивался, сир-конюший, — сказал он.

Я двинулся следом за Кереном. Он уже вошел в первую из пещер и опустился на колени рядом с лежащим на полу престарелым гхемфом. Тот был мертв.

— Ты всегда подставляешь спину солдатам с луками? — раздраженно спросил я.

Он равнодушно отмахнулся:

— Я знал, что ты его остановишь. К тому же он не успел бы прицелиться до того, как я скрылся в пещере. — Он

поднялся и покачал головой: — Этому парню уже не поможешь.

Во внутренних помещениях, лишенных окон, рылись солдаты в поисках спрятавшихся гхемфов и ценностей. Под кипой циновок они нашли еще одного беднягу и вытащили его на свет. Это была женщина — я так решил, увидев, что она молода. Один из стражников протянул:

— Ну и что тут у нас, а?

— Не прячет ли эта тварь чего-нибудь? — сказал другой. — Не преподать ли урок, чтобы им было чем нас вспомнить? — И он ткнул кончиком ножа в подбородок пленницы. — Мы приказали вам всем выйти и выстроиться перед домом. Мы не потерлим неподчинения серых вшей!

Керен мгновенно обнажил меч. Спокойный мягкий целитель исчез, но стражники этого не заметили. Эта ошибка им дорого обошлась.

Третий стражник спокойно произнес:

— Отрежь-ка твари уши.

— Боже... — начал первый, но закончить не сумел. Керен налетел на стражников, как ураган. Одного из них он опрокинул, ударив под колено и толкнув. Стражник рухнул на спину с изумлением на лице. Другого Керен ударил локтем под ребра, и тот согнулся, лоя ртом воздух. Последний из стражников, тот, который размахивал ножом, обнаружил, что в горло ему упирается острие меча. С перепуга он выронил собственное оружие. Гхемф поднялся на ноги.

— Беги, — распорядился Керен, и повторять совет ему не пришлось. Женщина мгновенно вылетела из дома и устремилась прямо к реке. Керен повернулся к трем солдатам.

— Властительница Брета не желает, чтобы гхемфам причинялись увечья, — солгал он. Керен отвел острие меча от горла стражника и провел им вдоль ряда пуговиц — до самых

завязок штанов, где меч и помедлил — весьма выразительно. Свободной рукой Керен указал на тело убитого гхемфа. — Похоже, вы уже ее прогневили. Поберегитесь и не усугубляйте своей вины.

Я ожидал, что стражники окажут сопротивление. В конце концов, они были солдатами. Однако они только переглянулись и ничего не предприняли.

— У нас был другой приказ, — пробормотал один из них. — Никто нам не говорил, что этих лягушек не следует убивать.

— Что ж, теперь вы знаете, — бросил Керен, повернулся к стражникам спиной и двинулся к следующему дому. — Мы вчера вылечили того парня от сифилиса, — объяснил он мне по дороге, и я скорее услышал, чем увидел его насмешку. — Удивительно, каким благодарным это делает человека.

В следующем доме мы обнаружили троих убитых гхемфов — разрубленных, как ошипанные цапли, подготовленные к варке. Потом мы нашли ребенка — судя по виду, затоптанного. Больше ни тел, ни живых гхемфов нам не встретилось. Похоже, они не стали ждать, пока солдаты сделают то, за чем явились, и попрыгали в реку. К тому времени, когда мы добрались до последнего дома, солдаты уже складывали в кучу нищенские пожитки. Кроме инструментов для татуировки и драгоценных камней, ничего представляющего ценность не нашлось.

— Четверо взрослых убиты, — сказал я Керену, — и один ребенок. Все ради горсти золота и камней. — Я думал о Флейм, о том, что ей предстоит терзаться этим всю жизнь, если нам удастся ее исцелить.

Керен ничего не ответил. Он отошел от жилищ и двинулся к берегу реки. Там он опустился на колени и окунул руки в воду, чтобы вымыть. Он сильно потерял правую руку, и мне по-

казалось, что я заметил блеск золота. Я подошел и встал позади него. По воде пробежала легкая волна, и из воды, раздвигнув бурые водоросли, вынырнула голова. Мне показалось, что серое лицо принадлежит первому из гхемфов, с которыми я разговаривал в свой предыдущий визит в анклав. Они с Кереном посмотрели друг на друга.

— Мне так жаль, — проговорил Керен. — Мы опоздали предупредить вас.

— Тела, — пробормотал гхемф. — Отдайте нам тела.

Керен кивнул и двинулся прочь от берега; я остался с гхемфом.

— В чем причина? — спросил тот.

— В дун-магии, — ответил я, садясь на корточки. — В дун-магии оскверненной обладательницы дара силва, пришедшей к власти.

— Этому следует положить конец, — сказал он.

— Так и будет, клянусь. — Слова застревали у меня в горле.

Гхемф кивнул.

— Здесь сегодня был нарушен договор, — сказал он, — между твоим народом и моим. Пришло время перемены, Рупарт Виндрайдер.

— И мы, и вы страдаем от дун-магии, — возразил я, сильно задетый тем, что меня сочли таким же негодяем, как насильников с Брета.

Керен вернулся, неся на руках первое тело. Командир стражников что-то кричал ему, но он не обращал внимания. Сняв с него одежду, Керен осторожно опустил мертвого гхемфа в воду. Его живой соплеменник подхватил тело и исчез.

— Эй, что это, во имя бездны, вы затеяли? — прорычал разъяренный командир, подбегая к берегу. — Вы препятствуете выполнению приказа секурии!

Керен выпрямился.

— Нет. Это вы препятствуете — препятствуете проявлению гуманности. То, что вы здесь сегодня совершили, идет против всех обычаев Райских островов. — Он прошел мимо стражника, направляясь за следующим телом.

— Сир-офицер, — сказал я, — лучше не вмешивайся, если дорожишь своим местом.

Тот заколебался. К этому моменту он уже понял, кто мы такие. Однако он помнил и то, какой приказ получил.

Я воспользовался его сомнениями:

— На твоём месте я постарался бы не привлекать внимание к себе и к тому обстоятельству, что здесь были жертвы.

Стражник с неприязнью посмотрел на меня, потом повернулся и ушел. Мы с Кереном по одному перенесли тела гхемфов к берегу и передали в руки их родичей. Последним был ребенок, и приплыла за ним, как я понял, его мать. Я никогда не забуду выражения ее лица, когда она приняла в свои объятия малыша...

— Подумать только, — сказал стоявший со мной рядом Керен, — что когда-то мне их лица казались лишенными выражения. — Он уселся на берегу и следил, как исчезает рябь на поверхности воды и водоросли скрывают все следы. Туман силв-магии, окутывавший его с момента прибытия в столицу, почти рассеялся. Я сел рядом, взял его за правую руку и повернул ладонью вверх.

На ладони сверкнуло золото: что-то вроде округлой буквы «М» с чертой под ней. Я провел пальцем по контуру. На глаза у меня навернулись слезы.

— Когда-то я знал женщину, — сказал я, — у которой на руке был такой же знак. Только она не была ни мужчиной, ни целительницей, ни силвом, ни жительницей Брета. — Я коснулся мочки уха Керена, где перед моими глазами то воз-

никала, то исчезала говорящая о гражданстве татуировка. Мои пальцы нащупали гладкую поверхность кожи. Я посмотрел в глаза Керену, стараясь разглядеть их сквозь туман сивмагии; тут туман словно немного рассеялся. — Ту женщину звали Блейз.

Аниара айси Терон

Запись в дневнике

16 первого месяца Одной Луны, 1794

Признаю: я никогда не предполагала, что Керен — это Блейз. Знаю — с моей стороны глупо так заблуждаться. Думаю, что, возможно, я оказалась жертвой келлского воспитания. Идея о том, что женщина может притвориться мужчиной, была совершенно мне чужда, — такое просто немыслимо. Почти так же немыслимо, как допустить, что мальчик может притвориться девочкой.

А с другой стороны, почему нет? Ведь все получилось, правда? Они сумели всех обмануть. Они сумели занять идеальную позицию — оказаться целителями рядом с Флейм в тот момент, когда начнутся роды.

Какая я все еще пуританка! Как связана по рукам и ногам правилами того мира, в котором родилась! Дамы должны вести себя благовоспитанно. Мы не носим мужскую одежду, мы не ведем себя как мужчины, мы не разговариваем как мужчины, мы не притворяемся мужчинами и уж тем более не позволяем себе питать те же амбиции.

Натан посмеялся надо мной, когда я намекнула на то, что была немного... ну, шокирована, что ли. «Вы наивны», — сказал он. «Такие вещи никогда не случаются в Послеморье», — сказала я. Он продолжал смеяться. Я

потребовала, чтобы он сообщил мне, что так его смешит. В конце концов он сказал мне, что да — и в Послеморье есть женщины, одевающиеся как мужчины, и мужчины, одевающиеся как женщины. Сначала он не хотел говорить о таких вещах, но я не отставала от него, а я способна быть очень настойчивой. В конце концов мои познания очень расширились. Я узнала, как многое было мне неизвестно, как многого я не понимала в отношении нации, к которой принадлежу... да и вообще в человеческой жизни.

В результате сейчас я испытываю не шок, а возмущение. Возмущение тем, что, будучи женщиной, принадлежащей к верхнему классу и к тому же незамужней, я считаюсь слишком утонченной, слишком чувствительной для того, чтобы знакомиться с реальной жизнью. Продолжая возмущаться, я, однако, не могу не заметить, что во всем этом есть что-то... абсурдное. Женщины, которым предстоит рожать и часто испытывать при этом мучения, считаются слишком слабыми, чтобы познавать реальность. Неужели такое никому никогда не казалось смешным? Уж не говоря о том, что нелепым?

«Если бы Шор услышал наш разговор, — заметил Натан, — он скорее всего вызвал бы меня на дуэль за то, что я так вас смутил... за то, что проявил возмутительное неуважение к даме из общества...»

«Чушь!» — сказала я и продолжаю говорить так в душе. Я добилась от Натана обещания, что если у меня возникнут вопросы относительно того, что я услышу или прочту, то я смогу получить у него объяснения. Я непременно воспользуюсь этим его обещанием. Ему не всегда, конечно, окажется легко быть откровенным со светской женщиной, но он по крайней мере долго жил на Райских ост-

ровах, где люди не так лицемерны, как в Келлсе. За что я благодарна судьбе...

Я проделала долгий путь и даже уже начинаю подумывать о том, чтобы начать носить штаны, как поступают, отправляясь в путешествие, женщины на островах. Это гораздо разумнее, чем мучиться с глупыми нижними юбками, которые так трудно гладить. Интересно, что сказал бы по этому поводу Шор...

Да, в последние дни я о многом задумываюсь.

На корабле всегда находится время для размышлений, и я много думаю о том, какой хочу сделать свою жизнь после того, как вернусь из путешествия. Единственное, в чем я уверена, — это что у меня нет никакого желания возвращаться к тому же образу жизни, какой я вела раньше. Мне нужна цель, нужна... не слава и не деньги, а оправдание своего существования. В конце жизни я хочу иметь возможность оглянуться и увидеть, что я что-то совершила.

Сегодня море беспокойно, и качка корабля заставляет мое перо прыгать по странице. Я скоро отправлюсь в постель, чтобы размышлять о том, почему женщина, обладающая образованием и средствами, оказывается исключена из любой деятельности, не считая вышивания, рисования акварелей, пения романсов, если у нее есть голос, и производства многочисленных отпрысков.

Глава 21

РАССКАЗЧИЦА — БЛЕЙЗ

Я смотрела на него, сначала остолбенев, а потом испытывала самые разные чувства.

— Крах, — сказала я, — это Руарт?

Я не могла поверить в такое. Он не был обладающим Взглядом... но Руарт-то был! Следовательно, этот человек не мог быть Руартом! Я таращила на него глаза. Вполне можно было допустить, что раньше он был птицей. Как большинство дастелцев, он был невысок и говорил со странным акцентом, искажавшим некоторые звуки. Однако ноги у него были мускулистыми, кожа загорелой, а волосы желтыми. Ни один дастелец, которых я когда-либо видела, не имел таких волос. Они же были южанами! Да и татуировка на ухе говорила о том, что он с Циркаэе.

Я с подозрением проговорила:

— Но ты же не обладаешь Взглядом. Если бы обладал, я бы знала. И почему ты не узнал меня? Вернее, нас? Что же касается метки у меня на руке... Нет, ты не Руарт.

— Я Руарт, тот самый Руарт, который прилетел к тебе в провал в тот самый день, когда Эйлса снабдила тебя золотым бугетом. Я просто... изменился. Магия меня ослепляет. Силва-магия меня душит, дун-магия — тем более. Я иначе вижу, иначе слышу, иначе обоняю. Я даже не узнаю твой голос. Для меня

весь мир изменился. Хуже всего со Взглядом... он стал чересчур чувствителен. Все, что я вижу, глядя на тебя, — это облако голубизны. Кто его создает? Откуда оно берется?

Я помолчала, пытаясь разобраться в свалившейся на меня информации. Наверняка только Руарт мог знать о провале...

Все еще не избавившись от подозрений, я ответила:

— Тризис. Она — опытная силв-целительница из Керета. Она обладает очень сильным даром. Она создала все иллюзии, потому что мы не хотели, чтобы Флейм нас узнала. Она даже изменила мой голос. Конечно, лечением занимается именно она. Но докажи мне, что ты Руарт.

— Я видел, как ты обыскала комнату Рэнсома Холсвуда в «Приюте Пьянчути» на косе Гортан. Я сидел на подоконнике, а ты прочла его имя на обложке молитвенника.

Что ж, такое определенно мог знать только Руарт. Рэнсом Холсвуд, наследник престола с Бетани, сбежал на косу Гортан, потому что хотел стать патриархом, а не правителем архипелага. Я узнала, кто он такой, только после того, как обыскала его комнату и нашла молитвенник.

Я вслух сказала себе:

— Надо же быть такой тупой, ты, полукровка с мозгами креветки! — Улыбнувшись, я обняла Руарта так крепко, что он даже поморщился. — Да провалится все в Бездну, Руарт, как же я рада тебя видеть! Мы думали, что ты погиб. — Я выпустила его и поспешно огляделась: не заметил ли кто, как целитель обнимает конюшего властительницы. К счастью, никто из стражников больше на нас внимания не обращал. Они были заняты тем, что уносили награбленное. Я снова повернулась к Руарту: — Проклятие, Руарт, ты должен до черта много мне объяснить. Как ей удалось добиться своего? — Говорила я, конечно, о Флейм и ответа не ожидала. Мне и так уже все было известно.

— В этом наша вина, — тихо ответил Руарт, — а не ее. Ты обещала ее убить. У тебя была такая возможность. У меня она была тоже. Мы позволили всему этому случиться, Блейз. Мы виноваты ничуть не меньше ее. Я ничего не предпринимал по тем же причинам, что и ты.

Я вздохнула. Он был прав... мы были виноваты. И я нарушила свое обещание, данное Флейм.

— Не так все легко, верно?

— Верно.

Несколько мгновений мы молча смотрели друг на друга, чувствуя так много общего друг с другом...

— Мы ждем. Ждем, когда родится ребенок. Тогда... — Я пожала плечами. — Мы думаем, что, когда младенец умрет, для Флейм появится надежда. Ох, Руарт, от надежды так трудно отказаться!

— Ты уверена, что это ребенок Мортреда? И именно младенец виновен в ее осквернении?

— Да.

— И ты убьешь новорожденного.

— О да! Это я сделаю без колебаний, — сказала я.

— Если ты хочешь, чтобы она осталась в живых — я говорю о Флейм, — не рассказывай ей о случившемся здесь. Никогда не рассказывай.

Я обдумала его слова, гадая, что он мог иметь в виду.

Руарт показал в сторону домов-пещер.

— Блейз, ей предстоит научиться жить с такой тяжестью на совести... если, конечно, она когда-нибудь исцелится. Не нужно добавлять к этому новый груз.

— Она может узнать обо всем от стражников, — предупредила его я. — Руарт, расскажи-ка ты мне о том, что произошло. Обо всем. Как вышло, что ты стал напоминать жителя Цирказе? У тебя даже настоящая татуировка! И ты не похож...

не похож на других дастелцев — бывших птиц, которых мне случалось видеть после... Я сначала так и подумала, что в тебе есть нечто странное. Раз или два я чувствовала, что ты должен обладать Взглядом, но когда я вглядывалась пристальнее, я видела нечто настолько странное, что отказалась от такой мысли. Я решила, что меня сбивает с толку обилие дун-магии. Вокруг ведь так много этого дерьма! Мне и в голову не пришло, что ты можешь быть Руартом. Я удивлялась и не могла понять, каким образом ты — единственный человек при дворе — избежал полного подчинения. Я относилась к тебе с подозрением.

— Ты еще смягчаешь выражения, — ответил он. — Как только я входил в комнату, ты немедленно ощетикивалась.

— Прости. — Тут улыбка сбежала с моего лица. — Как она... как у нее дела на самом деле?

— Блейз, ты знаешь столько же, сколько и я. Она оскверняет силлов — по крайней мере пытается. Не уверен, что ей удастся добиться особого успеха.

Я рассмеялась.

— О, успеха она добивалась, не сомневайся. Только у нее по пятам, так сказать, ходила Тризис и тут же исцеляла бедолаг. — Руарт разинул рот, едва осмеливаясь надеяться. — Мы прибыли в тот же день, что и первые силвы, — ты разве не помнишь? Тризис скрывала свое присутствие при помощи иллюзии и каждую ночь пробиралась в камеры, чтобы разрушить то, что Флейм делала днем. Осквернение дун-магией достаточно легко отвлечь, если оказать помощь немедленно. Конечно, Флейм снова заражала силлов, обнаружив, что дело идет не так, как она рассчитывала, но Тризис все время остается начеку. Пока Флейм не догадывается о том, что происходит. Она думает, что ее дун-магия не срабатывает так быстро, как ей хотелось бы.

Руарт вздохнул с таким видом, как будто с его плеч свалилась огромная тяжесть.

— Спасибо тебе, — прошептал он. — Перья и пух, Блейз... — Он был так потрясен, что не смог договорить.

— Благодарю Тризис, — хлопнула я его по спине. — Ты явно испытываешь такое же облегчение, как корабль, когда его днище очистят от морских уток!

Он криво улыбнулся:

— Что-то в этом роде.

— Мы еще и обещали выгнать их из темницы в конце концов. — Я встала. — Пора возвращаться.

— Иллюзия, созданная силв-магией вокруг тебя, почти рассеялась. Ты начинаешь больше походить на Блейз, тебя уже не окутывает голубой туман, — предупредил меня Руарт.

— Да, в этом кроется опасность — я не могу долго находиться вдали от Тризис, иначе мой голос начинает звучать подозрительно, а красивое лицо исчезает. Что касается Дека, — рассмеялась я, — необходимость скрываться за иллюзией сводит его с ума, как ты можешь догадаться.

— Дека?!

— Ну да, Дека — или Девенис. Разве ты не догадался?

Руарт вытаращил глаза.

— Проклятие! Как, ради морского дьявола, тебе удалось напаять на него платье?

— Преодолев уйму неприятностей! Он ненавидит платье, но я просто не могла рисковать — вдруг Флейм догадалась бы, что это мы. Я решила, что таков лучший способ маскировки. Я думала, что Флейм может ожидать моего появления в компании силва, который своими иллюзиями изменил бы мою внешность, но решила, что супружеская пара с дочерью покажется ей менее подозрительной.

Пока мы шли обратно к трагу, я рассказала ему всю историю — с момента убийства Мортреда и решения Тора и Келвина отправиться на Тенкор искать лекарство от магии.

Что касается Дека и меня, то, отплыв с Ксолкаса, мы направились не в Бретбастион, а в порт Ково на юго-западной оконечности Брета. Мне необходимо было найти силва, чтобы изменить нашу внешность с помощью иллюзий. Я знала по прошлым визитам, что в Бретбастионе силвов нет, потому что властитель их не любит, так что мне пришлось в голову поискать где-нибудь в другом месте обиженного силва, который согласился бы принять участие в обмане. Меня не беспокоили обладающие Взглядом, которых я могла встретить при дворе, — требовалось ввести в заблуждение только Флейм. Поэтому я высадилась в Ково, а корабль «Буревестник» отправился в Бретбастион без нас. Через некоторое время я нашла Тризис. Она не только обладала огромным даром силв-магии и была умелой целительницей, но и страстно ненавидела дун-магов, которые осквернили нескольких ее друзей-силвов. Мы направились в Бретбастион на одном из суденышек, курсирующих по реке Скау. «Буревестник» должен был выбрать кружной путь в столицу, так что он прибыл через два дня после нас.

Когда я закончила свой рассказ, Руарт спросил:

— Почему ты явилась именно сюда? Я имею в виду — откуда ты знала, куда направится Флейм после смерти Мортреда? Я просил гхемфов передать тебе...

— Я не виделась ни с одним гхемфом до сегодняшнего утра. Нет, это была догадка, к которой мы пришли, когда поняли, что Флейм беременна и носит ребенка Мортреда. А вот как ты узнал об этом?

— Лучше я расскажу тебе все с самого начала. История получилась не слишком приятная... и я вовсе не оказался героем.

Не думаю, что Руарт скрыл от меня что-то, кроме мелких деталей. Рассказ его был поразительным; описание пережитой им трагедии заставило меня испытать тошноту. Руарт считал себя слабым и трусливым, но, на мой взгляд, то, что он вынес, говорило о мужестве и необыкновенной глубине его любви к Флейм, а вовсе не о трусости.

Когда он кончил, я так ему и сказала.

— Знаешь, — добавила я, — однажды, когда мы с Флейм говорили о вас двоих... я про себя подумала... ну, если быть откровенной... что она любит тебя больше, чем я — Тора. Глубина ее чувства... — Я прочистила горло: разговоры о любви никогда мне легко не давались. — Не знаю, поможет ли это тебе, но ваши чувства друг к другу были так сильны, что дают вам силу преодолевать препятствия, которые большинство людей заставили бы сдаться. Теперешние трудности вы тоже преодолеете — будучи теми, кто вы есть, и по причине того, что было между вами раньше.

Руарт как-то странно пожал плечами — словно птица, взъерошившая перья, — но ничего не сказал. Думаю, он просто не мог вымолвить ни слова.

К тому времени, когда мы добрались до платформы трага, верхушки скал уже озарились солнечными лучами. Впрочем, нижние склоны и Ушат все еще были скрыты ночными тенями, и в сумраке поверхность воды казалась темной и маслянистой.

— Следопыт... — неожиданно сказал Руарт. — А где же Следопыт? — Я знала, что он питает к этому моему псу-полукровке двойственные чувства. Бывали случаи, когда даже я замечала, что Следопыт посматривает на птиц с интересом хищника, обдумывающего свой следующий обед.

— Он остался на «Буревестнике». Наверное, злится на меня за то, что я его не взяла с собой. Пару раз он ночью выл от тоски, но не могла же я заявиться во дворец вместе с этой

безмозглой дворнягой! — Траг со скрипом остановился у платформы, и мы переменили тему, поскольку с нами вместе поднимались и другие пассажиры.

Я не могла не радоваться тому, что наконец сумела установить контакт с Руартом. И все же день начался плохо — со смерти гхемфов, — и чем дальше, тем хуже шли дела.

Я стояла на балконе своей комнаты и смотрела на корабль, входящий в гавань. Дек, раздираемый противоречивыми чувствами — радостью оттого, что Руарт жив, и отчаянием в связи с тем, что дастелец видел его в женском платье, — только что привлек мое внимание к появившемуся судну. Мне не нужно было читать его название, чтобы понять: это корабль хранителей, один из входящих во флотилию Совета. Его корабли все строились по одной схеме: с наклонными мачтами и высокой кормой. Кроме того, силв-магия окутывала судно, как пар, вырывающийся из чайника. Я вздохнула. Вид корабля был еще одним подтверждением того факта, что мы опаздывали.

«Может быть, это и к лучшему, — подумала я. — Руарт уверен, что ему остается недолго жить, если в душе властительницы Лиссал возобладает над Флейм: властительница просто не может больше позволить остаткам своего сочувствия охранять его».

— Это корабль Совета хранителей, — сказала я Тризис, когда та подошла, чтобы поинтересоваться, что это мы с Декком разглядываем. — Боюсь, нам придется действовать немедленно. Приготовь снадобье, Тризис. Мы дадим его Флейм сегодня утром.

Целительница кивнула и ушла в спальню. Келвин снабдил нас всеми ингредиентами: оставалось только смешать их и приготовить отвар. По тому, как напряженно выпрямилась Тризис, я догадалась, с каким отвращением относится она к своей

задаче, но мы с ней уже давно все обсудили и приняли решение. Не было смысла начинать разговор заново...

За время нашего совместного путешествия я прониклась к Тризис симпатией, не говоря уже об уважении к ее медицинским познаниям. Иногда она могла быть резкой на язык и дать почувствовать свой железный характер, но по большей части оставалась мягкой и доброй и делала все, что могла, для облегчения участи страждущих. Особенно ценила я в ней непреклонную ненависть к дун-магии.

Дек прервал мои размышления недоуменным вопросом:

— Что случилось с водой?

Я перегнулась через перила, чтобы рассмотреть поверхность Ушата. Море приобрело темный зеленовато-коричневый цвет, странный и неестественный. Я вспомнила бурые водоросли там, где мы передавали погибших гхемфов их семьям.

— Водоросли, — сказала я, — принесенные приливом. Проклятие, что же теперь будет?

— А что?

— Я слышала о таком. Когда ветер дует в определенном направлении и это совпадает с высоким приливом, в Ушат наносят огромные массы водорослей. Гавань буквально забивается ими, и любому кораблю делается чертовски трудно войти в бухту или покинуть ее. Дек, ты бы послал сообщение капитану Сабестону. Пусть «Буревестник» встанет на якорь посередине Ушата, пока водоросли не лишили его возможности маневрировать. Может быть, нам придется смываться в чертовской спешке, и я совсем не хочу, чтобы корабль застрял у причала.

Я вернулась в комнату, чтобы написать записку капитану, и послала Дека, чтобы тот ее передал. Он порадовался возможности размяться: ему уже давно надоело сидеть взаперти

во дворце. Через несколько минут Тризис принесла мне приготовленное для Флейм снадобье.

— Позаботься о том, чтобы она выпила все полностью, — сказала целительница. — Не упаковать ли мне наши вещи?

Беря у нее из рук бутылочку, я только кивнула.

Я отправилась в апартаменты властительницы. Лиссал находилась в приемной, просматривая бумаги, которые принес ей управитель. Остатки ее завтрака все еще стояли на столе.

— Я принес тебе укрепляющее питье, сир-властительница, — жизнерадостно сказала я и с поклоном вручила ей бутылочку. Она выпила содержимое, поморщившись от жгучего вкуса, и знаком отослала меня. Я вышла из покоев Лиссал через главную дверь и постучалась в соседнюю комнату — спальню Руарта.

Когда я вошла, он стоял на балконе; я встала с ним рядом. В одной руке он держал подзорную трубу.

— Я всегда провожу здесь начало дня, — сказал он тихо. — До сих пор я все высматривал, не пришла ли за ночь с Ксолкаса шхуна капитана Скарри. Даже когда я решил, что она уже не появится, я все равно продолжал приходить сюда и наблюдать за гаванью. — Его губы скривились, как будто он так и не научился по-настоящему улыбаться. Руарт бросил взгляд на соседний балкон, но дверь приемной Флейм была закрыта. — Проклятие, Блейз, я чувствую себя таким ужасно одиноким...

Страдание, прозвучавшее в этих словах, заставило меня сглотнуть комок в горле, а я не привыкла к подобным чувствам. Блейз Полукровка не позволяла себе сентиментальности; по крайней мере от нее этого не ожидали...

— У тебя есть подзорная труба, — сказала я. — Не позволишь ли взглянуть?

Руарт протянул мне трубу, еще раз попытавшись улыбнуться.

— Я без труда раздобыл ее, — сказал он. — Просто заметил в присутствии группы придворных, что хотел бы иметь подзорную трубу, и они чуть с ног не сбились, чтобы убажить конюшего властительницы. Вымогательство при помощи страха имеет свое применение — я научился этой технике в теории при дворе Цирказе, а теперь применил на практике... новый для меня опыт.

Я осмотрела бухту. Корабль хранителей не делал попыток приблизиться к причалу; он уже бросил якорь посередине гавани. Я положила трубу на перила балкона и благодаря такой опоре сумела прочесть название: «Гордость хранителей». Это был корабль Датрика. У борта уже покачивалась шляпка чиновника порта. Я выпрямилась.

— Ну-ну, — протянула я. — Это становится интересным.

— Блейз, не нарушилось ли мое зрение еще больше? — спросил Руарт. — Вода кажется мне странной.

— Гавань заполнена огромными побегими бурых водорослей, но я говорила не об этом. Корабль — «Гордость хранителей».

— Датрик явился сюда? — Руарт сделал глубокий вдох, прежде чем добавил: — Я даже и представить себе не могу всех сложностей, которые теперь возникнут.

Я продолжала разглядывать корабль в подзорную трубу.

— Самого Датрика я не вижу, но узнаю одного из силов — его дочь Джесенду. Вот это-то и интересно: она не выпускница академии и даже никогда там не училась. Я всегда считала ее чисто декоративной светской пустышкой.

— Декоративной?

— Ну да. Знаешь, одной из тех женщин, главное дело которых — быть привлекательными и вызывать восхищение. Совершенно бесполезных.

В моем голосе прозвучало пренебрежение, и Руарт поднял бровь; к моему удивлению, опустить ее он забыл.

— Прошу прощения, — сказал он, заметив мой озадаченный взгляд. — Я только начинаю понимать, какая полезная вещь — брови, однако пользоваться ими еще не научился.

— Э-э... ничего. Впрочем, может быть, насчет Джесенды я и ошибаюсь. Бывали случаи, когда такое подозрение у меня уже возникало.

— Почему?

— Она казалась мне слишком сообразительной, чтобы удовлетвориться той жизнью, которую ведет. Иногда ее высказывания бывали весьма пронизательны. А больше всего меня всегда смущало количество силв-магии, которой она постоянно пользуется.

— Улучшая свою внешность?

— Вовсе нет. Ей в этом нет нужды. Она красива... обладает особой привлекательностью, как выдержанное вино. И все-таки от нее постоянно разит силв-магией, а я имею привычку с подозрением относиться к людям, от которых сильно пахнет... в особенности силв-магией. Это всегда означает, что они не такие, какими кажутся. — Я еще раз взглянула в подзорную трубу, потом сложила ее и вернула Руарту. — Я вижу еще два корабля хранителей. Один уже у входа в гавань, другой — дальше в море.

Руарт смотрел на свои ноги так, как будто они были самым увлекательным зрелищем на свете.

Наконец он с усилием поднял глаза и посмотрел мне в лицо.

— А? Ох, прости, Блейз... Три корабля? Что, как ты думаешь, привело их сюда?

— И не просто три корабля. Я знаю, что первые два вооружены пушками, и готова биться об заклад, что и третий тоже. Мне кажется, события в Бретбастионе тревожат хранителей, как матросов — попавший в штаны песок.

— Но как они могли узнать?

— Руарт, у Ступицы есть шпионы повсюду — от Спаттов до острова Фен. Нет такого места на Райских островах, за которым они не приглядывали бы. Хранители явились узнать, что затевает властитель Брета. Они решили выяснить, не осквернена ли Лиссал, потому что прослышали, что на Ксолкасе она была вместе с Мортредом. К тому же теперь они наверняка уже знают о свадьбе властителя. — По моему взгляду Руарт понял, что мои следующие слова понравятся ему еще меньше. — Мне очень жаль, Руарт, но время вышло для нас всех. — Я помолчала и добавила: — Если я в чем и уверена насчет тебя, так это в том, что ты проникателен. Ты видишь вещи такими, каковы они есть, со всеми вытекающими последствиями.

— Маленькие невзрачные птички, которых никто не замечает, знают все людские секреты.

— И это сделало тебя мудрым.

Руарт поморщился.

— Хранилищем знаний, только и всего. Человеком действия знания меня не сделали. Дастелцы наблюдают, но не сражаются. Я всю жизнь был зрителем на подоконнике, в событиях не участвующим.

— Сегодня это переменится.

На лице Руарта снова промелькнула та же полуулыбка.

— Ты, Блейз, как всегда, резка и попадаешь в точку. Знаешь, я чувствую странное облегчение. Не будет больше ожидания, не будет бездействия. После прошлой ночи я не сомневаюсь: сегодня она меня убьет... если я не сбегу, — добавил он прозаично.

— Флейм каждый день принимает безвредное укрепляющее средство — то, что хорошо действует на беременных жен-

щин. Сегодня мы заменили его кое-чем другим. Снадобье зовет преждевременные роды.

— Но... Она же не готова! Она еще не на девятом месяце...

— Я знаю. Мы надеемся, что ей это не повредит.

— Надеетесь? Вы не знаете наверняка?

— Абсолютной уверенности нет. Но это средство дал мне Гилфитер, — мягко сказала я. — Он велел мне использовать его только в крайнем случае, а я думаю, что такой случай как раз и наступил. Он не дал бы мне ничего, что могло бы убить Флейм. Послушай, Руарт, хранители уже в Адском Ушате и посматривают снизу на утес. С ними наверняка есть кто-то, обладающий Взглядом. По крайней мере один, а может быть, и несколько. Ты же знаешь, что увидит любой человек, обладающий Взглядом. Весь дворец пропитан скверной дун-магии. Хранители примут меры, и примут их немедленно. Мы должны их опередить, а для этого нужно убить ребенка Флейм. Как только это случится, у нас появится шанс увезти отсюда Флейм. Другой возможности у нас не будет.

— Как скоро?..

— Пройдет час или два, прежде чем снадобье подействует. Ты иди к ней, Руарт. Скоро она пошлет за мной. И не тревожься: лучше Тризис повитухи не найдешь.

— А потом... Проклятие, Блейз, нам же придется везти ее на самый Тенкор, чтобы получить помощь, но даже и там может не оказаться лекарства...

Так мы стояли, молча глядя друг на друга, — два человека, которые любили Флейм каждый по-своему. В глазах Руарта была такая боль, он так мужественно ее сдерживал, что я призналась ему в том, чем не предполагала делиться ни с кем.

— Тебе следует знать кое-что, — начала я и сама уловила в собственном голосе глухое страдание — проявление чувства такого глубокого, что оно никак не могло вырваться на поверх-

ность. — Тризис может точно определить, каков срок беременности Флейм, а значит, и сказать, когда ребенок был зачат. — Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы говорить дальше. — Это не следствие первого похищения Флейм Мортредом в Гортанской Пристани. Младенец был зачат в Криде, когда Флейм по доброй воле явилась туда... чтобы спасти меня. Все, что она выносит теперь, — из-за меня, Руарт. Она принесла такую огромную и трагическую жертву, что одна мысль об этом заставляет меня задыхаться. Я... я представить себе не могу, чем я заслужила подобное. Флейм знала, что будет изнасилована и снова осквернена. Она не заслужила таких чудовищных последствий своего самопожертвования.

Мой голос превратился в еле слышный шепот.

— С тех пор как Тризис подтвердила то, что я подозревала, каждый день моей жизни стал не просто мучением — я живу в своем собственном, личном аду. Теперь же... Теперь каждый раз, когда я вижу Флейм, я чувствую ее отчаяние, опровергающее те слова, которые произносит ее язык... Флейм здесь, Руарт. Она все еще здесь и тоже живет в аду. Из-за меня... — Я больше не могла смотреть в глаза Руарта и принялась разглядывать свои ногти. — Я вот что хочу сказать: я сделаю что угодно, чтобы вернуть Флейм. А если не смогу — тогда я выполняю свое обещание.

Я снова подняла глаза на Руарта и услышала его хриплый голос:

— Она поблагодарила бы тебя, если бы могла.

Я взяла себя в руки и кивнула.

— Отправляйся к ней и дай знать, когда ей потребуется Керен. — Руарт двинулся к двери, соединяющей их комнаты, и я вслед ему добавила: — Мне приятно видеть тебя, Руарт, — в человеческом облике, имею я в виду. Мне приятно слышать, что ты разговариваешь.

— Ты и представить себе не можешь, что значит для меня знать: ты рядом, — ответил он, и мне редко случалось слышать такие прочувствованные слова. Да, Руарт действительно ужасно страдал от одиночества. — Я оставляю дверь приоткрытой, — сказал он, — чтобы тебе все было слышно.

Я осталась ждать. Через минуту до меня донесся голос Флейм:

— Я думала, что ты сегодня утром скроешься.

— Я знаю, — обреченно ответил Руарт.

— Тебя ждет смерть.

— Это я знаю тоже. И таков мой выбор.

Я подкралась к двери, чтобы заглянуть в щелку.

Флейм раздраженно показала на блюда на столе.

— Убери все это, Головастик.

— Тебе известно, что прибыли корабли хранителей? —

Руарт пересек комнату и позвонил в колокольчик.

Флейм резко подняла голову:

— Больше одного?

— Три. Первый из них — «Гордость хранителей».

Флейм пожала плечами:

— Мой старый приятель Датрик... да, я видела корабль.

Ну и что? На этот раз наши силы равны.

— Три корабля, и скорее всего все вооружены пушками, — подчеркнул Руарт.

— А в моем распоряжении целая армия, возглавляемая зачарованными мной офицерами. Да и вообще на этот раз Датрик постарается добиться кое-чего от меня или от Тригана. Он хочет закупить селитру.

— Ты ее ему продашь?

— Нет, конечно. Она нужна нам самим.

— На кораблях хранителей наверняка есть по крайней мере один человек, обладающий Взглядом. Им даже не нужно высаживаться на берег, чтобы учуять дун-магию.

— Да, но они не смогут определить ее источник, если не увидят меня, верно? — Флейм ничуть не встревожилась.

Руарт мгновение помолчал, а потом спросил:

— Что ты сделала?

— Приказала начальнику порта держать корабли посередине гавани до тех пор, пока водоросли не унесет, и не давать пока хранителям разрешения на высадку.

Я нахмурила брови. Мне было ясно, что хранители не станут беспокоиться насчет соблюдения положенных протоколом процедур, раз дело касается дун-магии. Меня смущало то, что Флейм как будто теряла свой острый ум. Это каким-то извращенным образом печалило меня: каждый раз, когда она демонстрировала утрату своей прежней проницательности, у меня сердце переворачивалось, хотя я понимала, что так нам легче будет осуществить наши планы.

Руарт безразлично поинтересовался:

— И что же ты рассчитываешь выиграть такой задержкой?

— Время для того, чтобы мои оскверненные силвы стали достаточно... порабощены.

Руарт посмотрел на Флейм настороженно, напомнив мне птичку, которая увидела приманку за открытой дверцей клетки, и Флейм уловила выражение его лица. Последовало долгое молчание: они, должно быть, пристально смотрели друг на друга. Потом Флейм сказала:

— Отправляйся в их камеры, Головастик, а потом расскажешь мне, что видел. Я напишу записку, чтобы тебя пустили в тюрьму. — Она села к письменному столу и окунула перо в чернильницу.

— Ты собираешься напасть на три вооруженных корабля, — спросил Руарт, — у которых на борту скорее всего команда из силвов-хранителей? С горсточкой своих оскверненных силвов?

Флейм спокойно кивнула:

— Оскверненные силы плюс армия, офицеры которой в моей власти. С помощью скрытности и иллюзий многого можно достичь. Хранители не будут знать, что происходит, пока не окажется поздно. А к тому времени я буду владеть вооруженными кораблями.

Флейм протянула Руарту записку, и он отправился выполнять ее поручение.

Когда в комнату вошел слуга, чтобы убрать со стола, я незаметно открыла дальнюю дверь и выскользнула из комнаты.

Глава 22

РАССКАЗЧИК — РУАРТ

В камерах теперь содержалось сорок силвов. Сорок. Лиссал могла бы поставить на колени весь Брет — если бы ей удалось их осквернить.

Однако они этого избежали; не были осквернены даже те две пожилые женщины, которых привезли первыми. Я подошел к их камере — они просто сидели, глядя на меня. Одна из них зажгла колдовской огонек, и он был голубым, не замаранным дун-магией. На коже женщин я не увидел никаких отметин, оставленных осквернением. Прежнего недовольства пленниц теперь тоже не было заметно. Они были настороженными и молчаливыми. В сопровождении тюремщика я прошел вдоль всех сорока камер, заглядывая в каждую, и ни один из силвов не проронил ни слова. Слабые щупальца красно-коричневого тумана тянулись в подземелье, но тут же рассеивались серебристо-голубым сиянием силв-магии.

— Спасибо, — сказал я стражнику и вернулся к лестнице, ведущей на дворцовый уровень.

Когда я снова вошел в приемную Лиссал, она все еще была там, дожидаясь меня, — полулежала на софе, опираясь на гору подушек.

— Ну? — спросила она.

— Они далеки от оскверненности, — тихо сказал я. — Думаю, это означает, что Мортреду такое удавалось лучше, чем тебе. Он, в конце концов, был могучим магом.

Лиссал выслушала меня и поежилась. Я жалел о том, что из-за багрового тумана не могу как следует разглядеть выражение ее лица.

— Какой тебе кажется моя колдовская сила по сравнению с его, Головастик? — спросила Лиссал.

— Мне жаль, но я этого не знаю, — совершенно честно ответил я. — Его я видел глазами птицы, а тебя вижу несовершенным человеческим зрением. Я вижу теперь иначе — все вижу иначе.

Лиссал ничего не ответила. Она была бледна, и я заметил капли пота у нее на лбу. На краткое мгновение ее глазами на меня посмотрела Флейм, страдающая и испуганная.

— Тебе плохо? — спросил я. У меня пересохло во рту.

— Кажется. У меня начались судороги. Скажи Керену, чтобы явился ко мне.

Я кивнул. Можно было колокольчиком вызвать слугу, но я пошел сам. Выйдя за дверь, я помедлил.

«Келвин Гилфитер, — подумал я, — надеюсь, ты знал, что делаешь».

Я повернулся к стоявшим у дверей стражникам.

— Никто не должен входить в покои властительницы, кроме целителей-силлов, — сказал я. — Никто, даже сам властитель. Вы поняли? — Стражники обменялись встревоженными взглядами: я ведь пытался запретить властителю входить в комнату его собственной жены. Я напустил на себя смущенный вид. — Ее время наступило, только держите эту новость при себе. Пусть один из вас сходит за сир-силвом Кереном, и побыстрее.

Я снова проскользнул в приемную, прошел в спальню Лиссал и запер дверь, ведущую в покои Тригана. Иллюзий я не питал: как только Лиссал поймет, что ее судороги — на самом деле родовые схватки, она первым делом заставит кого-нибудь убить меня. Она не могла рисковать тем, что я, оставаясь в живых, уничтожу ребенка Мортреда. Поэтому мне нужно было позаботиться о том, чтобы она ни с кем не могла заговорить и наложить на этого человека заклятие.

Передо мной встала проблема: я никоим образом не мог помешать Тризис присутствовать в комнате. Мне предстояло все время опасаться, чтобы скромная пожилая целительница неожиданно не всадила мне в спину свой хирургический нож.

«Будь ты проклят, Мортред, — подумал я. — В одном ты был прав: ты оставил наследие, которое долго будет нас преследовать».

В комнату вошла Блейз в сопровождении и Дека, и Тризис — все они несли какие-то узлы.

— Что это такое? — раздраженно спросила Лиссал. — Керен, у меня ужасные боли. Думаю, я что-то съела...

— Если ты пройдешь в свою спальню, сир-властительница, я осмотрю тебя.

Лиссал, все еще ничего не подозревая, выполнила просьбу Блейз. Когда она легла на кровать, осматривать ее принялась Тризис. Целительница взглянула на Блейз и кивнула:

— Ребенок уже в пути.

— Я ее не хочу, — капризно протянула Лиссал. — Мой врач — ты, Керен. Осматривай меня ты.

Блейз склонила голову и успокаивающе пробормотала:

— Конечно, сир-властительница, но я не сомневаюсь, что Тризис права: твой младенец скоро родится.

Лиссал затрясла головой:

— Нет, такого не может быть! Слишком рано...

— Иногда младенцы придерживаются другого мнения, — сказала ей Тризис.

— Но я не готова! Мне еще нужно сделать... — Она села на постели.

— Прости. — Блейз с твердостью уложила ее обратно. — Тебе нужно лежать.

— Тогда позовите двоих стражников: мне нужно отдать распоряжения. Есть вещи, которые необходимо сделать...

— Позже, — ответила Блейз. — Сначала дай мне тебя осмотреть.

Я стоял в дверях, и мне не нужно было обладать безупречным зрением, чтобы заметить, какой взгляд бросила на меня Лиссал. Я посмотрел ей в глаза.

— Я не желаю, чтобы он оказался рядом с моим ребенком, — указывая на меня пальцем, бросила Лиссал. — Вы меня слышите? Он хочет убить младенца! Он хочет убить наследника престола Брета!

Блейз взглянула на меня и пожала плечами:

— Думаю, тебе лучше выйти.

Я отправился в приемную; там Дек распаковывал узлы, которые они принесли с собой. На полу валялись два меча и какая-то одежда. Дек покраснел, увидев меня.

— Я так рад, что ты не погиб, — сказал он, дернул за воротник своего платья и покраснел еще сильнее. — Мы уж думали, что ты откинул копыта.

— Я... что?

— Ну, скапустился... помер. Келвин был жуть как обеспокоен.

— А-а... Он, наверное, винил себя. — Я вздохнул. На всех нас, включая меня, лежала тяжелая вина. Прошло столько времени, а я так и не сумел спасти Флейм... Я прогнал эту

мысль и попытался приободрить мальчишку: — Хочешь, Дек, мы с тобой заключим сделку: я не стану обсуждать твои наряды, если ты не будешь привлекать внимание к тому, что ты уже выше меня ростом. Как же ты вырос!

Он расплылся в улыбке:

— Ты заметил?

Из спальни вышла встревоженная Блейз:

— Что случилось, Руарт?

— Лиссал, должно быть, хочет кого-нибудь зачаровать, чтобы меня выбросили с балкона. Она думает, что я убью ее ребенка.

Блейз с любопытством взглянула на меня:

— А ты это сделал бы?

Я кивнул:

— Конечно, если он родится дун-магом. А мы все знаем, что так и случится. Лиссал, наверное, прямо сейчас принуждает Тризис убить меня.

Глаза Блейз широко раскрылись, и она поспешно вернулась в спальню.

В середине дня меня вызвали в парадные покои. Идти мне не хотелось, но когда властитель требует твоего присутствия, отказаться нельзя, даже если знаешь, что он — просто пустая оболочка человека, которым когда-то был.

Властитель Роласс Триган, когда я вошел, сидел на троне, окруженный придворными и целым отрядом гвардейцев. Как я и ожидал, хранители оказались не такими послушными, как рассчитывала Лиссал; не знаю, воспользовались ли они иллюзиями или более традиционными методами, но во дворец уже проникли. Триган явно согласился дать им аудиенцию: хранители выстроились перед троном, блистая роскошной одеждой и шазублами; впрочем, властитель обращался с ними как учи-

тель с нашкодившими школьниками. Проблема заключалась только в том, что он теперь был не способен сам решать, как отвечать на их требования.

— Ах, — сказал он, как только я вошел, — Паучьиножки, я послал за тобой и желаю узнать, что за сообщение я получил о властителнице? Она заболела? Почему ее нет здесь? К нам явилась делегация хранителей! — Голос Тригана звучал капризно.

Я низко поклонился властителю, потом вежливо приветствовал делегацию, в которую входил один человек, обладающий Взглядом, и девять силвов — выпускников академии, работающих на Совет хранителей. Я недаром вырос во дворце на Цирказе: в знаках различия я разбирался. Мне оказалось легко узнать и дочь Датрика Джесенду: она оказалась единственной, кто не использовал магию, чтобы улучшить свою внешность, и единственной, кто не носил шазубл представительницы Совета хранителей. Из-за густого тумана силв-магии вокруг нее я не мог судить о том, красива ли она, как говорила Блейз, но двигалась Джесенда с грацией и уверенностью, которые говорили о хорошо тренированном теле. Это была не изнеженная светская девица... Мне показалось, что взгляд, который она на меня бросила, был скорее оценивающим, чем презрительным.

— Прости меня, господин, — сказал я, — благородной Лиссал действительно нездоровится. Я уверен, что ее очень огорчит невозможность присутствовать на этой аудиенции.

— Нездоровится? Что случилось?

Я снова притворился смущенным:

— Она, господин... Она вот-вот разродится.

Триган, казалось, раздулся, хоть это и было едва ли возможно — его тело и так уже со всех сторон выпирало с трона. Он просиял:

— Ну, это действительно превосходная новость! Мои подданные и гости с островов Хранителей, вы должны отпраздновать рождение наследника престола! В такой момент мы не можем обсуждать дела, верно? — Взгляд властителя снова обратился ко мне: — Паучьиножки, организуй что-нибудь!

Я поклонился и вышел, ругаясь про себя. Мне хотелось только одного: вернуться в покои Флейм; вместо этого, получив во всеуслышание такое приказание, я должен был заняться размещением гостей. Я нашел дворцового управителя и возложил большую часть дел на него, но отделаться этим мне не удалось.

— Ты же знаешь порядки при дворе Цирказе, — бормотал он. — Наверняка тебе известно больше о том, как принимать послов, чем мне. Хранители не так уж часто появляются на Брете. — Подавив вздох, я, насколько мог, ответил на его вопросы. Каждый раз, когда я поворачивался и направлялся к покоям Флейм, управитель — или кто-нибудь из его подчиненных — кидался выяснять еще что-нибудь: едят ли хранители морских улиток, пожелают ли они расположиться в дворцовых помещениях или предпочтут вернуться к себе на корабль, как рассадить их за пиршественным столом и какую музыку следует играть музыкантам... Это было мучительно!

Я все еще давал объяснения управителю, когда аудиенция наконец закончилась и властитель повел Джесенду в столовую. К счастью, к этому времени слуги успели накрыть на стол, хотя на кухне все еще продолжалось лихорадочное приготовление праздничных блюд. Через некоторое время я смог ускользнуть, чтобы узнать, что происходит с Лиссал.

Добравшись до ее приемной, я оглянулся. Это была скорее птичья привычка, чем следствие предчувствия: я привык к тому, что мог оглядываться назад, и, став человеком, все еще инте-

ресовался тем, что происходит у меня за спиной, хотя теперь мне приходилось поворачивать не только голову.

За мной кто-то шел, замаскированный силв-магией. Этот человек спокойно следил за мной, уверенный, что иллюзия не позволит мне его увидеть. Серебристое облако вокруг сиява было таким густым, что я подумал: хватает ли ему воздуха для дыхания? Мгновение я стоял неподвижно, пытаюсь за слоями силв-магии разглядеть то, что скрывается внутри. И тут силв — это оказалась женщина, — смущенная моим пристальным взглядом, немного переместилась. Ее юбка взметнулась, и я заметил золотые туфельки. Джесенда. Я не сомневался, что она намеренно последовала за мной. Я отвернулся и вошел в приемную Лиссал.

Я закрыл дверь и прислонился к ней спиной, пытаюсь выровнять дыхание, и тут услышал, как тихим и нежным голосом Джесенда спросила стражника:

— Это покои властительницы?

Стражник подтвердил ее догадку; последовало молчание, и я решил, что Джесенда ушла.

— Что там? — спросил Дек.

— Парень, пора тебе, как мне думается, сменить оборки на штаны. Нам, возможно, придется удирать в спешке.

Облегчение на его лице было красноречивее всяких слов.

Я постучал в дверь спальни Флейм. Открыла мне Блейз. Из комнаты доносились стоны. Блейз вышла в приемную и закрыла за собой дверь.

— Сейчас она слишком занята, чтобы думать о тебе, Руарт, не тревожься. И у нее все идет хорошо. Тризис говорит, что роды, по всей вероятности, будут быстрыми — еще пара часов, и все.

Мне не казалось, что это так уж быстро. Любой птице хватало нескольких минут на то, чтобы отложить яйцо.

— Во дворце — делегация хранителей, — сказал я. — Их принимал Триган, но дочь Датрика последовала за мной. Я слышал, как она спрашивала стражника, чьи это покон.

Новость встревожила Блейз.

— Бьюсь об заклад — она пошлет сюда своего приспешника, обладающего Взглядом. Кстати, кто он такой?

— Обладающий Взглядом? Его представили как Сатрика Матергона.

— Не знаю такого.

— Совсем молодой парень. Мы вляпались в дерьмо, верно?

Будучи Блейз, она не стала выбирать выражений:

— Да, будь оно все проклято. Нужно как можно дольше не пускать их сюда. Руарт, отправляйся к властителю и скажи ему, что я не рассчитываю, что младенец родится раньше, скажем, завтрашнего утра. — Она прошла к письменному столу и принялась что-то писать. — Дек, пошли стражника отнести записку капитану «Буревестника». Нужно предупредить его, чтобы он ждал нас этой ночью.

— Руарт говорит, что я должен переодеться, — сказал Дек с надеждой.

— Согласна, но только после того как ты передашь записку.

— Можно мне будет носить Магоубийцу? — спросил Дек.

— Что носить? — удивилась Блейз.

— Магоубийцу. Э-э... я так называл свой меч.

— А-а... — Блейз поспешно отвернулась, пряча улыбку, потом серьезно кивнула: — Не только можно — я настаиваю, чтобы ты так и сделал. — Она вышла на балкон и поманила за собой нас обоих. Мы все выглянули за перила. Далеко внизу корабли качались на волнах, как детские игрушки в луже. Сильный ветер гнал воду через пролив в гавань; фонтаны брызг

взлетали там, где на пути прилива вставали скалы. Соленый воздух обтекал наш балкон, неся с собой шум и запахи порта. Я бросил взгляд на ближайшую платформу трага, укрепленную у дворцового входа. Цепи и веревки звенели и скрипели, создавая тревожную музыку.

Внизу, в Ушате, поверхность воды казалась гладкой. Ветер не гнал волны — барашков видно не было. Пролив был плотно закупорен водорослями.

— Как ты думаешь, удастся доставить известие на «Буревестник»? — спросил я. — Не видно ни одной лодки... в гавани нет никакого движения.

Блейз показала направо:

— Посмотри туда. Видишь, где Скоу впадает в Ушат? — Я вытащил свою подзорную трубу и навел ее на устье реки. Там виднелась плоскодонка, и лодочник отталкивался шестом, пробираясь сквозь водоросли. — Похоже, там есть открытая вода, — объяснила Блейз. — Не очень много, но все же река пробивает себе дорогу через водоросли. Такие протоки называются разводьями — так мне утром сказал один из стражников. Благодаря им удастся снабжать стоящие на якоре корабли продовольствием и водой. — Блейз перегнулась через перила, чтобы посмотреть на улицу внизу. — Может быть, нам придется удирать этим путем. Нужна веревка... — Глаза Дека стали круглыми; впрочем, Блейз не обратила на это внимания. — Только я не хочу вызывать подозрений, потребовав моток веревки или веревочную лестницу. Руарт, прикажи кому-нибудь из слуг принести побольше чистых простыней. Такое не покажется странным. — Она улыбнулась Деку: — Это будет твоей работой, когда ты вернешься, — сделать нам из простыней веревку.

Глаза Дека раскрылись еще шире:

— Чтобы добраться до земли?

Блейз взъерошила ему волосы.

— Нет, паренек, только чтобы спуститься на улицу под нами. Потом мы сможем воспользоваться трагом.

Я думал о том, что испытывает Флейм, о том, чего мы потребуем от нее, как только родится ее ребенок... Я дрожа отвернулся в сторону; когда-то такие мысли заставили бы все мои перья встопорщиться.

Глава 23

РАССКАЗЧИК — РУАРТ

Джесенда пересекла зал, в котором теперь члены делегации хранителей смешались с придворными властителя Брета, и подошла ко мне. Мне казалось, что она улыбается, хотя уверен я не был.

— Сир-Головастик, — сказала она, — это же наверняка не может быть твоим настоящим именем?

— При рождении меня называли Руартом, — ответил я.

— Тогда так я и буду тебя называть. Мне не нравятся неподходящие прозвища. Они унижительны.

— Как пожелаешь, сир-силв Джесенда. Ты очень добра.

Она склонила голову, и вся ее поза показалась мне удивительно дружеской, словно она отгораживалась от остального зала, разделяя со мной знание какого-то секрета.

Я внимательно смотрел на нее, пытаясь проникнуть сквозь пелену магического тумана, лихорадочно придумывая, что бы сказать.

— Надеюсь, угощение тебе понравилось? У нас было мало времени для приготовлений, поскольку прибытие вашей делегации оказалось неожиданным.

Мне показалось, что она сморщила нос с выражением обескураживающего лукавства.

— Нет, не понравилось. Похоже, возникла какая-то ошибка. Начальник порта даже не хотел разрешать нам покинуть корабль. Нам пришлось очень потрудиться, чтобы преодолеть взаимное непонимание.

— Как я понимаю, трудности связаны с тем, что гавань забита водорослями. Мне также говорили, что Ушат превратится в настоящий ад, когда водоросли начнут гнить.

— Ах, это, наверное, все и объясняет. — Джесенда посмотрела на меня со странным выражением. Может быть, ей трудно было понимать мою неотчетливую речь.

— Прости мое любопытство, сир-силв, — сказал я, — но, как я заметил, ты не носишь шазубл, как остальные. Могу я поинтересоваться, какое положение ты занимаешь в делегации? — Мой выговор, может быть, и был небезупречным, но воспитание, полученное мной на Цирказе, научило меня тонкостям придворной дипломатии.

— Я представляю своего отца, главу Совета хранителей.

Я, должно быть, не скрыл своего изумления:

— Но разве ты не дочь советника Датрика?

— Да, именно. Он сейчас временный глава Совета.

Сердце у меня оборвалось.

— Вот как? Прости меня, если я был недостаточно почтителен. Я не знал...

Она снова склонила голову и очаровательно улыбнулась:

— Ты ни в чем не погрешил против учтивости. Скажи мне, властительница... Роды у нее трудные?

— Она рождает первенца. Мне говорили, что в таких случаях роды бывают долгими. — Я был встревожен. Все мои инстинкты требовали от меня сугубой осторожности. Взгляд Джесенды был острым, как заточенное перо, и говорил об угрожающей нам опасности.

«Она цапля, — подумал я, — цапля, бросающая тень на воду, чтобы лучше видеть добычу».

Джесенда обвела рукой зал.

— Со мной восемь силвов, и еще гораздо больше — на кораблях. Все мы способны исцелять. Более того: среди нас есть опытные целители, видящие в этом свое призвание. Если возникнут проблемы, мы, несомненно, сможем оказать помощь.

— Ты очень добра. Впрочем, принимающий роды силв не видит оснований для беспокойства — я только что с ней... с ним говорил.

— Это обнадеживает. Однако мое предложение остается в силе. К тому же властитель предложил нам разместиться во дворце, на случай, если мы понадобится. Кроме того, у нас с собой есть человек, обладающий Взглядом.

— Обладающий Взглядом?

— Да. Как я понимаю, Дева Замка... прошу прощения, властительница — сама силв. Ей наверняка захочется узнать, унаследовал ли младенец ее дар, особенно учитывая, что властитель им не обладает.

Сердце у меня заколотилось. Мне нужно было придумать способ не допустить к Лиссал этого приспешника Джесенды. Одно дело — если хранители подозревают, что источник дунмагии — властительница, и совсем другое — если они получают подтверждение этого. Мысли у меня путались, я никак не мог найти решение.

Джесенда склонилась ко мне и по-дружески положила руку мне на плечо.

— Впрочем, думаю, ты и сам сможешь сообщить ей об этом, верно?

— Я? — с трудом выговорил я.

— Да. Матергон говорит, что, по его мнению, ты тоже обладаешь Взглядом. Это, несомненно, объясняет, почему Дева Замка сделала тебя своим конюшим.

Я с трудом преодолел сильное желание уставиться себе на ноги.

— Прости меня, сир-силв Джесенда, но я должен вернуться к своей госпоже. Как ты понимаешь, мне не следует надолго отлучаться из ее покоев — вдруг ей что-нибудь потребуется.

Я низко поклонился и заторопился прочь, как краб, убегающий от чибиса.

Через несколько минут я уже пересказывал этот разговор Блейз и Деку.

— Она относится к ситуации с большим подозрением, — закончил я.

Блейз задумалась.

— Бьюсь об заклад — ее подручный, обладающий Взглядом, уже шастал тут по ее приказу и разнюхал, откуда исходит дун-магия. И как насчет всех тех силвов, что содержатся в камерах лоджии Пиратов? Когда мы сегодня утром поднимались на траге, я их чуяла. Думаю, почти все они пользуются колдовскими огоньками.

— Я тоже чувствую запах, — признал я, — просто проходя по улице.

— Тогда можно считать, что хранителям известно о тех силвах. Другое дело, понимают ли они, что силвы — пленники. Как ты думаешь, у Джесенды на кораблях есть и другие обладающие Взглядом?

Я покачал головой:

— У меня сложилось впечатление, что Матергон — единственный.

— Наверное, ты прав. Будь у Джесенды и другие, она и их захватила бы во дворец. Не нравится мне все это, Руарт. — Блейз с озабоченным видом повернулась к Деку: — Иди-ка ты на балкон с подзорной трубой Руарта. Я хочу знать, не заметишь ли ты хранителей, покидающих корабли под прикрытием иллюзий.

Дек Гринпиндили кивнул. Надутая девчонка исчезла — теперь на Деке была его собственная одежда, на бедре — меч, и глаза паренька сияли неудержимой радостью. Теперь, когда Тризис больше не изменяла его внешность, я смог заметить перемены — сломанный нос и наполовину золотой зуб. Я никогда подобного не видел — металлическая часть словно просто росла из обломка зуба. Дек, заметив, что я разглядываю его, с гордостью постучал по зубу и сказал:

— Работа гхемфа.

— Ах... как-нибудь потом расскажи мне обо всем. Как дела у Флейм? — спросил я, переводя глаза на Блейз.

— Она в ярости, — со вздохом ответила та. — Категорически требует, чтобы тебя и близко не подпускали к младенцу, когда он родится. Проклятие, я чувствую себя хищницей вроде акулы — притворяюсь целителем-силвом, а сама замышляю детоубийство...

— Мы имеем дело с мерзким наследием Мортреда, — прорычал я. — Иногда мне кажется, что всю оставшуюся жизнь мы будем исправлять отвратительный вред, причиненный этим выродком. Тор был прав, Блейз. Нужно избавить мир от дун-магии, даже если ради этого придется распрощаться и с силв-магией.

В этот момент Тризис позвала Блейз в спальню, и мы с Дексом снова в тревоге остались ждать...

На закате мы заметили несколько лодок с силвами-хранителями, направляющихся к берегу по разводью около устья Скоу. Они с помощью иллюзии скрывали свое приближение, и одно это ясно говорило об их совсем не дружелюбных намерениях. Когда хранители высадились на берег, видеть их мы уже не смогли. Я сообщил эту новость Блейз, но в тот момент мы ничего не могли предпринять.

Примерно часом позже ребенок родился. Это был, как и предсказывала Лиссал, мальчик.

Блейз поманила меня в спальню. Лиссал лежала на постели с закрытыми глазами, окруженная миазмами дун-магин. Багровый цвет окрашивал все вокруг, как пролитая кровь. Тризис держала на руках завернутого в пеленку младенца. Он был крохотным, и писк его был почти неслышным.

Блейз кивком головы указала целительнице на дверь, и та, не говоря ни слова, вышла из спальни со своей ношей. Глаза Лиссал открылись, словно она почувствовала, что ребенка унесли.

— Флейм! — прошептал я, чувствую раздирающую боль в сердце.

— Что вы сделали с моим сыном? — спросила она и попыталась подняться. Это была Лиссал, а не Флейм.

— Ничего, — успокаивающе прошептала Блейз. — Тризис вынесла его в соседнюю комнату, чтобы обмыть. Вот выпей — у тебя, должно быть, сухо во рту. — Она протянула Лиссал кружку.

Блейз приподняла Лиссал и держала, пока та пила. Внезапно яростным жестом Лиссал запустила кружкой в угол, облив содержимым постель и пол.

— Ах ты негодяй-силв! — закричала она на Блейз. — Что ты мне дал? — Лиссал вцепилась в руку Блейз, одновременно обрушив на нее поток дун-магии, и принялась сквернословить. Блейз отшатнулась, давась воздухом.

— Прекрати! Ты не сможешь подчинить ее дун-магии, Лиссал, — сказал я. — Тризис! — Целительница заглянула в дверь. — Убери иллюзию!

Тризис посмотрела на Блейз; та кивнула.

Флейм — или то была Лиссал? — охнула, когда лицо Керена исчезло, открыв черты Блейз. На мгновение она за-

жмурилась, словно ей было слишком больно видеть новую реальность. Когда глаза снова открылись, было похоже, что две личности борются между собой: сначала промелькнула надежда, которую испытывала Флейм, но ее тут же вытеснила ненависть Лиссал.

— Подлая полукровка! — бросила она Блейз и вскочила с постели.

Никто из нас не ожидал такого взрыва ярости и насилия со стороны женщины, которая только что бессильно лежала на подушках. Лиссал вцепилась в горло Блейз, но, будучи не в силах одной рукой ее задушить, пустила в ход ногти и зубы. По всей комнате бушевала дун-магия — разлетались обломки мебели, а вонь была такая, как будто рядом оказалась разложившаяся туша кита, выброшенного на берег. Фарфоровые панели сыпались со стен, постель загорелась. Под весом Лиссал Блейз упала, на ее щеке остались глубокие царапины от ногтей... но запутавшаяся в простыне Лиссал не смогла подняться. В комнату влетел Дек, с одного взгляда оценил обстановку, схватил с умывальника кувшин с водой и опрокинул его на горящую постель. Блейз повалила Лиссал на спину и прижала к полу, а я сел ей на ноги. Скверна дун-магии все еще изливалась из Лиссал. Ребенок на руках у Тризис начал вопить. Я еще никогда не слышал таких неестественно яростных криков: казалось, горло новорожденного пытается передать вполне взрослую злость. Дек накинул на постель одеяло, чтобы окончательно потушить огонь.

— Руарт, — удивительно спокойным голосом сказала Блейз, — я ее держу. Поддай-ка мне ту коричневую бутылочку со столика.

Я поднялся и принес ей бутылочку.

— Что в ней? — спросил я, вытаскивая пробку и нюхая содержимое.

— То же самое, что я добавляла в питье. Снотворное.

— Вы хотите убить моего ребенка! — закричала Лиссал. Она посмотрела на меня и в ярости и отчаянии едва не сбросила с себя Блейз. — Проклятие, Руарт, это же мой сын! Как ты можешь ей такое позволить! О небеса, Руарт... только не моего малыша... моего сына... Умоляю! Он же просто младенец. Руарт, если ты когда-нибудь любил меня... Я даже ни разу не взяла его на руки! Умоляю, на коленях прошу тебя... Я сделаю все, что ты захочешь! Мы можем вместе бежать, все будет так, как мы мечтали...

Побледневшая Блейз резко перебила ее:

— Дек, зажми ей нос, чтобы заставить открыть рот.

Дек тоже побледнел, но без возражений выполнил распоряжение.

— Наливай, — велела мне Блейз. — Примерно чашку. Быстро!

— Пожалуйста, не надо, — простонала Лиссал. — Я люблю тебя, Руарт. Не поступай так со мной...

Стараясь не смотреть на нее, я приготовил нужную дозу. Мерзкий поток дун-магии ударил мне в лицо, заставив поперхнуться, но я не позволил руке дрогнуть. Опустившись рядом с Лиссал на колени, я ждал, когда багровый туман немного рассеется, чтобы мне было видно, что я делаю.

Дек вцепился в голову Лиссал, не давая ей отвернуться. Блейз прижимала ее к полу и держала за единственную руку; как ни брыкалась Лиссал, Блейз удалось навалиться и на ее ноги. Лиссал стиснула губы, но Дек зажимал ей нос, и в конце концов ей пришлось открыть рот, чтобы вдохнуть воздух. Я наклонил чашку и влил снадобье в рот Лиссал. Я плакал.

Первую порцию она выплюнула, и нам пришлось повторить все сначала. Когда мы все-таки добились своего, Лиссал

бросила на меня такой обвиняющий взгляд, что он пронзил меня насквозь.

Блейз продолжала держать Лиссал до тех пор, пока ее глаза не закрылись, а тело не расслабилось. Мы все поднялись и отошли от Лиссал, хотя и были не в силах отвести от нее глаза и даже посмотреть друг на друга. Мы испытывали глубокий стыд и все же понимали, что другого пути у нас нет.

— Прости меня, Руарт, — прошептала Блейз.

Тризис стояла в дверях, глядя на разгромленную комнату и Флейм, лежащую посреди мокрых и еще дымящихся одеял.

— Боже на небесах, — вырвалось у нее, — что же вы за люди? — Не думаю, что она ожидала ответа; не думаю даже, что она обвиняла нас, но я ее слова все равно воспринял как упрек.

— Проверь, все ли в порядке с Флейм, — распорядилась Блейз, забирая у нее ребенка. Она развернула младенца и положила на постель, потом сказала нам с Дексом: — Я хочу, чтобы вы оба осмотрели его и сказали мне, что видите.

Мы так и сделали. Ребенок мог быть маленьким и недоношенным, но он буквально пылал ярким красным светом мощной дун-магии. И он уже использовал ее, чтобы укрепить свое тело. Кричать он перестал, открыл глаза, повернул голову и посмотрел на всех нас по очереди. Пристальный взгляд был таким недетским, что я поежился и затаил дыхание. Я порадовался, когда завихрение багрового тумана скрыло лицо младенца, и я смог отойти и снова начать дышать.

— Дек? — спросила Блейз. Парнишке тоже оказалось трудно отвести глаза от младенца, и Блейз пришлось дважды повторить его имя, прежде чем он повернулся к ней. Его лицо было смертельно бледным. Когда он заговорил, я услышал то, чего никак не ожидал:

— Если ты не убьешь его, это сделаю я. — Дек больше не смотрел на ребенка, он не сводил глаз с Блейз. Я неожиданно вспомнил о том, что он убил своего отца, виня его в смерти матери. В глубине души Дека таились вещи, которые легко было не заметить...

Блейз обняла Дека за плечи — такое она делала редко в отношении кого-либо.

— Дек, последи еще за гаванью и трагом. Попытайся рассмотреть, что затевают хранители.

Дек вышел из комнаты, не взглянув на ребенка.

Блейз повернулась ко мне:

— Ну, что скажешь?

Я попытался поднять на нее глаза и не смог.

— Он полон дун-магии, — сказал я, хотя и знал, что Блейз и сама это видит. — Очень сильной магии.

— У нас нет выбора, — тихо ответила она.

Из кармана Блейз вынула пузырек, и когда младенец открыл рот, чтобы закричать, влила в него несколько капель. Ребенок все понял, клянусь. Он посмотрел на нее с ужасной ненавистью и страхом, взмахнул ручками в бесполезном протесте. Единственный раз икнув, он умер. Глаза его остались открытыми, но даже и остекленев, обвиняли нас. Почти немедленно багровое свечение дун-магии стало гаснуть. Дрожащими руками Блейз заткнула пузырек пробкой. Тризис закрыла крошечному мертвецу глазки.

— Да простит нас Бог, — сказала она. — Да простит он нас всех.

Мы все посмотрели на Лиссал. Она выглядела совсем как Флейм — снадобье, усыпив ее, стерло ярость и отчаяние с ее лица. Перед нами снова была уязвимая, нежная Флейм. Мы обменялись взглядами — трое людей, связанных друг с другом ужасом поступка, который наше воспитание не позволяло

нам видеть иначе как чудовищным. Теперь мы были навек обречены мучиться воспоминанием о своей вине.

Кто-то начал стучать в дверь приемной. Блейз, не обращая на это внимания, повернулась к Тризис:

— Прости, что я вовлекла тебя в такое. И спасибо за то, что ты мне поверила.

Когда магия рассеялась, стало видно, что целительница — пожилая седая женщина, коренастая, невысокая, некрасивая. Глаза ее были полны страдания, голос — хриплый, но она держала себя в руках.

— Хотя я и не обладаю Взглядом, — сказала она, — но бывают случаи, когда целитель видит зло, которое несет болезнь. Вы сделали то, что следовало сделать. Да будет теперь воля Бога на то, чтобы вам удалось вылечить эту женщину.

— Как она? — спросил я. Стук в дверь становился все более настойчивым.

— Она в полном порядке. По крайней мере физически.

— Нам теперь требуется всем переправиться на «Буревестник», — сказала Блейз. — Мы нуждаемся в твоих иллюзиях, Тризис. Внешняя дверь на запоре, не так ли, Руарт? — Стук сделался уже отчаянным.

Я кивнул.

Тризис с опасением взглянула на дверь.

— Я могу изменить вашу внешность, но сделать невидимыми не могу — мне такое никогда не удавалось. Я не сумею сделать так, чтобы мы незаметно прошли мимо воинов.

— Хранители уже, несомненно, знают, что тут использовалась дун-магия, — спокойно сказала Блейз. — Да и шум они слышали, так что понятно, почему они так ломятся сюда. Мы уходим через балкон. Трудность заключается в том, как переправить Флейм...

Закончить фразу ей не удалось. Из приемной вбежал Дек.

— Они поднимаются на трапе в дальнем конце лоджии! — выкрикнул он, явно имея в виду хранителей. — Они прячутся за иллюзией, и к тому же темнеет, но все равно я разглядел, что они вооружены мечами и пиками. Похоже, они собираются на кого-то напасть!

— На улице ниже нас они оставили отряд?

Дек покачал головой:

— Нет. Они поднимаются прямо к другому входу во дворец.

— Боже мой! — воскликнула Тризис. — Они что, лишились рассудка? Это же дворец властителя!

— Нет, — все так же спокойно ответила Блейз, — они не лишились рассудка. Разве есть более удобное время для нападения на злую колдунью, чем когда у нее роды? Хранители так же уязвимы для дун-магии, как и ты, и если у них с собой всего один человек, обладающий Взглядом... Ладно, давайте вынесем Флейм на балкон приемной, спускать ее вниз придется оттуда. Дек, бери ее за ноги, а ты, Руарт, привяжи веревку к перилам. Тризис, поговори с теми, кто стучит в дверь. Задержи их, только ни в коем случае не открывай. — Блейз обошла Флейм и подняла ее за плечи легко, как ребенка. Я вышел на балкон. Дек здорово справился со своей работой: веревка из простыней, связанных морскими узлами — Дек на корабле не терял времени даром, — была надежной.

Я не слышал того, что говорила Тризис, но стук в дверь прекратился, и целительница присоединилась к нам на балконе. Мы соорудили петлю с чем-то вроде охватывающей тело крест-накрест сбруи, чтобы можно было спустить в ней Флейм.

— Ты спускайся первым, Руарт, — сказала Блейз, оценивающе глядя на меня. — Ты должен раскачаться и прыгнуть на улицу нижнего уровня. Тризис, можешь ты по крайней мере сделать Руарта и веревку незаметными?

Целительница кивнула, но в глазах у нее была тревога.

— Могу, только сомневаюсь, что сумею спуститься по веревке. У меня теперь уже не настолько сильные руки. К тому же темно, а ветер дует все сильнее...

— Мы спустим тебя после Руарта, — перебила ее Блейз. — Следующей будет Флейм, а потом Дек. Отправляйся, Руарт.

Момент был неподходящим для того, чтобы сообщить Блейз, что у меня появилась боязнь высоты, так что я перебросил веревку через перила и влез на балюстраду.

«По крайней мере у меня сильные руки», — подумал я и начал медленно спускаться. Даже несмотря на мой вес, ветер раскачивал веревку, и скоро я кувыркнулся в воздухе, как чайка в шторм. Я вцепился в веревку и старался не смотреть вниз. Надо мной с балкона свесилась Тризис, сосредоточившись на создании скрывающей меня иллюзии. К несчастью, магический туман мешал мне видеть, и я чуть не спустился ниже уровня улицы — в лоджию Пиратов. Потом, когда Тризис точнее направила свои чары, туман немного рассеялся, и я увидел, что вишу вровень с ограждением улицы. Я перекинул через него ноги и прыгнул на мостовую. Прислонившись к камню стены, я принялся приглаживать перышки, как всегда делал, пережив сильный страх, но быстро опомнился, чувствуя себя глупо: как оказалось, я тыкался носом в собственную рубашку.

Веревка поползла вверх. Я сделал глубокий вдох и оглядел улицу. Единственным, кого я заметил, был стражник у трага примерно в тридцати шагах от меня. Он стоял, привалившись к стене, и я решил, что он дремлет. Я подкрался к нише в стене и погасил установленную в ней лампу: это хоть немного должно было облегчить задачу Тризис. Стражник не пошевелился. Никаких признаков присутствия хранителей заметно не было.

Минутой позже в сбруе из веревок была спущена Тризис. Я помол ей выпутаться, и мы стали ждать, пока Блейз и Дек спустят Флейм.

— Ей это не повредит? — спросил я, стараясь сдерживать свое беспокойство. — Так ее перемещать сразу после родов...

В голосе целительницы, когда она ответила мне, звучал ужас, хотя я не мог определить, чем он вызван: тем, что мы только что сделали с ребенком, или необходимостью так обращаться с Флейм.

— В этом есть риск. После родов всегда есть риск. — Тризис коснулась моей руки. — Ты должен знать: даже если вам удастся исцелить ее, есть опасность, что она никогда тебя не простит. Ей много чего придется прощать: и то, что вы убили ее ребенка, и то, что ты не убил ее саму, зная, как она этого хочет... и даже то, что ты видел ее такой, какой она была — оскверненной, с безразличием и жестокостью относящейся к окружающим, мучающей тебя. Ты мало что тут сумеешь сделать.

Мне с трудом удалось сдержать позыв к рвоте.

— Я... я знаю.

— Ты, должно быть, очень сильно любишь ее, если способен подняться над скверной всего, что случилось.

Я молча кивнул и свесился через перила.

Из темноты возникло бесчувственное тело Флейм, и мы осторожно опустили ее на мостовую. Освободив Флейм от сбруи, я подергал за веревку, подавая знак Блейз и Деку.

— С ней все в порядке? — спросил я Тризис, которая опустилась на колени рядом со своей пациенткой.

— Насколько я могу судить. Кровотечение не более сильное, чем обычно.

Я посмотрел вверх. Веревка раскачивалась на ветру, извиваясь, как живое существо, но никто не втягивал ее наверх. Тризис держала в своих объятиях Флейм, а я перегнулся через балюстраду и задрал голову, пытаясь разглядеть, что творится на балконе. Узел, крепящий веревку, был освещен светом

ламп из покоев Лиссал, но рядом никого не было. Я не осмелился окликнуть Блейз, боясь привлечь внимание стражника. Повернувшись к Тризис, я сказал:

— Что-то случилось. Я поднимусь узнать, в чем дело.

Вспышка страха на мгновение заставила исчезнуть целебный поток силв-магии, направленный на Флейм, но Тризис все же кивнула:

— Здесь мы в безопасности. Я по-прежнему буду прикрывать нас иллюзией.

Мне потребовалось время, чтобы поймать танцующую от порывов ветра веревку. Когда наконец я сумел ее поймать, я полез вверх, стараясь не думать о том, что крыльев у меня больше нет, не вспоминать, как легко было бы мне когда-то взлететь...

Когда я добрался до покоев Лиссал, Блейз и Дек тащили стол к двери, ведущей в коридор, — массивные створки треснули под ударами. Одна из фарфоровых панелей рядом с дверью треснула, и куски фигуры обнаженной нимфы, изображенной на ней, с громким стуком разлетелись по комнате. Прекрасные груди, превратившиеся в разбитые чаши, покатались по полу.

— У нас небольшая проблема, — сказала Блейз. — На нас напали. Забирай Дека и отправляйся вниз... нет, погоди! Сначала помогите мне придвинуть кровати к дверям в спальне — кто-нибудь обязательно вспомнит, что покои властителя и владетельницы соединяются.

— Я не оставляю тебя, — заявил Дек, когда мы подтащили тяжелую кровать из моей комнаты к выходящей в коридор двери. Еще одна панель в приемной со звоном разлетелась от мощных ударов.

— Сделаешь, как я говорю, — пропыхтела Блейз, когда мы бегом кинулись в спальню Флейм, чтобы забаррикадировать дверь, соединяющую ее с покоем властителя; на кровать

Блейз взгромозила кресло и умывальник. — Самое важное — доставить Флейм на «Буревестник». Пока хранители думают, что мы все тут в ловушке, они могут не позаботиться о том, чтобы захватить траги и лестницы, ведущие к гавани. Я, если удастся, сразу же последую за вами.

Мы снова перешли в приемную, заперев за собой двери. Громовый удар снаружи заставил меня поморщиться.

— Блейз, они разорвут тебя на куски. Снаружи собралась целая армия.

Судя по шуму, так оно и было. Нападающие еще не нашли ничего достаточно тяжелого, чтобы выбить дверь, но это оставалось только вопросом времени. Пока мы придвигали к двери высокий комод и тяжелую софу, я гадал, привлекли ли хранители себе в помощь дворцовую стражу. Теперь, когда Лиссал была без сознания, а ее младенец мертв, чары, обеспечивающие преданность офицеров, могли ослабнуть.

Когда мы кончили двигать мебель, Блейз положила руки на плечи Дека и сказала:

— Мальчик, я знаю, ты хочешь остаться со мной и сражаться, но я полагаюсь на тебя в другом: нужно доставить Флейм, Руарта и Тризис на корабль. Ты ведь единственный из них, у кого есть меч. Надеюсь, тебе не придется его использовать, но кто знает... А теперь не мешкай — лезь через перила.

Дек вздохнул и кивнул:

— Сир-Гилфитер говорил, что подобное может случиться.

— Держу пари, он еще сказал, что в таком случае ты должен меня слушаться.

Дек снова кивнул с несчастным видом.

— Я тебя спущу, — сказал я Деку. — Быстрее, не волынь! Как только соединишься к Тризис, помоги ей донести Флейм до трага, и сразу же спускайтесь. Я догоню вас по лестнице, если не успею к отправлению трага.

Дек родился в домике на отмели в бухте Китаму и не видел даже холма, не говоря уже об утесах, до тех пор, пока ему не сравнялось тринадцать или четырнадцать лет, так что неудивительно, что его не порадовала перспектива раскачиваться на связанных вместе простынях над Адским Ушатом, однако он справился.

Когда парнишка благополучно достиг мостовой, я повернулся к Блейз. Она повязала волосы платком, чтобы они не попадали в глаза, и вертела в руках серебряное блюдо. Скинув с него пирожные, она надела ручку блюда на локоть и закрепила салфеткой.

— Вот и щит, — сказала она, — своего рода.

Теперь, когда магическая иллюзия рассеялась, я радовался, видя ее знакомое лицо. Блейз подмигнула мне:

— Ты только будешь путаться у меня под ногами, знаешь ли. Отправлялся бы и ты тоже, Руарт.

Шум за дверью переменялся. Нападающие притащили что-то тяжелое, и деревянная створка начала поддаваться.

— Я знаю, — ответил я. — Только, Блейз, это же хранители на службе Совета. Если ты перебьешь их, путь назад будет для тебя отрезан. Спускайся тоже. Встретим опасность вместе.

— Я хочу спасти Флейм, Руарт. Такой способ лучше всего — и ты знаешь почему. — Блейз тепло улыбнулась мне. Когда-то я сказал бы, что подобная улыбка не соответствует ее сущности, но теперь я знал ее лучше. — Времена, когда я тебя недооценивала, давно миновали, Руарт, — добавила она.

Мгновение я не мог выговорить ни слова. Да, я знал, почему она решила прикрывать наш отход, и я знал, чего ей будет стоить такое решение, даже если каким-то чудом ей удастся скрыться. Иногда я думаю, что мы становимся тем, что мы есть, благодаря тому выбору, который совершаем; тот выбор,

который сделала Блейз, должен был навсегда оставить на ней свой след. У меня был отличный способ попрощаться с ней, поблагодарить, оказать заслуженную ею честь.

— Гражданство Дастел, — сказал я, — твое, как только пожелаешь. Поверь, я могу его обеспечить — в любой момент. — Я обладал достаточным весом среди дастелцев, чтобы это не было пустым обещанием.

Блейз благодарно кивнула и поцеловала меня в щеку, потом тихо сказала:

— Если тебе удастся увидеться с Тором и Келвином, скажи им... скажи... ох, просто скажи им, что я их любила. А теперь отправляйся, ты, чумазый пучок перьев, прежде чем я разревусь, как сопливая побирушка!

Я снова перелез через перила. Последнее, что я увидел, оглянувшись, была закрывающая ставни Блейз, все еще с этим смешным блюдом на руке.

Глава 24

РАССКАЗЧИК — РУАРТ

Когда Дек добрался до улицы, оказалось, что Тризис уже разбудила стражника, дежурившего у трага, и приказала ему поднять корзину снизу. Тризис с нахальством — как я позже выяснил, типичным для нее в подобных ситуациях, — велела стражнику помочь донести Флейм до трага. С помощью иллюзии она превратила Флейм в смертельно пьяного дворцового слугу.

— Его за пьянство выгнали, — словоохотливо сообщила она стражнику, — и мне велели отвести беднягу домой. — Дек, как он потом рассказывал мне, мог только смотреть на нее, разинув рот, со смесью ужаса и восхищения.

К тому времени, когда я спустился на мостовую, разглядеть уже можно было только веревки, скользящие по шкивам. Я кинулся к лестнице и побежал вниз, прыгая через две ступеньки; внимание стражника все еще оставалось приковано к управлению лебедкой. На лоджии Пиратов я не задержался, а на следующем уровне просто вскочил в проплывающий мимо траг. Он пугающе накренился, но все-таки не опрокинулся. Поднявшись на ноги, я постарался успокоить сердце, которое напоминало дятла в брачный сезон.

К тому времени, когда мы добрались до платформы, на которой следовало пересечь с одного трага на другой, я уже

почти успокоился, но тут мы услышали шум сверху. Там кричали сразу несколько человек. Мы, делая вид, что нас это не касается, погрузились в корзину. Стражник, управлявший этим трагом, смотрел вверх, пытаясь разобраться, что ему кричат. Теперь уже факелы пылали и на балконах дворца, и на улице ниже его. Блейз нигде не было видно.

— Она погибла, да? — прошептал Дек дрожащим голосом, пытаясь осмыслить такую возможность.

— Ее чертовски трудно убить, — ответил я. — Блейз кровожадна и живуча, как чайка. А сейчас, Дек, нам следует сосредоточиться на собственных делах. — Повысив голос, я крикнул стражнику: — Давай, давай, добрый человек, нам нельзя терять времени.

Однако у стражника оказался более острый слух, чем у меня.

— От меня требуют, чтобы я задержал тебя, сир-конюший. Не угодно ли выйти из трага?

— Ну, как угодно, — безразлично протянул я, хотя сердце мое снова отчаянно заколотилось. Вот тут я и почувствовал, что больше не являюсь сидящим на подоконнике наблюдателем. Я должен был действовать, должен был вести себя как человек, а не как птица.

Я жестом велел Деку и Тризис оставаться на прежнем месте, а сам вышел из трага. Когда стражник поднял голову, чтобы присмотреться к происходящему наверху, я схватил его сзади и приставил к горлу нож. Он начал вырываться, приняв мой низкий рост за признак слабости; это было с его стороны ошибкой. Я мог ничего не знать о том, как сражаться, но мускулы рук у меня были могучими — недаром я всю жизнь провел, маша крыльями. Продолжая держать нож у горла стражника, другой рукой я заломил ему руку за спину. Пальцами оставшейся на свободе руки он попытался ткнуть мне в глаза, я отвернул голову, и он попал мне только по носу, но все же у меня

попились слезы. Стражник ударил меня по скуле, а я в ответ сильно укусил его за палец. Он завопил, и я поспешно зажал ему рот, боясь, что это привлечет внимание его товарищей. Когда мой противник ногой ударил меня по колену, я упал, но мне удалось повалить и его тоже. При этом мой нож слегка рассек его шею, но, ударившись локтем о рукоятку лебедки, я выронил свое оружие.

Дек выпрыгнул из трага, чтобы прийти мне на помощь, и к моему облегчению сумел схватить стражника за руки. Вдвоем мы повалили его на спину, я прижал коленями его руки, а Дек — ноги, и мы разоружили стражника. Рана его кровоточила, и я начал дрожать, осознав, что только что случайно чуть не убил человека.

Я прошептал в ухо поверженному противнику, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно и угрожающе, что так хорошо удавалось Блейз:

— Послушай, ты, травоядная ворона: ты можешь остаться в живых и спустить нас вниз или умереть, а я сам справлюсь с трагом. Что выбираешь?

— Я спущу вас, — мрачно ответил стражник.

— Правильное решение, — кивнул я и махнул Деку: — Возвращайся в траг и отправляйся вниз. Что там делать, ты знаешь. Давай!

Дек — к некоторому моему удивлению — подчинился без споров.

Стражник привел в действие лебедку — это был даже скорее ворот, управляться с которым следовало вдвоем, — а я стоял рядом, упираясь ему в спину его собственным мечом. Траг, в котором были Дек и Тризис, дергаясь, начал опускаться. Когда он остановился, достигнув нижнего уровня, я мечом перерубил веревку, соединяющую его с воротом, чтобы поднять корзину было нельзя. Прикрепленные к углам трага

веревки, не позволяющие ему опрокинуться, я, впрочем, не тронул.

Посмотрев на стражника, я приказал:

— Снимай мундир и давай его мне. — Тот бросил на меня враждебный взгляд, но подчинился. — А теперь ложись ничком на мостовую и закрой глаза. — Стражник снова подчинился, хотя и посмотрел на меня со страхом и ненавистью. Его меч я сунул себе за пояс. — Не поднимай головы, или умрешь. — Я порадовался его послушанию: не годилось ему видеть, как я дрожу от ужаса и сомнения в успехе того, что затеял.

Обвязав рукава мундира вокруг талии, я влез на балку, к которой крепились веревки от трага, стараясь не смотреть вниз и не поддаваться инстинкту, нашептывавшему, что мне достаточно расправить крылья, чтобы полететь... Уцепившись за одну из угловых веревок, я скользнул под балку, обхватил веревку ногами и повис, держась одной рукой. Другой рукой я отвязал мундир и по очереди сунул руки в рукава — не до конца; теперь мои ладони были защищены, и я начал долгий спуск туда, где далеко, далеко внизу виднелась платформа трага. Ветер начал свою жестокую игру со мной, раскачивая веревку и дергая за одежду. Примерно на полпути меня неожиданно окутало облако силв-магии; я молча вознес молитву неизвестно каким богам, чтобы исходила она от Тризис. Присмотревшись к тому, что за иллюзия теперь меня окружает, я решил, что Тризис придала мне внешность стражника в мундире старшего офицера.

К тому времени, когда я достиг нижней платформы, Тризис и остальные были уже в корзине и ждали, когда их опустят на берег. Стражники — на этот раз их было двое — больше интересовались тем, как и почему оказалась оборвана веревка, идущая вверх, чем своими пассажирами. Они, конечно, замети-

ли меня и, дождавшись, пока я доберусь до платформы, закидали вопросами. Я не стал им отвечать.

— Срочно! — закричал я. — Немедленно спустите меня до ряда Подонков! — Сверху все еще раздавались крики, но ветер уносил слова, и стражники не могли их расслышать. Я вскочил в траг с таким видом, будто не сомневаюсь в выполнении своего приказа.

Стражники не стали раздумывать: они схватились за рукоятки ворота, и мы поехали вниз. Когда мне удалось отдышаться, я сказал Тризис:

— Здорово ты придумала. Для целительницы ты очень здорово находишь кривые дорожки.

— А ты замечательно находчив для существа, которое всего два или три месяца назад было птицей.

Я пожал плечами:

— Птицы-дастелцы умели больше, чем предполагало большинство людей.

Тризис обдумала мои слова и кивнула.

— Знаешь, — медленно проговорила она, — думаю, что жителям других архипелагов отныне стоит быть осторожными, когда дело касается дастелцев.

Я обнаружил, что помимо воли широко улыбаюсь. Мысль была для меня новой и доставила мне удовольствие.

— Мне кажется, ты права.

— У меня прямо душа в пятки ушла! — сказал Дек. — Здорово ты съехал по веревке! Я на твоём месте просто окаменел бы. — Потом Дек с огорчением добавил: — А вот в схватке я забыл о Магоубийце... Можешь ты себе такое представить? Я просто накинусь на того парня с кулаками.

Я засмеялся, но тут же опомнился.

— Как дела у Флейм? — спросил я Тризис.

— Настолько хорошо, насколько можно ожидать. Она все еще под действием снадобья. Не думаю, что она проснется раньше чем через несколько часов.

Я оглядел Адский Ушат, но мало что сумел увидеть. По черной поверхности тянулись редкие желтые дорожки света от укрепленных на мачтах кораблей фонарей. Ветер продолжал выть, но вода оставалась неподвижной и густой, словно масло.

Наконец мы благополучно достигли ряда Подонков — однако наши трудности на этом не закончились. Нам нужно было найти способ добраться до «Буревестника», все еще стоявшего на якоре посередине гавани. Не говоря уже о том, что ночью на безлюдном берегу не было никого, кто мог бы нам помочь, казалось совершенно невозможным преодолеть на лодке путаницу водорослей, забивших бухту. Как сказал матрос, дежуривший у вытащенного на берег ялика, скорее удалось бы подоить корабельную крысу, чем пробиться сквозь эту пропахшую рыбой массу, густую, как похлебка у хорошей поварихи. Чтобы добраться до одного из кораблей, нужно было плыть на плоскодонке от устья Скоу.

Я поблагодарил матроса и отошел.

— Нам никогда не добраться до устья, прежде чем нас настигнет погоня, — сказал я своим спутникам. — Ведь пришлось бы нести Флейм, а пройти нужно не одну милю.

— Так что же делать? — спросил Дек.

Они оба с Тризис смотрели на меня, ожидая, что именно я найду выход. Это было почти столь же путающим, как мысль о преследующих нас стражниках.

— Давайте посмотрим на воду, — сказал я и вместе с Декком двинулся к ведущей вниз лесенке. Тризис осталась с Флейм. Под причалом оказалось слишком темно, чтобы можно было что-нибудь разглядеть.

— Погоди-ка чуток, я позаимствую фонарь, что висит над дверью у торговца свечами, — сказал Дек. Через минуту он вернулся, размахивая фонарем с таким видом, как будто имел полное право на него. Подняв фонарь повыше, он осветил воду... хотя, говоря по правде, воды-то как раз и не было видно: перед нами влажно блестела буро-зеленая поверхность, образованная сплетающимися водорослями. Я разулся и сунул в нее ногу. Водоросли оказались скользкими и почти не раздались под моей ногой.

Дек с сомнением смотрел на меня.

— Осторожно, сир-Руарт. Если ты туда нырнешь, на поверхность нипочем не выберешься.

— Я подумал, не сможем ли мы идти поверх водорослей.

На лице Дека отразился еще больший испуг.

— Никто такого не делает. Один из слуг во дворце говорил мне, что никто не суется в гавань, пока ветер и прилив несут сюда водоросли. Потом они гниют и воняют, и наконец речная вода вымывает эту гадость из Ушата, только этого не случится, пока ветер не переменится.

— Если мы останемся здесь, нас схватят. И случится это очень, очень скоро.

Дек все еще с опасением попробовал опереться на водоросли рукой.

— Там, где я родился, в бухте Китаму, полно грязи. Мы иногда переправлялись через нее на волокуше.

— Что это такое?

— Плоская доска. Ты на нее садишься, опускаешь одну ногу в грязь и вроде как отталкиваешься от нее. Перемажешься, конечно, по самое не могу, но двигаться можно. Мы так собирали моллюсков, когда в отлив вода отступала.

— Правильно! Нам нужно что-нибудь плоское, чтобы уложить Флейм... и еще веревка. Поищи-ка что-нибудь подходящее, парень.

Дек убежал, а я вернулся туда, где рядом с Флейм стояла на коленях Тризис. Она закутала свою пациентку в тот мундир, который я отобрал у стражника.

— С ней все хорошо, — сказала Тризис, предупреждая мой вопрос.

Тут вернулся Дек.

— Как ты думаешь, не разбудить ли нам торговца свечами? Рядом с его лавкой полно ящиков с большими крышками, только они заколочены. Один из ящиков нам подошел бы... У тебя есть деньги, сир-Руарт?

Я кивнул:

— Сколько угодно. Повесь на место его фонарь, и мы разбудим хозяина.

Дек со своим неизменным добрым расположением духа сделал это, влезши на один из ящиков, а я начал стучать в дверь. Открывший ее человек был раздражен, как спугнутая с гнезда сорока, пока не увидел пригоршню монет. Я сказал ему, что мне нужно, и позволил ему заломить несусветную цену; в результате он не только выгнал гвозди, крепящие крышку ящика, но и снабдил нас несколькими досками и мотком веревки. Мы поспешили к краю причала.

Положив крышку ящика на водоросли, я осторожно влез на нее. Вода стала просачиваться в щели, но и только. Дек и Тризис передали мне бесчувственную Флейм, и я опустил ее на грубые доски. Даже под ее весом, добавившимся к моему, крышка почти не прогнула путаницу бурых стеблей. Я попробовал ступить с крышки ящика на водоросли и тут же увяз — но только по колено. Я чувствовал себя как аист, стоящий на трясине. Мне было совершенно невозможно передвигаться, не говоря уже о том, чтобы тянуть за собой крышку с ее грузом.

Я подумал о птицах — яканах с длинными пальцами, живущих на прудах. Утки с перепончатыми лапами тоже способ-

ны переваливаться по грязи... Я выбрался на причал и привязал к подошвам своих башмаков по дощечке и попробовал снова встать на водоросли. На этот раз я не увяз, но стало ясно, что идти будет нелегко.

— Давай-ка и ты, Дек, — сказал я. — Придется нам вдвоем тащить эту крышку.

Дек кивнул и последовал моему примеру. Тризис растерянно смотрела на нас.

— Я не умею плавать, — виновато сказала она. — Вы сможете тащить нас обеих — и Флейм, и меня?

Как раз в этот момент мы услышали приближающиеся крики. Это были, как я догадался, стражники. Они воспользовались другим трагом, чтобы спуститься...

Я протянул Тризис дощечку:

— Будешь помогать нам отталкиваться. Пора! — Тризис влезла на крышку ящика, а я привязал веревки к ее углам. Дек взялся за одну, я за другую, и мы одновременно сделали сначала один тяжелый шаг, потом другой, таща за собой нагруженную крышку ящика. Тризис своей дощечкой отталкивалась сзади. Споткнувшись из-за непривычной длины своего башмака, я понял, что должен не просто поднимать ноги, а сначала двигать их в сторону и только после этого — вперед. Как утка... Дек стал подражать мне.

— Плавать-то я умею, — сказал он, — только тут и плавать не в чем, верно?

Он был прав.

— А я и сам не знаю, умею плавать или нет, — ответил я. Я сделал еще три шага и зацепился за водоросль, побег которой поднимался над общей массой. Упав на четвереньки, я пожегся, глядя, как в образовавшихся углублениях собирается вода. — Будем надеяться, мне не придется выяснить это на опыте, — пробормотал я.

Каждый мучительный шаг сопровождался бульканьем воды, словно выливавшейся из узкогорлого кувшина. Мы плескались, скользили, падали и бултыхались. Тризис решительно сжимала губы, но Дек ругался такими словами, каких мог слышаться только в казарме в Лекенбреге. К счастью, ветер все еще завывал и хлопал парусами судов, пришвартованных у набережной. До нас долетали обрывки криков и приказаний и скрип досок причала, по которым бегали стражники. Мы видели раскачивающиеся в их руках фонари. Во тьме ночи, надеялся я, мы должны были оказаться невидимыми на фоне черной поверхности забитой водорослями гавани.

Когда я оглядываюсь на то потрясающее путешествие через Адский Ушат, отчетливее всего я помню страх. Не страх перед теми, кто нас преследовал, но ужас, вызванный водой и водорослями под нами. Каждый шаг, который мы делали, был еще одним вызовом несчастью, еще одним искушением судьбы, еще одной угрозой смерти... еще одним шансом уйти под эту скользкую массу, зная, что пути обратно не будет.

Была, конечно, и просто трудная работа. Каждый новый шаг означал, что нужно вытащить ногу из жадной хватки водорослей, тянувших к нам свои щупальца, пытающихся проглотить. Они походили на живое существо, раскинувшееся по всей бухте и подстерегающее неосторожных. Мы не сделали и тридцати шагов, когда почувствовали полное изнеможение; однако остановиться было нельзя. Нам нужно было покинуть Адский Ушат прежде, чем взойдет солнце.

Я все время думал: что, если где-то поблизости находится человек, обладающий Взглядом? Он увидит свечение дун-магии Флейм... она покажется ему ярким маяком, так же ясно сообщит о своем присутствии, как если бы кричала: «Я здесь! Я здесь!»

Мы продолжали ковылять, шатаясь, как пьяные, готовые в любой момент рухнуть... Предположив, что капитан «Буревестника» не встал бы на якорь рядом с хранителями, я выбрал сигнальные огни, располагавшиеся в стороне от прочих; к ним мы и шли. Когда мы приблизились к разводью, образованному течением реки, слой водорослей сделался тоньше. Мне все труднее стало находить опору. Дек ступал по, казалось бы, сплошному слою водорослей, но вдруг одна его нога провалилась в дыру, и он неумолимо заскользил вглубь. Я бросил веревку и кинулся ничком на поверхность водорослей. Как раз в тот момент, когда голова Дека скрылась под водой, я сумел ухватить его за волосы. Тризис перегнулась вперед, и совместными усилиями мы сумели дюйм за дюймом вытащить Дека из сплетения водорослей туда, где они давали более надежную опору. После этого какое-то время мы пролежали, совершенно лишившись сил; Флейм, к счастью, все это проспала.

Нам пришлось немного вернуться и добираться до корабля более кружным путем. Было слишком темно, чтобы мы могли прочесть название на его корме, но вахтенный сообщил нам, что это именно «Буревестник».

Если бы мы думали, будто наши беды кончились, мы, конечно, ошиблись бы. Капитан, пожилой бородатый моряк с Ксолкаса по имени Сабестон, ожидал нашего прибытия, но ему весьма не понравилось, что Блейз с нами нет; еще больше он огорчился, когда мы сказали, что должны отплыть без нее. Да и как вообще смогли бы мы выйти из гавани? Одно дело плоскодонке добираться до попавших в ловушку кораблей, и совсем другое — бригу покинуть бухту, забитую водорослями.

Я подождал, пока Флейм под присмотром Тризис уложили в каюте, а мы с Деком, получив сухую одежду, немного согрелись, прежде чем снова начать обсуждать проблему с

Сабестоном. Он все еще был мрачен, и корабль не двигался с места.

— Если мы не выйдем в море, — сказал я ему, — днем все здесь обыщут хранители.

Капитан напыжился, как увивающийся за самкой голубь.

— Они не посмеют! Это же мой корабль! И здесь Брет, а не острова Хранителей!

— Неужели ты думаешь, что они обратят на это внимание? — устало сказал я. — Имея столько силвов и пушки, они считают, что могут править всеми нами так, как находят нужным. Сила сама себе закон; ей не нужно ждать, пока ее право признают другие. Если ты мне не поверишь, капитан, все мы попадем в беду.

Моя горячая речь была подпорчена необходимостью повторять каждую фразу: из-за моего акцента Сабестон плохо меня понимал. Наконец он просто бросил:

— Ни один хранитель не ступит на палубу моего корабля!

— Тогда твой корабль может войти в историю как первый, разнесенный в щепы огнем пушек! — «Надутые голуби, — подумал я, — часто бывают просто смешны».

— Да пусть являются и ищут, — вмешался Дек. — Сирсилв Тризис создаст иллюзию и спрячет нас.

— Ничего не выйдет, если с ними будет обладающий Взглядом, — возразил я. — Если этот подручный хранителей жив и явится сюда, он сразу поймет, что среди нас скрывается человек, воняющий дун-магией. Ему ничего больше и не понадобится. Никакая иллюзия тут не поможет.

— Так что же нам делать? — спросил Дек, широко раскрыв глаза: только теперь он понял, что опасность, грозящая нам, ничуть не стала меньше, чем когда мы пробирались сквозь водоросли.

— Ну, можно рассчитывать на то, что обладающий Взглядом убит. Это, конечно, возможно. Только более безопасный вариант — чтобы капитан вывел корабль из Ушата. Как-нибудь, и немедленно... В конце концов, это его работа. Не сомневаюсь, что Блейз, отдавая ему распоряжения, предусмотрела необходимость отплыть без нее.

Сабестон ничего на это не ответил.

— Немедленно, — повторил я, пристально на него глядя. — Прежде чем хранители сделают бегство невозможным. Я уверен, что капитан достаточно умелый моряк, чтобы вывести корабль отсюда, водоросли там или не водоросли. Почему бы не попробовать поднять паруса?

— Чтобы ветер загнал нас еще глубже в бухту? — ядовито поинтересовался Сабестон.

— Хорошо, тогда воспользуйся плавучим якорем.

— Стоп-анкером, — прорычал Сабестон. — Если уж ты собираешься пользоваться морскими названиями, хотя бы научись произносить их правильно!

Мне казалось, что именно так я и делаю, но спорить я не стал.

Дек, ясное дело, тут же встрял:

— А что такое стоп-анкер?

— Это такой особый якорь; его вывозят на лодке, сбрасывают на дно, а потом подтягивают к нему корабль. Потом приходится поднимать якорь и повторять все с начала. Это очень медленный способ передвижения, но он может сработать, — неохотно признал Сабестон и начал отдавать приказания матросам.

Дек ухмыльнулся, глядя на меня.

— Где это ты узнал так много об управлении кораблем?

— Когда я был в твоём возрасте, я много путешествовал, сидя на снастях каботажных судов. — Флейм бывала очень

этим недовольна, потому что сама она никогда никуда не выезжала.

Через пятнадцать минут шлюпка со стоп-анкером отчалила, и скоро корабль пришел в движение — со скоростью безной утки, конечно, но все же... Еще не рассвело, и я не думал, что с кораблей хранителей заметили наш маневр.

Я подошел к борту и оперся о поручень. Дек встал рядом со мной. Впереди просвет в скалах, ведущий к океану, все еще был невидим; позади нас утес Бретбастиона освещался перемещающимися огоньками, многие из которых сияли голубым светом силв-магии. Корабль медленно плыл по гавани, и мы молча стояли, думая о Блейз. Оба мы ожидали, что корабли хранителей, черные силуэты которых все еще загораживали выход в пролив, предпримут какие-то действия. Постепенно они обретали форму и детали, становились узнаваемыми... в первых утренних лучах медленно, очень-очень медленно «Буревестник» продвигался, оставляя их за кормой.

— Не понимаю, — наконец сказал Дек полным страдания голосом, — почему Блейз не могла уйти с нами? Она ведь не так уж много задержала хранителей. Да и как бы ей такое удалось? Она осталась одна, и как только они прорвались в дверь... — Дек опустил голову, словно его горе давило на него тяжелым грузом.

— Она не для того осталась, — сказал я. Я понимал это с самого начала.

— Тогда для чего?

— Ей нужно было убить человека, обладающего Взглядом. Я услышал, как Дек резко втянул воздух и ощутил его ужас.

— Но... обладающие Взглядом вроде как родня, знаешь ли. Ты же тоже это чувствуешь... или чувствовал раньше. — Шок, обрушившийся на Дека, был очевиден: решение Блейз не совпадало с его кодексом чести.

Я кивнул:

— Да, так и было. Но если бы обладающему Взглядом подручному хранителей удалось выбраться из дворца, он пошел бы по нашему следу, как ищейка. И он смог бы сообщить на корабли, что мы на борту «Буревестника». Теперь они уже открыли бы огонь... Но, понимаешь ли, им неизвестно, где мы находимся. Догадываться они могут, но наверняка не знают, и неуверенность их останавливает. Даже хранители не рискнут разнести в щепки корабль просто потому, что он покидает гавань. Так что, чтобы мы получили шанс скрыться, обладающий Взглядом должен был умереть. Вот поэтому Блейз и осталась.

— И ты думаешь, что ей это — убить его — удалось.

— Да. — Я махнул рукой в сторону кораблей хранителей. — Я не слышал, чтобы они выкатывали пушки.

— Ох... — Дек обдумал мои слова. — Не думаю, чтобы ей очень нравилось убивать одного из таких же, как она...

«Дек, — подумал я, — взрослеет».

— Конечно, ты прав, — сказал я. — Ничуть ей это не нравилось.

— А мы ее оставили. Может быть, она погибла. Или захвачена в плен.

— Да.

Дек уныло посмотрел на меня. «Буревестник» в свете разгорающегося дня выходил из забитого водорослями Адского Ушата в океан.

— Стоило ли оно того, сир-Руарт? Я имею в виду... Флейм ведь все еще злая колдунья, верно? Так стоит ли она таких жертв?

Ответ мне дался с трудом:

— Не знаю, Дек. Просто не знаю.

Глава 25

РАССКАЗЧИЦА — БЛЕЙЗ

Я как-то сказала тебе, что за свою жизнь убила двоих людей, чья смерть обожгла мою душу. Одним был Ниамор на косе Гортан. Он и так уже умирал — умирал мучительно от язв, причиненных дун-магией; я только избавила его от страданий. И все же, когда мой меч вонзился ему в грудь...

Я не особенно долго знала его, но он стал мне другом. Я видела в нем что-то от себя; во многом мы были схожи — двое бродяг, зарабатывающих на жизнь собственными руками и головой, стараясь при этом не причинять особого вреда хорошим людям. Предсмертный взгляд Ниамора преследовал меня многие годы.

Убийства злых колдунов, с другой стороны, никогда меня особенно не волновали. Даже расправа с ребенком Флейм, хоть и была не особенно приятна, не лишила бы меня сна. Младенец был чудовищем, плодом насилия, оскверненным дун-магией с момента зачатия. Он был просто болезнью, а не человеческим существом, и то, что он сделал с Флейм, уже было достаточным оправданием его убийства. То, к чему привела бы его жизнь, делало такое убийство необходимостью. Его смерть не была второй смертью, мучившей меня.

Ею стала смерть обладающего Взглядом Сатрика Матергона.

* * *

Как только Руарт покинул покои Флейм, я закрыла ставни. Я не хотела, чтобы кто-то сразу же обратил внимание на балкон. Я стремилась создать у тех, кто ломился в дверь, впечатление, будто властительница все еще в своей спальне.

Затем я постаралась как можно сильнее затруднить дело тем, кто ворвется в приемную. Проникшие сюда первыми будут испуганы. Я это знала: всегда боишься того, что ждет тебя за закрытой дверью. Они будут уверены, что столкнутся с ударом дун-магии, который может убить, изувечить или осквернить. Они кинутся вперед очертя голову. Обладающий Взглядом будет в первых рядах, возможно, в самом центре. Его работа в том и заключается, чтобы указывать на источник дун-магии и разделяваться со злым колдуном. Никто не подумает о том, чтобы смотреть на пол.

Я раскидала повсюду мелкие предметы — подушки, низкий столик, скамеечки, баночки с притираниями, ящики из комода. Я запомнила их местоположение, чтобы не споткнуться самой. В других местах я расставила вещи, которые могла использовать в схватке, — разные блюда, кочергу, ведро с золой, которую я wygrебла из камина. В правой руке у меня был меч, в левой, кроме щита, сооруженного из блюда, я держала одну из не использованных Деком для спуска простыней. За пояс я сунула нож. Всегда следует готовиться к любому развитию событий. У меня было одно преимущество над выпускниками академии: я не ограничивала себя никакими правилами.

Когда наконец дверь была выбита и нападающие отодвинули мебель, которой она была забаррикадирована, я не попала им на глаза. Ворвавшиеся первыми — их было пятеро — не обнаружили в комнате никого; точнее, так им показалось. Когда они пробежали мимо, я сумела мечом подсесть сухожи-

лия на ногах двоим. Потом я выкатилась из-под стола на дальней от них стороне; когда один из силвов кинулся на меня, ему под ногу попалась баночка с притиранием, и он упал, ударившись при этом головой об угол стола. Я наступила ему на грудь, сломала пару ребер и кинулась на следующего противника.

К тому времени я разобралась, с чем мне предстоит иметь дело. Силвов было человек двадцать, все они были вооружены. Единственным человеком, у которого в руках не было меча, оказалась Джесенда; она не вошла в комнату, а осталась наблюдать из дверей. Я сразу же обнаружила обладающего Взглядом, конечно; он был единственным, кого не окутывали всполохи силв-магии.

Я накинула простыню на силва, который вознамерился напасть на меня, рассекла мечом ему бедро и проскользнула мимо него — к намеченной жертве, обладающему Взглядом. К этому времени в приемной уже толпились хранители, места для схватки сделалось мало.

— В другой комнате! — кричал Матергон. — Зловоние дун-магии исходит оттуда! — Он указывал на спальню Лиссал. Некоторые силвы принялись оттаскивать мебель от ведущей туда двери. Мне не удавалось добраться до обладающего Взглядом: между ним и мной оказались трое силвов. Первым из них был высокомерный молодой человек, явно считавший, что женщина с мечом ему не противница. Он сделал не слишком осмотрительный прямой выпад; я отбила в сторону его меч и ударила его в нос своим импровизированным щитом. После этого потребовалось всего несколько секунд, чтобы разоружить его и попутно основательно ранить в руку.

Двое оставшихся проявили большую осмотрительность — и к тому же в комнате было полно вооруженных хранителей, готовых оказать им поддержку. Я сделала выпад, заставивший одного из моих противников сделать шаг назад; при этом

он споткнулся о валявшийся на полу ящик комода. Когда его меч беспомощно взметнулся вверх, я сильно толкнула его в грудь; одновременно я отразила атаку второго хранителя.

«Проклятие, — подумала я. — Ничего не выйдет, их слишком много».

Обладающий Взглядом повернулся ко мне спиной, направляясь к двери спальни Лиссал.

Я скользнула вбок, схватила со стола ведро с золой и кинула в лицо человеку, напавшему на меня, одновременно нанеся удар мечом еще одному, который пытался ударить меня, думая, будто я его не вижу. Потом я сделала единственную вещь, которая еще могла принести мне успех: швырнула свой меч в ближайшего силва, ранив его, вскочила на стол, выхватила нож, двумя шагами пересекла столешницу и кинулась сзади на обладающего Взглядом. Он рухнул, и мы оба поехали по полу, врезавшись в конце концов головами в стену. На мое счастье, основной удар приняла на себя его голова.

Силвы, конечно, не стояли неподвижно, ожидая развития событий. Все они кинулись на меня, целясь мечами мне в спину. У меня оставалась доля секунды. Я все еще лежала на Матергоне, и в руке у меня все еще был нож, острием касавшийся его шеи. Я не сделала попытки приподняться. Схватив левой рукой Матергона за волосы — он был оглушен и почти не сопротивлялся, — я запрокинула его голову и перерезала горло.

После этого я сдалась. Силвы даже не поняли, что я сделала, пока не стащили меня с тела Матергона и не увидели, что он захлебывается собственной кровью. Как обладающий Взглядом он не мог, конечно, быть исцелен силв-магией. Все, что им оставалось, — это смотреть, как он умирает.

Как я уже сказала, гордиться мне тут нечем, и эта смерть все еще преследует меня.

Одни хранители связывали меня по рукам и ногам, пока другие осматривали покои Лиссал. К этому времени прибежали некоторые гвардейцы властителя; они выглядели встревоженными и растерянными. Я гадала, скоро ли исчезнет эффект наложенных на них Лиссал чар — ведь теперь она была без сознания.

Я сидела, прислонившись к стене; Джесенда подошла ко мне. Веревки были тугими и причиняли мне боль.

— Полукровка, — издевательски протянула Джесенда, — за это я тебя казню.

— Я тоже рада тебя видеть, — ответила я. — Знаешь, мне всегда казалось, что даже дочь советника не может узурпировать прерогативы суда хранителей.

— Мой отец сейчас временный глава Совета, — поправила меня Джесенда. — А ты будешь висеть.

— Буду повешена.

Она непонимающе посмотрела на меня.

— Висит одежда, — объяснила ей я. — А люди бывают повешены — просто небольшое грамматическое уточнение.

Она посмотрела на меня как на умалишенную. Может быть, я и была таковой.

— Ты пожалеешь о том, что оказалась у меня на дороге.

— Я уже жалею, — согласилась я.

— Никто безнаказанно не делает дурака из Датрика.

— Боже мой, Джесенда, я уже безнаказанно сделала дураком твоего отца.

Она чуть не плюнула в меня.

— Тебе предстоит очень неприятное путешествие в Ступицу. Ты пожалеешь о том, что родилась на свет.

В этом она была не совсем права. Я никогда не жалела о том, что родилась; впрочем, действительно, за время путеше-

ствия бывали дни, когда я сомневалась, что сойду с «Гордости хранителей» живой. Удивительно, каким мерзким оказался трюм этого военного корабля с роскошно отделанными каютами. Там было темно, мокро, холодно, тесно, полно крыс — а я была в кандалах.

Путешествие оказалось ужасно, ужасно долгим.

Аниара айси Терон

Запись в дневнике

15 второго месяца Двух Лун, 1794

Мы бросили якорь в проливе Митан между Большим и Малым Калментом! Какие же это скалистые, дикие острова! Когда-то здесь сражался Тор Райдер, именовавшийся тогда Копьем Калмента, — защищал крестьян от жестокости властей. Интересно, как теперь живет этим крестьянам, после того как восстание подавили... Все это было давно, конечно, году в 1732-м, как мне помнится.

Здесь мы расстались с некоторыми из кораблей нашей флотилии: корветом «Воин» и двумя торговыми шхунами с их грузом монахинь-миссионерок — они первым делом направились на острова Хранителей. Два исследовательских судна продолжают путь к Южным островам. Мне жаль говорить «до свидания» уходящим кораблям — их присутствие на горизонте все эти долгие месяцы пути очень обнадеживало. Первое, что я делала каждое утро, выйдя на палубу, — это высматривала их паруса, чтобы убедиться: за ночь с ними ничего не случилось, мы все еще вместе. И только пересчитав корабли и убедившись, что положенное число не изменилось, я чувствовала, что с миром все в порядке! Глупо с моей стороны, признаю, но необъятность океана так подавляет сухопутную жительницу вроде меня...

В тот же день вечером

Сегодня мы с Шором поссорились, как никогда еще не ссорились раньше. Он узнал — из невинного замечания сестры Лессаль, — что в моем распоряжении находятся копии его последних интервью с жителями Райских островов. Шор пришел в ярость и отчитал меня в присутствии Натана, доктора Хенсона и капитана Джортена. Так унижительно...

Он не имел никакого права говорить некоторые вещи! Я ему не сестра и не невеста, и к тому же я совершеннолетняя. Он был моложе, чем я сейчас, когда в первый раз отправился на Райские острова. И тем не менее я опустила глаза и ни слова не сказала в свою защиту. Почему? Я знаю, что он может во многом воспрепятствовать мне, когда мы высадимся на берег. Мне предстоит зависеть от его доброй воли, вот я и прикусила язычок и притворилась кроткой и покорной женщиной.

В глубине души я хочу быть такой же, как Блейз или Джесенда, — женщиной полезной, целеустремленной и смелой, способной принимать собственные решения.

Пожалуй, почитаю-ка я еще записи... это меня взбодрит.

Глава 26

РАССКАЗЧИК — ЭЛАРН

Я ожидал, что меня продержат взаперти дня два — пока корабли хранителей минуют пролив и уйдут в открытое море, — но вместо этого я оставался под замком две недели. К тому времени, когда Гэрровин явился, чтобы выпустить меня, я был в такой ярости, что еле мог говорить.

— Две недели! — кричал я. — Ну, Гэрровин, погоди, так это вам с рук не сойдет! Это было самое настоящее похищение! Незаконное заключение гражданина островов Хранителей!

— Ага, — дружелюбно согласился он. — Может, и так. Только я-то не законник, знаешь ли. Вот что я тебе скажу, паренек: на твоём месте я не стал бы поднимать шум. Твой отец одобрил такую меру, Синод знал о ней и не пикнул. Станешь жаловаться, так себя же дураком и выставишь.

Я сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Но почему так долго?

— Так нам показалось лучше — чтобы в Ступице наверняка не узнали кое о чем слишком рано.

Я свирепо смотрел на него.

— Теперь-то я свободен? — спросил я резко.

— Ага, — кивнул Гэрровин.

Я собрал те немногие вещи, что были мне предоставлены — несколько книг, свитков, перо, чернильницу и молитвенник, — и двинулся к двери.

Когда я протискивался мимо Гэрровина, он спросил:

— Так собираешься ты сообщить обо всем главе Совета?

Я заколебался, хорошо понимая, что лгать этому человеку бесполезно.

— В настоящий момент нет, — выдавил я сквозь стиснутые зубы. — Нет смысла. Ступица не пошлет подкрепления на Брет. Совет хранителей созвал сюда весь свой флот, чтобы оснастить его пушками, только черного порошка-то больше нет. Джесенде и остальным придется выкручиваться своими силами.

— К тому же ты будешь глупо выглядеть, если сообщишь Датрику, что оказался в клетке, когда должен был предупредить девчоночку, — ухмыляясь, добавил Гэрровин.

— Ах, заткнись, старый болван! — грозно рявкнул я.

— А у меня есть для тебя новость, — ничуть не задетый, сказал Гэрровин, — если, конечно, у тебя найдется минутка, чтобы послушать старого болвана.

Я глубоко втянул воздух.

— Я был груб. Не следовало так говорить... Ты же не виноват ни в своем возрасте, ни в печальном состоянии своего рассудка.

Гэрровин рассмеялся.

— Ах, паренек, вот уж правда: язычок у тебя острый. Я только хотел сказать тебе, что мы нашли лекарство, которое искали.

Наверное, это не должно было бы оказаться для меня сюрпризом, но все равно я испытал шок. Мы с Гэрровином шли рядом к выходу из здания Синода, но тут я замер на месте и вытаращил на него глаза. Только теперь я осознал собствен-

ную уверенность в том, что они никогда не добьются успеха в своей затее и не найдут лекарство от магии. Я считал все это глупой мечтой далеких от жизни ученых с их магнискоскопами и сепараторами, разговорами об испарениях, ихоре и свернувшейся крови.

— Я тебе не верю, — сказал я наконец.

Он пожал плечами:

— Могу доказать — дать снадобье тебе и излечить от дара силва.

Я открыл рот и снова закрыл.

— Не интересуюсь.

— Ну, паренек, ты так трясешься, что не остается сомнений в моей правоте. — Гэрровин снова ухмыльнулся. — Пойдем, я угощу тебя чашкой шоколада в той лавочке напротив. Этот мой крикливый племянник дал мне попробовать питье, и теперь я не могу без него обходиться. Такая привязанность греховна, без сомнения; как это патриархия до сих пор не обратила на это внимания...

Гэрровин взял меня под руку и потянул к выходу.

Мы не разговаривали, пока не оказались в лавочке с исходящими паром кружками с коричневой жидкостью в руках.

— Что вы сделали? — спросил я, хотя все еще не был уверен, что хочу это знать.

— Если говорить попросту, так, чтобы всякий понял, мы обнаружили, что силв-магия содержится в крови. Она там, пользуешься ты ею или нет, а когда пользуешься, она попадает и в другие места, например на кожу. Только и в крови она не такая уж концентрированная, и обнаружить ее, если человек не пользуется своим даром, трудно. Правда, когда мы собрали кровь из плаценты и пуповины, соединявшей мать с младенцем, там оказалось огромное количество... Есть многое, чего мы не понимаем, — например, почему талант силва

не всегда передается от матери ребенку, если отец не силв. Должно быть, ребенок тоже должен обладать каким-то свойством, благодаря которому он оказывается способен воспринять свою дозу силв-магии.

Так или иначе, мы обнаружили, что способность к силв-магии содержится в том, что мы именуем ихором, — прозрачной части крови, которая может быть отделена от красной части. Все выглядит так, как будто мать вырабатывает ее и в больших количествах снабжает ею ребенка, особенно в момент родов. Тебе все пока понятно?

Я кивнул; несмотря на то что я все еще злился на Гилфите-ра, мне стало очень интересно.

— А потом мы проделали то же самое с матерями, обладающими Взглядом, — продолжал Гэрровин, — которые родили таких же детей. Конечно, нет способа почуять или увидеть эту способность, так что трудности тут были большие. Мы рассчитывали, что если силв-составляющая обнаруживается в плаценте и пуповине — в последе, знаешь ли, матерей-силвов, то так же случится и со Взглядом.

— И что оказалось на деле? — спросил я.

Гэрровин отпил из своей кружки и блаженно вздохнул.

— Ах, что за прелесть... Ну, тут обнаружилось, что передача Взгляда не так предсказуема, как это происходит с силв-магией. Дети некоторых женщин, обладающих Взглядом, им не наделены, даже если отцы обладают Взглядом тоже. Но только когда нам посчастливилось найти обладающую Взглядом женщину, старшим детям которой он передан, выделить ихор из ее плаценты и смешать с ихором из последа роженицы-силва, силв-магия из него исчезла через несколько часов. Вот так-то. Тор не видел больше голубизны, а мы с Келвином ничего не чуяли. Силв-составляющая исчезла, как будто ее и не было.

— А что вы сделали потом? — спросил я.

Гэрровин понизил голос: в лавку вошли несколько человек и уселись за соседним столом.

— Мы добавили в ихор матери-силва ихор обычной роженицы — и ничего не произошло: признаки силв-магии проявлялись так же сильно, как и до того. Однако когда мы приготавливали лекарство из ихора женщин, имеющих обладающих Взглядом детей, оно действовало каждый раз.

Я почувствовал, что его рассказ странно взволновал меня, и принялся пить свой шоколад, чтобы скрыть беспокойство.

— Так, значит, вы получили лекарство против силв-магии в пробирке. Как вы собираетесь использовать его для исцеления дун-магов?

Гэрровин, конечно, уловил мой сарказм и изрядно смутился.

— Вот тут-то и загвоздка. Не так уж у нас много дун-магов, с которыми можно было бы экспериментировать.

— Так как же вы выходите из положения?

— Мы попробовали испытывать лекарство на животных: и в горло вливали, и в кровь вводили — и ни одно еще не подошло.

— Замечательно! Только я что-то не знаю ни одного животного, которое грешило бы дун-магией.

— Мы просто хотели убедиться, что наше снадобье не ядовито. Мы пытались подвергать ихор перегонке, но целебные свойства исчезают при этом, как и остальные ингредиенты, так что такое решение не годится. Потом мы кипятили ихор, и его целебные свойства сохранялись. Мы надеемся, что кипячение устранил многие загрязнения, если они там окажутся... Просто предосторожность, знаешь ли.

— А дальше что?

— У нас уже есть парочка желающих — вернее, даже не парочка: их семеро. Это силвы, которые хотят избавиться от своего дара. Двоим мы дали несколько капель снадобья в питье, другим ввели в кровь через кожу. С первой парой ничего не случилось — по крайней мере пока. Вторая компания обнаружила, что на следующий день им трудно стало пользоваться силв-магией, а теперь они начали видеть ее сияние, когда к силв-магии прибегают другие. Конечно, мы не знаем, долго ли сохранится эффект... избавятся ли эти силвы от своего дара навсегда. Как бы то ни было, паренек, если пожелаешь тоже от него избавиться, только попроси...

— Мне нравится быть силвом, — бросил я. В душе я испытывал облегчение. Если им приходилось вводить свое снадобье в кровь, вряд ли им удалось бы превращать силвов в обладающих Взглядом без их согласия.

— Как хочешь, — пожал плечами Гэрровин. Он выглядел невыносимо самодовольным. Его блестящие глаза были слишком уж понимающими...

Я посмотрел на него с отвращением.

— И много у вас этого снадобья?

— Лекарства? Ах, со временем мы не будем испытывать в нем недостатка, — ответил Гэрровин.

У меня возникло странное чувство: как будто я что-то упустил... или он чего-то недоговорил.

— Ты собираешься просить меня держать это в секрете от силвов в Ступице?

— Нет, паренек, не беспокойся. Рассказывай сколько хочешь. Я думаю, верховный патриарх сам пошлет сообщение, когда мы немного больше разберемся в свойствах лекарства. Советники-хранители наверняка пожелают иметь в заглазничке бутылочку-другую нашего снадобья, когда в следующий раз столкнутся с выводком дун-магов, а уж мы-то им не откажем.

Я кивнул:

— Тогда я поделюсь новостью с сир-силвом Датриком, когда увижу его в следующий раз.

— Ага, давай, паренек.

— Но ведь вы пока не доказали, что снадобье действует и на дун-магов, верно?

— Пока нет. Но нам обоим с Келом кажется, что дун-магия — это просто слишком большая доза дара силва, только и всего. Не гляди на меня так кисло, паренек. Вот выпей-ка еще шоколада. — Он заказал мне еще одну кружку, прежде чем я успел отказаться.

Я откинулся на стуле и оглядел комнату. Лавка, торгующая шоколадом, привлекала самых разных людей — от пожилых ученых до школяров, у которых в карманах едва ли водилась парочка сету. В тот день сюда зашел даже гхемф. Я от нечего делать разглядывал его, но потом вспомнил кое-что — то лицо, которое я видел в воде, когда ночью возвращался на полозе... Оно принадлежало гхемфу! Как я сразу не догадался? Конечно, идея, что гхемф мог нагишом ночью кататься на волне, была абсурдной, но все же я был уверен, что не ошибся.

Я и в самом деле отправился повидаться с Датриком, когда в следующий раз попал в Ступицу. Я думал, что теперь, когда он стал временным главой Совета, добиться аудиенции будет трудно, но все оказалось не так. Он, казалось, обрадовался мне и пригласил в свой кабинет.

После нескольких вежливых вопросов — о моем здоровье и здоровье моего отца — Датрик поинтересовался целью моего визита. Кратко, как мог, я рассказал ему обо всем, что узнал. Он внимательно слушал, проявив ко мне уважение уже одним тем, что воспринял мои слова серьезно. Когда я закон-

чил, Датрик кивнул и некоторое время сидел молча, глубоко задумавшись.

— Джесенда перед отъездом спрашивала меня, — наконец сказал он, — не знакомо ли мне имя Флейм. Я смог сообщить ей, что Флейм и Дева Замка — одно и то же лицо, так что ты можешь не тревожиться: об этом Джесенда предупреждена, она знает, с чем может столкнуться в Бретбастионе.

Я вздохнул с облегчением, но не думаю, что Датрик это заметил.

— Боюсь, что госпоже Лиссал уже не поможешь, — продолжал он. — Есть предел тому, что способны исцелить силы. Джесенда получила ясные указания в отношении ее... будущего. Что же касается тебя, Эларн, — добавил Датрик, — то ты поступил правильно. Признаюсь, у меня возникли сомнения, когда Джесенда в первый раз заговорила со мной о тебе, но теперь я вижу, что она не ошиблась. Ты обладаешь большим потенциалом.

Меня охватило теплое чувство.

— Спасибо, сир-силв.

— Один вопрос: ты говоришь, что этот Гэрровин Гилфитер считает, будто получить больше лекарства от магии в будущем не составит проблемы.

— Да, у меня сложилось такое впечатление. Я предполагаю, что он рассчитывает: те силы-менодианки, которые пожела-ли избавиться от своего дара, присоединятся к обладающим Взглядом, которые предоставляют ему свой... э-э... послед. В результате в будущем будет рождаться больше младенцев, обладающих Взглядом.

Датрик нахмурился, потом сказал:

— Что ж, можно по крайней мере порадоваться тому, что прием снадобья через рот не дает эффекта. Если ситуация изменится — хоть как-то, — немедленно дай мне знать. Такой

легкий способ... — Его передернуло. — Найдись он, и все, что будет нужно, чтобы разделаться с силами островов Хранителей, — это вылить несколько капель в резервуары, снабжающие город водой. Райдер на такое пошел бы... уж такой он человек — совершенно безжалостный и бессовестный.

Я заморгал. Такая оценка не совпадала с моим мнением о Райдере. Мне он казался человеком, мучительно переживающим свои решения, разрываемым на части отвращением к дун-магии, проникшей в него, и постоянно сопротивляющимся ей.

— Говорила тебе Джесенда, что я узнал: Райдер был осквернен дун-магией? — спросил я.

— Да, конечно. Однако это его не оправдывает. Он и раньше не стеснялся в средствах: я встречал его в Гортанской Пристани, знаешь ли, когда он помогал этой суке-полукровке. Тогда в нем не было дун-магии, иначе Блейз сообщила бы мне... Райдер всегда был развращен, — с отвращением бросил Датрик.

Я подумал, что он ошибается, но не осмелился возразить.

— Я хочу, чтобы ты вернулся на Тенкор и продолжал сотрудничать с Гилфитерами. Мне нужен список тех, кто получил снадобье, — всех семерых. И как можно скорее.

— Не знаю, удастся ли его раздобыть, — сказал я. — Эти люди, похоже, видят меня насквозь. Обмануть их не удастся...

— Эларн, ты и представить себе не можешь, как много от этого зависит! Подумай о том, каким стало бы наше существование, лишись мы силв-магии... — Датрик продолжал, не дожидаясь моего ответа: — А эти обладающие Взглядом! Когда хоть один из них присутствует, мы не можем заключить выгодную сделку. Когда кто-то из них рядом, нельзя по-настоящему провести выборы! Никакой иллюзии нельзя создать так, чтобы они нас не разоблачили. Каждый настоящий силв ви-

дети не может обладающих Взглядом! Если бы не они, мы теперь бы уже правили всеми Райскими островами, принесли всем свое представление о процветании. Но нет — нам приходится подчиняться всяким проклятым законам из-за того, что обладающие Взглядом — тут как тут. Мы так много даем всем жителям островов — здоровье, красоту, культуру, театр, закон и порядок, — и что же мы получаем взамен? Нам в нос тычут разоблачениями обладающих Взглядом!

От его горячности мне все больше становилось не по себе. Неужели он считает любое мошенничество законным, если его совершает сила?

Датрик не замечал моих сомнений.

— Ты ведь все еще не видишь опасности, мой мальчик? Ты забыл задать Гилфитерам и Райдеру самый важный вопрос: возможно ли этим их снадобьем превратить в обладающих Взглядом обычных людей?

Этот вопрос произвел в моем уме действие камня, упавшего в пруд. Мысли неожиданно разбежались, я не мог сосредоточиться. Слишком огромны, слишком всеобъемлющи были бы следствия этого... весь мир перед моим внутренним взором разваливался на части.

— Мне необходим этот список, Эларн, — заключил Датрик, — и как можно скорее, прежде чем ситуация выйдет из-под контроля. Мы должны нанести ответный удар.

Во время долгого пути обратно на Тенкор я обдумывал то, что услышал от Датрика. Конечно, он был прав: я не заметил очевидного, не разгадал причины самодовольства Гэровина. Этот лекарь-пастух представлял себе Райские острова, где все люди — если бы они согласились отказаться от помощи силлов в случае болезни — могли сделаться обладающими Взглядом. Это защитило бы их от иллюзий и об-

мана, а также и от дун-магии. Менодиане были бы счастливы получить возможность с легкостью избавиться от удавки, которую силв-магия затягивала на горле экономики и торговли. Для силвов тогда осталось бы лишь одно занятие, позволяющее получать доход от их дара, — целительство, но все меньше людей стало бы прибегать к их помощи: ведь обладающие Взглядом невосприимчивы к чарам. Силв-магия была бы обречена на упадок.

В результате я отправился к Гилфитерам и Райдеру, хотя необходимость этого вставала мне поперек горла. Я не хотел больше иметь с ними дело, я все еще не мог простить их произвол, в результате которого я оказался под замком.

Райдер был не в духе: не смог уговорить Гилфитеров на то, чтобы они дали ему снадобье. Он жаждал искоренить в себе следы дун-магии и тем доказать, что исцеление от нее возможно. Гилфитеры опасались, что для него как уже обладающего Взглядом это может оказаться опасным — вроде приема двойной дозы лекарства. Райдер обратился за поддержкой к верховному патриарху, но тот немедленно запретил ему экспериментировать на себе. Райдер подчинился, конечно, но раздражение ясно проявлялось в его поведении.

Завладеть списком семерых силвов, которые в той или иной форме подверглись лечению, оказалось просто: их имена были записаны на листке бумаги, лежавшем на столе Райдера. Я скопировал запись, и Датрик прислал мне распоряжение: сообщить имена человеку по имени Варден, агенту Совета хранителей на Тенкоре.

Этот тип сразу же мне не понравился. Это был худой узкоглазый человек лет сорока, выглядевший как наемный убийца. Я предположил, что он обладает магическим даром, хотя он и не назвался сир-силвом. Когда я передал ему список, он кивнул и сказал — небрежным тоном, заставившим меня по-

холодеть, — что уже получил распоряжения по поводу этих людей; единственное, чего он дожидался, — это имен. Встреча с ним, хоть и мимолетная, оставила у меня очень неприятный привкус.

Через два дня, когда я явился в комнату в здании Синода, отведенную Гилфитерам и Райдеру, я обнаружил всех троих сидящими за столом; выглядели они как иногда выглядел я, проведя в городе бурную ночь.

— Что случилось? — спросил я, присоединяясь к ним.

— Один из семерых, принявших лекарство, прошлой ночью умер, — сквозь зубы ответил мне Райдер.

Я замер. У меня не было особых причин считать, что к этому приложили руку Датрик и Варден, но логика подсказывала, что так оно и есть. Зачем иначе было интересоваться именами? Я просто не хотел об этом думать, не хотел знать. Теперь же я похолодел. Убийство... о Боже!

— Умер? От чего? — спросил я, с трудом выглатывая слова.

— Мы думаем, что возникла какая-то форма заражения крови, — ответил Келвин. — К несчастью, его родные так раздражены, что не позволяют нам сделать вскрытие.

— Сделать что? — переспросил я. Я был так ошеломлен, что плохо понимал то, что мне говорили.

— Обследовать тело, чтобы установить причину смерти. У себя на Небесной равнине мы делаем такое обязательно.

— А еще один из прошедших лечение болен, — добавил Райдер. — Нам придется признать, что наше снадобье не только исцеляет — оно убивает.

— Бессмыслица какая-то, — пробормотал Гэрровин. — Не верю я в это. Если то, что мы получили из последа, было ядовито, то как выжила роженица, да и младенчик тоже?

— Мы каким-то образом загрязнили вещество? — предположил Келвин. Лицо его было блее мела, и веснушки вы-

делялись на нем, как кляксы; из-за привычки запускать руку в волосы он выглядел еще более растрепанным, чем обычно.

— Такое невозможно, — проворчал его дядюшка. — Вспомни обо всех наших предосторожностях. Нет, загрязнения не было. Может быть, это просто совпадение.

Я молча сидел и слушал, как они спорили. Дышать мне было трудно, я никогда в жизни не чувствовал себя хуже. Человек умер потому, что я его назвал. Его убили. Убили властью правительства, которое я обещал уважать и которому служил. А я был так глуп, что не предвидел такого, хотя все знаки были налицо. Я облизнул пересохшие губы. Как же с остальными... Если я признаюсь, спасет ли это их?

Мысли мои разбегались, отчего я чувствовал себя совсем больным. Если я скажу правду, силв-магия — а с ней вместе и значительная часть процветания островов Хранителей — обречена. Если промолчу, Райдер положит конец экспериментам, считая, что снадобье убивает людей. Сослужу ли я службу своей стране и таким, как я сам, способствуя убийствам? Или мне следует быть верным своей религии и морали, тем самым разрушив образ жизни целого общества? Я знал, что сказала бы мне Джесенда. Я Джесенду любил. Если я предам Совет хранителей и ее отца, едва ли я смогу рассчитывать на ее любовь и на то, что она выйдет за меня замуж.

Если бы Келвин и Гэрровин не были так встревожены, если бы их собственные эмоции не притупили их нюх, они уловили бы миазмы моей вины.

Оглядываясь на прошлое, я удивляюсь тому Эларну, которым я тогда был. Как смог я принять то решение, которое принял? Я не нахожу ему морального оправдания. Я позволил еще шестерым умереть в течение недели, одному за другим, потому что мечтал о женщине, женщине горячеей, чувствен-

ной, непредсказуемой, и отчаянно хотел на ней жениться; потому что хотел заслужить одобрение ее отца; потому что думал, будто как силв я должен быть верен силвам... потому что острова Хранителей были моей родиной и глава Совета потребовал этого от меня. Воины убивают, чтобы защитить свою страну, рассуждал я; мой поступок ничем не отличается...

Конечно, разница была — такая же, как разница между изнасилованием и близостью любящих друг друга людей. Мудрость, которую принесли мне годы, не помогает мне понять, почему тогда я этого не видел.

Келвин Гилфитер говорил, что шрамы, нанесенные виной, оставляют свой отпечаток на всей последующей жизни. Он был прав. Я дорого заплатил за свою слепоту, и по сей день я верю, что мне предстоит расплатиться еще раз, когда я предстану перед своим Творцом. Это будет только справедливо.

После того как я вышел из Синода в тот день, я уже не вернулся. Я проводил время с Мартеном и с самыми беспутными из своих друзей. Я проигрывал свой заработок, каждый вечер напивался до скотского состояния, участвовал в глупых проделках, влезая на балки крыши Бюро матриархов или карабкаясь ночью на все башни университета по очереди, чтобы выиграть пари. Я плавал на полозе, рискуя так отчаянно, что, несомненно, заслуживал наказания, хотя ни разу и не попался. Чем сильнее я рисковал, тем больше мне, казалось, везло. И каждый день я узнавал о смерти еще одного из семерки, пока узнавать уже не стало не о ком.

Медленно тянулись недели. Я похудел, но зато приобрел репутацию человека, противоречить которому небезопасно. Друзья начали меня избегать; только Мартен оставался верен мне, даже когда я подвергал нашу дружбу серьезным испы-

таниям. Я оказался близок к изгнанию из Гильдии за поведение, не подобающее пловцу: имелось в виду мое постоянное пьянство.

Райдер, когда я встречал его в городе, выглядел человеком, преследуемым мучительными мыслями, Келвин казался поникшим, и только Гэрровин оставался прежним. Однажды Келвин остановил меня и рассказал, что Гэрровин хочет продолжать эксперименты, потому что не верит в то, что семерых убило их снадобье. Сам Келвин и Райдер, впрочем, категорически отказывались продолжать пробы. Слушая Келвина, видя его отчаяние, я ощущал свою вину как тяжкий груз, от которого невозможно избавиться. К тому времени, конечно, Келвин уже учуял мою вину, но он думал, что она имеет те же корни, что и его собственные угрызения совести. Он был слишком хорошим человеком, чтобы предположить, будто я способствовал убийству.

Я по-прежнему старался избегать всех троих — и Райдера, и Гилфитеров.

И тут, как раз накануне празднования прилива Короля Кита, примерно через два месяца после того, как Джесенда покинула Ступицу, все начало открываться.

Глава 27

РАССКАЗЧИК — ЭЛАРН

Все началось с возвращения с Брета трех кораблей хранителей.

Я как раз был в порту Тенкора, когда кто-то сообщил, что флотилия приближается. Я влез на башню здания Гильдии на набережной, рассчитывая увидеть корабли. Ступица была скрыта грозowymi тучами, изредка озаряемыми желтыми вспышками молний. Когда же я посмотрел на юг, в сторону открытого моря... не могло быть зрелища более величественного, чем три корабля Совета хранителей, на всех парусах входящих в пролив на гребне приливной волны. На фоне черных туч гордо реяли их флаги. Корабли были великолепны!

Обычно суда так стремились воспользоваться приливом, чтобы с его помощью пройти как можно ближе к гавани, что поднимали сигнальные флаги, приглашающие лоцмана сразу же, как только миновали стоячую волну. Лоцманы — все бывшие гребцы на баркасах — добирались на корабли на шлюпках так быстро, что суда не теряли волну прилива. Я ожидал, что так будет и на этот раз, поэтому с удивлением — и с бурно колотящимся сердцем — увидел, что только два корабля из трех затребовали лоцманов. Я воспользовался подозрительной трубой, установленной на верхушке башни, чтобы прочесть названия этих кораблей: «Свобода хранителей» и «Правосудие

хранителей». Третий корабль, «Гордость хранителей», просигналил, что собирается встать на якорь, как обычно делали, если в гавани у причалов не было свободных мест.

Так захотела Джесенда, решил я. Она стремится увидеться со мной, не может дожидаться встречи... вот и придумала какой-то предлог для временной стоянки.

Нет большего глупца, чем влюбленный мальчишка... Никто не бывает так наивен, так готов верить в то, во что хочет верить. Ожидать, будто Джесенда захочет — и сможет — заставить капитана военного корабля потерять приливную волну, чтобы она смогла увидеться с возлюбленным, было нелепо, и мне следовало бы это понимать. Я же буквально раздувался от гордости и высокомерия: Джесенда вернулась, и первым делом она хочет увидеться со мной. Скоро все опять будет в порядке: она скажет мне, что все сделанное мной — правильно и разумно, что мое решение спасет многие жизни в будущем...

Я собирался спуститься с башни, когда, к моему удивлению, на ней появился Келвин.

— Что тебе здесь нужно? — бросил я. — Башня не место для тех, кто не входит в Гильдию.

— Это я его привел, — ответил мне Тор Райдер, следом за Гилфитером поднимаясь по лестнице. — У нас есть разрешение. — Чье именно разрешение, он не уточнил.

Он прошел прямо к подозрительной трубе и принялся разглядывать корабли.

Гилфитер не стал дожидаться его сообщения.

— Что это за корабли? — спросил он меня.

Я сказал ему, что прибыла флотилия хранителей, и добавил, что один из кораблей собирается встать на якорь. Гилфитер с развевающимися волосами стоял на верхушке башни и

следил, как «Гордость хранителей» приближается к бухте Тенкора. Было время, когда я думал о Келвине с оттенком... ну, не то чтобы презрения, но превосходства: я был жителем Тенкора, а он кем-то вроде отсталого дикаря, неуклюжим скомоухом. Так было до того дня, когда он с такой легкостью справился со мной и приставил мне к горлу нож. Теперь, глядя на него, я видел другое: решительность и красивый профиль, скрытый лохматыми волосами. Как ни странно, именно тот факт, что он оказался физически сильнее меня, заставил меня разглядеть, что этот человек предпочитает использовать ум, а не силу.

— Она там, на этом корабле, — тихо сказал он Райдеру, указывая на «Гордость хранителей».

— Кто «она»? — спросил я.

— Блейз, — ответил Келвин.

— Откуда, во имя всех медуз, ты можешь это знать?

— Я ее чую.

Я решил, что он, конечно, шутит. Иначе ведь и быть не может. Но тут же у меня возникло подозрение: неужели у него действительно такое тонкое обоняние? В душе у меня тихий голос прошептал: «Так он и узнает, когда ты лжешь, болван». Ведь он учуял Гэрровина из здания Синода, когда его корабль еще только приближался.

— А Флейм? — спросил Райдер.

Гилфитер покачал головой:

— Ее там нет. Руарта и Дека тоже. А вот Блейз... она заточена, Райдер. Я могу судить — от нее... от нее пахнет.

Райдер замер, и в этот момент он выглядел воином, а не священнослужителем. Я почти физически ощутил его ярость. Но тут он снова взял себя в руки и превратился в патриарха, возможного главу всех менодиан.

— Они встанут у причала.

— Нет, на внешнем рейде, — поправил его я. — Это скорее всего означает, что им ничего не нужно сгрузить или принять на борт. По какой-то причине им нужно нанести на Тенкор краткий визит. — Я снова посмотрел на корабль, где теперь начали сворачивать паруса. На горизонте громоздились черные тучи, океан потемнел, у волн появились белые гребни. Погода явно портилась.

— Нам нужно вернуться в Синод и ждать там, — сказал Райдер. — Если они хотят нас видеть, пусть явятся сами.

— Но Блейз... — начал Гилфитер.

— Мы не можем допустить стычки, — перебил его Райдер. — Нужно сначала узнать факты. — Я мог бы подумать, будто он спокоен, если бы не видел, как сжимает его рука перила. — В ближайшие часы с Блейз ничего не случится кроме того, что уже случилось.

Этим Гилфитеру и пришлось удовлетвориться.

Мы все вместе спустились с башни; только потом они двинулись вверх по холму, а я спустился к причалу и стал ждать, пока придет шляпка с «Гордости хранителей». Появилась она быстро: еще до того как загремела якорная цепь, шляпка уже была на воде. Когда она подошла к набережной, я увидел Джесенду и нескольких сопровождающих ее силвов. Я ожидал, что первым делом она подойдет ко мне — иначе и быть не могло... Я широко улыбался, глядя, как она высаживается...

Однако на набережной прибывших встречали более важные лица: сам начальник порта вышел из своей конторы; кроме того, показался и посол верховного патриарха в Ступице. Я держался в стороне, внезапно осознав, что для них я — всего лишь один из пловцов. Чего я не ожидал, так это небрежного жеста Джесенды: покончив с официальными приветствиями, она прошла мимо меня, лишь помахав мне рукой.

— Я желаю немедленно видеть верховного патриарха, — говорила она послу, — и этого его помощника — Тора Райдера. Неужели никто из Синода не явился встречать меня?

— Сир-силв, откуда же им было знать о твоём прибытии? — попытался успокоить ее посол. — Позволь мне найти для тебя портшез...

В результате я потащился вверх от набережной следом за портшезом, в котором сидели Джесенда и посол. Я чувствовал себя униженным, хотя и понимал, что это глупо. Джесенда, конечно, не хочет привлекать внимание к нашим особым отношениям... я просто болван.

Хотя я и держался позади, я заметил, что один из спутников Джесенды пристально меня рассматривает. Он был одет в шазубл, шнур на котором говорил о его ранге силва — выпускника академии. Это само по себе свидетельствовало о его принадлежности к элите Ступицы. Он был старше меня — лет на пять, не меньше, носил меч и держался с высокомерием; тем не менее он задержался, чтобы бросить мне:

— Как я понимаю, ты тот самый пловец, которому покровительствует Джесенда.

Я постарался ответить ему с такой же холодной самоуверенностью:

— Прошу прощения?

— Исчезни, мальчишка. Это дело для взрослых почтенных людей, и тебя сюда не приглашали.

— Может быть, тебе следовало бы предоставить мне самому судить об этом, — ответил я. — В конце концов, приглашение касается меня. — В душе у меня возникло сомнение: был ли тот мимолетный жест Джесенды приглашением следовать за ней?

Силв положил руку на эфес меча — не угрожающе, а скорее с намерением подчеркнуть свой статус и, возможно,

старшинство. Он был испытанный воин и путешественник; для него я был неопытным и незначительным гильдийцем... Я решил не обращать на него внимания и отвел глаза.

Когда процессия достигла Синода, нас пригласили в приемную. Никто не возражал против моего присутствия, но и Джесенда словно не замечала меня... Она продолжала тихо беседовать с посланцем. Слуги принесли угощение и напитки, но Райдер появился в приемной только через полчаса. Он был одет в парадную мантию, говорящую о его ранге. Я никогда раньше не видел его в подобном одеянии; он явно хотел подчеркнуть свой статус. За ним следовали секретарь верховного патриарха и двенадцать советников Синода, Келвин Гилфитер и — что было более удивительно — Гэрровин. Сам верховный патриарх не появился.

Гэрровин подмигнул мне, а потом стал рассматривать того гвардейца, который пытался прогнать меня. Гэрровин оглядел его с ног до головы и пренебрежительно фыркнул. Тот покраснел от гнева и снова схватился за эфес меча. Гэрровин изумленно поднял бровь, тем самым заставив поведение силава выглядеть просто ребяческим капризом. Я чуть не расхохотался. Только откуда мог Гэрровин знать? Все выглядело так, словно он учуял нашу перепалку... Опять учуял! Все мое веселье угасло; эти горцы с Мекате пугали меня.

Пока происходил этот эпизод, Райдер низко склонился над рукой Джесенды и сказал:

— Приношу свои извинения, сир-силв. Преосвященный Краннах недомогает и просит меня заняться вашим делом. Чем я могу помочь? Но сначала — не угодно ли присесть?

Он указал на мягкие кресла, стоявшие полукругом в одном конце приемной, но Джесенда, напряженно выпрямившись, отказалась от его приглашения.

— Я явилась сюда не для любезностей, сир-патриарх, — сказала она холодно. — На самом деле моя миссия касается тебя. Я намерена вручить Синоду официальный протест.

Райдер удивленно посмотрел на Джесенду и взял из ее рук маленький пакет. Не открывая его, он протянул пакет секретарю верховного патриарха.

— Касается меня, сир-силв? Прости, но, насколько мне известно, мы с тобой до сих пор не встречались. Каким же образом я смог тебя обидеть?

— Когда я — в качестве представительницы главы Совета хранителей — была при дворе властителя Брета, на меня напала воительница, которая, насколько мне известно, отправилась туда по твоему наущению.

Райдер выразил вежливое недоумение:

— Ты ошибаешься. Я менодианский патриарх, сир-силв. Я не посылаю вооруженных людей решать дела патриархии. Дипломатия с применением оружия скорее похожа на волежность Совета хранителей. Да, мне как раз вспоминается одна воительница на службе Совета, действовавшая по всем Райским островам. Как же ее звали? Келвин, ты случайно не помнишь ее имени?

Гилфитер, не моргнув глазом, ответил:

— Блейз Полукровка, сир-патриарх. Она принадлежала, помнится, к личному персоналу сир-силва Датрика.

— Ах да, именно ее я имел в виду, — светским тоном подтвердил Райдер.

— Станешь ли ты отрицать, что это твой меч, сир-патриарх? — спросила Джесенда. Сверкая глазами, она протянула руку, и один из ее спутников протянул ей меч, который держал в руках. Это был огромный клинок, но, судя по тому, как взмахнула им Джесенда, удивительно легкий. — Прежде чем

ты ответишь, позволь мне заметить, что твое имя выгравировано на рукоятки.

Райдер взял у Джесенды меч и осмотрел его.

— Да, несомненно, когда-то он принадлежал мне, — признал он. Лицо Райдера было бесстрастным, как маска. — Однако мне не пристало как патриарху-советнику владеть оружием. Этот меч я отдал.

— Ты недавно был на архипелаге Ксолкас в обществе Блейз Полукровки.

Райдер поднял бровь:

— Ты хочешь сказать, что воительница, напавшая на тебя, состоит на службе твоего собственного отца? — С кажущимся безразличием он передал меч одному из своих помощников.

— Изменницей, которая отправилась на Брет по твоему наущению! Выполнять поручение менодианской патриархии!

— Ты вступаешь на опасную территорию, — предостерег ее Райдер тоном, от которого у большинства людей отнялся бы язык. — Менодианская патриархия не пользуется для достижения своих целей услугами вооруженных агентов. Что бы ни предприняла обладающая Взглядом Блейз, она сделала это по собственной воле, как, несомненно, скажет тебе, если ты ее спросишь. Я не даю приказаний или инструкций тем, кто не состоит под моим пастырским руководством.

— И все же я уверена, что она отправилась на Брет с твоего ведома и благословения.

Райдер озадаченно нахмурился.

— Я не могу понять причин твоего раздражения, сил-силв Джесенда. Насколько мне известно, путешествие на Брет — не преступление, а я, как и большинство патриархов, постоянно благословляю очень многих. К тому же никто не сообщал мне о том, что ты — или вообще какой-нибудь из кораблей хранителей — отправился на Брет; так как же можно винить

меня в нападении на тебя? Может быть, ты расскажешь мне о случившемся более подробно?

Райдер заставил Джесенду выглядеть глупо, и я ей ужасно сочувствовал. Она каким-то образом узнала об участии Райдера в попытке спасения Флейм, но вступила на скользкую почву, пытаясь обвинить его в чем-то, совершенном Блейз.

— Блейз напала на меня во дворце властителя Брета, — сказала Джесенда, — в его собственных покоях. Она убила находившегося у меня на службе обладающего Взглядом, убила новорожденного ребенка властительницы — наследника престола Брета. Она организовала похищение властительницы. Блейз будет доставлена в Ступицу и предстанет перед судом за свои преступления.

— Законность твоих действий сомнительна, — бросил Райдер. — Если она совершила убийство на Брете, то там же ее и нужно судить. Поскольку властительница Брета была осквернена дун-магией и носила дитя — также оскверненное — Мортреда Безумного, то можно было бы считать, что Блейз совершила доброе деяние. Мне представляется, что властитель Брета скорее наградил бы ее, чем стал судить.

— Ты явно знаешь обо всем этом больше, чем хочешь признать, — так же резко ответила Джесенда. — На обратном пути я посетила архипелаг Ксолкас, и там никто не делал секрета из твоего участия в погоне за Девой Замка. Это не является и никогда не являлось делом патриархии.

— Убийство, совершенное на Брете, тоже не твое дело. Предлагаю тебе высадить Блейз Полукровку здесь, а самой продолжить путь.

— Она убила одного из обладающих Взглядом, служивших мне. Она предстанет перед судом в Ступице. И я прибыла сюда сегодня, чтобы предупредить тебя: не вмешивайся в это дело. — Губы Райдера сжались в тонкую линию. — Не

пытаться оказать давление, — продолжала Джесенда. — Мой корабль вооружен, не забывай, советник. А ты, насколько мне известно, знаешь, что может сделать вооруженный пушками корабль.

— О да, — прорычал Райдер. — Я находился рядом с патриархом Алайном Джентелом, когда его разорвало на части ядро вашей проклятой пушки. Не сообщишь ли ты мне, почему человек, командовавший «Гордостью хранителей», не должен предстать перед судом за это преступление?

Джесенда, которую била дрожь, совершенно вышла из себя.

— Если бы он и предстал перед судом, сир-патриарх, то только за то, что убил не того человека! — Повернувшись на каблуке, она покинула приемную. На ее щеках горели два ярких пятна. Она прошла мимо меня, и ее свита поспешила следом.

Я заколебался, раздираясь сомнениями. Я беспокоился за Джесенду, не понимая, как могла она совершить такую глупость — обвинить менодианского патриарха в вещах, которые не могла доказать, хоть, может быть, и была права. Мне хотелось пойти за ней, но одновременно мне отчаянно хотелось узнать, что еще скажет Райдер. Так что в конце концов я остался.

Когда посетители ушли, напряжение в комнате сменилось гулом недоуменных вопросов. Один из патриархов повернулся к Райдеру и спросил о том, что, должно быть, занимало всех:

— Что эта девица затеяла? У нее что, морская лихорадка?

— Думаю, что сир-силв Джесенда совершенно здорова, — ответил Райдер. — Это было всего лишь адресованное мне предостережение — чтобы я не вмешивался.

— Но ты же в любом случае не стал бы вмешиваться, верно? — еще более озадаченно спросил патриарх. — Какое тебе дело до того, что они хотят судить не имеющую гражданства полукровку, которая, как я понял, была одной из их наемных убийц?

— Ты прав: это маловероятно, — ответил Райдер; тон его был таким резким, что патриарх только заморгал, удивленный тем, что его невинный вопрос вызвал подобную реакцию.

Я выскользнул из комнаты и бросился вслед за Джесендой. На этот раз она не воспользовалась портшезом; я поразился тому, как далеко она и ее свита успели уйти за то время, что я их догонял. Увидев меня, Джесенда резко приказала:

— Бери свой полоз и гребни к кораблю. Я хочу с тобой поговорить.

Она все еще кипела от возмущения, так что я только кивнул и поторопился сделать, как она сказала.

К тому времени, когда я добрался до «Гордости хранителей», лоцман с Тенкора был уже на борту и якорь начали поднимать. Мне пришлось вскарабкаться по веревочной лестнице, пока корабль, подняв паруса, разворачивался по ветру. Матросы вытащили мой полоз на палубу, не слишком заботясь о том, чтобы его не поцарапать. Как только я перелез через борт, кто-то из команды сразу проводил меня в каюту Джесенды.

Когда я вошел, Джесенда повернулась ко мне, все еще полная ярости:

— Боже, как мне хотелось его убить! Этот выскочка! Кем он себя считает?

— Следующим верховным патриархом, как я думаю. Едва ли он привык к тому, что его обвиняют в пособничестве убийству хранителя. О чем ты только думала, Джесенда? — Мне

хотелось обнять ее и увлечь на постель, но даже мне хватило ума понять, что момент неподходящий.

— Я хотела отпугнуть его, — сказала Джесенда. — Отец говорил мне, что Райдер собирался сделать Блейз своей любовницей, когда они покидали Гортанскую Пристань. Этот тип явно был от нее без ума. Блейз тогда освободила Флейм с «Гордости хранителей», так что Райдер тоже должен был быть в этом замешан, только отец ничего не смог доказать. А потом они вместе объявились на Ксолкасе. Что бы ни затевала Блейз, Райдер наверняка должен был знать и поддерживать ее замысел.

На мгновение я был так шокирован, что лишился голоса. Одно дело, если Райдер влюблен в Блейз, но стать ее любовником? И быть ее сообщником в борьбе против Датрика и интересов хранителей? Проглотить это мне оказалось трудно. Они казались совершенно не подходящей друг другу парой, да и Райдер вот-вот должен был стать верховным патриархом. Такой человек должен быть и добродетелен, и осмотрителен. Я медленно проговорил:

— В одном он прав: едва ли он мог знать, что ты попадешь на Брет. Так что там произошло?

— Эта сука забаррикадировалась в спальне властительницы, пока та рожала, а потом помогла своим сообщникам ее похитить. Ребенок был убит.

— Это действительно было дитя Мортреда? Оскверненное дун-магией?

— Откуда мне знать! К тому времени, когда мы ворвались, мальчишка был уже мертв. Властитель все твердил, что это его ребенок — что он соблазнил Лиссал на Цирказе, но я не думаю, чтобы такое было возможно. Так что да, возможно, ребенок родился дун-магом.

— А что случилось потом?

Джесенда упала в кресло.

— Блейз осталась, чтобы дать остальным время скрыться. Властитель, его придворные и гвардейцы были так чертовски околдованы, что проку от них было мало, и мне пришлось взять команду на себя. Мы выбили дверь, но обнаружили в комнате одну только Блейз с этим ее проклятым мечом. Чтобы этой суке провалиться в Бездну, ну и здорово же она сражалась! — Пальцы Джесенды барабанили по подлокотнику кресла. — Ее целью явно было убить того, кто обладал Взглядом... так что у меня не осталось никого, кто мог бы сказать, куда делись остальные, кто мог бы пойти по оставленному Лиссал следу. Они могли скрыться — и скрылись.

— Лиссал бежала? Но что потом с ней случилось? Райдер и Гилфитер ожидали, что она появится здесь, но ее так и нет.

— Из порта вышел корабль — судно с Ксолкаса. Когда мне не удалось нигде найти Лиссал, я предположила, что она оказалась на борту того корабля, но к тому времени, когда я догадалась, было уже слишком поздно. Она должна быть где-то на Ксолкасе, хотя мне не удалось заставить эту дрянью Ксестиану признаться. — Джесенда сделала глубокий вдох и попыталась успокоиться. — Прости меня, я сама не своя. Мне не следовало так злиться. Наше путешествие, в конце концов, не было совсем неудачным. — Она выдавила улыбку.

— Чем же все кончилось?

— Властитель Брета вел себя как младенец, потерявший мать, — не мог понять, что происходит. Я сунула ему под нос контракт на продажу неочищенной селитры, и он послушно подписал его. Цена такая, что отец решит, будто моя улыбка сияет ярче солнца. Я отправила «Честь» и «Правосудие» в Ково за первой порцией, пока сама попыталась догнать корабль с Ксолкаса. К несчастью, на вторую ночь я потеряла его из виду. Я отправилась в столицу Ксолкаса, но там его не ока-

залось. Может быть, они все еще в пути. Эта их лоханка не может равняться с кораблями нашего флота. А может быть, сука-колдунья потопила их своей мерзкой магией. — Джесенда продолжала нетерпеливо барабанить пальцами по подлокотнику. — Пока я ждала «Честь» и «Правосудие» в гавани Ксолкаса, я расспросила Ксетиану и узнала всю историю с убийством Мортреда. Ты знаешь, что это именно Келвин Гилфитер убил злого мага? Блейз и Райдер увязли во всем этом по шею, работая рука об руку.

Я разинул рот. Келвин убил Мортреда? Убил злого колдуна, который потопил целый архипелаг? Такая мысль была слишком невероятной. Да и вся история казалась невероятной... я спросил:

— Ты в самом деле хочешь отдать Блейз под суд за убийство? — Такая возможность меня смущала — не из-за Блейз, а потому, что ее смерть нанесла бы удар Келвину. Только тогда я с удивлением осознал, что он мне на самом деле нравится.

— Конечно! — ответила Джесенда. — Она убила моего обладающего Взглядом — я своими глазами это видела.

— Но вы же в этот момент нападали на нее!

— Она помогла скрыться злой колдунье — Деве Замка!

— Остановись на чем-нибудь одном — ты только что говорила Райдеру, что Блейз похитила властительницу Брета и убила наследника престола.

— Какое это имеет значение? Главное — в том, что Блейз будут судить и повесят, как она того заслуживает.

Я нахмурился. Что-то в страстной ненависти Джесенды к Блейз меня смущало: она казалась иррациональной...

— Заслуживает ли? Мне представляется, что она или убила дун-мага — младенца, или пыталась привезти сюда наследницу престола Цирказе для исцеления. Ни одна из этих вещей не выглядит преступлением.

— Она убила одного из моих подчиненных! — Тут совершенно неожиданно гнев Джесенды испарился, и она добавила: — Хочешь ее увидеть? Великая Блейз Полукровка теперь — сидящая на цепи в корабельном трюме — не так уж и величественна. Я иногда спускаюсь туда, чтобы на нее посмотреть. От нее воняет.

— Нет, спасибо, — ответил я. Блейз была со мной всегда вежлива и любезна, и я обнаружил, что вовсе не жажду стать свидетелем ее унижения.

— Как пожелаешь. Эларн, расскажи мне, что тут на Тенкоре подделывали Райдер и Гилфитер.

Я проглотил свое нетерпение, прогнал мысли о немедленной близости с Джесендой и описал ей все, что происходило в ее отсутствие. Я постарался говорить равнодушно, сообщая ей о смерти семерых силвов-менодиан. Ее такая новость ничуть не смутила; сомнений в причине смертей она тоже не выказала.

— Варден? — переспросила Джесенда. — Я о нем слышала. Очень ловок, когда дело касается ядов, как мне говорил отец. Молодец отец, что вспомнил о нем. — Я почувствовал, что не в силах смотреть ей в лицо, и поторопился закончить рассказ.

Когда я умолк, Джесенда довольно рассмеялась и захлопала в ладоши.

— Это же просто замечательно! Эларн, ты не просто самый сильный силв, ты еще и удачлив! — Она крепко поцеловала меня в губы и добавила: — Все их планы лопнули! Вот они и сидят со своими бутылочками лекарства и не знают, какого успеха добились: они могли бы полностью уничтожить силв-магию, а о том и не догадываются! — Она снова начала хихикать, потом потянула меня на постель. Ее радость оказа-

лась заразной, и дело кончилось тем, что мы обнимались, хохоча во все горло.

Когда мы пришли в себя, я, неожиданно почувствовав серьезность, спросил:

— Почему ты назвала меня самым сильным словом? Ты снова надо мной смеешься?

Джесенда покачала головой:

— Нет, что ты! Вот увидишь — тебе требуется побольше тренироваться, вот и все. Ты отстаешь от нас только потому, что в детстве тебя не учили как следует.

— Почему ты думаешь, будто я сильнее других?

— Потому что твой щенок придушил моего котенка, глупышка! — Джесенда поцеловала меня в шею. Я недоуменно посмотрел на нее, она рассмеялась и объяснила: — Тогда я, понятно, ничего не поняла. Только через несколько лет я начала задумываться... я даже решила, что память шутит со мной шутки. Сам подумай, Элларн: как может иллюзия — она ведь не вещественна — справиться с другой иллюзией, созданной другим человеком? Такое невозможно — по крайней мере считается невозможным. А тебе тогда было всего четыре года! И еще ты в гавани увидел мой волшебный огонек!

— Это была твоя заслуга, — запротестовал я.

— Нет, дело было в тебе. Я никого другого не могу заставить видеть мой колдовской огонь.

— Я тоже никогда не видел больше ничей.

— А ты пробовал? Спорю: тебе удалось бы, если бы другой силв этого захотел. Так по крайней мере думает мой отец. Поэтому он и хотел, чтобы я с тобой познакомилась поближе. Ладно, давай сейчас не будем говорить о таких серьезных вещах... я же не видела тебя два месяца!

Я вытаращил глаза, у меня на кончике языка висели беспокойные вопросы... еще немного, и мое отношение к Дже-

сенде могло перемениться... но она положила мою руку себе на грудь, прижалась ко мне, приоткрыв губы... и все, что я мог бы сказать, мгновенно забылось. К несчастью, как раз когда я собрался дать волю своей страсти, Джесенда вскочила и потянула меня за руку:

— Пойдем, Эларн, я покажу тебе кое-что, что заставит тебя посмеяться!

Я хотел возразить, хотел раздеть ее, ощутить ее тело, ее пламя... Но Джесенда всегда была той, кто командует, а я — тем, кто подчиняется.

Она вывела меня на палубу и двинулась к трапу на корме, ведущему в трюм. Вечер еще не наступил, но черные тучи, обещавшие шторм, сделали сумерки темными, погасили первые вечерние звезды. Джесенда вприпрыжку, как ребенок, бежала по палубе, а я следовал за ней, полный смущения: при всей своей любви к ней мне не хотелось участвовать в детских проделках. Мне пришлось пройти рядом с лоцманом, которого я хорошо знал, и испытываемая мной неловкость увеличилась: он наверняка расскажет об увиденном на Тенкоре, а значит, рано или поздно обо всем узнает мой отец...

Джесенда привела меня к запертой двери в трюме, которую снаружи охранял матрос. Я был озадачен и не понимал, зачем Джесенда меня сюда притащила; я даже на мгновение усомнился, в своем ли она уме. Место было омерзительным: крошечная камера глубоко в трюме ниже ватерлинии. В ней находилась только параша... и Блейз. Камера была такой тесной, что она не могла выпрямиться, не могла улечься во весь рост. Одежда не было, стоял промозглый холод; сквозь обшивку сочилась вода. Запястья, щиколотки и шея Блейз были закованы в соединяющиеся между собой цепи. Дверь камеры представляла собой железную решетку, так что возможности уединения Блейз была лишена.

Джесенда отослала стражника и зажгла в камере волшебный огонек, чтобы я лучше мог рассмотреть Блейз. Она была грязной, в камере воняло — стоячей водой, испражнениями, крысами.

— Ничего не осталось от гордой суки — обладающей Взглядом, верно? — спросила меня Джесенда. — Ее круглые сутки охраняют матросы, которым запрещено с ней разговаривать. Уединения она лишена. Единственный ключ от ее кандалов — у меня, в моей каюте. — Потом она обратилась к Блейз: — Мы прибыли на Тенкор. Еще несколько дней, и ты предстанешь перед судом хранителей. И мы знаем, чем это кончится, не так ли?

Блейз улыбнулась:

— Несомненно. — Ее голос был спокойным и твердым. — Приговор вынесен заранее. Обычное правосудие хранителей. — Блейз посмотрела на меня: — Сир-силв Эларн... Судя по тому, как окутан ты силв-магией, ты все-таки в конце концов решил признать свой наследственный дар. Но только на что он плывцу?

Я был поражен, и не только тем, что она меня узнала.

— Ты знала, что я силв? — спросил я.

— О да, — небрежно ответила Блейз. — Я однажды видела тебя еще ребенком, все вокруг затопившим силв-магией.

Оказавшись исключена из разговора, Джесенда немедленно постаралась привлечь внимание к себе. Она обвила руками мою шею и притянула меня к себе. Ее губы жадно прильнули к моим, требуя всего меня, а я под взглядом Блейз не мог откликнуться так, как хотел бы...

— Давай вернемся в твою каюту, — прошептал я на ухо Джесенде.

— Нет, — ответила она голосом, полным злобного ликования. — Я хочу, чтобы она видела. Я хочу, чтобы она пожалела... чтобы знала, чего скоро лишится.

Но дело было не только в этом. Я узнал ее растущее возбуждение — так бывало, когда мы с ней рисковали быть пойманными на месте преступления в Ступице. Джесенда хотела не меня; она хотела испытать тот же трепет, на этот раз вызванный присутствием Блейз, тем, как та должна ненавидеть невозможность избежать роли свидетельницы.

Поцелуй Джесенды делался все более страстным, ее язык стал настойчив, пальцы теребили завязки моих штанов. Мое тело откликнулось столь же независимо от моей воли, как и всегда. Я отстранился, едва сдерживая порыв к рвоте.

— Запах... — пробормотал я. — Я не могу его выносить...

Джесенда посмотрела на меня с яростью:

— Никто не отвергает меня, Эларн. Никто.

Эти слова повисли между нами, обозначив границу, за которой не было возврата. Я знал, что все еще могу отступить, сделать так, как хочет Джесенда, и тогда все будет по-прежнему. Однако если я отвергну Джесенду, обратного пути не будет. Эта мысль была ужасной.

Я смотрел на Джесенду, видел, как мягко блестит ее кожа в свете волшебного огонька, какими нежными и манящими делаются глаза, когда гнев превращается в соблазн... Мои руки все еще обвивали ее, я ощущал тепло ее груди, изгиб бедра был все таким же зовущим. Это был момент, когда чувственное искушение предлагало мне возможность ощущений, о которых мы только догадывались, удовлетворения, которого мы еще никогда не достигали. Я знал, что никогда не испытаю вновь такого чуда, если сейчас откажусь от Джесенды.

Я слегка повернул голову, чтобы взглянуть на Блейз. Она была на расстоянии вытянутой руки, и выражение ее лица говорило о том, что она думает обо мне, и только обо мне. Я мог бы ожидать многих чувств — ненависти, отвращения, презре-

ния, равнодушия, даже жалости. Но на лице Блейз было написано другое — участие... ничего больше.

Я выпустил Джесенду и сделал шаг назад.

— Не могу, — сказал я. — Не здесь.

В моем голосе была мольба о понимании, но Джесенда молча повернулась и ушла. Ее волшебный огонек погас, оставив нас в темноте, едва разгоняемой свечой в фонаре стражника. Я зажег свой собственный огонек.

Сделав глубокий вдох, я повернулся к Блейз.

— Спасибо, — сказал я.

— За что? — В голосе Блейз звучала усмешка.

— За... не знаю... За то, что не дала мне выставить себя большим дураком, чем обычно, наверное. — Меня самого удивила горечь, прозвучавшая в моих словах. Я снял куртку и просунул ее между прутьями решетки. — Вот, возьми. Я передам Райдеру и Гилфитеру, что ты здесь.

Она не стала спрашивать, откуда я знаю о ее связи с ними.

— Спасибо. Хотя, думаю, Гилфитер уже знает и так.

— Знает. Он сказал, что чувствует тебя.

Блейз рассмеялась:

— Бедняга. Вонь, должно быть, сбила его с ног.

Я порылся в сумке на поясе, достал кошелек и тоже передал ей.

— Может быть, тебе удастся подкупить тюремщика и получить лучшую еду... или еще что-то. Тут немного.

Блейз взяла кошелек, и он исчез под ее лохмотьями.

— Скажи Райдеру, чтобы он расплатился с тобой, — сказала она. — Я едва ли сумею вернуть тебе долг.

«Боже, — подумал я, — она еще в состоянии шутить!»

— Флейм Виндрайдер... Дева Замка — она прибыла на Тенкор? — спросила Блейз.

Я чуть не сказал «нет», но вовремя вспомнил, в каком Блейз положении. Она должна была заплатить жизнью за попытку спасти свою подругу. Сказать, что это ей не удалось, было бы жестоко. Поэтому я пробормотал:

— Не знаю. Извини...

Она с философским спокойствием кивнула. Как раз в этот момент вернулся стражник и мотнул головой, указывая мне на выход.

Прежде чем уйти, я спросил внезапно охрипшим голосом:

— Я был не первым, кого она привела сюда, верно? Не первым, которого она... — Я только беспомощно махнул рукой.

Блейз сделала гримасу:

— Э-э... нет. Ты четвертый. Она общительная.

Глава 28

РАССКАЗЧИК — ЭЛАРН

«Она общительная...»

А глупцы вроде Эларна Джейдона верят ей.

Я отошел от камеры Блейз, не в силах выговорить ни слова. Я оставил гореть свой волшебный огонек. Я не знал, как долго он сохранится после моего ухода, но все равно подкрепил его своей магией.

Выйдя на палубу, я попросил матроса спустить за борт мой полоз, пока сам я лез по веревочной лестнице. Это оказалось нелегким делом, потому что корабль уже шел на всех парусах, а залив превратился в бурный водоворот. Течение реки, усиленное дождями в глубине острова, встречалось с приливом; сильный южный ветер поднимал пенистые волны. Трем кораблям хранителей предстояло встретиться с большими трудностями.

Мне тоже пришлось несладко на обратном пути на Тенкор. Я, как только смог, направил свой полоз в более спокойные воды у берега, но мне приходилось бороться с приливом и с ветром, да и волны становились все выше. Впрочем, на душе у меня было еще тяжелее. Каким же я был дураком... слабым, доверчивым, слепым, влюбленным до безумия дураком. Как же можно было оказаться таким полным, таким преступным идиотом?

Когда я думал о прошлом, мне трудно было поверить в то, что я оказался не в силах разглядеть манипуляции Джесенды. Все эти сказки об информации, которую я собирал для нее лично, являлись, конечно, просто болтовней. Каждое мое слово немедленно доходило до ее отца, а он использовал дочь как обычного агента; своим телом, своей красотой и соблазнительностью она расплачивалась со мной с его ведома и благословения. Джесенда знала, что у меня имелись сомнения насчет Датрика, знала, что я воспитан в менодианской вере; вот она и притворялась свежим веянием, которое изменит природу власти хранителей. В моих глазах она старалась отделить себя от отца. Все это притворство, будто мы шпионим за Датриком... Шпионила-то она как раз для него! Она играла со мной как с попавшейся на крючок рыбкой — ей вроде бы и предоставляется свобода, но леска направляет ее в нужную сторону... Я был нужен им ради того, к чему имел доступ, и потому что они считали меня сильным силвом, который как член Гильдии в будущем окажется полезен Совету хранителей.

Стыд наполнял мое тело и заставлял гореть кожу. Семеро ни в чем не повинных людей погибли из-за моего ослепления... Семеро стали жертвами гордости и вожделения молодого человека... Я ничего не мог сделать, чтобы изменить это. Для них все было кончено. Я ведь даже не знал их... Может быть, они были кормильцами своих семей или матерями, чьи дети осиротели? Были они молоды или стары, были ли примерными гражданами или лживыми лицемерами? Оказались ли они стариками или детьми? Ничего этого я не знал.

Я вспомнил о Цисси, о том, что она должна была чувствовать перед смертью. Одураченная, преданная, несчастная... носящая под сердцем ребенка мужчины, которого она больше не уважала и не могла любить. В первый раз я осознал, какое зло ей причинил. В первый раз я ощутил не только жалость, не

только облегчение, но и горе: не потому что я ее любил — этого не было, и тут я ничего изменить не мог, — а потому что предал ее, а она такого не заслуживала.

К тому времени, когда я выбрался на причал перед зданием Гильдии, я дрожал; дрожал я не только от холода, но и от неизбывной вины.

Денни был на месте и помог мне. Должно быть, он ждал моего возвращения и высматривал меня с башни, хоть и не был обязан это делать: ведь я плавал не по делам Гильдии. Я так ему и сказал, а он только ухмыльнулся мне в ответ и занялся моим полозом. Я вернулся в здание Гильдии, вымылся, переоделся, а потом натянул непромокаемую куртку и отправился в Синод. К тому времени уже наступила полночь, дождь и ветер усилились, а тучи сгустились. Стражник у ворот совсем не обрадовался моему появлению, но ему трудно было сказать «нет» сыну главы Гильдии, особенно когда я сообщил ему, что явился по срочному делу.

Сначала я отправился в комнату Райдера, но его там не оказалось. Пусто было и в комнате Келвина. В конце концов я нашел их обоих у Гэрровина. Она пили вино, но алкоголь не делал атмосферу более жизнерадостной. Трое омаров, обреченно глядящих на кипящую в котелке воду, были бы веселее, чем эти трое мужчин.

Дверь мне открыл Келвин.

— Ну? — спросил он, втаскивая меня в комнату, словно опасался, что я передумаю и уйду. — Что тебе удалось узнать?

«Он знал, что это я, — подумал я. — Он знал, что я стою за дверью. В чем дело, черт возьми, с этими двумя горцами и их носами? Они что, ищейки?»

Я оставил непромокаемую куртку, конечно, внизу, но с моей шапки все еще капала воды и бежала по лицу, как слезы.

Неожиданно все они умолкли, глядя на меня. На мгновение мне показалось, что они читают меня, как открытую книгу.

Первым заговорил Гэрровин:

— Садись-ка, паренек, у огня. — Он взял стакан и что-то в него налил — бренди с островов Квиллер, если я не ошибся. — Вот выпей-ка. В животе у тебя загорится огонь, а волосы закурчатся. — Он сорвал с меня шапку и повесил у очага, где она и осталась сохнуть, испуская струйки пара. — А теперь, — добавил он, когда я сделал все, как он советовал, — расскажи нам, почему у тебя такой вид, будто тебе заехали в лицо мокрой рыбиной.

Я откашлялся, чувствуя себя ужасно неуютно.

— Вы знаете, что обо всем, что я узнавал здесь, я рассказывал Джесенде... или главе Совета хранителей.

— Ага, — кивнул Гэрровин. — Ты пахнешь своей страстью, знаешь ли. Ну а предательство имеет собственный запах.

— Только всего вы не знаете, — сказал я им. — Вы и половины не знаете. А я сейчас не могу рассказать... не сейчас, завтра. Я приду к вам завтра... — Я собирался рассказать им все, но внезапно почувствовал, что не могу — сразу не могу. Осознание всей глубины моей глупости было еще слишком свежим, слишком болезненным.

— Тогда что же ты хочешь сообщить нам сейчас? — спросил Райдер. — Находится ли Блейз на том корабле, как утверждают Кел и Гэрровин?

Я кивнул:

— Да. Джесенда показала ее мне. Она в кандалах и прикована... — Я рассказал обо всем, что видел, и передал все, что говорила Блейз. И то, что сказала Джесенда о судьбе полукровки. — Они исключают любой риск, — закончил я.

Райдер фыркнул:

— Похоже, дочка Датрика кое-что узнала о Блейз от своего отца. Ей известно, что Блейз не та женщина, которую легко содержать в тюрьме.

— Ну, мы еще посмотрим, — сказал Келвин. В его голосе прозвучал гнев, настолько для него необычный, что все мы посмотрели на него. — Я лишился одной женщины, которую любил, из-за жестокости бессмысленной системы законов, — объяснил он. — Я не собираюсь безропотно смотреть, как другую убьет суд, вынесший вердикт еще до того, как начал заседать.

По тому, как моргнул Райдер, я заподозрил, что Келвин впервые открыто заговорил о своей любви к Блейз. Я поднялся, не слишком твердо держась на ногах.

— Эти корабли не так уж быстро доберутся до Ступицы, — сказал я, — хоть уровень воды в заливе и высок. Погода ужасная, и им придется туто. Им потребуется два или три дня, чтобы прибыть к месту назначения, если только погода не переменится, в чем я сомневаюсь. А теперь я возвращаюсь... чтобы уснуть... если удастся. Завтра... завтра я расскажу вам все, что вам следует знать.

Я схватил шапку и напялил ее на себя. Она была все еще влажной.

Открыл мне дверь Райдер; он вышел следом за мной.

— Не суди себя слишком строго, — сказал он мне. — Если тебя может простить Бог, то и ты сам можешь себя простить.

— А как насчет мертвых? — спросил я. — Как мне получить их прощение? — Я ушел, а он остался стоять, глядя мне вслед.

Я забыл о том, что на следующий день должен был дежурить.

Это могло выскочить из головы у меня, но не у Денни. Он разбудил меня перед рассветом, так что мне вполне хватило времени, чтобы одеться, позавтракать и не упустить приливную волну. Погода оставалась скверной, и только два дня отделяло нас от прилива Короля-Кита: это означало, что приливная волна будет высокой и капризной, поскольку две луны объединили силы с солнцем.

Мое путешествие в Ступицу было ужасным, а обратный путь на Тенкор — еще хуже. В обычных обстоятельствах я провел бы в столице ночь и вернулся со следующим отливом, однако я дал Райдеру и Гилфитерам обещание, которое намеревался сдержать, поэтому не стал задерживаться. После нескольких минут борьбы с безжалостными волнами и слепящими брызгами я понял, что должен или повернуть обратно, или придумать лучший способ справляться с делом. После нескольких проб я обнаружил, что могу создать защиту вокруг собственной головы, чтобы избавиться от дождя. Труднее всего было заставить защитную сферу двигаться вместе со мной: каждый раз, когда мое внимание отвлекалось, она отставала от меня. Впрочем, немедленный ледяной душ служил хорошим напоминанием, и я скоро научился справляться лучше.

Трудность заключалась еще и в том, что из-за сильного речного течения волна отлива походила на подгоняемую штормом приливную волну. Вода была полна принесенного наводнением мусора, значительная часть которого была скрыта грязью и илом. Мне несколько раз с трудом удавалось выпутаться из неприятных ситуаций, а однажды мой полоз перевернулся, и я едва сумел одновременно и вернуть его в должное положение, и удержаться на гребне волны — исключительно силой воли, мне кажется. После этого я установил вторую защиту из тонких полос, прочесывавших воду перед моим полозом.

Я прибыл на Тенкор окоченевшим, посиневшим и таким измученным, что с трудом держался на ногах и почти не мог идти. Я считал, что мне повезло, раз вообще удалось возвратиться. Я выполз на причал, благословляя Денни, который ждал меня с теплым одеялом и кружкой горячего шоколада и был готов помочь добрести до здания Гильдии и горячей ванны. Денни заслужил еще один мой похвальный отзыв; если дела пойдут так и дальше, он скоро должен будет попасть в школу пловцов, а я лишусь лучшего помощника в Гильдии.

Я помедлил несколько секунд у веранды конторы начальника порта, чтобы выпить шоколад, и глянул на расположенный рядом причал. К нему только что пришвартовался корабль, и вокруг него царила обычная суета: сновали чиновники, грузчики, торговцы. Я не обратил бы на это внимания, если бы не заметил в толпе красно-зеленые тагарды обоих Гилфитеров. Еще через мгновение я увидел и Райдера. Они и еще какие-то люди окружали носилки, на которых с корабля сносили кого-то. Чуть позже они поравнялись со мной, и я взглянул в лицо лежащей на носилках женщины. Глаза ее были закрыты, словно она спала. Несмотря на бледность и худобу, это была самая красивая женщина из всех, кого я только видел.

Когда мимо проходил Келвин, я ухватил его за тагард.

— Кто это? — спросил я.

Келвин помедлил, чтобы ответить мне.

— Флейм Виндрайдер, — сказал он, огорченно глядя на нее. — Проклятие, Эларн... Она пропитана дун-магией, как... как сыр плесенью. А теперь у нас нет способа ей помочь...

Он печально покачал головой и поспешил за носилками. Здоровенный пес с лапами широкими, как блюдца, поскакал следом. Я посмотрел на корабль. Это оказался «Буревестник» с Ксолкаса. Я мог думать только об одном: в еще одной смерти я не буду виноват — я не позволю ей случиться.

Я устало доковылял до здания Гильдии, принял ванну и переоделся. Проглотив завтрак на теплой кухне, я доложил-ся дежурному; к этому времени мне начало казаться, что ноги мне все-таки принадлежат. Денни давно уже передал пакеты, которые я привез из Ступицы, так что, написав сердитый отчет о состоянии пролива, я двинулся вверх по холму к Синоду.

Чем ближе я подходил к зданию, тем медленнее делались мои шаги. Я искал любой предлог отсрочить повествование о том, о чем я должен был рассказать. Все еще шел дождь, и даже в куртке из промасленной кожи к тому времени, когда я добрался до ворот, я промок. Мне сразу сообщили, что Деву Замка разместили в Синоде — но не в лечебнице, а в той самой комнате, где раньше против своей воли был заперт я.

Приемная была полна народа. Некоторых я знал; тут, конечно, были Гилфитеры, а также верховный патриарх Краннах и несколько священнослужителей, обладающих Взглядом. Присутствовали тут и незнакомцы — те, кто, должно быть, прибыл на «Буревестнике». Среди них была пожилая женщина с Брета в одежде целительницы, парнишка с Мекате, которого кто-то назвал Деком, и невысокий молодой человек с удивительно пронизательными голубыми глазами и татуировкой на мочке уха, говорившей о цирказеанском гражданстве. Пес тоже был тут; он разлегся посередине комнаты, так что всем приходилось его обходить. Пес посмотрел на меня печальными глазами.

Дверь во внутреннюю комнату была открыта, так что я проскользнул туда; этого не заметил никто, кроме пса. В комнате у постели принесенной на носилках женщины сидел Райдер. Он держал ее за руку, склонив голову в молитве. Я подошел к постели с другой стороны и стал разглядывать женщину. Она была так молода, так прекрасна...

Райдер пошевелился и поднял на меня глаза. При виде боли, написанной на его лице, у меня перехватило дыхание. Я хотел что-нибудь сказать, но не мог найти слов. Он был одним из старших патриархов, а я — всего лишь не слишком благочестивым молодым человеком...

— Хочешь узнать любопытную новость, Эларн? — спросил Райдер и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Блейз осталась прикрывать отход Руарта и Дека, чтобы дать им возможность увезти Флейм. А теперь она — пленница и ждет суда, который может иметь лишь один исход. Я не могу даже попытаться спасти ее, потому что я — советник менодианского Синода и должен подчиняться законам островов Хранителей... должен осудить убийство, которое она совершила. Блейз пожертвовала собой, чтобы спасти эту женщину. Даже более того: она поступилась своими убеждениями, убив обладающего Взглядом, человека, выполняющего ту же работу, которую когда-то делала она сама. А теперь я сделаю все ее жертвы бесполезными, убив Флейм, потому что она злая колдунья, а исцелить ее я не могу. Разве нет в этом иронии?

— Убить Флейм? — тупо повторил я.

— Она мощный источник дун-магии, — объяснил Райдер. — Мы не можем позволить ей прийти в себя: она просто разнесет стены здания и освободится. — Райдер посмотрел на спящую женщину. — Ей давали снотворное всю дорогу с Брета. — Он сглотнул. — Мы должны ее убить.

— О Боже, нет! — выдохнул я. — Нельзя совершить еще одно убийство... В этом нет необходимости.

Райдер озадаченно посмотрел на меня:

— Еще одно убийство?

Я стоял, глядя на него... глядя на нее... и чувствовал, что, какова бы ни оказалась цена для меня, цена для всех Райских

островов, я не могу стать причиной еще одной смерти. Я просто не мог!

Я облизнул пересохшие губы.

— Сир-патриарх... я совершил ужасный грех.

Райдер нахмурился, с трудом отвлекаясь от собственных страданий.

— Это что-то, что ты должен сообщить здесь и сейчас? — спросил он.

— Да. Дело касается тех семерых, которые умерли. Я думаю, что их убил агент главы Совета хранителей, человек по имени Варден. Похоже, он умелый отравитель. Он сделал это для того, чтобы вы сочли лекарство ядовитым.

Выражение лица Райдера изменилось; я понял, что он сразу уловил суть, хотя заговорил только через несколько мгновений. Гнев вспыхнул в его глазах, но тут же был подавлен. Наконец Райдер произнес:

— И сообщил Вардену о том, кто были те семеро, ты.

Я кивнул. Сказать что-то вслух было выше моих сил.

— Ах, Эларн... Это будет для тебя тяжелой ношей.

Я снова кивнул.

— Но наверняка ты ничего не знаешь, верно? Я хочу сказать — что они были убиты?

Я покачал головой и откашлялся.

— Но зачем иначе ему были нужны имена? Датрик велел мне сообщить их Вардену. А я предпочел не думать о том, что тот будет с ними делать... Я не спросил... Я не спросил... — Голос изменил мне, и я повесил голову как провинившийся школьник.

Райдер обошел постель и положил руку мне на плечо:

— Бог милосерден, Эларн, никогда не забывай об этом. Мы еще поговорим с тобой, но сейчас самое важное — сде-

лать все как надо. — Он выглянул в дверь и позвал Гилфитеров и молодого человека с голубыми глазами. — Это Эларн, пловец, — сказал он молодому человеку, потом кратко сообщил о том, в чем я признался. Келвин — бросив на меня единственный сочувственный взгляд — сразу же отправился за лекарством.

Гэрровин задумчиво взглянул на меня, и я покраснел от стыда. Молодой человек тоже смотрел на меня, как-то странно склонив голову к плечу. Потом он заговорил с тем неразборчивым выговором, который сразу делал понятным, что раньше он был птицей-дастелцем:

— Я Руарт Виндрайдер. Спасибо тебе за то, что ты вовремя проявил честность: теперь мы сможем спасти Флейм.

Если бы такое было возможно, я покраснел бы еще сильнее.

— Неизвестно, удастся ли ее спасти, — предупредил я его. — Может быть, лекарство и в самом деле ядовито. Может быть, его действие окажется кратковременным.

— Мы все-таки можем сначала испытать его на мне, — тихо сказал Райдер. — Это следовало сделать в первую очередь.

Руарт покачал головой:

— Нет. Нужно смотреть на вещи честно, Тор. Флейм или излечится, или должна будет умереть. Другого выбора у нас нет.

— А вот и есть, — перебил его Гэрровин. — Существует Ступица и целительство силлов. Такая возможность всегда существовала, разве нет?

— Джесенда получила приказание убить Лиссал, — сказал я, — а не привозить обратно, чтобы ее излечили силвы.

Все посмотрели на меня; я опустил глаза, не в силах встретиться ни с кем взглядом.

— Она сама тебе об этом сказала? — спросил Райдер.

— Да. И Датрик говорил тоже... по крайней мере намекал. Он сомневался, что Флейм возможно излечить с помощью силв-магии. — На это никто ничего не сказал, и все только отвели от меня глаза, но осуждение висело в воздухе. Нет, наверное, не так: скорее это было разочарование. Они ожидали от меня иного, и в определенном смысле для меня их разочарование оказалось еще более тяжелым.

— Вот мы и получили ответ, — сказал Руарт.

Как раз в этот момент вернулся Келвин с маленькой медицинской сумкой. Мы молча смотрели, как он моет руки и предплечье Флейм сначала мылом, потом очищенным алкоголем. Келвин капнул снадобьем на чистую кожу Флейм, потом в нескольких местах проколол ее кончиком острого хирургического ножа.

— И это все? — спросил Руарт, пораженный простотой процедуры.

— Все, — ответил Келвин. — Никаких перемен не произойдет день или два, если не считать покраснения на руке. Избавление Флейм от дун-магии — если вообще произойдет — будет постепенным. Мы полагали... полагаем, что дар Взгляда каким-то образом усиливается в крови и уничтожает существующее заражение магией.

Гилфитеры начали обсуждать причины того, почему целительство силвов не помогло семерым отравленным менодиамам: может быть, дело было в том, что они уже сделались обладающими Взглядом. Только мне не хотелось их слушать, и я выскользнул так же незаметно, как и пришел.

На следующее утро дождь все еще продолжался. Проснулся я поздно, и первое, о чем услышал, — это что последний баркас, отправившийся в Ступицу, перевернулся, пройдя несколько миль по заливу. Груз погиб, и двое гильдийцев и не-

сколько пассажиров утонули. В Гильдии начался переполох. Одни говорили, что движение по заливу следовало закрыть, особенно учитывая мой сделанный накануне отчет. Другие винили торговцев, которые перегрузили баркас, опасаясь, что Гильдия прекратит перевозки из-за плохой погоды. Еще кто-то упрекал гильдийцев, которые допустили слишком большую загрузку баркаса, или смотрителя дамбы в Ступице, открывшего ворота не вовремя из опасения наводнения в столице. Так или иначе, вниз по заливу шла огромная волна, встретившаяся с мощной приливной волной...

Подобные споры возникали всегда, как только что-то случилось. Думаю, человеческой природе свойственно стремление найти виноватого и поиск способов предотвратить трагедию в будущем. В обычных обстоятельствах я высказывал бы свое мнение так же громогласно, как и остальные; на этот раз я помалкивал. Я сам накануне чудом избег несчастья, и реакцией на это было нежелание слишком много думать о такой возможности. Я благополучно вернулся, а другие — нет. Мне не хотелось вспоминать погибших; я просто радовался тому, что выжил. К тому же мне было о чем подумать: меня мучило чувство вины.

Я собрался подняться на башню, чтобы оценить погоду, но у лестницы меня перехватил Мартен.

— Эй, Эларн, где это ты был прошлой ночью? — Мартен хлопнул меня по плечу. — Как я слышал, тебе вчера выпал здорово трудный заплыв — говорят, ты был похож на голубого омара и глаза у тебя торчали на стебельках.

— Угу, правильное описание. Холод был жуткий, скажу я тебе. И я чуть не потерял волну.

Мартен что-то сказал о том, что я, как всегда, оказался самым везучим лягушонком в нашем пруду, а потом добавил:

— Ты знаешь, что Гильдия закрыла движение по заливу? Все пловцы и гребцы с баркасов распушены до дальнейшего уведомления.

— Меня это не удивляет, Мартен. Уж очень там было жутко — иногда я чувствовал себя муравьем, упавшим в ванну, когда затычка вытащена.

— Ну да, только все равно скоро люди начнут болтать о том, что пловцы укрошают волну, когда ее ловят, и из-за отмены заплывов волны будут становиться все больше.

— Если никто не будет заставлять меня это делать, — хмыкнул я, — пусть занимаются укрошением сколько хотят, даже в такую погоду, как сегодня.

— Ты слышал, поговаривают о том, чтобы даже отменить празднество Короля-Кита.

О таком я не знал и был изумлен. Неслыханное дело...

Среди менодиан были такие, кто утверждал, будто празднество Короля-Кита — языческое, а потому должно быть запрещено, но люди по большей части наслаждались церемониями и развлечениями этого дня. Все, у кого были лодки, каноэ или доски, украшали их и отправлялись в залив, чтобы поймать приливную волну. Наряды бывали яркими под стать украшениям лодок, а в воде плавали лепестки цветов. Сам верховный патриарх на одном из наших баркасов плавал по заливу, окроплял святой водой приливную волну и благословлял пловцов. Те, кто не принимал участия в заплывах, следили за происходящим с причалов и с берега. Под конец дня начинались пиршества и танцы. Один из молодых людей и кто-нибудь из девушек бывал коронован как Господин и Госпожа Прилива, и они ходили по улицам в сопровождении придворных — Серебряной Луны, Голубой Луны и Солнца. К вечеру никто не оставался сухим: дети по традиции кидались в толпе мокрыми губками, а

с балконов на ничего не подозревающих прохожих лили воду. Удовольствие получали не только дети — парни радовались тому, что мокрая одежда липла к телам девушек, обрисовывая их фигуры...

Однако в этом году ничего этого не будет, решил я. Если верховный патриарх объявит об отмене празднества, он будет совершенно прав. В такую погоду среди тех, кто рискнул бы выйти в залив, были бы жертвы.

Взобравшись на вершину башни, я обнаружил, что она уже занята. Там были мой отец, верховный патриарх, глава Коммерческой коллегии и Тор Райдер. Смутившись от того, что ворвался в такую компанию, я собирался незаметно ретироваться, когда верховный патриарх заметил меня и поманил к себе. Мне показалось, что он выглядит старым и больным. Его костлявые руки дрожали, и я понял, что Райдер вовсе не лгал, когда сказал Джесенде, что Краннах нездоров.

— Элрн, — сказал патриарх, — подойди сюда. Как я слышал, ты был последним, кому удалось проплыть по заливу. Как ты считаешь, следует ли нам устроить завтра празднество Короля-Кита?

Я бросил взгляд на океан. Весь залив кипел, вода была коричневой, и даже верхушки волн казались грязными. В небе нависали черные грозовые тучи.

— Не стоит, — ответил я, обводя рукой горизонт, — если погода не переменится.

— Ты можешь благословить море с берега, — сказал верховному патриарху Райдер.

— В остальном празднество может проходить как обычно, — добавил глава Коммерческой коллегии. Мне показалось, что я воочию вижу, как он в уме подсчитывает убытки, которые понесут члены Гильдии, если празднество отменить вообще. Мой отец ни разу не взглянул в мою сторону.

Верховный патриарх поблагодарил меня, и все высокопоставленные лица покинули башню, продолжая на ходу обсуждать планы. Остался только Райдер. Сложив руки на груди, он оперся об один из угловых столбов. Никогда еще я не видел его таким встревоженным.

— Как она чувствует себя сегодня утром? — спросил я, когда другие уже не могли нас услышать.

— Мы все еще даем ей снотворное, — ответил Райдер, — так что трудно судить. Пока как будто никаких проблем не возникло. — Он покачал головой. — Бедная Флейм. Она не заслуживала такой судьбы.

— Не заслуживала того, чтобы быть оскверненной дун-магией? Такого никто не заслуживает. — Меня передернуло. — И все же... — Я глубоко втянул воздух, собираясь с духом, чтобы сказать то, что хотел; я не был уверен, как Райдер воспримет мои слова. — Сир-патриарх, — начал я, — хотя убийство тех семерых было злом и мне не следовало ему способствовать... я не уверен, что мне следовало сообщать вам о настоящей причине этих смертей.

— Что ты имеешь в виду?

— Я... я дал тебе возможность использовать лекарство по своему усмотрению, а ты хочешь искоренить всю магию на Райских островах. Ты теперь можешь это сделать, верно? Ты можешь давать лекарство людям, не одаренным магией, и они будут обретать Взгляд. А это значит, что оставаться силвом станет бесполезно: единственными, на кого будет действовать их магия, окажутся такие же силы.

— Правильно, — ответил Райдер. — Это представляется поэтическим возмездием, не так ли?

— Может быть. Однако подобная мера положит конец исцелениям силвов. И театру. Острова Хранителей станут уязвимы, как никогда не были раньше. Совет хранителей в

своем теперешнем виде не сможет существовать. Очень многое должно будет измениться... Возможно, дело кончится тем, что мы получим наследственную монархию, как остальные островные государства, а я не могу поверить, что это лучше, чем то, что мы имеем сейчас.

— Нам незачем прибегать к наследственной диктатуре! Что плохого в том, чтобы честно избрать себе правительство? — спросил Райдер. — Пусть правители говорят правду, а не прячутся за иллюзиями!

— Обычным людям иллюзии нравятся, — сказал я. — Они чувствуют себя в безопасности, если всем заправляют красивые, сильные, уверенные в себе вожди. А теперь они увидят, что вожди такие же, как и все прочие, такие же, как они сами. И тогда они подумают, что раз вожди ничем не лучше остальных, то править может кто угодно... хоть торговка рыбой из Милкби.

— Или портной из Магрега, — добавил Райдер, слегка улыбнувшись какому-то своему воспоминанию. — И возможно — хотя только возможно, — это не так уж плохо.

Я вытаращил на него глаза, гадая, серьезно ли он говорит. Теперь-то я знаю — говорил он серьезно; в конце концов именно так и случилось — и оказалось не так уж плохо. Однако с высокомерием юности — мне ведь было всего двадцать — я, конечно, ничего подобного не предвидел.

— Если немного переменить тему... ты ничего не слышал от Джесенды насчет продажи селитры?

— Ох... да. Забыл тебе сказать. «Свобода хранителей» и «Правосудие хранителей» везут груз селитры. Джесенда уговорила властителя подписать долговременное торговое соглашение, пока он еще не очухался после дун-магии.

— Умно с ее стороны, хотя не слишком этично. — Райдер вздохнул и, перегнувшись через перила, стал смотреть на за-

лив. — Нам нужно добраться до Ступицы — Гилфитеру и мне. Мы должны сделать все, что сможем, для Блейз на суде.

— Келвин этим не ограничится, — сказал я, не сомневаясь в своей правоте.

— Может быть, и нет, но все же сначала мы должны попробовать законные способы... Проблема в том, что сейчас по заливу не ходят лодки.

— Ты просишь меня вас отвезти? Я не могу: мне пришлось бы украсть баркас. За такое меня навсегда выгонят из Гильдии! Да и вам с Гилфитером пришлось бы грести...

— Нет, — перебил меня Райдер, — ни о чем подобном я тебя не прошу. Я не стал бы уговаривать тебя рискнуть жизнью, а мы оба знаем, что в такую погоду речь идет именно об этом. Я только хотел спросить тебя, когда, по твоему мнению, корабли хранителей доберутся до Ступицы.

— Может быть, послезавтра.

Райдер поднял руку, чтобы определить направление ветра.

— Шторм пришел с юга. Разве ветер не донес бы их до гавани за несколько часов?

— Ах, но встречное течение сносит их обратно.

— И сколько же времени будет закрыто все движение по заливу?

Я пожал плечами:

— Как я могу судить? Остается только ждать, пока переменится погода. Наши гильдийцы, знатоки ветров и течений, могли бы дать тебе более точный ответ.

Райдер снова переменил тему:

— Побывал ли ты уже в молитвенном доме, Эларн?

Я смущенно помотал головой.

— Это тебе поможет. Если тебе понадобится что-то обсудить, я всегда к твоим услугам.

И он в самом деле имел в виду то, что сказал...

Глава 29

РАССКАЗЧИК — КЕЛВИН

Ты хочешь узнать, что такое приливная волна Король-Кит? Та самая, которая столько погубила тогда, в 1742 году? Ты бы лучше спросил Эларна Джейдона, а не горца с Небесной равнины, который и море-то увидел только уже взрослым человеком. Эларн при том присутствовал, а уж знает он о приливных волнах больше всех. В свое время он был прекрасным главой Гильдии, знаешь ли; его избрали, когда ему чуть перевалило за тридцать... гораздо лучшим, чем его отец — тот был закоренелым фанатиком, человеком неприятным.

А я? Ну да, я был тут в 1742 году. Во время того прилива, хочу я сказать... и под ним тоже. И если уж тебе приспичило знать, чем это было для такого, как я, парня, только и умеющего, что по-собачьи переплыть маленькую горную речку...

Впервые о Короле-Ките я услышал от гхемфов.

Понятное дело, я их разыскал — другого способа помочь Блейз я придумать не мог. Лодки в Ступицу не ходили, а сухопутные дороги развезло из-за дождей. Так или иначе, я застрял на Тенкоре. Ну а к гхемфам это не относилось. Они были морскими существами, а выводок Эйлсы оставался перед Блейз в долгу. Я отправился в анклав гхемфов на Тенкоре. Стоило мне войти в мастерскую татуировщика, как я понял: гхемфы точно знают, кто я такой. Сидевший там гхемф тут же нырнул

в заднюю комнату, а потом проводил меня в скудно меблированный зал. Там вокруг очага сидело несколько престарелых гхемфов. В такой холодный и ветреный день там было очень приятно находиться.

— У тебя есть надобность в гхемфах? — спросил меня один из старцев в своем обычном напыщенном стиле.

Я кивнул и уселся на стул, который мне предложили.

— Ага. Ради Блейз Полукровки. — И я рассказал гхемфам обо всем, что знал.

Они слушали меня в молчании, и только движения их рук комментировали то, что они от меня слышали. Когда я закончил, один из гхемфов спросил:

— И ты хочешь привлечь нас ей на помощь?

— Я думал, что выводок Эйлсы мог бы помочь.

— Существуют правила, управляющие нами при всяком общении с людьми.

— Твои соотечественники помогли нам на Плавучей Заросли. — Я не стал упоминать о том, как они разделились со многими оскверненными силами; то была просто оргия убийств. По сравнению с тем было трудно себе представить, чтобы у них возникли какие-то трудности, если речь шла только о спасении кого-то, кому они поклялись помогать в трудную минуту.

— Там было уединенное место, без свидетелей, кроме нескольких одурманенных магией рабов, — напомнил мне гхемф. — Ты говоришь, что Блейз — на главном корабле флота хранителей. Спасти ее оттуда — предприятие, которого мы не можем себе позволить без риска быть обнаруженными.

— Это-то я понимаю...

— Блейз обладает способом призвать свой выводок на помощь.

— Она не на свободе и не может этого сделать. — Свой выводок? Они считали Блейз членом выводка?

Последовало еще несколько движений пальцев.

— Мы сообщим ее выводку о ее нужде, но знай: они не станут помогать, если это невозможно сделать незаметно. — Он сказал это так твердо, что стало ясно: тема закрыта. — А теперь, — продолжал гхемф, — мы хотим сообщить тебе кое-что. Приливная волна, которую люди называют Король-Кит и которая придет завтра к полудню, — самая большая и самая разрушительная во всей истории. Ее сила будет такова, что, ворвавшись в залив, она разрушит город и многих погубит. Мы предупредили об этом главу Совета хранителей и команды кораблей в заливе. Даже здесь, на Тенкоре, купцам лучше бы увезти товары из прибрежных лавок и складов.

Я нахмурился:

— Но почему? Что такого особенного в этой волне? Она же приходит каждый год!

Гхемф кивнул и разразился долгой речью. Я и не знал, что они могут быть так красноречивы, когда захотят.

— Да, — сказал гхемф, — так бывает, когда луны и солнце соединяют свои силы. Но есть еще два фактора, которые будут играть роль в завтрашнем приливе. На островах Хранителей шли долгие и сильные дожди. К несчастью, за последние десять лет в глубине острова были вырублены леса, которые раньше там росли, ради древесины, потребной для строительства кораблей. Вода теперь сбегает с голых склонов в количестве, которого никогда раньше не бывало. На всех реках, впадающих в главную водяную артерию Ступицы, паводок, и пик наводнения достигнет залива завтра. В добавление в море формируется ураган, который движется на север. Ветер погонит на берег огромные волны, а прилив встретится с таким напором впадающих в залив вод, который и вообразить

трудно. Не подходи к морю завтра, сир-лекарь. Ни в коем случае не подходи к морю.

Это был разумный совет, но последовать ему я не мог. Не мог! Где-то там была Блейз, и неизвестно, успел бы или нет корабль, на котором она находилась, добраться до Ступицы...

Поговорив с гхемфами, я нашел Эларна Джейдона и попросил его пройти со мной в приемную верховного патриарха. Однако когда мы туда добрались, нам сообщили, что Краннах снова занемог, и на этот раз очень серьезно. Вместо него всеми делами патриархии заправлял Райдер. Я не стал ждать в очереди посетителей; я просто отправил ему записку: «Мне необходимо срочно тебя видеть». Это произвело желаемое действие: нас с Эларном немедленно провели к нему. Райдер, может быть, и не слишком мне симпатизировал, но доверял полностью.

И еще он доверял гхемфам. Как только он услышал о том, что они сообщили мне, он сразу же отправил сообщения главе Гильдии, председателю Коммерческой коллегии и начальнику порта.

— А как насчет Ступицы? — спросил я. — И Блейз?

Райдер мгновение помолчал, потом проговорил:

— «Гордость хранителей» может и не добраться до Ступицы вовремя. Если корабль застрянет в заливе... кто знает, что произойдет.

— Если гхемфы правы, — медленно сказал Эларн так, словно не был уверен в этом, — то все корабли в заливе терпят крушение. По мере приближения к Ступице залив сужается, волна делается выше, а встречное течение быстрее... Корабль выбросит на берег. Их нужно предупредить.

— Их уже предупреждали, — возразил Райдер, — так говорят гхемфы. И может быть — только может быть, — в

этом заключается единственная надежда Блейз на освобождение.

— Ради Творения, Райдер! — взорвался я. — Ты же слышал, что сказал Эларн. Блейз в цепях. Если корабль пойдет ко дну, она утонет!

— Тогда остается надеяться, что ей помогут гхемфы, — ответил Райдер. — Гилфитер, что мы можем поделаться? Нет никакой возможности добраться до нее вовремя. При том состоянии, в котором находятся дороги, чтобы добраться до Ступицы по суше, нужно семь или восемь дней. А Гильдия совершенно обоснованно запретила использовать баркасы.

Его голубые глаза были холодны, но делали их такими боль и отчаяние, а не отсутствие эмоций. Мы смотрели друг на друга, и каждый знал, какие чувства испытывает другой.

— Ступицу все-таки следует предупредить снова, — сказал Эларн.

— Совет хранителей был предупрежден. Члены твоей Гильдии не должны рисковать жизнью при такой погоде. — В голосе Райдера звучало опасное напряжение. — Да и что тебе беспокоиться? Гхемфы сообщили им, чего ожидать.

— Разве ты не понимаешь? — воскликнул Эларн. — Им же не поверят! Когда это Датрик слушал гхемфов? Сир-патриарх, ты бывал в Ступице, ты знаешь, какой там низкий берег, за исключением холмов Совета и Сумеречного. Ты наверняка можешь себе представить, сколько народа погибнет, если волна перехлестнет через волнолом в гавани. — От Эларна исходил острый запах: смесь страха, возбуждения, тревоги и чего-то вроде горького удивления. — Я обладаю даром силва... — тихо добавил он, — думаю, что сумел бы добраться до Ступицы. Сегодня в полночь тоже начнется прилив.

— Нет, тебе это не удастся, — возразил Райдер. — Последний баркас, который попытался, погиб, не забывая. А по-

года с тех пор еще ухудшилась. Даже и не думай, Эларн! А теперь послушайте меня, вы двое! У меня полно дел: людей, которые покинули свои дома на берегу, нужно где-то разместить... — Он явно ожидал, что мы уйдем, и когда мы не двинулись с места, раздраженно бросил: — Ну, что еще?

— Тор, — сказал я, — раньше ты беспокоился о других.

— Это по-прежнему так, Гилфитер. Но я должен думать не только о друзьях. — Он гневно взглянул на меня, потом добавил: — Вы все еще ничего не поняли? В данный момент все корабли флота хранителей собрались в гавани Ступицы. По данным наших агентов, каждый из них вооружен пушками — тремя рядами этих кошмарных орудий. К тому же «Свобода хранителей» и «Правосудие хранителей» доставили селитру для производства черного порошка. Джесенда сообщила Эларну, что хранители заключили с Бретом договор о покупке такого количества селитры, какое им только понадобится в будущем. Разве вы не знаете, что большинство силвов-хранителей — агентов Совета и торговцев, благодаря которым целые архипелаги оказались обмануты и разорены, — собралось сейчас в Ступице, потому что им был послан вызов? Разве вы не знаете, что рядом с верфями в Ступице выстроены фабрики, изготавливающие все больше и больше пушек?

Я сглотнул, наконец поняв, что он пытается нам сказать. Озноб, который вызвало это понимание, был сродни холодным пальцам вины, касавшимся моей души. Однажды гхемф сказал мне: «Мы сегодня совершили большее зло, чем думали, Гилфитер». Он говорил тогда о Торе Райдере и о том, что мы нечаянно осквернили патриарха дун-магией. «Тебе придется научиться жить с сознанием этого», — сказал он еще.

— Такова воля Бога, Гилфитер, — продолжал Райдер. — Несомненно, это его воля. Точно так же, как неслучайна была

наша встреча с тобой — чтобы найти лекарство от магии, — неслучаен и этот шторм.

До тех пор я не понимал, откуда берется его уверенность в том, что мы найдем лекарство. Теперь я видел: он считал это волей Бога. Воля Бога была в том, чтобы мы с ним встретились. Теперь воля Бога заключалась в том, чтобы шторм уничтожил флот, вооруженный пушками, и большинство силвов в Ступице.

— Мне казалось, — сказал я, — что твой Бог... милосердное божество.

— Так и есть. Это самый милосердный способ. Если позволить Совету хранителей и Датрику добиться своего, люди от острова Фен до Спаттов будут жить под игом хранителей, и какие же бесчисленные тысячи погибнут за эти годы? А так Датрик, его пушки, его подручные-силвы будут стерты с лица Земли. Завтра к этому времени Ступица окажется разрушена. Бог послал хранителям предостережение; они предпочли не слушать. В конце концов мы получим лучший, более справедливым мир.

Я не знал, что сказать на это. Я чувствовал исходящий от Райдера запах дун-магии, когда он произносил свои жестокие слова, и в глубине души не сомневался, что в прежние времена он никогда не высказал бы подобные чувства. За перемену в нем ответственность несли мы с Блейз.

— Думаю, тебе пора самому принять лекарство от магии, — тихо сказал я.

— Я это уже сделал, — ответил Райдер. — Сегодня утром, после того как увидел, насколько лучше стало Флейм. Верховный патриарх умирает, Гилфитер. Я никогда не хотел занять его место, поверь, но похоже на то, что так и случится, и скоро. Не годится новому верховному патриарху быть оскверненным дун-магией. Пора той скверне, что гнездится во

мне, быть уничтоженной дополнительной дозой дара Взгляда. — Райдер слегка улыбнулся. — Я или получу желаемый результат, или умру от передозировки. Однако сейчас дун-магия еще сохраняется во мне, и я не могу не верить, что и это — воля Бога. Если бы не дун-магия, возможно, я поощрил бы твое намерение отправиться в Ступицу, а то и отправился бы с тобой вместе сам. Итак, Эларн, как твой духовный руководитель я прошу тебя ничего подобного не делать. Это было бы против воли Бога. Оставь все как есть.

Эларн повернулся на каблуке и вышел из комнаты.

— Присматривай за ним, Гилфитер, — проговорил Райдер.

Я кивнул и тоже вышел. Эларна я нашел в коридоре; он стоял, прислонившись к стене, и судорожно втягивал воздух.

— Все не так, — сказал он. — Не так.

— Что не так?

— Наша вера, — ответил он. — Менодианство. Он безумен.

Я покачал головой:

— Нет, он просто раздирается противоречиями. Его тело страдает от скверны дун-магии, и это изменило его... вывихнуло душу.

— И это тоже воля Бога?

Я только пожал плечами:

— Как я могу тебе ответить? Я даже в вашего Бога не верю.

Эларн начал смеяться.

— Ах, все мы безумны, сир-целитель! Райдер знает, что в нем говорит дун-магия, что иначе он все сделал бы, чтобы спасти Блейз. Что же касается меня... Я собрался оседлать приливную волну во время урагана — разве это не сумасшествие?

— Зачем стараться? — спросил я, заинтересованный тем, что он мне ответит. — Эти хитрые силвы в Ступице выставили тебя дураком. Разве ты им что-то должен?

— Ничего не должен. Но то, чего хочет Райдер... я уверен, что это неправильно! Я уверен, что менодиане не должны так поступать: ведь наша вера учит нас заботиться о других. Жители Ступицы — моя тетушка и ее свихнувшаяся служанка, например, — не заслуживают того, чтобы утонуть. Даже Джесенда не заслуживает.

— Ты возьмешь меня с собой? — спросил я.

Эларн откинул голову и расхохотался во все горло.

— Возьму! Почему бы и нет? Пастух в лодке, который и грести-то не умеет, — что может быть более безумным?

Я чувствовал, как сильно пахнет от него страхом...

Мы тайком взяли лодку из сарая — Эларн, Мартен и я. Эларн попросил Мартена помочь грести, и тот согласился с готовностью, которая меня озадачила. Он явно так полагался на мнение Эларна, что перспектива выйти в залив во время самого сильного шторма на человеческой памяти его не смутила.

— Чертовски холодно, — весело сказал мне Мартен, пока мы взламывали дверь сарая. — Эларн говорит, что ты не очень хороший гребец, — это правда?

— Боюсь, что правда. Только если у каждого из нас будет всего по одному веслу, я, может быть, и справлюсь.

Мартен посмотрел на меня так, словно я бредил в морской лихорадке. Как оно, должно быть, на самом деле и было...

Причал был безлюден, так что никто не видел, как мы сбили замок и вошли в сарай, где хранились лодки Гильдии. Эларн даже не прибег к силв-магии, чтобы скрыть кражу.

— Возьмем вот эту. — Он показал на самую маленькую из лодок. Она казалась до смешного хрупкой. Эларн вручил нам обоим по связке выдолбленных тыков.

— Привяжите поплавки к поясу. Тогда, если свалитесь в воду, будете иметь шанс спастись.

Снаружи на доски причала обрушивались огромные волны, и когда мы вывели лодку в залив, водяная взвесь в воздухе была такой густой, что я не мог определить, идет ли дождь. От окружавшего нас холода, влаги, ярости волн исходил запах опасности — запах бури, озона, соли, водорослей...

— Навалитесь! — прокричал Эларн, перекрывая рев моря, и налег на руль: нам грозила опасность разбиться о сваи причала, даже еще и не начав путешествия. Мы попали в водоворот, хотя нас еще защищал остров. Середина залива напоминала корыто безумной прачки — вода и пена бурлила и неслась разом во все стороны.

Я ощутил сильный сладкий запах силв-магии, и дождь прекратился — по крайней мере так стало казаться.

— Что за черт? — пробормотал Мартен, едва не выронив весло.

— Магия! — рявкнул Эларн. — Магическая защита...

Он установил защиту со всех сторон, не позволяя проникать к лодке дождю и брызгам. Оглянувшись через плечо, я увидел, что Эларн придал ей форму зубцов вилки перед носом лодки... точнее, видеть этого я не мог, но чуял, да и результат был заметен. Должно быть, он использовал и волшебный огонек. Сам я мог видеть, что творится вокруг, только когда море и небо озаряли вспышки молний. Магическая защита избавила нас от дождя, но любой обладающий Взглядом — и, судя по всему, я тоже — мог бы пройти сквозь нее, ничего не заметив.

Меня должно было бы затошнить — качка была такой, что даже бывалый моряк начал бы страдать от морской болезни... но ничего подобного не случилось: наверное, я был слишком испуган. Возможно, помогала и необходимость сосредоточиться на гребле. Я изо всех сил старался погружать весло под правильным углом и грести в такт с Мартеном, хотя ветер и волны так и норовили вырвать весло у меня из рук.

Эларн вывел лодку на середину залива и развернул ее носом к Ступице; теперь мы ждали, когда нас подхватит волна прилива. Нам приходилось тратить все силы на то, чтобы удерживать лодку в правильном положении.

Я услышал приближение прилива первым. Даже плеск волн и вой ветра не помешали мне.

Это был рев, который, казалось, не могло производить явление природы. Он словно заставил шторм умолкнуть. На нас двигалась стена воды, обезумевшая часть океана, вырвавшаяся из его глубин, сметающая все на своем пути от берега до берега. В свете молнии я видел ее всего миг — мучительно пугающий миг неизбежного несчастья; потом все поглотила тьма ненастной ночи.

— Боже, — услышал я стон Мартена. — Ну и скорость...

— Гребите! — рявкнул на нас Эларн, и мы подчинились: ужас придавал нашим телам такую же силу, как прилив — океану.

Мы с Мартеном сидели лицом к корме и могли видеть, как этот кошмар приближается из темноты. Когда приливная волна настигла нас, она оказалась больше, чем я считал возможным. Над нами высился левиафан, невероятно огромный, с пенистым гребнем, загигавшимся вниз. Полосы пены казались потоками слез на его лице, а в сердце бушевали оглушительный рев и мощь. Мы погибли, решил я. У нас не было никакой

надежды сравниться с ним в скорости. Волна перемелет нас, превратит лодку в щепки.

И тут запах силв-магии резко усилился, и лодка рванулась вперед за секунду до того, как нас настиг прилив: дополнительный рывок позволил лодке сравниться в скорости с волной. Эларн использовал магическую защиту как рычаг, чтобы подбросить нас вверх.

И вот мы скользили по волне, приближаясь к гребню. Я подумал, что мы взлетим в воздух — бескрылая чайка, которой предстоит утонуть. Эларн что-то кричал, но я не мог разобрать его слов. Мое весло больше не касалось воды. Казалось, что под нами воды нет вообще. Вся она осталась позади Эларна, нависая над лодкой, готовая вот-вот обрушиться и уничтожить нас. Она кипела, шипела, угрожала. Волна была живым существом, жаждущим проглотить смертных, дерзнувших бросить ей вызов. Мы были жалкими букашками на спине зверя, нам неподвластного и желающего стряхнуть с себя раздражающих паразитов.

Однако гребень так и не обрушился на нас. Мы висели то ли в воздухе, то ли на волне, удерживаемые — так по крайней мере казалось — только рулем в руках Эларна. Рядом со мной молился Мартен; ветер срывал слова с его губ и уносил прочь. Мы мчались на приливной волне, старшей дочери Короля-Кита, предшественнице еще более огромного и яростного родителя, который должен был последовать за ней через двенадцать часов.

Эларн ухмыльнулся; он был возбужден, опасность явно заставляла его более остро все чувствовать.

— Вот теперь ты знаешь, какова настоящая жизнь, горец, — прокричал он мне. — Это заплыв, какого ты никогда больше не испытаешь.

«Да, — подумал я, — потому что этого заплыва не переживу».

Лучше всего я, пожалуй, запомнил напряженность той ночи. Когда каждую секунду оказываешься на грани смерти, зная, что малейшая ошибка положит конец твоей жизни, все отпечатывается в твоём мозгу с необычайной яркостью. Я могу заново пережить каждую секунду той ночи; я не забыл тех запахов — аромата силв-магии, смрада смерти: водорослей, вырванных со дна, утонувшего скота, погибших морских тварей... запаха потопы, кипящего океана, пронизанного дождем воздуха, нависших туч, раскатов грома. Мир встал с ног на голову.

Залив сузился, расширился, снова сузился; песчаные отмели, вновь образовавшиеся промоины, скалы, повороты берега — все это меняло характер прилива, меняло саму скорость волны. Только мы начинали чувствовать себя в безопасности — и тут же вода с пугающей неожиданностью начинала кипеть, пена захлестывала лодку. Были моменты, когда нас спасали только сила наших рук и силв-магия Эларна; только благодаря им нам удавалось удерживаться на гребне волны. Иногда начинало казаться, что волна не едина, а представляет собой целую череду волн, каждая из которых с голодной яростью хочет поглотить нас. Не успевал я подумать, что мы нашли правильную комбинацию усилий, ловкости и предвидения, как все вокруг снова менялось.

Если бы на руле сидел кто-то другой, мы потерпели бы крушение сотню раз до того, как это действительно случилось. Эларн, хоть и неопытный рулевой, сумел объединить свой инстинкт с магией; именно это снова и снова спасало нас. Глядя на него, я понимал, что передо мной не тот мальчишка, которого я повстречал за несколько месяцев до того. Тогда он был незрелым, занятым только собой, сердитым на весь мир, ду-

мающим исключительно гениталиями юнцом, которого легко могла сбить с пути улыбка женщины. Поняв, что его предали, он мог сделаться пессимистом и циником. Он мог счесть предательство оправданием недоверия и безразличия. Вместо этого он повзрослел с быстротой, которой мало кто из молодых людей мог бы достичь. Его решение предупредить Ступицу, пойти против самого Райдера было, конечно, попыткой искупить те смерти, в которых он был повинен, но я не стал из-за этого хуже о нем думать. Не стал я хуже думать о нем и потому, что он явно наслаждался опасностью — я ведь чувствовал запах его страха. Эларн боялся, но снова и снова встречал свой страх лицом к лицу. И ни разу он не пожалел о своем решении. Его решимость не уступала силе бури. В определенном смысле, по моему, той ночью он нашел освобождение от своих долгов.

Наступил рассвет — свинцовый из-за низких туч, сумрачный из-за дождя. И через час из реки навстречу приливу ринулся вал паводковых вод. Я почуял его заранее и предупредил Эларна, но волны столкнулись с такой силой, что этот хаос мы не могли и пытаться преодолеть.

Нос нашей лодки задрался, весла стали бесполезны. Эларн навалился на руль, пытаясь удержать лодку на курсе, — и тут руль сломался. Толчок выбросил Эларна за борт. От столкновения двух волн в воздух взлетел фонтан брызг, и я взлетел тоже, кувыркаясь в воздухе, беспомощный и вопящий.

Мы потеряли не только приливную волну, мы потеряли и лодку.

Глава 30

РАССКАЗЧИК — ЭЛАРН

Первая моя мысль была — я погубил нас всех. Себя, своего лучшего друга и Келвина Гилфитера. И все из-за идиотской уверенности, что смогу провести лодку до Ступицы в такую погоду. Никто не сможет сейчас выжить в море — оно было слишком бурным, слишком холодным, слишком могучим.

Погружение в воду вызвало у меня ужас. За какие-то секунды я потерял всякое представление о том, где верх и как вынырнуть. От тыкв-поплавков было не больше пользы, чем от набитых в карманы камней. Волны кидали меня, вертели, били. Холод лишал тело чувствительности. Самым же ужасным была беспомощность — все мои попытки бороться ни к чему не приводили. В обычных обстоятельствах приливная волна просто выбросила меня позади себя, и все. На этот раз все было иначе. Эта волна была детищем Короля-Кита, вскормленным ураганом, и попала она в залив, переполненный водами паводка. Мы оказались всего лишь пищей чудовища, родившегося от этого союза.

Волны выбили из моих легких остатки воздуха, и я почувствовал, что значит тонуть.

Потом я ощутил, как вокруг меня обвисли мускулистые руки, прижимая к сильному телу. Я решил, что это Мартен пытается меня спасти или за меня в отчаянии цепляется Гил-

фитер. Однако обхватившие меня руки обладали силой, превосходившей силу Мартена; тем более он не смог бы помогать мне в таком водовороте. И хватка рук никак не походила на последнюю надежду перепуганного тонущего человека. Их обладатель имел цель и двигался в определенном направлении, что было бы недоступно любому человеку, оказавшемуся в этой обезумевшей водной стихии.

Я вынырнул на поверхность и глотнул воздуха. Волна опять накрыла меня с головой, но теперь я плыл, и сильные руки помогали мне. Я собрался с силами и зажег волшебный огонек; он получился жалким и тусклым, но все же позволил мне разглядеть моего спасителя. Это был гхемф.

Я даже не пытался разобраться в происходящем. Едва не утонувший, оступевший от усталости, шока и холода, я мог только смотреть, как гхемфы ныряли и всплывали на поверхность, вытаскивая из глубин Мартена и Гилфитера. Потом они подтащили нас туда, где плавала наша перевернутая лодка. Гхемфы были повсюду. Они сразу же взялись за лодку: перевернули ее и принялись вычерпывать воду.

Я позволил своему волшебному огоньку погаснуть.

Они отбуксировали нас до самой гавани. Весла были потеряны, и без помощи гхемфов мы никогда не смогли бы добраться до берега; к тому же мы совершенно обессилели, а Гилфитера непрерывно рвало. И еще было ужасно холодно. Принято думать, что южные острова архипелага Хранителей обладают мягким климатом, потому что омываются теплыми течениями, но можешь мне поверить: в ту ночь вода была ледяной, а резкий ветер и колючий дождь заставляли нас, дрожа, жаться друг к другу. У меня не осталось резервов сил-магии, которую я мог бы призвать на помощь, и единственным укрытием оказался тагард Гилфитера. Много позже я задал ему

вопрос: как удалось ему сохранить этот абсурдный предмет туалета, когда нас вышвырнуло в воду? Он сообщил мне, что ни один житель Небесной равнины ни при каких обстоятельствах не расстается со своим тагардом. Когда же я стал расспрашивать его настойчивее, он со смущенной улыбкой признался, что эта проклятая штука обмоталась вокруг его шеи и чуть не задушила; к тому же тяжелая намокшая ткань тянула его на дно...

Вскоре после рассвета мы миновали «Гордость хранителей». К этому времени мы были уже недалеко от Ступицы. Гилфитер неожиданно перегнулся через борт и заговорил с одним из гхемфов; я понял, что, несмотря на дождь и ветер, он снова каким-то образом уловил запах Блейз. Вой ветра заглушил его слова, ответа гхемфа я тоже не услышал, но Гилфитер, похоже, остался им доволен. Он снова скорчился на дне лодки.

К тому времени, когда мы выбрались на причал у здания Гильдии в Ступице, небо посветлело — настолько, насколько этого можно было ожидать в такой ненастный день. Было, должно быть, около десяти утра. Мы едва успели поблагодарить гхемфов, прежде чем все они снова исчезли в воде. Я и по сей день не знаю, почему они помогли нам. Что мне известно точно — это что без них мы погибли бы.

Мы первым делом направились в здание Гильдии, чтобы отогреться в горячей ванне. Тут нам повезло: сир-пловец Левнат, ответственный за дела Гильдии в Ступице, оказался на месте. В иерархии Гильдии он уступал только моему отцу, и его в Ступице уважали. Он выслушал наш рассказ, пока мы завтракали, и поверил нам. Думаю, что ему трудно было бы не поверить: только сообщение чрезвычайной важности могло заставить кого-то преодолеть залив в такую погоду. Еще до окончания нашего рассказа он уже рассыла гильдийцев с предостережением ко всем, кто обладал в Ступице властью, в том

числе к временному главе Совета Датрику. Левиат рекомендовал для начала отменить празднество Короля-Кита. Левиат был в ярости, и не без оснований: до нашего сообщения он ничего не знал о том, что приливная волна может оказаться больше обычной. Датрик не потрудился сообщить ему о предупреждении гхемфов.

После этого мы расстались: Мартен остался помогать гильдиям переносить баркасы и полозья в безопасное место, а мы с Гилфитером решили повидаться с Датриком.

— Хочу встретить этого выродка, — объяснил свое желание Гилфитер. Для горца такие крепкие выражения были необычны.

Главу хранителей мы нашли в его кабинете на холме Совета. Его секретарь не хотел пускать нас, поскольку аудиенция нам назначена не была, но потом смягчился. Не знаю, что на него повлияло: моя настойчивость (а я был все-таки сыном главы Гильдии) или яростный взгляд, которым пронзил его Гилфитер из-под своих лохматых бровей.

На Датрика горец особого впечатления не произвел. Когда я их познакомил, глава Совета скользнул взглядом по Гилфитеру, как будто того там и не было, и напустился на меня:

— В чем дело, Эларн? Я сегодня очень занят: шторм прошлой ночью разрушил часть волнолома. Нужно позаботиться, чтобы до следующего прилива брешь заделали. И я уже получил сообщение от Левиата о том, почему ты нашел нужным рисковать жизнью в заливе.

Я старался сохранить спокойствие и достоинство.

— Прилив прошлой ночью был только предвестием того, что случится сегодня. Мы ожидаем, что самое страшное начнется в Ступице около трех пополудни...

— «Мы» — это кто?

— Гильдия пловцов.

— И эта информация исходит?..

— От наших знатоков приливов и предостережения, полученного от гхемфов. Приливная волна затопит низко расположенные районы города, сир-силв, и вполне возможно, что здания на набережной будут разрушены.

— У нас имеется волнолом. И ты едва ли можешь ожидать, что я стану обращать внимание на то, что говорят гхемфы. Они в лучшем случае недоумки, а в худшем — просто суеверные животные.

— Они водяные существа, хорошо знакомые с особенностями приливных волн, — мягко сказал Гилфитер. — Тебе следовало бы прислушаться к их словам. Очень неразумно позволить людям сегодня оставаться в прибрежных районах.

Датрик не обратил на него внимания.

— Эларн, я отменил сегодняшнее празднество. Однако этот город стоит не одну сотню лет и ни разу еще не затоплялся приливной волной. Если я велю всем покинуть свои дома, если прикажу закрыть фабрики и перенести все, что можно, на высокие места, а это окажется ненужным, можешь ты себе представить, как это отразится на моей популярности?

«О Боже, — подумал я, — в этом-то все и дело. Датрик боится проиграть выборы. Он думает, что Фотерли выставит его дураком, если приливная волна не затопит город».

— А можешь ты себе представить, какова будет твоя популярность, если ты никого не эвакуируешь, а наводнение все-таки случится? — спросил Гилфитер. — Особенно если станет известно, что ты обо всем знал заранее? Фотерли сможет выиграть выборы, даже не произнеся ни одной речи. Если, конечно, вам двоим удастся выжить.

Вот тогда-то Датрик все-таки посмотрел на Гилфитера — бросил на него гневный недовольный взгляд.

— Не знаю, кто ты такой, но все это — не твое дело, житель Мекате. — Датрик снова повернулся ко мне: — Кто вас сюда послал? Верховный патриарх или этот сующий всюду нос тип — Райдер? Черт возьми, я уверен, что это был не твой отец. Так что же это — менодианский заговор? Вы хотите, чтобы верфи обезлюдели и менодианские шпионы свободно могли разнюхивать, что мы там делаем?

Я вытаращил на него глаза:

— Сир-силв, я не стал бы рисковать жизнью ради... ради такой глупости. И я не заслуживаю обвинений в измене Совету хранителей.

— Нет, конечно. Я не имел в виду, что ты сознательно принял бы участие в заговоре. Однако ты молод и тебя легко обмануть.

— Как обманывали вы с Джесендой? — спросил я, едва сдерживая гнев. Я забыл все, чему меня учили насчет осторожности и почтения к власти имущим. — Да, дураком я могу быть, согласен. Однако это дело важнее, чем наши с тобой отношения. Король-Кит через несколько часов промчится по заливу и причинит нашему городу неисчислимый вред...

Докончить мне не удалось. Секретарь впустил в комнату одного из советников, который в нетерпении даже не стал ждать, пока Датрик ответит на его приветствие, и затараторил:

— Сир-силв, менодиане призывают людей перебираться на возвышенности, а гильдийцы покинули свое здание на берегу. Фотерли ходит по городу и сообщает всем, что ты упустил бразды правления и позволяешь распоряжаться всяким мелким сошкам. Он говорит, что ты скрываешь от народа правду. Люди рассержены, сир-силв. Они не знают, кому верить!

Датрик сделался грозным, как тучи у нас над головой; первой мишенью его гнева оказался я.

— Видишь, к чему привела твоя глупость, мальчишка? Если бы ты пришел с этой своей идиотской историей ко мне первому, ее удалось бы скрыть. Теперь же началась неразбериха, и этот дурак Фотерли еще подкидывает дрова в огонь ради собственного успеха. — Датрик обернулся к секретарю и начал отдавать приказы: — Пусть на всех рынках зачитают сообщение о том, что вероятность наводнения невелика и никакой опасности для собственности нет. Объяви, что хотя прилив будет выше обычного, город защищают и глава Совета хранителей, и силвы.

Секретарь поклонился и вышел. Датрик повернулся к советнику:

— А ты, Сатерби... Я хочу, чтобы ты к часу дня собрал всех до единого силвов Ступицы, кто старше десяти лет, на берегу. Мне нет дела до того, кто они такие: все должны быть там. Мы установим защиту вокруг гавани и по течению реки — вдоль дамбы, вдоль верфей и жилых кварталов. Выстроим длинный ряд силвов... Понятно?

— Да, сир-силв... но ведь это же... это же по крайней мере десять миль!

— А у нас имеются тысячи силвов! Даже не учитывая тех агентов, кто находится в порту и на кораблях... Да я сказал бы, что в Ступице достаточно умелых силвов, не так ли, Сатерби?

— Как тебе угодно, сир-силв...

— Тогда отправляйся и все организуй. — Датрик снова переключил внимание на меня. Гилфитера он по-прежнему не замечал. — Может быть, нам еще удастся обратить это безобразие себе на пользу, хоть твоей заслуги в том и нет, Эларн. Если прилив действительно окажется высоким, мы сможем убедить доверчивых людей в том, что именно моя предусмотрительность и организация магической защиты спасли город от катастрофы.

Мы с Гилфитером переглянулись. Мы оба помнили волну, поднимающуюся из темноты, а ведь то был еще не Король-Кит. Луны и солнце еще не объединили силы, когда формировался тот прилив. То, что предстояло, должно было оказаться еще разрушительнее...

— Никакая магическая защита не остановит такую волну, сир-силв, — тихо сказал Гилфитер. — Ты только погубишь своих силвов — и себя.

Датрик посмотрел на него, как на песчаного клеща.

— Кто ты такой, чтобы говорить мне, что я могу и чего не могу делать?

— Я не говорю тебе, что ты можешь делать, — просто показываю, что случится, если ты это сделаешь. А я? Я тот человек, который убил Мортреда Безумного.

Театральные эффекты были не в духе Гилфитера, но это был красивый спектакль. Впрочем, если он рассчитывал представить Датрика задуматься, он ошибся. Глава Совета был поражен — он смотрел на Гилфитера, как если бы тот объявил, что он — Бог, но это так и не заставило его услышать того, что пытался сказать ему Гилфитер.

Последовала долгая пауза. Потом Датрик обратился ко мне:

— Полагаю, ты, Эларн, тоже будешь в час дня на причале вместе со всеми нами.

— Было бы лучше ничего этого не делать, — ответил я. — Тогда по крайней мере хоть кто-то из нас останется в живых к концу дня. Твоя затея означает, что все мы погибнем.

— Не говори ерунды! Не можешь же ты полагаться на то, что говорят гхемфы!

— Я и не полагаюсь только на их слова — я ведь видел прилив прошлой ночью, я оседлал ту волну! Боже милосердный, что должны мы сделать, чтобы убедить тебя?

— Ничего. Уходите. Мне нужно работать.

Когда я открыл рот, чтобы возразить, он демонстративно распахнул перед нами дверь.

Мы с Гилфитером вышли. Оказавшись на улице, мы натянули промасленные куртки, чтобы защититься от дождя.

— Ты же не настолько безумен, — сказал Гилфитер, — чтобы выйти на берег ближе к трем часам? — Я ничего не ответил. — Иногда, Эларн, — мягко продолжал Гилфитер, — высочайшее мужество заключается в том, чтобы остаться жить.

Гилфитер отправился искать следы Блейз, а я прошел в город, чтобы позаботиться о безопасности тетушки и Ангелины; потом я сообщил сир-пловцу Левиату обо всем, что услышал от Датрика. Левиат как раз совещался со смотрителем дамбы: они решали, когда открыть ворота, чтобы потоком легче всего было управлять. Рассказав им о распоряжениях главы Совета, я вышел на берег, чтобы помочь силам установить защиту. Я знал об опасности, но уйти не мог: они были такими же силами, как и я.

Их задача была невыполнимой, обреченной на неудачу еще до того, как они за нее взялись. Однако я оказался единственным, кто это понимал. Все они, и я вместе с ними, были уже мертвы, но только я чувствовал мучительность ситуации. Никогда еще я так не страдал от беспомощности.

Около часа дня я снова увидел Датрика. Он был со мной весьма любезен и даже попросил меня позаботиться об установлении защиты перед его домом на западном берегу гавани. Он хотел, чтобы кто-то помог его жене, поскольку сам он собирался распоряжаться защитой более важных объектов — верфей и фабрик. В свою очередь я вежливо пообещал сделать все, что от меня зависит. В глубине души я гадал, почему он обратился ко мне с такой просьбой. Он наверняка знал о моем даре силва — Джесенда, уж конечно, ему о нем доложила.

Так не испытывал ли он, несмотря на свое высокомерие, капли сомнений? Может быть, он все-таки подозревал, что гхемфы правы, и потому решил, что я лучше всех сумею защитить его жену и его собственность?

Вскоре после того как я добрался до дома Датрика, я увидел, как в гавань вошли три корабля хранителей. Все они пришвартовались к причалу. Боль в груди — я только теперь понял, что испытывал ее все время после того, как в последний раз видел Джесенду, — обрела новый характер. Мне отчаянно хотелось снова встретиться с Джесендой, хотелось, чтобы все сказанное ею тогда оказалось какой-то ужасной ошибкой. Я хотел предупредить ее о приливе. И одновременно я не хотел больше никогда ее видеть. Что ж, сегодня ей предстояло умереть, и я ничего, абсолютно ничего не мог с этим поделать.

Я попытался выстроить силлов у дома Датрика хоть в каком-то порядке, но они не воспринимали мои слова всерьез. Среди них было много светских дам, толстых, ленивых и самодовольных. Все они были раздражены тем, что им пришлось выйти на холод и дождь, хоть слуги и соорудили для них навесы вдоль берега. Когда я попытался заставить их попрактиковаться в установке защиты, какой-то седовласый аристократ ехидно прошелся насчет детишек, которые хотят научить взрослых сосать грудь. Я начал объяснять, как трудно будет должным образом установить защиту — ведь силвы не видели чар друг друга, только свои собственные, а защита должна была сомкнуться без щелей, — но люди разбегались, как только порыв ветра приносил новые потоки дождя. Я хотел, чтобы они заранее установили защиту и только укрепляли ее потом, чтобы, когда нагрянет волна прилива, преграда ей уже стояла на месте. Мне отвечали, что это требует слишком много энергии, а потому они позаботятся о защите, когда и если в этом возникнет необходимость. Я потерял терпение и стал орать на

них, показывая на обломки, принесенные предыдущим приливом: во многих местах кучи водорослей и мусора лежали за оградой их садов.

В этот момент и раздался взрыв.

Звук был неправдоподобно громким, и клянусь: я почувствовал, как земля закачалась у меня под ногами. Мы все повернулись в сторону причалов. Разглядеть, что там творится, было трудно: изгиб берега отчасти скрывал ту часть бухты, к тому же шел дождь. Однако было видно, что у дальних причалов что-то горит. В кровавом зареве вверх взлетали искры, вместе с каплями дождя на нас посыпались обгорелые обломки. Языки огня вздымались до самых верхушек мачт стоящих в гавани судов.

— О Боже! — воскликнул кто-то. — Это же корабли горят!

Мы стояли, глядя на пламя, неспособные понять, что же случилось. Я помню: в моем уме проносились совершенно абсурдные мысли... может быть, в несчастье виновата воздвигнутая силами защита? Может быть, объединение усилий стольких людей и привело к взрыву, из-за которого загорелись корабли? Рассудок говорил мне, что такое невозможно, но панические мысли все равно возникали.

Я попытался снова привлечь внимание к установке защиты, но теперь интерес к ней совсем пропал. Силвы жались под навесами, не слушая меня. Двое из мужчин заявили, что отправляются на причал, чтобы помогать тушить пожар. Я начал возражать, и тогда один из них резко бросил, что не собирается слушать глупости, изрекаемые мальчишкой-пловцом, когда вся коммерция Ступицы гибнет в огне. Вместе со своим другом он ушел; еще несколько человек двинулись следом.

Через минуту или две еще больше раскаленных обломков взлетело в воздух; новый взрыв заставил нас пошатнуться. Ударная волна на мгновение оглушила меня и лишила воздуха

легкие. Я мог только таращить глаза на то, что еще недавно было портом, совершенно не понимая, что творится.

Кто-то застонал.

«Боже, — подумал я, — у большинства этих женщин там, на причале, мужья, сыновья, дочери...»

Я постарался не дать им времени подумать об этом.

— Скорее! — закричал я. — Вот-вот придет волна! Все немедленно установите защиту! — На этот раз, пораженные, не верящие своим глазам, они по крайней мере подчинились. Я начал проверять, соединяется ли защита каждого с защитой соседа. Конечно, я не мог видеть чар как таковых, но видел, как растекаются, словно по невидимому оконному стеклу, дождевые капли. В первый раз я благословил судьбу за этот непрекращающийся ливень. Я бежал вдоль ряда выстроившихся на берегу силвов, исправляя промахи и требуя почти ото всех поднять защиту выше. Люди ворчали, но делали так, как я требовал. Может быть, они наконец расслышали отчаяние и ужас в моем голосе. Может быть, на них подействовал вид кораблей, которые еще до пожара начали отходить от берега и вставать на якорь посередине бухты. А может быть, дело было в том, что жена Датрика неожиданно решила оказать мне поддержку и стала резко одергивать недовольных. Должно быть, в конце концов силвов отрезвили вид горящих кораблей и новые оглушительные взрывы: они поняли, что Ступице грозит катастрофа. Не понимая причин, они все же видели, что люди вокруг гибнут или уже погибли.

Несмотря на дождь, пламя на причалах яростно пылало и сбить его не удавалось. И тут я услышал низкий рев, словно гром приближающейся грозы.

Приливная волна шла по заливу.

Я выставил собственную защиту, поместив ее впереди остальных, как первый бастион; однако она простиралась всего

на сотню шагов. Если бы я растянул ее сильнее, она оказалась бы слишком тонкой, чтобы противостоять удару волны.

В следующий момент мы увидели ее. По какому-то капризу природы случайный луч солнца прорвался сквозь тучи и озарил этот Джаггернаут; на гребне волны вспыхнули радуги. Я никогда еще не видел ничего столь огромного и никогда не слышал такого устрашающего звука. Мы увидели, как нависающий гребень вознесся над берегами залива, как волна миновала волнолом, словно это была кучка гальки на берегу, и, поглощая все на своем пути, ринулась прямо на нас. Это было живое и свирепое чудовище, и ни одному из нас и в голову не пришло, что наша хрупкая защита выстоит против такой мощи.

Прилив швырял корабли, как детские игрушки; вода гло тала баркасы, и их команды исчезали в пене; крики и сопротивление людей были такими ничтожными, что теряли всякий смысл. Я услышал вопли рядом с собой и увидел, как силвы кинулись бежать, надеясь укрыться в домах. Они могли бы оставить свою защиту на прежнем месте, но в панике почти все забыли об этом: я видел, как капли дождя беспрепятственно падают на землю.

Произошла странная вещь: еще минуту назад меня буквально тошнило от страха, но теперь неизбежность смерти принесла мне ясность мысли и холодное спокойствие. Я помню, что подумал: «Зачем я это делаю?» Мою защиту волна вколотит в песок, и сколько бы энергии я в нее ни вливал, никакой разницы это не составит. Да и защита одного человека ничего не даст... Я помню, что посмотрел направо и увидел, как первые дома рушатся под напором воды, словно вырезанные из бумаги.

В ту долю секунды, что у меня еще оставалась, я принял решение: я останусь жить. Я притянул свою защиту вплотную к себе, сделал из нее кокон, так что меня окружил филигран-

ный голубой шар силв-магии. Я закрыл глаза и стал думать только о том, чтобы укрепить поверхность этого шара. Последний взгляд на волну показал мне стену кипящей воды, заслонившую небо.

Я мало что помню о том, что происходило дальше. Иногда меня переворачивало вверх ногами; иногда меня швыряло на стенку магического шара или катало по нему. Я был весь покрыт синяками, но я был жив и в живых остался.

Я открыл глаза, только когда почувствовал, что мой шар неподвижен, а рев снаружи умолк. Я позволил своей защите приоткрыться, как распускающемуся бутону, и обнаружил, что лежу на полосе грязи, которая когда-то была улицей. Меня окружала жуткая тишина, если не считать журчания воды. Никаких криков... никаких призывов на помощь.

Вокруг меня прибрежная часть города была мертва.

Умерла в тот день и силв-магия, а мир стал другим.

Аннара айси Терон

Запись в дневнике

36 второго месяца Двух Лун, 1794

Дастелы... Не могу поверить, что я и в самом деле здесь!

Этим утром мы зашли в пустынную бухту, чтобы пополнить запасы пресной воды. Здесь со скалистого хребта в море впадает река, и все мужчины отправились купаться. Как же я им завидовала! Нам с Лескаль пришлось довольствоваться прогулкой по солнцепеку.

Хотя я и наблюдала за мужчинами издали, Лескаль была шокирована и попыталась увести меня подальше. Есть ли на свете хоть что-то, что не шокирует благочестивую сестру? Если бы она знала, о чем я думаю, когда пишу эти строки и вспоминаю Натана, его мокрое блестящее тело в одних подшитанниках... Я распутна, конечно. Несомненно. И что даже хуже — я этим наслаждаюсь. Ох, как же я изменилась!

Мы попали в странную и завораживающую местность. Этот сюрреалистический мир мог бы быть грезой лихорадящего ума, но только он существует, и я там была! Хрупкие белые ветки принадлежат совсем не растениям — это остатки кораллов. Для дастелцев они священны, и считается грехом их ломать, так что нам приходилось быть очень осторожными. Насколько мне известно, когда дас-

телцы вернулись на свой архипелаг, они зарабатывали на жизнь продажей красных и черных кораллов, из которых делают дорогие украшения. Чтобы жить на своих островах, им пришлось уничтожить нечто необыкновенно прекрасное; поэтому теперь в компенсацию они видят преступление в том, чтобы разрушать то, что осталось.

К вечеру мы отплывем отсюда в Аруту. Наши двое ботаников особенно стремятся туда попасть из-за орхидей. Наш «Ветерок», впрочем, направится оттуда к другому острову архипелага — тому, где Мортред, бежавший от своего дяди, скрывался у менодиан. Ученые, плывущие на «Ветерке», надеются узнать, есть ли правда в рассказах об огромном монастыре — центре учености, — который когда-то там существовал. Они хотят произвести раскопки, если найдут место, где монастырь находился.

Шор собирается брать интервью у теперешних жителей островов. Похоже, они считают, что никогда не были птицами, а происходят от рыбаков с Южного Сафана из архипелага Разбросанных. Он слышал, что где-то в окрестностях Аруты живет женщина, которая своими глазами видела, как острова поднялись с морского дна, — рыбачка с прелестным именем Уэйвскиммер. Вот Шор и хочет попытаться ее найти. Женщина теперь, конечно, уже очень пожилая... Наши другие два корабля должны присоединиться к нам в Аруте, а потом мы все вместе через несколько недель направимся в Ступицу.

У меня даже кружится голова, как подумаю, что я буду избавлена от осуждающего взгляда Шора. И как только я могла когда-то думать о том, чтобы выйти замуж за такого человека!

Еще три дня, и я попаду в Аруту. Еще три дня, и я встречу Блейз!

Глава 31

РАССКАЗЧИЦА — БЛЕЙЗ ПОЛУКРОВКА

Сначала я, знаешь ли, подумала, что это крысы — грызут где-то над моей головой дерево в адской дыре, которой был трюм корабля. Постоянный звук «шхррр... шхррр... шхррр»... Крошки дерева сыпались мне на плечи. Стражник, охранявший в то время мою камеру, ничего не замечал.

Я помалкивала. Никогда не знаешь, из чего удастся извлечь пользу, — даже из крысы.

Потом я заметила, что шорох слишком равномерный и слишком быстро дает результаты: в обшивке над моей головой появилась дыра. Значит, это должны быть гхемфы. Я улыбнулась про себя: Гилфитер меня не подвел. Странно, как работает ум. К гхемфам обратиться мог и Тор — Эларн ведь собирался с ним поговорить, — но я была совершенно уверена, что это сделал Келвин. Когда в прошлый раз Тор меня спас, он заплатил за это слишком высокую цену — осквернение дун-магией. Иногда есть вещи, в которых твое сердце уверено, и именно они в конце концов должны указывать тебе правильный путь. Тор никогда больше не станет меня спасать.

К тому времени, когда я услышала шорох, мы уже почти добрались до гавани. Во время движения по заливу качка была сильной, но теперь что-то изменилось: по-другому журчала

вода под килем, по-другому скрипели доски корпуса. Дыра у меня над головой все увеличивалась, мне уже были видны когти гхемфа, потом его лицо. Стражник по-прежнему ничего не замечал. Оттуда, где он сидел, он не мог видеть обшивку надобной, но ведь не может же он не заметить, если я неожиданно исчезну...

— Единственный ключ от моих кандалов — в каюте Дженсенды, — прошептала я гхемфу, когда стражник отвернулся.

Гхемф подмигнул мне и протянул в дыру ключ.

Я, ухмыляясь, взяла его. Похоже, я в долгу у Эларна Джейдона. Ключ подошел к замку, и меньше чем через минуту я освободилась от цепей. Я попыталась размять затекшие мускулы и чуть не застонала.

Только теперь стражник заметил, что что-то не так. Он подошел к прутьям двери и заглянул внутрь, пытаясь в полумраке разглядеть, что я затеяла. Прежде чем он успел что-то понять, я протянула руку, вцепилась ему в волосы и сильно ударила о прутья. Так я его и держала, пока он беспомощно пытался оторвать от себя мою руку и стонал. Потом я обернула цепью, которую сняла с себя, его шею и пристегнула к пруту решетки; цепь натянулась туго.

Стражник начал вопить. Я ухватила его за нос и резко повернула.

— Заткнись, — прошипела я, — или я выдавлю тебе глаза. Понял?

Это заставило его умолкнуть, по крайней мере на время.

Я подняла глаза. Гхемфы — их оказалось несколько — сумели тем временем снять несколько досок обшивки. Я подтянулась и пролезла в дыру; оказалась я на грузовой палубе. Там было темно; никого, кроме четырех гхемфов, ни одного из которых я не узнала, поблизости не оказалось. Один из гхемфов схватил меня за руку и потащил вверх по трапу, ведущему

на оружейную палубу. Я услышала шум дождя; сверху сочился слабый свет. Здесь тоже оказалось пусто: должно быть, вся команда была занята наверху.

Я улыбнулась гхемфам.

— Где мы? — спросила я.

— Как раз входим в гавань, — ответил мне один из них. — Только тебе нужно поскорее отсюда выбираться, а как окажешься на берегу, беги на какую-нибудь возвышенность. Примерно через час сюда дойдет приливная волна и сметет все на своем пути. Ступица превратится в подводный город.

Я заморгала. Думаю, что в полной мере до меня слова гхемфа не дошли. Я поняла, что ожидается наводнение и ситуация отчаянная, но я и представления не имела о том, что произойдет. В тот момент меня гораздо больше занимало, как мне незаметно покинуть корабль. Стражник опять начал кричать; к счастью, его вопли заглушались шумом дождя, плеском волн и скрипом корпуса корабля.

Я спросила гхемфов, как нам лучше всего выбраться наружу.

— Через один из этих, — показал один из них на люки в борту судна. Это были, как я поняла, орудийные порты: их открывали, когда пушки должны были стрелять. Гхемф распахнул ближайший, и я, щурясь, выглянула в него. Мы приближались к причалу, от него нас отделяло еще сотни три шагов. У причала стояло несколько кораблей хранителей — больше, чем я когда-либо видела в Ступице разом. Мы оказались в восточной части гавани, рядом с фабриками и верфями.

— Кто-нибудь может нас увидеть, — сказала я. — Если не с корабля, то с берега. Нужно как-то отвлечь внимание. — Я огляделась. На стене рядом с трапом висели фонарь и огниво. Я вытряхнула из ведра тряпки, которыми, должно быть, протирали пушки, облила их маслом из фонаря и высекла огонь. Так легко и просто...

Я не имела в виду сжечь корабль до ватерлинии. Я думала, что кто-нибудь обнаружит огонь прежде, чем он распространится. К тому же дождь сделал все вокруг мокрым: едва ли подходящие условия для большого пожара. Понимаешь, я мало что знала о черном порошке. Я даже не задумалась о том, что хранится в бочонках рядом с каждой пушкой. Я накидала еще больше тряпок, чтобы дым стал погуще, и мы с гхемфами пролезли через люк и прыгнули в море.

Я испытала шок, обнаружив, как бушует вода в бухте. Даже в защищенной гавани гуляли большие волны. Однако поворачивать обратно было поздно. Я отказалась от всяких мыслей о том, чтобы плыть к какому-нибудь уединенному месту: как только я оказалась в воде, мне стало ясно, что лучшее, что я могу сделать, — это добраться до берега самым коротким путем. Вода была холодной — если я пробуду в ней слишком долго, я погибну.

Гхемфы плыли рядом, помогая мне и подталкивая, пока мы не добрались до ступеней, ведущих из воды на берег. Я выползла на причал по каменной лестнице, потом обернулась, чтобы поблагодарить гхемфов, но не увидела их поблизости. Я уже собиралась уйти, когда гхемфы все как один одновременно взвились над водой, рассыпая блестящие брызги, перекувырнулись и так же в унисон нырнули, скрывшись в волнах.

Когда-то сестра Эйлсы по выводу сказала мне: «Мы будем прыгать ради тебя». Я тогда не поняла ее, да и не задумалась... но теперь я увидела. Гхемфы выпрыгивали из воды, как киты и дельфины, чтобы оказать кому-то честь.

Я сделала глубокий вдох и снова стала думать о ситуации, в которой оказалась. Я еще не вырвалась на свободу. Я находилась в самом сердце территории силвов-хранителей: меня окружало благоухание их магии. Пока меня выручало только

то обстоятельство, что шел дождь, а люди вокруг были слишком чем-то озабочены, чтобы заметить меня. Я прошлепала по причалу к накрытым брезентом бочкам и спряталась за ними, чтобы дать себе время оценить положение. На набережной сутились люди, и их было явно больше, чем обычно, несмотря на ужасную погоду. Силвы кричали и отдавали приказания. Силвов на берегу толпилось много; я повсюду видела возводимую ими защиту. Ближе ко мне грузчики толкали тяжело нагруженные тележки прочь от берега. С нескольких больших купеческих кораблей убирали сходни; суда отходили от причала. Их капитаны, похоже, не хотели, чтобы волны били корабли о доски, и решили встать на якорь посередине бухты.

«Гордость хранителей», наоборот, только что пришвартовалась к набережной в двухстах шагах от меня; пожар на орудийной палубе, видимо, еще не был обнаружен. Может быть, огонь погас, решила я, но теперь это уже не имело значения: мне удалось бежать незамеченной. Через минуту по сходням спустилась Джесенда в сопровождении своих силвов-хранителей. Они спешили к конторе начальника порта. Их встречала группа каких-то людей, но я была слишком далеко, чтобы понять, что происходит, а дождь слишком громко барабанил по брезенту, чтобы можно было разобрать слова.

Я как раз собиралась посмотреть в другую сторону, чтобы выяснить, смогу ли найти укрытие и покинуть набережную незамеченной, когда — совершенно неожиданно — кто-то схватил меня за руку и вытащил под дождь. Я резко повернулась, готовая к схватке...

— Ш-ш, — укоризненно прошипел Келвин, — мне тебя, конечно, приятно видеть, девонька, но что ж ты сразу лезешь в драку, даже не поговорив!

Это оказался тот редкий случай, когда я не знала, что сказать. Что ж, Келвин ведь никогда и не нуждался в словах.

И времени терять он не стал; должно быть, его нос говорил ему, что следует делать. Он накинул свой тагард нам на головы, чтобы защититься от дождя, потом поцеловал меня в губы... совсем не братским поцелуем. В этот момент я приоткрыла рот, собираясь что-то сказать, и этим он воспользовался тоже. Я хотела было запротестовать, но неожиданно обнаружила, что никакого желания делать это у меня нет. Я обняла Келвина так крепко, что едва не переломала ему ребра.

Именно тогда и взорвалась «Гордость хранителей».

Мы оба повернули головы и еле успели отскочить: на нас покатались бочки. Раскрыв рты, мы смотрели на «Гордость хранителей», забыв про поцелуй. Ни один из нас никогда не слышал такого грохота и не видел столь яркого пламени. Языки огня взвивались выше мачт, взрыв породил порыв ветра, опутавший нас мокрым тагардом.

У нас на глазах «Гордость хранителей» разваливалась на части. Плавающие обломки досок и куски парусины разлетелись по всей набережной и упали на стоящие рядом суда. Несколько человек взлетели высоко в воздух, а потом упали в море. За первым взрывом последовал другой, не менее сильный. С палубы скатилась пушка и врезалась в стену лавки бондаря. Грот-мачта накренилась и рухнула, накрыв пылающими парусами залитую дождем набережную.

Кел, все еще вытаращив глаза смотревший на пожар, проворкотал:

— Клянусь Сотворением, целоваться с тобой приятно.

Я даже не сумела засмеяться в ответ.

— Великая Бездна, ведь это сделала я...

— Ах, уж в этом я не сомневаюсь. Кто же еще? В конце концов, ты должна была оправдать свое имя.

— Только я не нарочно... — тихо прошептала я.

— Ясное дело, не нарочно, — добродушно согласился он. — Просто вокруг тебя случаются всякие вещи. Уж я-то знаю. Со мной бывает так же: вещи падают и бьются, когда я прохожу мимо. — Он распутал свой тагард и снова накинул его нам на головы. — Слушай, нам нужно отсюда смываться. Мы с Эларном пробовали вбить в головы этим болванам, что меньше чем через час Король-Кит обрушит на Ступицу полувину южного океана, да все бесполезно. Датрик даже решил, что это какой-то заговор менодиан, снюхавшихся с Фотерли, чтобы хранители оставили корабли без охраны... — Келвин неожиданно ухмыльнулся. — Боюсь, теперь он в этом еще больше уверился.

— Тут все вокруг кишит силвами, — сказала я.

— Ага. Датрик решил, что они смогут выставить защиту против наводнения. Он, правда, на самом деле не верит в угрозу, но собирается потом повысить свою популярность, уверив жителей, будто именно такая защита, установленная вдоль всего берега — как стена, — и спасла город.

— Может быть, ему и удастся, — сказала я.

— Эларн считает, что нет, а он знает о море и о силв-магии больше нас с тобой. К несчастью, он полагает, что честь обязывает его участвовать в создании защиты. — У Эларна, конечно, была причина для такого решения, но объяснять это Келвину у меня не было времени. — Пошли, девонька, нужно отсюда выбираться.

Я огляделась и помедлила. То, что еще оставалось от «Гордости хранителей», догорало у причала, и корабли по обе ее стороны — «Свобода» и «Правосудие» — тоже были охвачены огнем. Часть команды еще боролась с огнем, но большая часть матросов, похоже, покинула суда и разбегалась во все стороны. Это казалось странной реакцией на пожар, который еще не особенно распространился; к тому же ведь шел дождь...

Я подумала об огненной смерти, которую пушки обрушивали на Крид, и о чудовищном взрыве, который мы только что видели.

— Э-э... знаешь ли, Келвин, — предложила я, — может быть, нам стоит бежать со всех ног.

И я припустила прочь с набережной; Келвин побежал за мной. На первой же улице я свернула налево. Через несколько секунд земля вздрогнула от нового взрыва.

— Сюда, — крикнула я, не оборачиваясь. Я вела Кела на Сумеречный холм, в самую бедную часть города, где я когда-то еще ребенком жила среди полуразвалившихся склепов заброшенного кладбища. Другие люди тоже торопились вверх — обычные люди, нагруженные своим самым ценным имуществом. Значит, были такие, кто поверил предостережениям о катастрофе. На нас никто не обращал ни малейшего внимания.

Мы почти добежали до кладбищенских ворот, когда «Свобода хранителей» буквально исчезла в пламени. Я как раз в тот момент оглянулась и видела этот катаклизм, превосходящий всякое воображение. Мгновением позже раздался громовый рев, словно какой-то разгневанный бог дал волю своей ярости. Мы замерли на месте, лишившись слов, и могли только смотреть на то, что творилось в гавани.

Теперь уже четыре корабля пылали, как праздничные фейерверки, а два лишившихся мачт корпуса рядом с ними наполовину ушли под воду. Сама набережная казалась длинным рядом огней. Все строения позади верфей были сровнены с землей. У нас на глазах «Правосудие хранителей» взлетело над водой, превратившись в шар яростного пламени. Гул раздался такой, что мы на мгновение оглохли.

— Дерьмо, — пробормотала я, — что же я наделала? — Я чувствовала искреннее раскаяние. Такой печальный конец

этих прекрасных кораблей... И еще хуже — на них ведь были люди.

— Похоже, ты в одиночку разделалась со всем флотом хранителей, — сказал Келвин. В его голосе звучало благоговение. — Как, ради Сотворения, тебе это удалось, девонька?

— Дело в том черном порошке, я думаю. Когда до него добрался огонь... Рядом с пушками было несколько бочонков. — Меня трясло.

— Ах... Впечатляет. Только я на твоём месте не стал бы особенно переживать. — Со своей обычной пронизательностью Кел сразу понял причину моего ужаса. — Не вини себя, девонька: эти люди... и эти корабли все равно пошли бы ко дну через минуту-другую. На самом деле ты, возможно, спасла жизни — благодаря тому, э-э... что из-за тебя люди сочли набережную небезопасным местом. Не пройти ли нам на кладбище, чтобы переждать потоп?

Кел помог мне пробраться в один из склепов, где мы и уселись под вычурной лепниной крыши. Дождь сделался слабее, а потом и вовсе прекратился. Вокруг нас теснились жители бедных кварталов; люди пытались спасти свои жалкие пожитки, натягивая что-то вроде навесов между надгробными памятниками. Между ними ходили менодианские священнослужители, раздававшие еду и одеяла.

Келвин завернул меня в свой тагард. Он был слишком мокрым, чтобы согревать, но все равно...

— Райдер будет доволен, — сказал Кел.

— Как Флейм? — Шок не заставил меня забыть о ней. Новости о Торе могли и подождать. — Ты видел Флейм?

— Она в безопасности на Тенкоре. И идет на поправку, насколько мы можем судить.

— Так вы нашли лекарство?

Он кивнул.

— Райдер тоже его принял... хотя мы еще не совсем уверены в том, что оно хорошо действует.

К нам подошел патриарх и предложил одеяло. Мы с благодарностью его взяли и закутались, спасаясь от холодного ветра. Я прижалась к груди Келвина.

— Как Руарт? И Дек? — Было так много всего, о чем мне нужно было узнать, а думать о том, что случилось в гавани, мне не хотелось...

— С Декком и Руартом тоже все в порядке, — ответил Кел и добавил: — Вы здорово справились на Брете.

— Я убила человека, обладающего Взглядом, — сказала я с раскаянием. — А ведь он только делал свое дело. — Я рассмеялась, и смех мой прозвучал цинично. — Знаешь что, Кел? Я тогда решила, что он будет последним человеком, которого я убью... другого убийства мне было бы просто не вынести. А теперь смотри, что я устроила у причалов. — Я кивнула в сторону гавани. — Из-за меня только что погибли ни в чем не повинные моряки. В результате несчастного случая...

— Ах, похоже, у нас с тобой у обоих так получилось, — сказал Кел. — Мы случайно поубивали невинных.

Мы обменялись взглядом, который говорил о многом, и я переменяла тему. О своей вине я подумаю потом...

— Как ты сюда попал? — спросила я. — Эларн говорил, что ты был на Тенкоре. А море сейчас слишком бурное для баркасов... и что это ты говорил о наводнении?

— Ну, нас предупредили гхемфы. В море бушует ураган, который совпал с самым высоким приливом в году. Эларн загорелся желанием добраться до Ступицы, чтобы помочь — предупредить жителей. Так что я отправился с ним вместе. Не мог я потерять и тебя... как потерял Джастрию.

— Ах... — Я задумалась о том, что услышала... о том, что из этого следовало. Было так приятно чувствовать руку Кела,

обнимающую меня. Он не был Тором, и я против этого больше не возражала. — Меня освободили гхемфы. Благодаря тебе.

— Нам они помогли тоже — Эларну и мне. И еще одному пареньку, приятелю Эларна. Мы перевернулись в том кипящем котле, в который превратился залив. Я уж тогда подумал, что присоединюсь к Сотворению. Это было совершенно безумное путешествие, скажу я тебе, и странный способ смерти для горца: утонуть в океанской воде.

— А почему гхемфы не предупредили о наводнении Совет хранителей? — спросила я и поморщилась: снизу донесся звук еще одного взрыва. Нет уж, никогда больше я и близко не подойду к черному порошку...

— Они и предупредили, только Датрик не пожелал отнестись к их словам серьезно, — потому что это были гхемфы.

— Провалиться дураку в Великую Бездну! Неужели он никогда ничему не научится? А ты... на тебя что, напала морская лихорадка — отправиться по заливу в такую погоду? Тебе очень повезло, что ты остался в живых!

— Ага, наверное. Я хотел задержаться, когда мы догнали «Гордость хранителей» у самого входа в гавань, но гхемфы сказали мне, что они занимаются твоим освобождением. Поэтому, добравшись до берега, мы попытались предупредить жителей Ступицы. Этим я и занимался до того момента, когда учуял тебя на причале. К счастью, нам поверили гильдийцы и менодиане. Патриархи сразу же принялись эвакуировать своих прихожан. Датрик же, с другой стороны... — Келвин покачал головой, словно не мог поверить в такую человеческую глупость. — Даже Фотерли отправился на берег, вместе со всеми своими сестрами и их детьми. Эти двое — Датрик и Фотерли — устроили политическое состязание, чтобы показать, кто из них больше заботится о народе Ступицы. Из-за их соперничества погибли люди... — Келвин

неожиданно умолк, потом прошептал: — О Сотворение, вот оно, девонька...

По какому-то совпадению солнечный луч пробился сквозь тучи и на краткий великолепный момент засиял на гребне несущейся по заливу приливной волны, которая росла все выше и мчалась все быстрее между сужающимися берегами. Мы были далеко от берега, но все равно слышали ее рев, похожий на гром. В пене, венчающей волну, вспыхивали радуги.

Вдоль края берега, от верфей до дворцов на другом краю бухты, цепочка силвов установила и сомкнула свою защиту. По крайней мере такое, наверное, имелось намерение... Это должно было бы выглядеть как серебряный филигранный занавес, поддерживаемый пульсирующими столбами голубого света, огромный бастион — но мой Взгляд различал все слабые места. В защите были прогалы: некоторые неопытные силвы неправильно оценивали расстояние до своих соседей, но никто не догадывался об этом, потому что чужие чары силвы не видели. Другие сделали свои участки барьера недостаточно высокими, поскольку не имели представления о том, с чем им предстоит бороться. Я смотрела на все это с растущим ужасом, предчувствуя, свидетельницей какого кошмара окажусь. Гибель силвов-хранителей... уничтожение элиты государства.

Конец целого образа жизни...

Прилившая волна ударила в волнолом с грохотом, который мгновением позже донесся до нас, и просто пронеслась над ним; напор воды еще усилился из-за отката от скал более высокого дальнего берега залива. Бухта стала походить на кипящий котел. Прилив подхватил стоящие на якоре суда и швырнул их на набережную, как листья, сорванные ураганом. Волна обрушилась на суда, стоявшие у причала, на верфи и наконец достигла установленной силвами защиты. Некоторые ее части рухнули еще до этого, потому что ее создатели в панике обра-

тились в бесполезное бегство. Те же, что остались на месте, с тем же успехом могли бы противопоставить волне преграду из пуха или паутины. Мужчины и женщины, пытавшиеся остановить наводнение, оказались смыты, как будто их и не было. Корабли прилив выбросил на сушу, как мякину. Более низменные части города исчезли под водой. Дома на набережной развалились, как куличики из песка. От пожара не осталось и следа, и даже дым развеялся.

Мы с Келвином вцепились друг в друга, оцепенев от шока, не в силах выговорить ни слова. Мы знали, что гхемфам многое известно об океане, мы верили им — и все же такого не ожидали. Такого... такого опустошения. Вокруг нас стояли, словно окаменев, люди и разинув рты потрясенно смотрели на гибель своего города. Над разрушенной столицей общественные здания на холме Совета высились нетронутыми во всем своем великолепии — театр, моельный дом, богадельня, университет, Коммерческая коллегия и, конечно, здание самого Совета. На улицах у подножия холма дома рухнули или были смыты волной; обломки кораблей, городских и портовых строений перемешались, как будто какой-то обезумевший бог встряхнул весь мир. Когда вода наконец стекла обратно в бухту по каналам, которые раньше были улицами, и ужас медленно отпустил нас, стало видно, что от Ступицы остались лишь руины, утопающие в грязи. В воде гавани на волнах покачивались сорванные с домов крыши вперемешку с разбитыми судами, вырванными с корнем деревьями, трупами животных, телами утонувших жителей...

— О Сотворение, — прошептал Келвин, — бедный Эларн...

Позади нас один из патриархов призвал толпу к молитве, и люди один за другим начали опускаться на колени. Кто-то тихо плакал.

Я повернулась к Келвину:

— Почему Тор не отправился с вами? У него было бы больше возможностей убедить советников в приближении катастрофы, чем у горца и простого пловца.

Может быть, у меня и не было его тонкого нюха, но я сразу поняла, что отвечать на этот вопрос Кел не хочет. Он явно боролся с собой и наконец сказал:

— Райдер счел, что советники получили свой шанс, когда их предупредили гхемфы. Советники не захотели слушать. Если верить Райдеру, предостережение было послано Богом, и хранители предпочли не обратить на него внимания.

Подозреваю, что Келвин мог бы рассказать и больше, но не захотел этого делать. Я почувствовала, как мои глаза наполняются слезами от горькой иронии случившегося.

— Раньше он таким не был...

— Ну да, я знаю. Он принял лекарство, — мягко добавил Келвин. — Может быть, теперь он снова станет таким, как прежде.

Я покачала головой:

— Ах, Кел, никто из нас никогда не станет прежним. Никогда. — Я еще раз оглядела разрушенный город и подумала о погибших. О людях, которых я знала... о тех, кого я убила. — Кел, я так устала... От всех смертей. От всех убийств. От вечного существования на острие ножа. Вся моя жизнь только из этого и состояла... и я больше не хочу так жить!

Мой запах, конечно, сказал ему больше, чем слова. Кел коснулся моего лица кончиками пальцев. Потом, показав на раскинувшийся под нами безрадостный ландшафт, предложил мне единственное утешение, которое имелось:

— Они все равно погибли бы от наводнения. — Я закусила губу, не в силах говорить. — Ах, девонька, скажи мне прямо, чего хочешь: я человек простой, мне нужно услышать все своими ушами.

Я улыбнулась ему и покачала головой:

— Никакой ты не простой человек, здоровенный ты болван, и прекрасно об этом знаешь. И уж тебе-то нет никакой надобности что-то слышать своими ушами. — Кел молчал, поэтому я продолжала: — Я прошу тебя увезти меня с собой, Кел, куда бы ты ни отправился.

— Ну, — сказал он так, словно это было совершенно очевидно, — на Дастелы, конечно. Где еще я смогу исправить хоть немного причиненного зла? — Он провел рукой по волосам, и они, как всегда, встали дыбом. Потом он добавил: — Я собираюсь построить там лечебницу на деньги менодианской патриархии. Там я смогу и лечить, и обучать других. А когда-нибудь, возможно, и более того. Я думаю о медицинском университете.

— Чертовски привлекательная идея. — Да, так оно и было. Возможность построить что-то вместо того, чтобы разрушать. — Приют для детей-дастелцев... тех, что осиротели, тех, кто лишился рассудка. — Я повернулась к Келвину и взяла его за руку.

Он покраснел, что показалось мне ужасно милым.

— Ты сделаешь меня счастливейшим человеком в мире, если присоединишься ко мне. Если, конечно, ты этого хочешь. Я тебя люблю, как, думаю, теперь уже тебе известно.

— Да, — ответила я, — но все равно услышать такое приятно.

Если ему и нужно было еще о чем-то узнать... кончик носа у Кела зашевелился. Мне ничего не нужно было ему говорить.

Глава 32

РАССКАЗЧИК — РУАРТ

Бесполезно спрашивать меня о Короле-Ките 1742 года. Я его не видел. Я — как всегда — сидел у постели Флейм, держа ее за руку, и ждал.

Впрочем, Дек пришел и рассказал мне обо всем после того, как приливная волна прошла. Он чирикал, как взволнованный птенец.

— Ох, дух захватывало, Руарт, — говорил Дек. — Волна была вроде как взбесившаяся гора! Ты знаешь, что в порту Тенкора смыло часть верфей? А еще нос здоровущего корабля застрял в стене лавки фонарщика на причале! Ух! А на пляж выкинуло жутко огромную акулу, а у начала главной улицы такая куча водорослей, что мы пять минут через нее лезли! — Дек продолжал болтать, но мне трудно было особенно интересоваться чем-то, кроме Флейм; паренек скоро почувствовал, что поддерживать разговор мне не хочется, и виновато спросил: — А как она?

— Тризис все еще дает ей снотворное, но теперь уже меньше. Она и так спокойно спит, мне кажется. — По крайней мере теперь Флейм не сопротивлялась, когда ей давали лекарство.

Дек внимательно посмотрел на Флейм.

— Трудно сказать, излечилась ли она, — заключил он наконец. — Она не использовала ни дун-, ни силв-магию с

тех пор, как мы покинули Брет, так что ни всполохов не видно, ни запаха не чувствуется. Я ничего не могу разглядеть, только ведь это не обязательно значит, что ей стало лучше.

— Нет, но скоро все выяснится. Мы собираемся позволить ей проснуться.

В это время пришел Райдер, и Дек поспешил исчезнуть из комнаты. Я уже знал, что мантия патриарха и высокое положение, которое занимал Тор, смущали парнишку.

— Все такое черное, — как-то шепнул он мне. — Он похож на морского дьявола. — Я посмеялся бы над страхами Дека, но в душе я и сам находил странным, что Тор Райдер теперь носил мантию священнослужителя; еще более странным было для меня то, что он приходил к постели Флейм молиться за нее. Я помнил его человеком действия с мечом в руке — и любовником Блейз.

— Полагаю, Дек рассказал тебе о том, что натворила приливная волна? — спросил Тор, бросив взгляд на Флейм.

Я кивнул.

— Она причинила много вреда, — признал он. — Больше, чем я ожидал.

— Прилив был достаточно сильным, чтобы разбить корабль хранителей?

— О да. — Мы посмотрели друг на друга, и Райдер вернулся к окну. — В Ступице все уничтожено... — Взгляд его был затравленным. — Мне следовало отправиться выручать Блейз. На самом деле я должен был освободить ее, когда корабль проходил мимо Тенкора, и наплевать на последствия. — Признание в раскаянии было совсем не в духе Райдера. Он криво улыбнулся, заметив мое удивление. — Я во всем виню осквернение дун-магией. Это единственное мое оправдание.

— Но осквернение исчезло, не так ли?

— Дун-магия во мне? Да. — Он снова повернулся к окну. — Я все время говорю себе, что такова воля Божья. Да я и не могу не верить в это... Насколько мне известно, Келвин и Эларн отправились в Ступицу с ночным приливом. — До меня не сразу дошел смысл его слов, а когда дошел, я похолодел. — Они прошлой ночью исчезли, — уточнил Райдер, — так же как и одна из лодок, принадлежащих Гильдии.

— Ох, клянусь пухом и перьями! Могло... могло им это удалиться?

— Добраться до Ступицы? Не знаю. Но если кто-то и мог совершить такое, то это Эларн. — Думаю, в душе Тор понимал, что на этот раз Блейз — живая или мертвая — для него потеряна. В его голосе звучала боль, за одну ночь добавившая морщин на его лицо. — Да простит меня Бог, если я совершил ошибку; сам себе я этого никогда не прощу.

Я не мог сообразить, что можно ему ответить.

В комнату вошел Гэрровин, как всегда болтливый. Он начал уговаривать меня поесть и пойти прогуляться, раз погода улучшилась. Он иногда напоминал мне дроф, которых мы видели на пастбищах Небесной равнины: крупных любопытных птиц, вечно гонящих куда-то других членов стаи.

— Тор присмотрит за девонькой, — сказал он мне. — Иди поешь чего-нибудь.

Выходя, я обернулся в дверях. Тор все еще смотрел в окно невидящим взглядом.

На второй день после того, как прилив достиг наибольшей величины, Тризис еще уменьшила дозу снотворного, и Флейм стала некоторое время бодрствовать; она начала проявлять интерес к тому, где находится и что происходит вокруг нее. Впрочем, большую часть времени она просто смотрела в потолок. Только к вечеру она проявила желание

поговорить. Повернув голову, она впервые посмотрела мне в глаза и спросила:

— Где мы? — Я не видел в ней никаких следов Лиссал. В провалившихся глазах Флейм был только бесконечный страх.

— На Тенкоре.

— Я чувствую себя... слабой.

Гэрровин, сидевший с другой стороны постели, сказал:

— Ты долго получала снотворное. Теперь тебе нужно как можно скорее подняться на ноги — походить, восстановить силы.

Флейм задумалась. Гэрровин многозначительно посмотрел на меня и вышел из комнаты. Пора, говорил его взгляд, все ей объяснить.

— Гилфитер нашел лекарство от дун-магин, — сказал я. — Мы дали его тебе.

Флейм долго молчала. Я попытался взять ее за руку, но она отстранилась. Наконец она сказала:

— Что-то еще не так. Я чувствую себя изменившейся. Я и в самом деле изменилась.

Я сглотнул.

— Думаю, дело в том, что ты больше и не силв тоже. На самом деле ты... э-э... наверное, обладаешь теперь Взглядом... или скоро станешь обладать.

Я ждал ответа, но в тот день Флейм ничего больше не сказала. После обеда она попросила о ванне. Помогать с этим ей пришла матриарх, а потом, когда я вернулся с прогулки, Флейм уже спала. В ту ночь я уснул в кресле в ее комнате, спрятав голову под руку. Когда утром я проснулся, Флейм уже встала и сидела за туалетным столиком, глядя на себя в зеркало. Она была ужасно худой, почти невесомой.

Флейм не стала дожидаться, пока я с ней заговорю.

— Я все помню, — сказала она. — По крайней мере до того момента, когда вы все вместе заставили меня проглотить снадобье там, в Бретбастионе. Что... что случилось с ребенком?

Мне с трудом удалось поднять глаза и встретиться с Флейм взглядом.

— Мы его убили.

— Вы в этом уверены?

— Да.

Выражение ее лица приободрило меня. Флейм испытывала облегчение.

— Я рада, — просто сказала она. — Это было чудовище. Он пожирал меня живьем.

— Да. — В тот момент, должно быть, оба мы подумали о том, нельзя ли было исцелить и младенца тоже, однако нам не захотелось углубляться в эту темную бездну. Ребенок был зачат в результате изнасилования; он был осквернен с момента зачатия. Задумываться о том, что мы могли бы действовать иначе, было чистым безумием.

Флейм сделала глубокий вдох и прошептала прерывающимся голосом:

— Мне так жаль, Руарт... Я ужасно, ужасно виновата...

Я сделал шаг к ней.

— Ты ни в чем не виновата и ни о чем не должна жалеть. Дело было в дун-магии.

Флейм начала плакать, и я прижал ее к себе. Так мы стояли долго; голова Флейм лежала на моем плече, я обнимал ее и изо всех сил старался верить в то, что все будет хорошо...

Мы все еще стояли обнявшись, когда через некоторое время Дек принес завтрак. Он был, как всегда, жизнерадостен и переполнен вопросами — а также ответами на мои, даже не высказанные.

— Из Ступицы еще нет новостей, — сообщил он. — Все еще неизвестно, все ли в порядке с Блейз и Келом — пережили ли они наводнение...

Я кинул на него свирепый взгляд — мне совсем не хотелось, чтобы сейчас Флейм начала тревожиться о Блейз, но Дек остался безмятежным.

— Блейз? — переспросила Флейм, насторожившись. Ее голос прозвучал совсем как в прежние времена. — Она в беде? Зачем она отправилась в Ступицу? Этот подлый выродок Датрик сдерет с нее с живой кожу! У этой женщины водоросли вместо мозгов! И о каком наводнении вы говорите?

— У нее не было особого выбора — плыть в Ступицу или нет, — сообщил Дек. — Она была в кандалах...

Я поспешно перебил его:

— Это долгая история. Ей на выручку отправился Келвин. Я уверен, что с ней все в порядке. — Было так много всего, чего, на мой взгляд, Флейм пока еще не следовало знать. Она это, конечно, поняла: немного было такого, что я мог бы скрыть от Флейм Виндрайдер.

Подарив мне взгляд, который заставил мой язык прилипнуть к небу, она сосредоточила внимание на единственном человеке, который рассказал бы ей все как есть.

— Начни сначала, парень, — сказала она, — и ничего не скрывай. С того момента, когда мы расстались на Плавучей Заросли на Порфе. И не вздумай о чем-то умолчать!

Потом, когда Дек уже ушел, Флейм потрясенно посмотрела на меня.

— Это из-за того, — сказал я, — что ты сделала для нее, когда явилась в Крид. Ведь именно тогда... тогда и был зачат ребенок. Блейз хотела попытаться все исправить.

Через три дня Гильдия разрешила плавание по заливу. Блейз и Келвин прибыли первым же баркасом.

Райдер задержал Келвина в приемной: ему хотелось узнать, что произошло в Ступице, а Блейз ворвалась в комнату Флейм. Войдя, она помедлила, и на этот раз все ее чувства были написаны у нее на лице. Надежда, страх, радость — все то, что обычно Блейз скрывала, — быстро сменяли друг друга.

— Флейм, — сказала она и умолкла.

Они кинулись друг другу в объятия; Флейм всхлипывала, а Блейз неловко похлопывала ее по спине. Я вышел из комнаты и закрыл за собой дверь, стараясь прогнать чувство ревности.

В том, как Флейм смотрела на Блейз, было нечто, чего не хватало в ее взгляде, когда она смотрела на меня. Полное доверие, полная открытость, отчаянная мольба об утешении... об оправдании. На месте Блейз должен был бы быть я.

«Счастливый конец бывает только в сказках, которые в гнездах рассказывают птенцам», — подумал я.

Мы радовались, конечно. Все последующие дни были наполнены радостью, когда мы удостоверились, что во Флейм не осталось и следа дун-магии, а силы начали к ней возвращаться. Мы радовались, когда она в первый раз засмеялась в ответ на какую-то шутку Дека. Мы радовались тому, что она не жалеет об исчезновении своего дара силва.

— Кому, ради Великой Бездны, это нужно? — почти легкомысленно говорила она. — Силв-магия принесла мне больше горя, чем радости. Я чувствую себя в гораздо большей безопасности с тех пор, как стала обладать Взглядом. Мне ужасно нравится такое ощущение. Чувство... — она не сразу нашла слово, — чувство товарищества. Вы все время говори-

ли о родстве душ, но я до сих пор не понимала, что вы имеете в виду. — Говоря это, Флейм с любовью смотрела на меня.

Однако были и другие эмоции...

Ужас, когда я понял, как глубоко она ранена. Боль, когда я видел, как она хрупка, когда замечал, как мучает ее неспособность забывать все то зло, которое причинили ей, и избавиться от чувства вины за то, что совершила она...

Между нами ведь не было секретов. Я слишком много знал о ее страданиях. Я был свидетелем слишком многих ее унижений, слишком многих ее преступлений. А Флейм слишком часто наблюдала мою беспомощность, мое отчаяние. Я мог ее простить и любить, несмотря ни на что, — скорее даже любить сильнее из-за перенесенных страданий, — но Флейм простить себя не могла. Сколько бы мы ни говорили ей, что она не виновата, что дело было в дун-магии...

Я старался. Видит Бог, как я старался! Флейм старалась тоже.

Истина заключалась в том, что нашей любви было недостаточно. Хуже того: мое присутствие несло с собой дополнительную тяжесть для Флейм, а не облегчение. Я был постоянным напоминанием о том, что ей пришлось вынести. Я это ясно видел. Каждый раз, когда она смотрела на меня, она вспоминала; ей казалось, что в моих глазах она видит отражение своих преступлений. Проходили дни, недели, а лучше не становилось. Нам нужно было расстаться, чтобы ее раны могли зажить.

Когда это случилось, удивления я не испытал. Неизбежность расставания стала ясна мне почти с первой минуты. Однажды я вошел в комнату и увидел Флейм, стоящую с письмом в руке. Она помахала листком и сказала мне:

— Послание от канцлера моего отца. Он просит меня вернуться. Они готовы отдать в мое управление всю южную часть Цирказе — для подготовки к тому, чтобы в один прекрасный

день стать хозяйкой всего архипелага. Они готовы пойти на многие уступки, лишь бы я вернулась. Это все организовал Райдер.

Я поник и уставился на собственные ноги.

— Ты уезжаешь, — сказал я обреченно.

— Да. — Флейм боролась со своей болью. — Я должна расплатиться за то, что совершила. Может быть, в роли Девы Замка я смогу многое исправить. — Флейм прошла в другой конец комнаты и стала рассеянно передвигать безделушки на комод. — Я видела достаточно, чтобы возненавидеть системе правления суверена. Должно существовать что-то лучшее, чем то, от чего я убежала.

Я кивнул.

— Я всегда предполагал, — сказал я, — что в конце концов в тебе возобладает чувство долга.

Флейм повернулась ко мне:

— Мне разрешено выбрать самой себе супруга. На этом настоял Райдер.

— Думаю, мы оба знаем, — мягко сказал я, — что из этого ничего не выйдет.

Флейм расплакалась, но в конце концов все-таки уехала. И я тоже отплыл — чтобы откопать спрятанные сокровища и использовать их на строительство университета для моего народа.

Глава 33

РАССКАЗЧИЦА — БЛЕЙЗ

После того как вода, принесенная приливной волной, стекла обратно в бухту, мы отправились на поиски Эларна. Я не рассчитывала найти его живым, но мы оба были перед ним в долгу, поэтому мы продолжали искать... и нашли сидящим на куче обломков и плачущим.

— Она мертва, Блейз, — сказал он мне. Его все еще трясло от шока. — Джесенда... И другие тоже — сотни и сотни. Датрик, Фотерли, Вендон Локсби... Все они мертвы.

Мы оба вытаращили на него глаза, гадая, как такое возможно: Эларн сидел перед нами, ничуть не пострадавший.

— Великая Бездна, Эларн, как тебе удалось выжить? — спросил Кел.

— Я обернул вокруг себя свою защиту.

Я разинула рот:

— Твоя защита выдержала? Устояла против такой волны?

— Я сделал из нее шар, а сам был в середине. Я позволил воде подхватить шар и нести... — Он сделал глубокий вдох. — Себя я спас, но больше ни на что не оказался способен.

Его мучила вина. Он выжил, а множество других людей погибли, и Эларну было трудно примириться с этим. Когда-то подобные вещи нисколько меня не тревожили... а тогда? Ну, тогда я сопереживала тем, кому не повезло.

— Ты оказался способен на многое, — мягко сказал Келвин. — Если бы ты, Эларн, не предостерег людей, не спасся бы никто. Большинство не обладавших даром силлов — и особенно менодиане — успели подняться на холмы.

— Наше предостережение заставило силлов выйти прямо на берег, — с горечью возразил Эларн.

— Нет, это не так. Их направил туда Датрик, — сказал Келвин.

— И силвы погибли. Погибли, пытаясь спасти свой город, свой народ. — Эларн посмотрел на нас с ужасом и отчаянием. — Это конец государства силлов-хранителей, Гилфитер. Мы никогда не сможем восстановить его таким, как оно было. Никогда. — Эларн говорил вовсе не о зданиях.

Я чуть не сказала ему, что действия силлов были скорее чертовски глупыми, чем смелыми, однако прикусила язычок. Говорить об этом было не время.

Оглядываясь на те события теперь, почти через пятьдесят лет, я вижу, что в одном Эларн был прав: терпимость в отношении магии могла получить смертельный удар в день Падения, но власть силлов на островах Хранителей была безнадежно подорвана наводнением, которое принес Король-Кит, и с ней вместе навсегда исчезло владычество хранителей на Райских островах. Может быть, перемене за многие месяцы до того и положили начало события на косе Гортан, но именно разрушение Ступицы Королем-Китом определило политику нашего нового мира.

В тот день перестало биться сердце островов Хранителей. Конечно, среди выживших были силвы, однако сама идея об их лидерстве лишилась привлекательности. Силвы не сумели спасти город. Они не сообщили людям правды о грозящей опасности. Сияющий образ благой магии, представление о том, что силвы в чем-то лучше обычных людей, рассеялись в один день.

Политическая власть в Ступице — что было вполне естественно — перешла к менодианам, мужчинам и женщинам, которые проповедовали умеренность, терпимость и равенство. Да, все это они проповедовали, но не всегда, на мой взгляд, следовали собственным призывам. Они утверждали, что через Короля-Кита Бог явил свою волю, показал, что не одобряет магии. Бог дал почувствовать свое неудовольствие. Он посылал предостережения, но силвы в своем высокомерии не прислушались...

Иногда я задавалась вопросом: кто на самом деле проявляет высокомерие? — но по большей части держала свои размышления при себе.

Мы, конечно, отправились на Тенкор сразу же, как только Гильдия разрешила плавания по заливу. Я рвалась увидеть Флейм, удостовериться, что снадобье Кела подействовало. Мне необходимо было увидеть собственными глазами, что Флейм жива.

Ее вид меня потряс. Она была такой худой, смотрела на меня такими огромными испуганными глазами, что я поняла всю глубину ее страданий еще до того, как она произнесла хоть слово. Когда я обняла ее, сердце мое оборвалось. Флейм была слишком хорошим человеком, чтобы легко отмахнуться от всего, что случилось. Она слишком остро чувствовала, слишком переживала за других — а зло она причинила очень многим.

— Ты убила человека, обладавшего Взглядом, — сказала она, когда мы остались одни. Мы сидели рядом на ее постели, и голова Флейм лежала у меня на плече. — Дек мне рассказал. Я знаю, как трудно это для тебя было. И ты пошла на такое намеренно — ради меня. Проклятие, Блейз, как я смогу жить со всем, что совершила? — По щекам Флейм текли слезы.

— Для начала ты можешь перестать винить во всем себя, — сказала я, стараясь, чтобы голос мой звучал жизнерадостно. — Это, знаешь ли, зазнайство. Не ты убила того обладающего Взглядом — это сделала я. Таков был мой выбор. И он знал, чем рискует на службе хранителям. Он был агентом Совета хранителей, как и я в свое время. Поверь мне, если уж ты берешься за такое дело, ты не можешь не знать, что смерть всегда в шаге от тебя.

Флейм вытерла глаза, слабо улыбулась и снова прилегла на постель.

— Ты всегда такая чертовски уравновешенная, — сказала она.

— Жизнь у меня трудная, — ответила я. — Она учит практичности и делает меня толстокожей. Флейм, то, что ты натворила, будучи злой колдуньей, ерунда по сравнению с делишками других дун-магов. Ты сумела сохранить часть себя нетронутой, а остальным оскверненным силвам это не удалось. Ты была плохой ученицей Мортреда и можешь этим гордиться.

Флейм недоверчиво посмотрела на меня и хихикнула:

— А ты — единственный человек на свете, которому может сойти с рук подобное заявление. — Потом Флейм снова приуныла: — Слишком много у меня воспоминаний, Блейз. Слишком много...

Я попыталась обратить все в шутку:

— Ну да, ты поцарапала мне лицо. Да чепуха — шрамов не осталось, видишь? — Однако Флейм не засмеялась, и я поняла, что она думает о Руарте. — Он знает, что тогда то была не ты. Он же знает тебя всю жизнь...

— Иногда я читаю в его глазах воспоминания, — прошептала Флейм. — И я вижу, как он презирает себя за то, что не сумел меня спасти. Как сможет он жить, если каждый день,

видя меня, будет думать... Это не меня он должен простить, Блейз, а себя.

Может быть, она и была права, но я знала, что верно и обратное. Флейм не могла видеть Руарта без того, чтобы не вспоминать о вещах, которые ей необходимо было забыть.

Оставив Флейм отдыхать, я обнаружила, что в приемной Тор разговаривает с Келвином; однако они умолкли, как только я открыла дверь.

— Пойду посмотрю на Флейм, — сказал Келвин. Он, конечно, ревновал, но, будучи Келвином, хорошо это скрывал и не позволял ревности влиять на свои поступки — или препятствовать моим.

Тор постарел. Мне неожиданно оказалось трудно поверить в то, что он всего на год или на два старше меня. Когда Кел ушел в комнату Флейм, я взяла Тора за руки и нежно поцеловала в щеку.

Его губы дрогнули в улыбке.

— Приятно видеть тебя живой, здоровой и в порядке исключения благополучной.

— Поверь, мне это тоже очень нравится. Только, боюсь, я потеряла твой меч.

— Ничего подобного. Джесенда отдала его мне обратно. Я подарю его тебе во второй раз, если ты пообещаешь больше его не терять.

Мы улыбнулись друг другу, возвращаясь к дружеским отношениям.

— Пойдем, — сказал Тор, — прогуляемся по саду. Наконец-то снова выглянуло солнце.

Он имел в виду сад верховного патриарха — обнесенный стеной цветник с уютно извивающейся каменной дорожкой, фонтаном и несколькими деревянными скамейками.

— Кел сказал мне, что Краннах умирает, — заметила я, когда мы оказались в гуще жасмина.

— Да, боюсь, что так. У него внутри растет опухоль. И он упрям: отказался от помощи силлов-целителей, потому что это противно воле Бога.

— А ты... Тебе лекарство помогло?

— Да, благодарение Богу. Мой Взгляд теперь еще более острый, чем раньше. Любопытное ощущение... Да, знаешь, ведь люди уже выстраиваются в очередь, чтобы обрести Взгляд! Нам трудно будет изготовить достаточно лекарства, чтобы удовлетворить спрос, по крайней мере сначала. К тому же очень многие силвы-менодиане жаждут избавиться от своего дара, особенно теперь, когда стало известно, что те семеро, которые погибли, были убиты по приказу Датрика.

Я уловила легкую неуверенность в голосе Тора, когда он произнес последние слова.

— Тебя что-то тревожит?

— Ну... да. Хорошо, конечно, избавить острова от силвагии, но ведь при этом мы положим конец и целительству силлов, а это нежелательно. Как, например, мы можем быть уверены, что не начнутся ужасные эпидемии? Нам нужна замена целительству силлов, и не просто использование сала пескожила, когда болит живот, или толченых жемчужин, чтобы избавиться от камней в почках. Я хочу открыть госпиталь, где изучалась бы медицина Небесной равнины. Беда в том, что эти двое упрямых горцев отказываются делать это здесь. Они желают отправиться на Дастелы. — Тор взял меня за руку. — Впрочем, что это я рассуждаю о подобных вещах, когда поговорить я хочу о нас с тобой. Блейз...

Я поспешно перебила его:

— Тор, я не передумаю. — Еще на косе Гортан я сказала ему, что мое неверие в Бога несовместимо с его верой, и ничто

с тех пор не поколебало моей решимости. Мы не подходили друг другу. И еще теперь был Келвин...

Тор стоял передо мной молча. Мокрый после дождя сад вокруг нас казался сырым и холодным. Омытый водой жасмин не пах, а дорожки стали скользкими от опавших лепестков.

— Я, пожалуй, предвидел это, — сказал он наконец. — И, может быть, твое решение принесло пользу. Практически наверняка я скоро стану верховным патриархом. — Тор вздохнул. — Я никогда такого не хотел, но есть столько вещей, которые необходимо сделать... — Он помолчал, прочистил горло и добавил: — Келвин Гилфитер любит тебя. Ты ведь знаешь об этом?

Я кивнула.

— И ты... ты собираешься уехать с ним?

Я кивнула снова.

Тор посмотрел на меня с некоторым удивлением, но сказал:

— Он хороший человек.

— Я знаю.

Тор улыбнулся.

— Навещай меня иногда. Будет приятно поговорить о прежних временах.

Мне показалось, что я знаю, что он имеет в виду. В его жизни наверняка будут моменты, когда он будет чувствовать себя одиноким, окруженным людьми, совершенно не представляющими, каким человеком он на самом деле является. Ну а я — я его знала. И когда-то любила. Это много значило.

Мы сели на одну из влажных скамеек рядом, но не касаясь друг друга.

— Ты думала о будущем Дека? — спросил Тор.

— Да нет, пожалуй. В конце концов он сделает выбор сам. Мне почему-то кажется, что наши с Келом планы его особо не привлекают.

— Позволь ему отправиться с Флейм. Ей будет нужна верность и поддержка, а паренек ее обожает.

Несколько мгновений я молчала.

— Руарт... Ты думаешь, что у них ничего не получится?

Тор покачал головой:

— Боюсь, что нет. По-моему, она вернется на Цирказе. В один прекрасный день она станет правительницей архипелага... и я подозреваю, что она выйдет замуж за Рэнсома Холсвуда.

— За этого... этого сосунка? — Я вытаращила на Тора глаза, вспомнив юного наследника престола Бетани, который мечтал сделаться менодианским патриархом и служить бедным и бездомным и который был без ума от Флейм Виндрайдер. Потом до меня дошло.

— Проклятие, — наконец сказала я, с недоверием качая головой, — ты уже все продумал, да? Ты хочешь преобразовать весь мир! — Я сама не могла разобрать, вызывает ли это у меня гнев или уважение.

— Я и в самом деле пробовал нечто подобное — на Калменте, с мечом в руке, помнишь? Да, я до сих пор хочу изменить порядки. Только теперь я более мудро выбираю способ этого достичь. Теперь, когда власть силвов-хранителей пала, когда их флот и их пушки уничтожены, мы в самом деле можем начать на Райских островах новую жизнь. Может быть, все случившееся — часть того, что планирует Бог...

— В тот день в Ступице погибло много людей, Тор. Пожалуйста, не говори мне, что такова была Божья воля. — Когда он промолчал, я добавила: — Чертовски опасно считать, будто знаешь замысел Бога, как бы происходящее ни соответствовало твоему собственному представлению о лучшем мире.

Тор тихо засмеялся.

— Ах, Блейз, ты всегда хорошо умела направить меня на путь истинный! Тогда давай просто скажем, что жить на Райских островах станет лучше, если мы сумеем извлечь пользу из того, что случилось. Флейм и Рэнсом сыграют отведенные им роли. То же касается и увеличения числа обладающих Взглядом.

Я смотрела на вещи более скептически:

— Ты думаешь, что жители всех архипелагов так уж и кинутся получать лекарство?

— Большинство ничего на этом не потеряет. Бедняки все равно не могли себе позволить ни лечиться у силвов, ни даже провести вечер в театре. А выиграть они могут многое: их никогда больше не обманет торговец-силв, да и опасаться дун-магии будет не нужно. Ужас дня Падения показал жителям всех островов трагедии и жестокость, которые несет дун-магия; люди стали бояться, даже иногда неоправданно, и многие захотят пойти на любые жертвы, чтобы избавиться от страха.

Он был, конечно, прав, хотя тогда я не совсем в это поверила. Стремление обладать Взглядом росло, и патриархия едва успевала снабжать население лекарством.

— У Совета хранителей больше нет флота, — продолжал Тор, — тем более вооруженного проклятыми богомерзкими пушками. Мы и в самом деле сможем изменить Райские острова.

— Не спеши радоваться, — ответила я. — Наверняка есть люди, которым известен секрет черного порошка и пушек. Ты не сможешь загнать обратно в клетку птичку, выпущенную на волю.

— Конечно, не смогу, — задумчиво проговорил Тор. — Но поддерживать порядок среди птичек способен орел.

Тогда я не поняла, что он имеет в виду.

Узнала я об этом годом позже. К тому времени Краннах умер, и Тор был избран верховным патриархом. Первым же его действием было объявление пушек и черного порошка исключительной собственностью менодианской патриархии. Правда, применение пушек мог разрешить только Синод, и в строго определенных случаях: чтобы воспрепятствовать другим производить такое оружие или для разрешения патриархией конфликтов между островными государствами... И все равно мне трудно было поверить в то, что Тор примирился с использованием оружия, которое он так ненавидел.

Я послала ему гневное письмо и получила ответ — спокойный, разумный, логичный, — но мне все равно трудно было представить себе, что написал его человек, когда-то столь резко осуждавший подобное насилие. Тор видел в патриархах миротворцев и защитников обездоленных.

«Если мы не завладеем пушками, — писал Тор, — ими завладеют другие. Если пушки будут только в наших руках, больше никогда не появится Совет хранителей с вооруженными кораблями, готовый угнетать слабых, или какой-нибудь правитель, укравший секрет черного порошка. Таким образом мы, патриархия, станем силой Райских островов, не представляя при этом какое-то одно государство, какого-то одного властителя. Мы представляем менодиан, которыми являются граждане всех архипелагов; мы представляем голос разума и мира. — Последняя фраза письма было более личной: — Блейз, поверь, я прекрасно осознаю, какая во всем этом таится ужасная ирония».

С тех пор, когда бы мы ни встречались, этой темы мы старательно избегали...

Время, пожалуй, доказало его правоту. Пушки и в самом деле послужили делу мира. Они заставили вас, келлсцев, — с

вашими собственными пушками, — воспринять нас всерьез. Они заставили вас обращаться с нами как с равными, как с людьми, с которыми следует считаться. Так что в конце концов то, что Тор передал пушки в руки менодиан по всем Райским островам, принесло неожиданную пользу. Держу пари: это его забавляло...

И все-таки я не могу прогнать мысли о том, что рано или поздно найдется достаточно глупый верховный патриарх, чтобы использовать во зло свою власть и свое оружие, или неразборчивые в средствах пираты нападут на менодианский пост и захватят пушки. Может быть, я просто более пессимистично смотрю на мир, чем Тор Райдер...

Тем не менее мы, островитяне, в огромном долгу перед Тором Райдером. Представь себе Райские острова до Перемены, когда власть принадлежала магии, когда иллюзии делали силвов богачами, когда только обладание магическим даром определяло, будет человек беден или богат... когда так много значило, в каком островном государстве ты родился, а отсутствие татуировки на мочке уха превращало твою жизнь в ад... Представь себе кого-то вроде меня, брошенную на старом кладбище, насильно сделанную бесплодной в тринадцать лет, обреченную с рождения на нищету и презрение... Мне повезло: меня спасло обладание Взглядом. Большинство таких детей умирало, не успев стать взрослыми. Тех, кто выживал, ссылали на косу Гортан.

И представь себе Райские острова теперь, когда татуировки, говорящие о гражданстве, ушли в прошлое, с системой лечебниц, в которых врачи за умеренную плату помогают всем, нуждающимся в лечении, с сетью менодианских благотворительных заведений, облегчающих страдания несчастных, с движением за передачу власти выборным правителям. Перемена принесла медленное, но непрерывное изменение законов и обы-

чаев, когда-то разделявших островные государства, отказ от порядков, обрекавших людей на нищету и несправедливое, от законченных предрассудков, от наследственных привилегий. К тому времени, когда на Райские острова прибыли вы, келлсцы, мы являли собой единое общество, в котором вы не смогли разделить и властвовать. Перемена все еще продолжается: только в прошлом году монарх Разбросанных островов предоставил своим владеющим землей подданным право выбирать Консультативный совет, помогающий ему в управлении. Бетани и Цирказе теперь официально объединились и управляются выборными советами; монарх остается всего лишь церемониальной фигурой. Это только начало: все меняется, делается более разумным и гибким.

Райские острова стали лучшим местом для жизни, и многое, что теперь существует, было создано Тором. Когда между островными государствами заключались союзы, инициатором бывал он. Помощь гхемфов много дала нам, и именно Тор уговорил их содействовать Перемене. Когда составлялись новые законы, писал их Райдер. И когда появились первые келлские корабли, Райдер встретил келлсцев как равных, показал им, что Райские острова — не отсталая глушь, которую легко будет завоевать. Это Райдер позаботился о том, чтобы влияние менодиан, их благотворительность распространились по самым дальним островам, так что ни один бедняк не оставался теперь без помощи. Райдер провидел будущее Райских островов без магии и осуществил свою мечту, хотя лекарство от магии нашли Гэровин и Келвин, а Келвин предложил безопасный способ воспрепятствовать рождению новых силлов.

Обо мне? Что еще можно рассказать обо мне? Иногда я думаю, что моей жизнью управляла ирония. Представь себе: к тому времени, когда я получила гражданство, все изменилось настолько, что я в нем больше не нуждалась... и даже уже не

хотела. Я гордилась тем, что сделалась жительницей Дастел, но символ этого мне стал безразличен. А разве нет иронии в том, что воительница влюбилась сначала в священнослужителя, а потом в пацифиста-врача? Или в том, что бездетная женщина пятьдесят лет своей жизни посвятила уходу за детьми?

Сейчас мне больше восьмидесяти, и я все еще здорова и любима окружающими. Большая часть приключений пришлось на первые тридцать лет моей жизни, и эти годы кажутся мне наиболее яркими, наиболее реальными... по крайней мере я их лучше всего помню. Но если ты спросишь меня, какие годы оказались самыми счастливыми, я скажу, что ими были те, что наступили потом.

И если ты спросишь меня, которого из двух мужчин в моей жизни я любила больше, я не отвечу тебе.

Они оба занимают свое место в моем сердце.

Аниара айси Терон
Запись в дневнике
39 второго месяца Двух Лун, 1794

«Они оба занимают свое место в моем сердце».

Этими словами кончаются записи, сделанные *Шором* во время его последнего путешествия. Они похожи на последнюю строку дамского романа; они были бы уместным завершением подобной книги. Здесь же они кажутся мне менее удовлетворительными. Уж очень много вопросов остается без ответов. *Блейз*, как и *Гилфитер*, это, конечно, понимали. Их умолчания — последняя насмешка над *Шором* и его предубежденностью, чего *Шору* не хватило ума заметить.

Мне кажется, я понимаю, каким образом могли островные государства так неожиданно перейти от различий, намеренно поддерживаемых строгими законами против смешанных браков (за исключением, конечно, браков правителей), к отказу от предрассудков по поводу гражданства. Родство душ, испытываемое обладающими *Взглядом* по отношению друг к другу, переросло в общее единство, стало нормой, а не исключением.

Только почему теперь на *Райских островах* нет силлов? Ведь должен же был кто-то остаться, в конце концов? Не все они жили на островах *Хранителей*, и даже те, что жили

там, не все стали жертвами Короля-Кита. У силвов могли родиться дети-силвы. Где же теперь эти дети? И почему ушли гхемфы и где они теперь?

Однако Шор так и не задал этих вопросов. По его мнению, единство возникло как ответ на внешнюю угрозу — со стороны нас, келсцев. А силвов больше нет потому, что магии и вообще никогда не было. Гхемфов нет, потому что их не существовало.

Я несколько раз спрашивала обо всем этом Натана. Уверена, что он-то такие вопросы задавал. Однако он только улыбается и советует мне проявить терпение. «Вы скоро сами там окажетесь, — говорит он, — и сможете обо всем спросить».

Рассказывать что-то он отказывается. Ох, до чего же он меня злит! Ненавижу его!

Сейчас поднимусь на палубу, чтобы он мог показать мне достопримечательности, мимо которых мы проплываем. Вокруг видны странные рыбацьи лодки, называемые дхоу, с латинскими парусами... Я теперь свободно владею морской терминологией!

Всего несколько часов, и мы войдем в порт Аруты.

Извлечение из «Жизнеописания Келвина Гилфитера»

Три здания — медицинская школа, являющаяся частью университета Аруты, хоспис и приют, — венчающие утес, напоминают часовых, охраняющих каменные террасы, поднимающиеся от берега моря. Оштукатуренные стены соперничают белизной с причудливыми группами выбеленных ярким южным солнцем кораллов, которые окаймляют террасы. Позади хосписа, откуда открывается потрясающий вид на море, по склону разбросаны строения университетского городка, утопающие в буйной тропической растительности садов. Дастеллы, восстановившие город на пустом месте, все еще помнили о том, что радовало птиц: полных нектара цветах, густых зарослях, крутых крышах с башенками и выступами, вьющихся растений, мелких прудиках с чистой водой, поросших густой травой обочинах дорог.

Двое мужчин, один из которых был строителем университета, а другой — создателем и бессменным главой медицинской школы и хосписа, сидели на затененной террасе одного из зданий и смотрели на чаек, летающих над мелководьем.

Один из них когда-то летал и сам. Он знал, каково это: чувствовать ветер, наполняющий крылья, ощущать воздух кончиками маховых перьев... Теперь он был просто стариком,

скрюченным артритом, от которого страдали многие дастелцы, прежде бывшие птицами.

Ему все еще снились полеты.

И еще ему иногда снилась Флейм Виндрайдер.

Второй сидевший на террасе мужчина больше не следил за чайками. Он был гораздо крупнее своего друга-дастелца, хотя годы и заставили согнуться его спину. Его голова в облаке всклокоченных седых волос напоминала чертополох, за колючки которого зацепились пушинки. Глаза его выпвели от возраста, кожа загрубела под жарким солнцем, но на лице была написана доброта, которая заставляла людей доверять ему, хотя некоторые дастелцы — жители дальних островков, никогда с ним не встречавшиеся, — все еще называли его Гилфитером-Убийцей.

Теперь же выпветшие глаза с интересом следили за тем, что происходило в бухте: там посередине гавани вставал на якорь корабль. Он явно имел слишком большую осадку, чтобы пришвартоваться к пирсу. Старик не мог прочесть название судна, но узнал контур; несмотря на свои восемьдесят с лишним лет, на зрение он не жаловался.

— Ну-ну, — пробормотал он, — подумать только, Руарт, опять келлский корабль. Судя по парусной оснастке, это еще одно исследовательское судно из Послеморья, возможно, даже то же самое, что и раньше.

Руарт приподнялся, чтобы разглядеть корабль.

— Ах, остается только надеяться, что это вернулся не тот самодовольный тип со всеми своими вопросами. Как там его звали? Шорайсо?..

— Шор айсо Фаболд. Насколько мне известно, «айсо» означает «сын».

— Вот-вот. Он никогда мне не нравился, хотя переводчик Натан — довольно приятный парень. Ну так он попал на Райс-

кие острова еще птенцом, так что, можно сказать, почти не уступает островитянам. — Руарт задумчиво покачал головой. — Странные идеи у этих келлсцев: они ведь так и не поверили, что я когда-то был покрыт перьями и мог летать...

— Ага, недоверчивая компания. Ну, с другой стороны, мы ведь так им всего и не рассказали, верно?

Руарт ухмыльнулся:

— Конечно, кое о чем мы умолчали.

Келвин поерзал, глядя, как на корабле спускают паруса и бросают якорь. «Ах, старость, — подумал он, — даже сидя не найдешь удобного положения».

— Не позволишь ли ты старику кое о чем тебя спросить, Руарт?

— Конечно.

— Когда ты исчезал с архипелага на несколько месяцев...

— Да?

— ...Не на Цирказе ли ты отправлялся?

— А как ты думаешь?

— Я думаю, — сказал Гилфитер, осторожно подбирая слова, — что Флейм, которую я знал, не особенно считалась... э-э... с условностями. Не слишком считались с ними и некоторые мои знакомые дастелцы, если уж вспомнить...

— Может, ты и прав. Эти птички — существа легкомысленные, знаешь ли. А Флейм была воспитана дастелцами — более или менее. — Голос старика дрогнул — это были самые его счастливые воспоминания...

— Двое правителей островных государств не так уж часто имели возможность оказаться в одном месте в одно и то же время, мне кажется, — заметил Гилфитер. — Даже если они — супруги.

— Верно.

— К тому же он умер лет на десять раньше ее.

— Больше, как мне кажется.

— Ты проказник, Руарт.

— Когда-то был, — добродушно кивнул Руарт. — Вيني в этом твою Блейз. Это она пришла ко мне и сказала, что пора мне перестать сидеть на подоконнике... как раз после одного из ее собственных визитов на Цирказе... — Руарт пожал плечами. — Мудрая Блейз была женщина. Она понимала, что время сглаживает все углы и многое делает возможным.

— Ах, я мог бы догадаться, что она к этому приложила руку. — Гилфитер, прищурившись, снова посмотрел на бухту. — С того корабля спустили шлюпку. Похоже, у нас будут гости. И среди них, судя по запаху, женщина.

— Не стоит ли нам навести красоту, как ты думаешь?

— Да нет, парень. По-моему, для нас уже миновало время, когда это имело значение.

Они дружески улыбнулись друг другу.

— Так ты думаешь, Кел, что поступил правильно? Когда уничтожил магию в мире? — серьезно спросил Руарт.

Келвин задумался.

— Ну, по крайней мере новый Мортред не появился. У дун-магов, с тех пор как обладающих Взглядом стало много, не осталось никакого шанса скрыться: их или истребили, или излечили. Больше не происходит осквернений. — Келвин так и не сумел прийти к однозначному выводу — являлась ли славн-дун-магия болезнью, передававшейся таким же путем, как другие заразные болезни, но это его больше не тревожило. — Да, мы совершили славное, полезное деяние, Руарт. — И все же мысль о навеки утраченной силе целительства оставалась занозой в его душе врача... хотя единственным, кто в этом понимал его, был давно почивший Гэрровин...

А сейчас... сейчас к причалу подошла лодка с чужеземного корабля, и по дороге к вершине утеса направилась группа келлс-

цев. Келвин узнал среди них Натана, но говорить об этом не стал.

— Да, — повторил он, — мы поступили правильно. Теперь мы живем в лучшем мире. — Келвин слабо улыбнулся. — Пусть мы и были марионетками, которых дергал за ниточки Райдер.

Руарт рассмеялся.

— Все еще мучаешься? Брось, тебя Блейз любила больше.

— Может быть... — И все-таки она всегда с нежностью относилась к патриарху.

— Тебе следовало бы его пожалеть, — добавил Руарт. — Ведь именно тебя в конце концов выбрала женщина, которую он любил.

— Верно. По его собственной дурусти к тому же. — Улыбка Келвина быстро погасла, но Руарт все же ее заметил. — Сотворение, Руарт, как же мне ее не хватает! — Келвин вздохнул. — Я стараюсь испытывать благодарность за то, что у нас было пятьдесят чудесных лет. Благодарность за то, что она осталась со мной... Я никогда в это не верил, каждый раз, когда она уезжала, я гадал, вернется ли. Но она всегда возвращалась. Для меня это было чудом... но ей и в самом деле была по нраву наша жизнь. А теперь, когда ее нет... все кажется мне таким унылым. — Келвин мгновение помолчал, потом добавил: — Иногда я мечтаю о том, чтобы вернуться домой. Я тоскую по прохладе Небесной равнины, по цветущим лугам, по стадам селверов...

— Небесная равнина теперь едва ли такая, какой ты ее знал.

— Ты не прав. В этом-то и заключается суть Крыши Мира — она не меняется.

— А тебе позволят вернуться?

По лицу Келвина расплылась широкая улыбка.

— Там все теперь обладают Взглядом, и это делает людей дружелюбнее. Я отправил письмо в тарн Вин с вопросом, найдется ли у них местечко для старика...

— Мне будет тебя не хватать.

— Не могу я оставаться здесь без нее, Руарт. Прошло два месяца, а кажется, будто целая жизнь... — Келвин взмахнул рукой, показывая на здания у себя за спиной. — Все это — наша жалкая попытка возмещения, расплата за то, что мы сделали. Однако в конце концов понимаешь, что нельзя возместить прошлое — искупление всего лишь бессмысленное религиозное заблуждение. Все, что нам доступно, — это смягчать страдания настоящего или стараться сделать будущее более светлым. Со всем остальным приходится жить... Я сумел быть довольным жизнью — даже более чем довольным, — потому что она была рядом.

Ах, ты только послушай меня теперь! Читаю проповеди другу... Но ты-то понимаешь, о чем я, — ты прошел тот же путь. Просто я обнаружил, что... что делать это в одиночку труднее. Блейз обладала даром жить в настоящем... делать каждый миг радостным.

Руарт кивнул:

— Да, такой она и была. Нам повезло с нашими женщинами, Кел. Поэтому-то так тяжело, когда они уходят. Со мной все, впрочем, иначе — Флейм никогда не бывала здесь, в Аруте, и мне она не мерещится за каждым углом. Отправляйся на Небесную равнину, Кел. Это пойдет тебе на пользу. Только держу пари: через месяц ты начнешь сходить с ума от скуки, а через два вернешься сюда — читать лекции и спорить с учениками.

Старики улыбнулись друг другу, и на мгновение показалось, что в мире все в порядке.

Они сидели молча, погруженные в воспоминания, до тех пор пока к ним не подошла группа келлсцев. Среди них был Натан, но не оказалось Шора айсо Фаболда. И еще была женщина. Лицо Келвина Гилфитера прояснилось. Она двигалась с той же свободой, что Блейз в тридцать лет, и так же широко улыбалась, а ее аромат — он чувствовал его все время — напоминал запах весенних цветов: от нее пахло правдивостью, дружелюбием, доверием. Они раньше не встречались, но она уже испытывала к нему симпатию, верила в него. Сознание этого пьянило, как вино на голодный желудок.

Келвин поднялся на ноги и подумал, что на этот раз, пожалуй, он готов рассказать обо всем, что произошло. К концу концов, должен же кто-то узнать о том, что совершили гхемфы... кто-то, кто хочет знать и кто готов поверить в то, что они когда-то существовали.

Аниара айси Терон
Послеморье, 1799

Аниара айси Терон
Запись в дневнике
43 второго месяца Двух Лун, 1794

Я делаю эту запись в гостевой комнате хосписа в Аруте. Откуда же начать? Нужно записать так много... Я получила столько ответов на свои многочисленные вопросы, и прошло уже немало дней с тех пор, как я в последний раз бралась за перо... Я поочередно испытывала разочарование и восхищение. Я плакала и смеялась, и теперь мне нужно все это занести в дневник.

Блейз Полукровка мертва.

Ну вот, это я написала. Простые слова, и как странно, что они причиняют такую боль. Я проделала дальний путь, чтобы встретиться с ней, но теперь никогда ее не увижу. Она умерла всего за восемь недель до моего прибытия. Когда Руарт сказал мне об этом, я заплакала.

Я здесь три дня и знаю теперь, что случилось с ними со всеми: Блейз, Келвином, Руартом, Флейм, Эларном, Декком. Я знаю, чем была Перемена. И, как мне кажется, я знаю ответы на все вопросы, которые до сих пор меня озадачивали.

Почему последняя глава рассказа Гилфитера досталась мне, а не Шору? Тут все ясно: обоняние Келвина ничуть не притупилось. Он может определить, что я ему верю, а Шор — нет. Он чувствует, что я вместе с ним скорблю по Блейз. Он ощущает всю глубину моего сожаления о том, что я никогда ее не встречу.

То, как она умерла, кажется вполне соответствующим тому, как она жила: никаких полумер. Ни длительной болезни, ни медленного угасания. Однажды утром она встала — и умерла. Бедный Келвин... Ему так тяжело с этим смириться. Я рада, что нахожусь с ним рядом: по-моему, он находит утешение в том, чтобы говорить о ней со мной, испытывающей такое восхищение этой женщиной. Он знает, как мне хочется написать их историю.

Сначала мы с Келвином говорили о Перемене: что, спрашивала я, подразумевают под Переменной жители Райских островов?

Все, ответил мне он: превращение птиц-дастелцев в людей, появление со дна морского архипелага Дастел, исчезновение магии, усиление влияния менодиан и конец тирании хранителей, уход гхемфов, отказ от татуировок, говорящих о гражданстве, постепенный упадок власти правителей островных государств. Райские острова оказались объединены распространением как Взгляда, так и менодианства. В целом Перемена длилась почти сорок лет: с 1742 года до появления первых келлских кораблей в 1780-м.

— На самом деле, — добавил Келвин с улыбкой, — можно сказать, что Перемена никогда и не заканчивалась. Мы, в конце концов, все еще меняемся.

И тут я задала ему вопрос, который так долго не давал мне покоя: как удалось воспрепятствовать появлению

новых силвов? На мгновение мне показалось, что Келвин мне не ответит; прямого ответа я и в самом деле не получила, но он дал мне ключ, в котором я нуждалась, чтобы найти ответ самой. Келвин, конечно, получил от этого массу удовольствия.

— Но новые силвы, конечно, рождались, — сказал он. — Они рождались до тех пор, пока имелись матери, наделенные даром силва. Мы никогда этому не препятствовали; да и как такое было бы возможно?

Я обдумала услышанное.

— Значит, — сказала я, — вы излечивали младенцев после рождения. Делали их обладающими Взглядом. И они все соглашались на такое? — Мне трудно было в это поверить.

— Взгляд, — сказал Келвин, — может быть передан тому, кто им не обладает, путем нанесения лекарства на проколотую кожу. Скажи-ка мне, это ничего тебе не напоминает?

Ответ на вопрос был так прост, что у меня занялось дыхание. Татуировка... Гхемфы продолжали наносить татуировку на мочки ушей новорожденных до самого прибытия келлсцев. Райдер сумел заставить гхемфов распространять Взгляд, делая говорящую о гражданстве татуировку. Именно гхемфы сделали каждого ребенка, родившегося на Райских островах между 1742 и 1780 годами, невосприимчивым к магии.

Когда же эти дети выросли, они стали передавать Взгляд своим еще не родившимся потомкам — по крайней мере эти потомки уже не были силвами. В течение тридцати восьми лет гхемфы заботились о том, чтобы магия больше не появилась на Райских островах.

Я почувствовала укол сожаления.

— Но наверняка, — сказала я, — где-то еще сохранились пожилые силвы. В конце концов, ребенку, родившемуся в 1740 году, сейчас всего пятьдесят четыре года. К тому же такая женщина могла бы стать матерью поздно, уже после ухода гхемфов, и ее ребенок оказался бы силвом, особенно если этим даром обладал и отец. Разве не так?

— Теоретически так, — согласился Келвин. — Если ты начнешь искать, может, и найдешь силва. Конечно, сердце общества, основанного на силв-магии, перестало биться в тот день в Ступице; дети хранителей остались необученными, потому что выжило слишком мало взрослых силвов, которые могли бы их учить, так что в результате они постепенно утратили способность управлять своим даром или даже и вовсе не научились этому. Многие силвы отвергли силв-магию или стали ее стыдиться. Другие стали завидовать родству, которое ощущали между собой обладающие Взглядом, и предпочли исцелиться от магического дара. По правде сказать, — продолжал Келвин, — я уже многие годы не встречал ни одного силва.

Я вздохнула, и кончик носа Келвина дернулся. Моя романтическая душа надеялась, должно быть, что где-нибудь для меня отыщется силв...

Всего один на всех Райских островах. Мне хотелось хоть раз в жизни увидеть иллюзию.

— А что насчет гхемфов? — спросила я. — Почему они пошли на такое? Почему они стали добавлять к татуировке исцеление от магии?

Однако ни Келвин, ни Руарт не могли с уверенностью сказать, что руководило гхемфами: сами гхемфы никогда этого не объясняли.

Райдер полагал, что такова воля Божья. Блейз думала, что тут сыграло роль то, что оскверненные силвы убили Эйлсу, а потом Флейм, тоже оскверненная дун-магией, уничтожила анклав гхемфов на Брете. Гхемфы знали, что пока в мире существует дун-магия, они не будут в безопасности, поэтому и решили помочь в искоренении магии как таковой. Может быть, и правда все было так...

Я видела логику в этой теории.

— Но почему, — спросила я, — в тот самый момент, когда магия перестала существовать, в тот самый момент, когда жизнь на Райских островах стала для них безопасной, гхемфы решили исчезнуть?

— Одно объяснение, — сказал Гилфитер, — заключается в том, что появление такого большого числа обладающих Взглядом привело к потере интереса к вопросу гражданства. К 1780 году никто уже особенно не обращал внимания на гражданство, и татуировки потеряли смысл. А без них как было гхемфам зарабатывать на жизнь?

— Ты думаешь, причина в этом? — спросила я.

Гилфитер улыбнулся мне.

— А может быть, — ответил он, — они просто знали о вашем прибытии.

— Знали о прибытии келлсцев? — спросила я. — Не вижу, как такое было бы возможно... и даже если они знали, то с чего бы им нас бояться?

— Возможно, об этом вам следует спросить себя, — сказал Келвин. — Я знаю одно: последние гхемфы исчезли как раз в тот момент, когда прибыли первые ваши корабли. И еще: гхемфы уничтожили все следы своего присутствия. Они хотели быть забытыми, и большинство людей ничего против не имело; да и вообще мало кто что-то о гхемфах знал.

— Куда же они ушли? — спросила я.

— Обратно в море. А оттуда... кто знает? Однажды, — добавил Келвин, — возможно, вы, келлсы, и найдете их. И если такое случится, надеюсь, твой народ окажется более разумным, чем мы... а ведь мы так многому могли бы у гхемфов научиться!

И тут Келвин Гилфитер наклонился вперед, подмигнул мне и прошептал, словно сообщая большой секрет:

— Знаешь, девонька, по-моему, Эларн Джейдон так и не стал исцеляться от магии. Насколько я знаю, его все еще можно найти на Тенкоре.

Мне нужно еще многое записать, но сегодня вечером делать этого я не стану. Сегодня вечером в коралловом саду меня ждет Натан. Я знаю, о чем он меня спросит, и знаю, что я ему отвечу. Больше ничего интересного для меня в Аруте нет — но есть целый мир, который предстоит исследовать. И целая жизнь, которую нужно прожить. Я проживу ее так, как сама выберу, а не как выберут за меня другие, — именно этому научила меня Блейз.

СЛОВАРЬ

В настоящем словаре приводятся сведения о принятых на Райских островах понятиях и действующих лицах их истории, извлеченные из сочинения Аниары айси Терон, опубликованного в 1794—1795 годах и относящегося к событиям 1742 года. Оригинал рукописи хранится в Национальном Обществе научных, антропологических и этнографических исследований не-келлских народов.

Алайн Джентил — менодианский патриарх с архипелага Спаттс, убитый при пушечном обстреле Крида; друг Тора Райдера.

Блейз Полукровка — не имеющая гражданства уроженка Ступицы, столицы островов Хранителей, родители которой происходили один с острова Фен, другой — с Южных островов. Была брошена родителями. Работала на Совет хранителей под началом сир-силва Датрика; благодаря своему Взгляду привлекалась к уничтожению дун-магов.

Большая Бездна — по поверьям, самая глубокая часть океана, место обитания душ умерших, темная и холодная; иногда считается последним пристанищем душ погибших в море моряков. Отождествляется с адом и жилищем морского дьявола. В повседневной речи — холодное, темное, неприятное место.

Верховный патриарх — глава менодианской патриархии. Избирается Синодом из советников Синода. Должность пожизненная.

Владетель — титул правителя островов Бетани. В 1742 году наследником престола (после смерти старшего брата Таг-руса) стал Рэнсом.

Владычица — титул правительницы островов Ксолкас (см. Ксетиана).

Властитель — титул правителя архипелага Брет.

Выводок — семейная группа гхемфов.

Габания — силв, работавшая на сир-силва Датрика и Совет хранителей до того, как была осквернена дун-магией.

Гетелред, сир-силв, — член царствующей фамилии Дастел до погружения островов в океан, силв, один из сыновей-близнецов наследника престола Вилрина. Избежал убийства своим дядей Винсеном. Считался погибшим во время гражданской войны или при затоплении Дастел. Вновь появился как Мортред: основал анклав дун-магов в Криде на косе Гортан. Убит Келвином Гилфитером на Ксолкасе.

Глава Гильдии — руководитель Гильдии пловцов островов Хранителей. Выбирается на пятилетний срок на общем собрании Гильдии. Управляет главным из островов Тенкор.

Глава Совета хранителей — фактический правитель островов Хранителей; избирается членами Совета из своего числа.

«Гордость хранителей» — название корабля советника Датрика.

Гхемфы — негуманоидная раса. Занимались нанесением татуировки, свидетельствующей о гражданстве, на мочки ушей островитян. Отличались безволосой серой кожей, перепонками между пальцев ног, острыми когтями и отсутствием видимых различий между полами.

Гэрровин Гилфитер — врач из тарна Вин на Небесной равнине Мекате, дядя Келвина Гилфитера.

Дастелы — исчезнувшие острова южной группы; считаются погрузившимися в океан в 1652 году; впоследствии были известны как Глубоководные Рифы.

Датрик Ансор (имя употребляется редко), советник, сир-силв, — один из правителей островов Хранителей, могущественный силв; инициатор многих тайных операций хранителей за пределами собственного государства, направленных на расширение власти хранителей. Впоследствии — временный глава Совета хранителей.

Дева Замка — титул наследницы престола островов Цирказе.

Девенис, сир-силв, — тринадцатилетняя девочка с Брета.

Дек (Декан Гринпиндилли) — незаконнорожденный сын Инии Гринпиндилли из Мекатехевена и Болчара, рыбака из бухты Китаму.

Джесенда Датрик, сир-силв, — двадцатилетняя дочь советника Датрика.

Дун-магия — испускающая алое (красно-коричневое) свечение магия; использующий ее человек (дун-маг) способен убивать, разрушать предметы и насылать мучительные болезни, приводящие к смерти. Способность к дун-магии различна у разных людей. Дун-маги могут исцелять себя, создавать иллюзии и воздвигать магическую защиту. Дун-магами рождаются, а не становятся; для использования дун-магии обучение не требуется. Дун-магия бывает видима только для обладающего Взглядом или самого мага в момент ее использования.

Залив Ступицы — узкое устье реки Ступицы длиной примерно 100 островных миль.

Кайед — капитан «Любезного», кеча, захваченного Мортредом, которого тот заставил плыть сначала на Порф, затем на Ксолкас и, наконец, на Брет.

Келвин Гилфитер — врач из тарна Вин на Небесной равнине Мекате. Изгнан с родины за убийство своей жены.

Керен Кирос, сир-силв, — целитель из Ебета, Брет.

Копье Калмента — повстанец, возглавивший восстание безземельных бедняков на Малом Калменте в 1730-х годах. Властями Калмента объявлена премия за его поимку. Настоящее имя неизвестно (см. Тор Райдер).

Корлесс Джейдон — глава Гильдии пловцов, фактический правитель Тенкора; вдовец, отец Эларна Джейдона.

Коса Гортан — единственный остров, не входивший ни в одно официально существующее островное государство; не имел собственных властей. Столица — Гортанская Пристань. Единственный остров, где лица, не имеющие гражданства, не подвергались преследованиям.

Краннах, сир-обладающий Взглядом — верховный патриарх менодиан.

Крид — небольшое поселение ловцов устриц на косе Гортан, захваченное дун-магами и подвергшееся пушечному обстрелу кораблей хранителей.

Крыша Мекате — другое название Небесной равнины.

Ксетиана, владычица, — правительница архипелага Ксолкас.

Лиссал, Дева Замка, сир-силв (см. также **Флейм Виндрайдер**), — единственная дочь и наследница суверена Цирказе. Бежала в 1742 году на косу Гортан. Подверглась ампутации руки, чтобы избежать осквернения дун-магией Мортредом Безумным.

«Любезный» — кеч, принадлежавший капитану Кайеду, захваченный вместе с командой Мортредом.

Мартен Лимик — пловец, лучший друг Эларна Джейдона.

Менодиане — последователи менодианства, веры в единого бога. Религия возникла на островах Хранителей, но ши-

роко распространилась по всем островам; большинство царствующих семей приняли менодианство.

Монарх — титул правителя Дастел до погружения островов в океан. Пост не был восстановлен выжившими островитянами и их потомками.

Морской дракон — крупное морское животное, возможно, мифическое. Считается топящим корабли и пожирающим моряков.

Мортред — дун-маг, считающийся виновным в затоплении Дастел и превращении островитян в птиц в 1652 году. Настоящее имя — Гетелред из царского рода Дастел.

Небесная равнина — плато на Мекате, отделенное от побережья скалистыми склонами. Экономика населения основывается на разведении селверов, дающих молоко, шерсть и служащих вьючными животными.

Ннамор — делец и посредник с косы Гортан, уроженец островов Квиллер, друг Блейз, погибший из-за оказанной ей помощи.

Обладание Взглядом — способность видеть и обонять магию. Лица, обладающие Взглядом, сами не обладают магической силой, но не подвергаются ее воздействию.

Островное государство — остров или группа островов, образующая независимую административную единицу.

Плавучая Заросль — озеро на острове Порф, где был расположен созданный Мортредом/Гетелредом анклав дун-магов, уничтоженный Тором Райдером, Блейз Полукровкой и гхемфами.

Повелитель — титул правителя Мекате.

Полоз — плоская, слегка изогнутая доска, используемая для плавания на приливной или отливной волне. Пловец может на полозе стоять, сидеть или лежать.

Руарт Виндрайдер, сир-обладающий Взглядом, — наследник престола Дастел по женской линии. Родился и вырос как птица на крыше замка Цирказе; в 1742 году покинул Цирказе вместе с Лиссал.

Рэнсом Холсвуд — наследник престола Бетани после смерти старшего брата, менодианин. Став наследником, лишился возможности сделаться патриархом. Был влюблен в Флейм Виндрайдер.

Секурия — наименование должности начальника службы безопасности на многих островах.

Силв-магия — испускающая голубое (серебристое) свечение магия. Силв-маги способны исцелять, создавать иллюзии, устанавливать магическую защиту. Силв-магия не может использоваться для убийства или разрушения. Способность к силв-магии является врожденной, но не проявляется без обучения. Силв-магия видима только для обладающих Взглядом или самим магом в момент ее использования, хотя ее действие очевидно для всех.

Сир — вежливое обращение к лицу, обладающему определенным статусом, обычно сопровождается указанием на статус, например сир-силв, сир-патриарх и т.д.

Совет патриархии — орган, избираемый на ежегодном Синоде менодиан; состоит из патриархов и матриархов. Имеет административный центр на острове Тенкор.

Совет хранителей — выборный орган власти на островах Хранителей; возглавляется главой Совета.

Страси — силв, работавшая на сир-силва Датрика и Совет хранителей до того, как была осквернена дун-магией.

Суверен — титул правителя островов Цирказе.

Тенкор — обычно именуемый островом Тенкор, но в действительности — цепь из шести островов. На главном из них расположены город и порт.

Тор Райдер, сир-патриарх, обладающий Взглядом, — уроженец Разбросанных островов, менодианский патриарх. В прошлом — писец, воин, учитель. Был активным участником восстания на Малом Калменте (см. Копье Калмента).

Триган Роласс — властитель островов Брет, был известен своей педофилией.

Тризис — целительница с острова Брет.

Флейм Виндрайдер, сир-силв, — имя, принятое Лиссал (см. Дева Замка), после ее бегства с Цирказе.

Фотерли Бартбарик, советник, сир-силв, — сын главы Совета хранителей Эммерлинда Бартбарика, известный также как Фот Фат или Барт Варвар.

Эйлса — гхемф, принадлежала к выводку, имевшему отличительный бутет. Погибла, помогая Блейз в окрестностях Крида в 1942 году.

Эларн Джейдон, сир-силв, — пловец, единственный сын главы Гильдии.

Эммерлинд Бартбарик, сир-силв, — глава Совета хранителей в 1742 году.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», ХЛ ТЦ Мытиши, Мытиши, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «ХЛ», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радишева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

**Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17**

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20**

**Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж**

**Справки по телефону:
(495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>**

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: astpub@aha.ru **http://**www.ast.ru

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

**Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.**

Литературно-художественное издание

Ларк Гленда
Оскверненная
Фантастический роман

Редактор А.В. Александрова
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин
Технический редактор Т.В. Сафаришвили
Младший редактор Н.В. Дмитриева
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Отпечатано в ОАО «Нижеполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Мир Островов, чьи народы никогда не смешиваются между собой...

Мир крошечных королевств, бесконечно
заключающих союзы и ведущих войны...

Мир, в котором испокон веку существуют две магические школы —
Силв, верящие, что колдовство имеет право быть только светлым,
и Дун, исповедующие темную сторону магии.

До недавних дней их адепты полагали, что худой мир лучше доброй
ссоры... Но теперь на далеком острове Гортан воцарился Великий
Мастер дун-магии Мортред, мечтающий подчинить своей власти все
острова, — а на Срединном архипелаге набирают силу силв-маги,
зовущие себя Хранителями — и тоже мечтающие о высшей власти.

Наемница Блейз, обладающая даром противостоять магии,
понимает — адепты Света так же опасны, как и адепты Тьмы.

Новая война будет губительна не только для ее участников,
но и для сотен тысяч ни в чем не повинных жителей.

А остановить ее можно будет лишь одним способом —
полностью уничтожить магию на Островах...

Но удастся ли Блейз и горстке ее сподвижников совершить это?

Читайте третью книгу увлекательной трилогии
от автора «Звезды надежды»!

Та, которая видит
Запах Зла
Оскверненная

ISBN 978-5-17-050403-9

9 785170 504039